

«НОВОЕ УЧЕНИЕ О ВИДЕ»
Трофима Лысенко:
ТЕКСТЫ И КОНТЕКСТЫ

М. В. Винарский

PEHOME

St. PETERSBURG BRANCH
FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
S. I. VAVILOV INSTITUTE FOR THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

MAXIM V. VINARSKI

“THE NEW DOCTRINE OF SPECIES” BY TROFIM LYSENKO

Texts and contexts

St. Petersburg
RENOME
2024

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ им. С. И. ВАВИЛОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

М. В. ВИНАРСКИЙ

«НОВОЕ УЧЕНИЕ О ВИДЕ» ТРОФИМА ЛЫСЕНКО

Тексты и контексты

Санкт-Петербург
Р Е Н О М Е
2024

УДК 575.85(091)
ББК 28.01г
В48

*Утверждено к печати Ученым советом Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова
Российской академии наук 30 мая 2024 г. Протокол № 4*

Рецензенты:

член-корресподент РАН, д.б.н. *И. Н. Болотов*
(Федеральный исследовательский центр
комплексного изучения Арктики УрО РАН, Архангельск),

д.б.н. *М. Б. Конашев* (Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН)

Винарский, М. В.

В48 «Новое учение о виде» Трофима Лысенко: Тексты и контексты /
М. В. Винарский ; СПбФ ИИЕТ РАН. — Санкт-Петербург : Реноме, 2024. — 304 с.
ISBN 978-5-00125-967-1

В монографии рассматриваются генезис, идейно-философские истоки и теоретическое содержание «нового учения о виде», предложенного Т. Д. Лысенко в 1948–1952 гг. Анализируются первоисточники, этапы становления и критической рецепции этой концепции сообществом советских биологов. Особое место уделено дискуссиям о виде и видообразовании, протекавшим в 1950-е гг. во внеучебных контекстах (философский, публицистический, литературно-художественный). Особая глава посвящена оценке взглядов Т. Д. Лысенко на вид и видообразование с точки зрения биологии наших дней. В целом, «новое учение о виде» можно оценить как мало оригинальный и эклектичный набор концептов, многие из которых не выдержали проверку временем. Никакого влияния на современную биологию это учение не оказывает.

Книга предназначена для биологов, историков и социологов науки, преподавателей высших учебных заведений.

УДК 575.85(091)
ББК 28.01г

Vinarski, Maxim V.

“The New Doctrine of Species” by Trofim Lysenko: texts and contexts. — Saint Petersburg : Renome Ltd., 2024. — 304 p.

The monograph examines the genesis, ideological and philosophical origins, and theoretical content of the so-called “new doctrine of species” proposed by Academician Trofim D. Lysenko in 1948–1952. The range of primary sources, stages of formation, and critical reception of this concept by the community of Soviet biologists are analyzed. A special accent is given to the discussions on species and speciation that took place in the 1950s USSR in non-scientific contexts (philosophical, journalistic, fiction and non-fiction literature). A particular chapter is devoted to the evaluation of T. D. Lysenko’s views on species and speciation from the point of view of biology of our days. In general, the “new doctrine of species” can be evaluated as a little original and openly eclectic set of concepts, many of which have not stood the test of time. It has no influence on modern biology.

The book is intended for biologists, historians and sociologists of science, and university lecturers.

ISBN 978-5-00125-967-1

© М. В. Винарский, 2024
© Оригинал-макет. ООО «Реноме», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Глава 1. Что знали о виде советские биологи в 1948 году?	14
Глава 2. «Новое учение о виде»: первоисточники и генезис доктрины (1936–1947)	39
Глава 3. «Новое учение о виде»: логика и содержание	72
Глава 4. Реакция на «новое учение о виде»: ботаника и микробиология	95
Глава 5. Реакция на «новое учение о виде»: зоология и палеонтология	143
Глава 6. «Новое учение о виде» во внеученых контекстах (философия, литература, публицистика, педагогика)	185
Глава 7. Насколько оригинально «новое учение о виде»?	222
Заключение	252
Благодарности	258
Приложение. Определения сущности биологического вида, предложенные советскими авторами в 1930–1950-х гг. ...	259
Список литературы	268

ПРЕДИСЛОВИЕ

Еще несколько лет тому назад я был убежден, что подготовка монографии о «новом учении о виде» (далее — НУВ) Трофима Лысенко не является актуальной для истории науки задачей. Как и многие, наверное, я полагал, что теоретические основы лысенкоизма, равно как и вытекающие из них практические следствия, детально изучены биологами и историками науки, которые и вынесли им окончательную, не подлежащую пересмотру, оценку. Что же касается специально взглядов Лысенко на вид и видообразование, составлявших суть НУВ, то они были подвергнуты всесторонней уничтожающей критике со стороны ряда биологов — участников советской «дискуссии о виде» первой половины 1950-х гг.¹ Эти авторы весьма убедительно показали бездоказательность и логическую противоречивость НУВ, ее малую оригинальность и общую научную несостоятельность. Ими были развенчаны претензии «мичуринских» биологов на окончательное решение проблемы вида, что, как декларировалось, является революционным достижением, открывающим новую эру в развитии биологии². Сами лысенкоисты также внесли вклад в дискредитацию собственных идей, пропагандируя фантастические факты вроде получившей большую известность истории о «порождении кукушки пеночкой» или превращения заразики в гречиху³. Антинаучность этих представлений была ясна в те времена всем образованным биологам.

¹ Иванов (1952а); Турбин (1952, 1953, 1954а); Павлов (1953); Завадский (1954); Пузанов (1954); Н. П. Дубинин (1955); и мн. др.

² 1948 год (год печально знаменитой «августовской» сессии ВАСХНИЛ) был объявлен «годом великого перелома» в биологии, определившим «качественно новый этап ее развития. Советская биологическая наука, развивающаяся на твердом фундаменте марксистско-ленинской философии, окончательно и бесповоротно разгромила вейсманизм-морганизм, бесплодный в своих исследованиях и реакционный в своих выводах... было показано, что единственным научным, прогрессивным направлением в биологии является советский творческий дарвинизм, мичуринская биологическая наука, созданная советским строем и обслуживающая социалистическое производство» (Нуждин, 1953б. С. 63).

³ Как писал И. И. Пузанов (1954. С. 78), «...подобные примеры недопустимого в науке легковерия и поверхностного отношения к фактам до такой степени дискредитируют взгляды Т. Д. Лысенко, что у иного ученого, пожалуй, пропадет всякая охота серьезно заниматься анализом приводимых защитниками его фактов, реальности которых он первоначально готов был поверить».

Казалось, что вопрос о НУВ решен окончательно и бесповоротно.

Обратиться к специальному, монографическому рассмотрению этой темы меня заставили два обстоятельства.

Первое связано с изучением мною теоретических работ в области зоологической систематики, опубликованных советскими учеными в послевоенный период. Уже начальное ознакомление с ними показало, что понять их полностью невозможно, не зная взглядов Лысенко и его сторонников на проблему вида и видообразования, взглядов, с которыми эти теоретики полемизировали или, напротив, пытались принять и каким-то образом поместить в зоологический контекст. Однако весьма обширная историко-научная литература о лысенкоизме практически не содержит целостного изложения НУВ. Как правило анализируются воззрения «мичуринцев» на вопросы наследственности и изменчивости, их возражения против классической генетики, а также их практические рекомендации в области агрономии и животноводства. Детально изучается социальная история «мичуринской» биологии, а также ее место в идеологической системе сталинского СССР. «Новое» же «учение о виде» рассматривается бегло, его положения если обсуждаются, то конспективно. Это характерно для исследований А. Е. Гайсиновича, Ж. А. Медведева, В. Н. Сойфера, И. Т. Фролова и Л. Грэхема⁴. К. М. Завадский в своей книге «Вид и видообразование» дал лишь очень краткий критический очерк НУВ, охарактеризовав его как форму эклектичного «псевдодарвинизма»⁵. В те же годы Л. Ш. Давиташвили, хотя и симпатизировавший достижениям «генетиков мичуринской школы», отвел в своей монографии обсуждению НУВ всего три страницы, сосредоточившись на опровержении идеи скачкообразности видообразования⁶. Э. И. Колчинский затронул взгляды Лысенко на происхождение видов не в основном тексте своей монографии о сальтационизме и катастрофизме в эволюционной биологии, а во введении к ней⁷. Более или менее связные и систематические изложения основ НУВ можно найти в публикациях 1950-х гг., принадлежащих как сторонникам, так и противникам лысенкоизма⁸. Отсутствует в литературе и оценка НУВ с точки зрения современной биологии, прошедшей длинный путь теоретического развития за годы, отделяющие нас от рассматриваемых событий.

Второе обстоятельство заключается в неоднократных за последние 10–15 лет призывах к реабилитации Лысенко, авторами которых

⁴ Гайсинович (1988); Фролов (1988); Медведев (1993); Сойфер (1993); Graham (2016).

⁵ Завадский (1968. С. 139).

⁶ Давиташвили (1966. С. 192–195).

⁷ Колчинский (2002. С. 31–34).

⁸ Колодяжный (1954) излагает основы НУВ с позиций его сторонника, Дубинин (1955) — резко критически.

«народный академик» изображается как «подлинный патриот, гуманист, хранитель истинного благочестия и православия, а также как великий ученый, опередивший свое время»⁹.

Сперва подобные опусы выходили из-под пера публицистов-дилетантов сталинистской ориентации, что позволяло игнорировать их как любительские упражнения, движимые ностальгией по утраченному «величию» сталинской империи, одним из порождений которых был «советский творческий дарвинизм». Однако позднее ряды неолысенкоистов пополнили некоторые (немногочисленные) профессиональные биологи, имеющие высокую репутацию в научном сообществе. Достаточно упомянуть здесь книги генетика Л. А. Животовского и энтомолога и теоретика биологической систематики А. И. Шаталкина¹⁰. Это было уже серьезно. Компетентные специалисты-биологи призвали к переоценке и личности Лысенко и научного содержания его трудов. По их утверждению Лысенко был отечественным научным гением, непонятым и незаслуженно оболганным в своем отечестве, в том числе «происками Запада». Историки биологии, как отечественные, так и иностранные, быстро дали оценку обоснованности таких утверждений с точки зрения их дисциплины¹¹. Был дан ответ и со стороны биологического сообщества¹².

А. И. Шаталкин, упрекая отечественных и зарубежных историков науки в «демонизации» Лысенко, Лепешинской, Бошняна и создании «политических мифов» о них, пишет, что «к работам других мы зачастую относимся поверхностно, ищем в них свое, что нам в концептуальном плане ближе и в результате забываем поинтересоваться главным — их содержанием и теми идеями, которые авторы работ хотели до нас донести»¹³. Поскольку, по мнению того же автора, «приближается время научной реабилитации <...> мичуринской биологии, ныне идущей по разделу лженауки»¹⁴, возможно, настало время заново перечитать Лысенко, подойдя к его трудам не как к антинаучному измышлению, а как к теории, опередившей свою эпоху, отвергнутой современниками, а теперь получившей шанс на возрождение? Пойти, так сказать, «от противного», рассматривая НУВ как «одну из многих» теорий видообразования, существовавших в середине прошлого века, полностью абстрагировавшись от приемов политической борьбы, которые использовали лысенковцы для ее пропаганды. Даже вынеся за скобки

⁹ Колчинский (2015а. С. 8).

¹⁰ Животовский (2014); Шаталкин (2015, 2016).

¹¹ См. обзоры Э. И. Колчинского (2017, 2018; Kolchinsky, 2017).

¹² Ермолаев (2015, 2016); Инге-Вечтомов (2015); Юсуфов (2015); Захаров-Гезехус (2016); и др.

¹³ Шаталкин (2016. С. 22).

¹⁴ Там же. С. 6.

конспирологию, остается вопрос — какие реальные научные достижения имел в своем активе Лысенко, и обоснован ли взгляд на эту фигуру как на «пророка» от биологии, предвосхитившего некоторые новации XXI века, такие как взлет эпигенетики?

Одну из первых попыток такого подхода предпринял А. В. Куприянов в своей статье о «советском творческом дарвинизме»¹⁵. В поисках ответа на вопрос, «что значило на практике быть советским творческим дарвинистом», он сосредотачивается на анализе работ самого Лысенко и кратко обращается к содержанию НУВ (признавая при этом, что излагает материал «довольно неупорядоченным образом»). В этой работе я следую такому «объективистскому» подходу и предпринимаю попытку внимательного, «медленного» прочтения основополагающих текстов самого Т. Д. Лысенко, посвященных проблеме вида, ряда публикаций его сторонников, а также публикаций современных им биологов, не принадлежавших к «мичуринскому» направлению. Это позволит анализировать НУВ не только в социально-политическом, но и интеллектуальном контексте исследуемой эпохи. Я попытаюсь также представить взгляды Лысенко на вид и видообразование в максимально системной, упорядоченной форме, дать реконструкцию НУВ, которое ни в одном тексте «народного академика» не было изложено сколько-нибудь систематически (см. замечания об этом во второй главе). Также мною сделана попытка рассмотреть теоретические основы НУВ с позиций систематической биологии и эволюционной теории сегодняшнего дня.

* * *

Реальная история НУВ оказалась весьма коротка.

Впервые о необходимости ревизии ряда общепринятых положений теории биологического вида Лысенко публично заявил в 1948 г., в докладе «О положении в биологической науке», прочитанном им на «августовской» сессии ВАСХНИЛ¹⁶. В ноябре 1950 г. газете «Правда» опубликовала его статью «Новое в науке о биологическом виде», ставшую центральным текстом НУВ. Однако уже в конце 1952 г. на страницах профессионального «Ботанического журнала» появились две резко критические по отношению к НУВ статьи¹⁷, что положило начало довольно бурной полемике о виде и видообразовании, продолжавшейся в течение последующих нескольких лет. Эта дискуссия вышла за рамки академических журналов; в ней участвовали не только биологи, но и философы, публицисты, литераторы. Она велась очень эмоционально,

¹⁵ Kourprianov (2011).

¹⁶ Лысенко (1948).

¹⁷ Иванов (1952); Турбин (1952).

с грубыми нападками, аргументами *ad hominem* и взаимными обвинениями в отходе от догм диалектического материализма. Однако уже к 1956–1957 гг. полемика вокруг НУВ практически сошла на нет. Это с очевидностью демонстрирует обзорная статья академика Е. Н. Павловского¹⁸, посвященная достижениям советской зоологии за 40 послереволюционных лет и ее очередным задачам в свете решений последнего партийного съезда. Лысенко был еще в силе, его сторонники занимали многие важные административные посты в науке, однако Павловский, отдавший в своей статье щедрую дань злободневным идеологическим установкам, не упоминает «мичуринскую» биологию в целом и НУВ в частности, как актуальное научное направление. Вопрос как будто исчерпал себя, хотя «мичуринцы» и в последующие годы продолжали публиковать тексты, основанные на постулатах НУВ¹⁹. Однако они уже перестали быть объектом дискуссии, и после 1964 г. лысенкоистская доктрина незаметно сходит со сцены, подобно тому, как несколькими годами раньше тихо умерло «учение» О. Б. Лепешинской о «неклеточном живом веществе». Одновременно с этим закончилась и долгая история советского механоламаркизма. Отечественная эволюционная биология вернулась к научному мейнстриму своей эпохи. В стране, как и повсюду в мире, стала доминировать синтетическая теория эволюции, безальтернативно излагавшаяся в руководствах и пособиях как отечественных²⁰, так и зарубежных²¹ авторов. В этом же русле двигались и советские теоретики, писавшие о проблеме вида и видообразования²².

Социальная история лысенкоизма изучена весьма тщательно. Ей посвящена огромная литература, как исследовательская, так и мемуарная. Возможно, относительная непопулярность объективистского подхода к «мичуринской» биологии объясняется тем, что в ее истории чрезвычайно сложно разделить теорию и практику, концептуальное содержание и политическую, и идеологическую борьбу, орудием которой она была²³. Целью этой борьбы для лысенковцев было установление полной

¹⁸ Павловский (1957).

¹⁹ Дворянкин (1958а, б); Фейгинсон (1958); Алексеев (1964).

²⁰ Тимофеев-Ресовский и др. (1969); А. С. Северцов (1981).

²¹ Кэйн (1958); Эрлих, Холм (1966); Майр (1968, 1974); Грант (1980).

²² В. Полянский (1959); Степанов (1959); Вайнштейн (1960); Тимофеев-Ресовский (1965); Берман и др. (1967); Завадский (1968); Старобогатов (1968); Тимофеев-Ресовский и др. (1969, 1973); Алтухов (1974); и др.

²³ В плане терминологического различения этих аспектов Э. И. Колчинский предлагал разграничивать лысенкоизм и лысенковщину. Первое есть совокупность концепций, создававшихся «мичуринской» биологией, второе обозначает «практику борьбы с конкурентами с помощью властных структур. <...> Суть лысенковщины в культе и монополии одного учёного, тогда как его оппоненты подвергались шельмованию и преследованию, вплоть до уничтожения» (цит. по: Ермолаев, 2016. С. 149).

монополии в биологической и сельскохозяйственной науке, а для Коммунистической партии (читай — лично И. В. Сталина) — демонстрация своего права выступать верховным арбитром по спорным вопросам в любой области знания, от политэкономии до языковедения. Беззастенчивое использование государственной машины принуждения для навязывания советскому биологическому сообществу «единственно верной» доктрины — вот что дискредитировало лысенкоизм в глазах современников и потомков, а не только конкретное содержание «мичуринских» теорий, включая бредовые орнитологические фантазии о «порождении» пеночкой кукушки²⁴.

Итак, проблема НУВ состояла не в том, что это была на 100% «плохая наука», а в том, что Лысенко и его сторонники отрицали важнейшую привилегию ученых — право самостоятельно, без начальственного окрика, определять, что является истиной, а что нет. Право на автономию знания от любых политических или религиозных авторитетов²⁵. Изучая историю лысенкоизма, трудно удержаться от этических оценок. Беспристрастный анализ содержания НУВ может кому-то показаться даже своего рода обелением лысенкоизма, приравниванием одиозной лженауки ко вполне уважаемым, но оказавшимся ошибочными, научным теориям. Я полагаю, что такой анализ полезен хотя бы в том отношении, что позволит лучше уяснить не только идеологические, но и научные корни лысенкоизма, а также понять, почему несколько крупных советских биологов оказали открытую поддержку «мичуринскому» направлению и, по-видимому, вполне искренне старались внести вклад в его развитие. Было бы неверно объяснять их поступки исключительно «социальной мимикрией», карьеризмом или двуличием. Изучение реального содержания НУВ позволит дать аргументированный ответ авторам сегодняшних апологий Лысенко и лысенкоизма, особенно тем, которые апеллируют не к идеологии, а к современным концепциям биологии, которые «народный академик» якобы предвидел и предвосхитил.

Для меня, автора этого исследования, тема вида и видообразования представляет не только историко-научный интерес. По своей первой и основной научной специальности я являюсь зоологом, работающим в области систематики беспозвоночных животных. Понятия «биологический вид», «критерии вида» для меня — не какие-то отвлеченные, «книжные» сущности, а предмет каждодневной научной работы. Вопрос о том, что такое вид, является «вечным» вопросом биологии, и каждое новое поколение решает его заново, с учетом теоретических достижений

²⁴ Характеристика «бредовый» по отношению к этой истории принадлежит не мне. Как «параноический бред» расценил сообщение Лысенко об этом «факте» В. А. Догель (Гинецинская, 1991. С. 122).

²⁵ Колчинский, Конашев (2005).

своего времени. Но это решение никогда не делается с чистого листа, без учета работы предшественников, их прозрений и их заблуждений. Обращение к истории НУВ для меня — это обращение к сложной и противоречивой истории отечественной зоологии и ботаники XX в., поиск зародышей настоящего в прошлом, реконструкция пути развития дисциплины, в которой мне довелось работать. Поэтому в этой работе сознательно применена «двойная оптика»: взгляд на НУВ с точки зрения историка науки и с точки зрения современного «практикующего» систематика, хорошо знающего всю последующую историю развития своей области, о чем не могли знать советские биологи — участники «дискуссии о виде» начала и середины пятидесятих годов прошлого столетия. Используя формулировку А. А. Любищева²⁶, цель этой работы состоит в том, чтобы выяснить, «что стоит Лысенко» как автор радикально новой эволюционной теории, и как она соотносится с тем, что мы знаем о виде и видообразовании сейчас.

²⁶ «Что стоит Лысенко» — заглавие завершающей части трактата Любищева «О монополии Лысенко в биологии», написанной в январе 1958 г. (Любищев, 2006).

ЧТО ЗНАЛИ О ВИДЕ СОВЕТСКИЕ БИОЛОГИ В 1948 ГОДУ?

Ко времени проведения сессии ВАСХНИЛ 1948 г., на первом заседании которой Т. Д. Лысенко огласил основные положения «нового учения о виде», история эйдологии (общей теории биологического вида)¹ насчитывала уже около 250 лет. Практически общепризнано, что у истоков современных представлений о биологическом виде находятся труды английского натуралиста Джона Рэя (1627–1705), опубликованные на рубеже XVII–XVIII вв. В них впервые оформилось понятие о виде как особой таксономической категории, его сущностных свойствах и критериях. Рэй предложил первое чисто биологическое определение вида, в то время как его предшественники-натуралисты, начиная с Аристотеля, практически всегда трактовали виды как категории формальной логики².

Карл Линней, в своей «Системе природы» (*Systema Naturae*), вышедшей при жизни автора двенадцатью изданиями (1735–1768)³, окончательно закрепил положение вида (*species*) как фундаментальной категории классификации организмов, лежащей в основании так называемой «линнеевской лестницы» — иерархии таксономических рангов, от вида до класса и царства. Наконец, Чарлз Дарвин в 1859 г. поместил проблему вида в центр созданной им эволюционной теории, что подчеркивалось названием его труда — “*On the Origin of Species*”. Вид стал рассматриваться как элементарная единица эволюционного процесса, тем самым эта категория получила новое, временное измерение, и виды стали изучаться не только в их статике, как было принято у музейных систематиков, но и в динамике.

Литература, посвященная развитию концепции вида в систематике и в биологии вообще, практически необозрима⁴. Задача данной главы — очертить представления о виде, его критериях и модусах

¹ От греч. εἶδος — «вид».

² Завадский (1968); Мауг (1968, 1982); Иоганзен и др. (1987); Wilkins (2009a); Richards (2010); Любарский (2018).

³ Подробную историю этих изданий (преимущественно с точки зрения зоолога) дает Л. Я. Боркин (2009).

⁴ Можно указать несколько сводок, посвященных этому вопросу: Комаров (1945); Завадский (1968); Wilkins (2009a, b); Zachos (2016); Павлинов (2023); Pavlinov (2023).

видообразования, какими они сложились в советском биологическом сообществе к 1948 г. Довольно детальный очерк развития советской эйдологии дан в классической книге К. М. Завадского⁵, а также в ряде глав коллективной монографии 1983 г.⁶, что позволяет здесь ограничиться лишь наиболее существенными моментами.

Еще в эпоху Ч. Дарвина биологический вид понимался почти исключительно морфологически, и разработка учения о виде была монополией музейных систематиков, работавших с коллекционными экземплярами, часто представленными даже не целыми организмами, а их частями (черепами, скелетами, раковинами). Границы между видами проводились обычно на основе взвешивания сходств и различий между особями, на основе небольших выборок или даже единичных экземпляров, и процедура эта отличалась крайней субъективностью. Операциональных критериев для разграничения видов практически не существовало, и ведущая роль принадлежала интуиции, «верному глазу» систематика, его «гению»⁷.

Построение классификации на видовом уровне определялось многолетним опытом конкретного специалиста, глубоко вникшего в особенности изучаемой им группы и способного «видеть» естественные границы видов, хотя часто не осознающего, как он их проводит и почему проводит их именно так, а не иначе⁸. Такой подход лег в основу так называемой «цинической концепции вида»⁹, сформулированной около века тому назад американским ихтиологом Риганом: «вид есть сообщество (community), или некоторое число сообществ, чьи отличительные морфологические признаки являются, по мнению опытного систематика, достаточно определенными, чтобы присвоить... им видовое (specific) наименование» (курсив мой — М. В.)¹⁰.

Уже в конце XIX в. подобная практика, некогда освященная авторитетом самого Линнея, стала восприниматься как архаичная.

⁵ Завадский (1968).

⁶ Микулинский, Полянский (1983).

⁷ Винарский (2019. С. 136).

⁸ Бобринский (1944); Cain (1962); Любарский (1991); Винарский (2019). Процитирую Н. А. Бобринского (1944. С. 28): «...у систематиков, просматривающих огромные серии в сотни экземпляров, глаз так намечивается, что они легко различают формы, разницу между которыми неспециалист улавливает лишь с трудом. То же самое видим мы и в обычной жизни: охотник без труда различает формы, неразличимые для лиц, стоящих вдали от природы, а сортировщик пушнины определяет шкурки белок или лисиц из разных районов по признакам, подчас с трудом улавливаемым даже опытным систематиком».

⁹ Kitcher (1984).

¹⁰ Regan (1926. P. 75). Подобное мнение высказывалось еще Ч. Дарвином в «Происхождении видов» (Дарвин, 2001. С. 54), а в русской науке — С. Никитиным (1881. С. 149).

«Интуитивность» и «описательность» плохо соответствовали физикалистскому идеалу научного познания, с его акцентом на точность, экспериментальный подход, объективность и воспроизводимость результатов. Биологическая систематика быстро теряла свой престиж, сами занятия классификацией организмов могли восприниматься как нечто не вполне научное, как удел просвещенных любителей¹¹. Стало общим местом говорить о «кризисе систематике», о необходимости ее трансформации в дисциплину, более отвечающую физикалистскому духу времени. Вместо чистой дескриптивности, по мнению некоторых авторов, систематика должна заняться поиском объективных природных законов, которые часто мыслились как количественные¹².

Падение престижа систематики как науки негативно отразилось не только на самовосприятии ее работников, но и на их социальном статусе. Занятия классификацией больше не обещали ни великих открытий, ни мировой известности, подобной той, которой пользовался в свое время Линней, ни быстрой университетской карьеры. Урезалось финансирование работ по систематике¹³.

Последарвиновское развитие эйдологии можно рассматривать как движение в сторону плюрализма взглядов на сущность вида, постепенное расширение спектра подходов к определению этой категории и числа видовых критериев. По мере дифференциации биологического знания и формирования новых дисциплин наук о жизни, проблема вида стала изучаться не только традиционной систематикой, но и новыми отраслями биологии — генетикой, экологией, механикой развития (экспериментальной эмбриологией). В своей программной статье «На пути к новой систематике» Джулиан Хаксли рисовал систематику ближайшего будущего как междисциплинарную науку, использующую данные самых разных областей биологии, от палеонтологии до генетики популяций. Основная задача «новой систематики», по мнению Хаксли, состоит

¹¹ Nutting (1903); Bailey (1917). Еще в конце 1860-х гг. в России профессор зоологии Московского университета А. П. Богданов характеризовал систематику (речь шла о систематике бабочек) как «занятие, годное разве для английских пасторов». По мнению Богданова, «все бабочки уже давно известны», и смысла работать в этой области нет (Алфераки, 1909. С. 60). Ситуация не изменилась к лучшему и в начале XX в. Так, Г. А. Кожевников, приват-доцент того же университета, в частном письме, написанном в 1903 г., жаловался, что профессор зоологии Н. Ю. Зюграф «...всячески старается внушить молодежи, что систематика не истинная наука <...> позволяет себе публично выставлять в смешном свете систематиков <...> а что касается занятий по систематике насекомых, он их прямо третирует, как нечто «любительское»...» (Михайлов, 2002. С. 6).

¹² Смирнов (1923); Smirnov (1924); Парамонов (1939).

¹³ Vernon (1993).

не в классифицировании организмов, не в построении их Естественной системы, а в «регистрации эволюции в действии»¹⁴. Классический описательный подход уступал место экспериментальному, нацеленному на выявление природных закономерностей, на общетеоретические обобщения.

Таким образом, обогащенная новыми методами и подходами систематика должна была стать частью новейшего эволюционного синтеза, что, в конечном итоге, и произошло¹⁵.

По мнению И. Я. Павлинова¹⁶, создание синтетической теории эволюции привело к серьезному сдвигу в теоретической эйдологии. До эволюционного синтеза в центре внимания систематиков находился так называемый «вопрос о виде» (*the species question*), то есть вопрос корректного разграничения видов и внутривидовых форм (подвидов, разновидностей и т. п.). В середине XX в. на первый план вышла «проблема вида» (*the species problem*), в фокусе которой находится процесс видообразования, рассматриваемый как «узловой момент эволюционного процесса». Акцент был перенесен со статики видов на их динамику, что постепенно привело к осознанию невозможности создания универсальной, унифицированной для всех групп живых организмов, концепции вида.

В период 1917–1948 гг. советская биология активно разрабатывала ряд новаторских подходов к изучению вида. Так, энтомолог Е. С. Смирнов впервые в мире разработал полноценную исследовательскую программу по построению «точной систематики», основанной на биометрическом подходе¹⁷. Пионерские исследования генетической структуры природных видов были выполнены школами С. С. Четверикова и Н. К. Кольцова¹⁸. Успешно развивалось, особенно в ботанике, такое направление, как экспериментальная систематика (генэкология)¹⁹. Уровень, достигнутый советской эйдологией, характеризует тот факт, что среди участников сборника «Новая систематика», опубликованного

¹⁴ Huxley (1940. P. 2, 4). По Хаксли, систематик-эволюционист — прежде всего экспериментатор. Он писал: «Наша лаборатория — это весь мир, наша морская свинка — эволюция» (P. 2). Отмечу, что сам Хаксли профессионально систематиком не занимался, его взгляд — это взгляд биолога-эволюциониста широкого профиля. В СССР к трансформации систематики в эволюционную науку призвали С. Я. Парамонов (1939. С. 18) и В. И. Полянский (1942. С. 66–67).

¹⁵ Гептнер (1947); Майр (1947, 1968); Тахтаджян (1970).

¹⁶ Павлинов (2023. С. 37–38); Pavlinov (2023, P. 154–166).

¹⁷ Vinarski (2022).

¹⁸ Adams (1968); Бабков (1985); Гайсинович (1988).

¹⁹ Розанова (1946); Васильченко (1960); Тахтаджян (1970); Завадский, Хахина (1983); Ростова (1983).

в 1940 г. под редакцией Дж. Хаксли, было двое отечественных ученых — Н. В. Тимофеев-Ресовский (работавший тогда в Германии) и Н. И. Вавилов²⁰.

* * *

Обрисованные выше общемировые тенденции в развитии теории и практики систематики в полной степени сказались на отечественной биологии. Даже в наиболее консервативной, «музейной» (или «гербарной») систематике ощущались новые веяния. Хотя некоторые специалисты старой школы придерживались традиционного, морфологического подхода к определению сущности вида, большинство практиков ратовало за то, чтобы спектр видовых критериев был расширен, насколько это возможно. Вполне осознавалась неадекватность практики прежних времен, когда система какой-либо группы строилась на основании одного, зачастую произвольно избранного по принципу удобства, признака. Так, териолог-систематик С. И. Огнев иронически отзывался о системе баранов Старого Света, разработанной академиком Н. В. Насоновым на основе строения их рогов: «Невольнo при чтении этого объемистого труда складывается впечатление, что самих баранов не существует вовсе, реальны только их рога»²¹.

В рассматриваемый период систематика на видовом уровне постепенно становится «наукой о невидимом». Классическая естественная история систематизировала живые организмы, опираясь почти исключительно на их внешнее строение. Сходства и различия, воспринимаемые невооруженным глазом наблюдателя, были едва ли не единственным базисом Естественной системы; анатомирование и микроскопирование практически не использовались для целей классификации²².

В начале XX столетия систематики стали обращаться к признакам, для изучения которых необходим аналитический или экспериментальный подход, которые не могут быть восприняты в акте простого «видения» и поэтому недоступны при работе с музейными экземплярами. Это в полной степени относится к «физиологическому» критерию вида, то есть наличию репродуктивной изоляции между близкими формами, о котором писал уже Жорж Бюффон в середине XVIII в²³.

²⁰ Остальные авторы представляли Великобританию или США. Один участник — Новую Зеландию. В сборнике не принимали участие биологи из Франции и Германии.

²¹ Огнев (1942. С. 274). Речь идет о монографии Н. В. Насонова (1923).

²² Stevens (1994); Фуко (1994).

²³ Мэйр (1968).

О наличии или отсутствии такой изоляции можно косвенно судить по морфологическим признакам, но решающее доказательство дает только эксперимент. Лабораторные исследования выявили наличие в природе немало числа видов, репродуктивно изолированных, но чрезвычайно сходных морфологически, вплоть до абсолютной неразличимости.

Обсуждению этого феномена в советской литературе была посвящена статья М. А. Розановой, предложившей термин «скрытые виды» (буквальный перевод английского термина *cryptic species*)²⁴. Чуть позже, после выхода в русском переводе монографии Э. Майра²⁵, широкое распространение получил другой термин — «виды-двойники». Генетики того времени, занимавшиеся проблемой вида, делали особый акцент именно на репродуктивной изоляции. Так, по Р. Пеннету, «истинный <...> критерий для установления вида — бесплодие <...> проблема вида не принадлежит к числу тех, которые могут быть решены изучением морфологии и систематики. Это проблема физиологическая»²⁶. Истинные видовые признаки не всегда совпадают с теми удобными для классификации морфологическими особенностями, на которые привыкли опираться традиционные систематики²⁷. Однако и критерий «бесплодия» тоже не абсолютен, на что указывают способность многих «хороших видов» к плодовитому скрещиванию, а также существование видов гибридного происхождения, очень распространенных у растений, но известных и в животном мире²⁸.

В практику систематики вошел серологический анализ, основанный на представлении о видовой специфичности белков у животных и растений²⁹. Одним из активных его проponentов в СССР был ихтиолог Д. И. Талиев, применявший данный метод для изучения систематики

²⁴ Розанова (1940). Это близко к понятию о «биологических видах», как оно было разработано в дореволюционных работах Н. А. Холодковского (Cholodkovsky, 1908; Холодковский, 1910) и Ю. А. Филипченко (1916).

²⁵ Майр (1947).

²⁶ Пеннет (1930. С. 204). Другой пример определения сущности вида через репродуктивную изоляцию находим у Ф. Добжжанского (Dobzhansky, 1935). Характерной для генетического подхода была статья английского генетика С. К. Харланда, опубликованная в «Успехах современной биологии». По его словам, различия между видами определяются не в терминах «определенных комбинаций морфологических признаков, а в терминах генов» (Харланд, 1937. С. 513).

²⁷ Пеннет (1930. С. 202–203). Такое же мнение высказывал и Д. Н. Кашкаров (1939), но с позиции эколога.

²⁸ Бианки (1916); Огнев (1944).

²⁹ Этот анализ основан на реакции преципитации, суть которой и возможные перспективы использования в систематике в свое время обсуждались в обзоре А. С. Щепотьева (1914). Этот автор утверждал, что биохимия является важным источником сведений о филогении, поскольку «сущность эволюции сводится прежде всего к химическим изменениям живого вещества» (Щепотьев, 1914. С. 2).

и родственных связей эндемичных рыб оз. Байкал³⁰. На него возлагал большие надежды выдающийся гидробиолог и байкаловед Г. Ю. Верещагин, рассчитывавший, что с его помощью удастся получить важные сведения о генезисе байкальской фауны³¹. Метод серодиагностики использовался и в ботанике³².

Цитогенетические исследования того времени показали, что во многих случаях близкородственные формы растений и животных, даже очень сходные морфологически, различаются по числу и морфологии хромосом³³. Кариологический критерий вида оказался пригодным для классификации многих «трудных» групп растений и животных. Было обнаружено, что изучение хромосомных наборов близких видов может стать ключом к пониманию филогении таксона³⁴. Более того, преобразования хромосомных наборов путем аллополиплоидии создают возможность мгновенного, скачкообразного видообразования. Особь с кратно измененным числом хромосом уже неспособна к плодовитому скрещиванию с представителями предкового вида и потому, по физиологическому критерию, формально должна быть отнесена к новому, репродуктивно изолированному виду³⁵.

Еще одним критерием вида, широко обсуждавшимся в советской литературе, был эколого-географический. Суть его в том, что ни один вид невозможно представить в отрыве от конкретной среды обитания (ландшафта, региона), в которой он сформировался в ходе эволюции и к которой он адаптирован. Как показали классические исследования Г. Ф. Гаузе, даже близкородственные виды различаются по своим экологическим особенностям, что препятствует им занимать одну и ту же нишу. Об «экологическом» измерении вида писали многие отечественные биологи, причем не только экологи (В. В. Васнецов, Н. И. Калабухов, Д. Н. Кашкаров, И. В. Кожанчиков, С. А. Северцов)³⁶, но и «музейные

³⁰ Талиев (1938, 1940, 1941).

³¹ Верещагин (1940). Талиев (1938, 1941) дает обзор советских работ в области биохимической систематики животных.

³² См. критический разбор этих работ в 14-й главе монографии В. Л. Комарова (1945) о виде. О видоспецифичности белков и ферментов растений писал А. В. Благовещенский (1939).

³³ Frolowa, Astaurov (1929); Prokofieva (1933); Дубинин (1940); Малиновский (1940).

³⁴ Навашин (1934); Малиновский (1940); Свешникова (1947).

³⁵ Но только формально, потому что эволюция протекает не на организменном, а на популяционном уровне. Становление нового вида невозможно без формирования устойчивой популяции, без занятия им уникальной экологической ниши (Завадский, Берман, 1966). Поэтому изменение числа хромосом есть лишь первый шаг в процессе видообразования. Правильнее говорить, что в подобных случаях скачкообразно возникает репродуктивная изоляция, но не новый вид.

³⁶ Васнецов (1938); Кашкаров (1939); Кожанчиков (1948а); Калабухов (1950); С. А. Северцов (1951).

систематики» (Г. П. Дементьев, С. И. Огнев)³⁷. Последний утверждал, что экология и сведения об образе жизни животных могут «служить индикатором, помогающим рационализировать самую систему», так что «особенности образа жизни животных» могут служить таксономически значимым признаком³⁸. Ихтиологу В. В. Васнецову принадлежит попытка определить сущность вида как систему специфичных для него «экологических корреляций», отражающих все аспекты видовой адаптации к экологической нише. Отдельные компоненты таких систем могут быть идентичны у разных видов, но набор корреляций как таковой — уникален, т. е. видоспецифичен³⁹.

Практически общепринятым в рассматриваемый период стал географический критерий вида, проникший в систематику в конце XIX в., в эпоху оформления политипической концепции вида (см. ниже)⁴⁰. Он мог появиться только в последарвиновскую эпоху, когда стало ясно, что географическое распространение таксонов обусловлено историческими причинами, что каждый вид имеет определенный центр своего происхождения, что специфический ареал — такая же характерная особенность любого вида, как и его морфология⁴¹. В свое время ботаник В. Л. Комаров сформулировал это в форме получившего широкую известность «камчатского афоризма»: «Вид — это морфологическая система, помноженная на географическую определенность»⁴².

Советские эйдологи стремились расширить набор характеристик вида, считая, что морфофизиологическая специфичность должна дополняться другими показателями. Например, генетик Н. И. Шапиро предложил использовать для характеристики видов специфичные для них параметры мутационного процесса, являющиеся адаптивным признаком и находящиеся под контролем отбора⁴³. Эколог С. А. Северцов писал, что «тип динамики населения [вида] не менее характерен для

³⁷ Огнев (1942, 1944, 1947); Дементьев (1946).

³⁸ Огнев (1942. С. 272). См. также В. И. Полянский (1942. С. 74).

³⁹ Васнецов (1938). В сходном направлении двигалась теоретическая мысль С. А. Северцова (1951), предложившего понятие о внутривидовых экологических конгруэнциях (= «внутривидовых корреляционных зависимостях»).

⁴⁰ Гептнер (1947. С. 19) утверждал даже, что географический критерий «как принцип с полной ясностью был сформулирован в России (Коржинский, 1892)». Речь идет о монографии С. И. Коржинского «Флора востока Европейской России» (Томск, 1893).

⁴¹ Бобринский (1944. С. 23).

⁴² «Камчатским» он назван потому, что опубликован в работе под названием «Флора полуострова Камчатки» (Комаров, 1927. С. 39). Важно заметить, что взгляды Комарова на сущность вида с течением времени менялись, и «камчатский афоризм» соответствует лишь одной из стадий их эволюции (Юзепчук, 1958; Скворцов, 1972).

⁴³ Шапиро (1938). См. также Кирпичников (1944).

него, чем его морфофизиологические признаки, и им определяется его взаимодействие со средой»⁴⁴. Применительно к насекомым это же утверждал И. В. Кожанчиков⁴⁵. По В. В. Васнецову, специфической видовой характеристикой являются размеры тела и темпы роста особей⁴⁶. Биогеохимик А. П. Виноградов, исходя из идеи о биохимической специфичности видов, переформулировал «камчатский афоризм» Комарова так: вид — это «морфологическая система, помноженная на геохимическую определенность»⁴⁷.

Однако степень энтузиазма в отношении этих нетривиальных видовых характеристик заметно различалась у разных авторов, обсуждавших проблему вида. Скажем, если Д. Н. Талиев, С. И. Огнев и С. Я. Парамонов весьма оптимистично оценивали перспективы использования биохимических признаков в систематике животных⁴⁸, то Н. А. Бобринский считал, что подобные попытки «не вносят ничего принципиально нового, а [дают] лишь добавочные признаки сходства и различия, которые, подобно бесчисленным другим, обычно соответствуют <...> критериям [вида], но иногда и расходятся с ними»⁴⁹.

Столь же невысоко Бобринский расценивал и экологический критерий и в перечень основных характеристик вида его не включал. По его мнению, он лишь в редких случаях полезен для классификации видов. Отчасти это связано со слабой изученностью экологии животных вообще, а отчасти — с крайней пластичностью экологических признаков, которые могут легко изменяться в зависимости от локальных условий существования. Судить о систематической значимости экологических признаков часто бывает весьма затруднительно. «Только в тех случаях, когда две формы имеют возможность жить в разных условиях, но упорно держатся одна в одних, другая — в других местах обитания, мы можем утверждать, что они отличаются экологически по существу»⁵⁰.

В общем, большинство советских ботаников и зоологов той эпохи оперировало небольшим числом видовых критериев, конкретный набор которых зависел от взглядов конкретного автора. Некоторые

⁴⁴ С. А. Северцов (1941. С. 5).

⁴⁵ Кожанчиков (1948б).

⁴⁶ Васнецов (1947).

⁴⁷ А. П. Виноградов (1931. Стлб. 237).

⁴⁸ Талиев (1938); С. Я. Парамонов (1939); Огнев (1942).

⁴⁹ Бобринский (1944. С. 25). Его скептицизм разделял и В. Л. Комаров, считавший, что эволюция не сводится к эволюции аминокислот или циклических соединений, и поэтому биохимический критерий недостаточен ни для объяснения эволюции, ни для определения сущности вида (Комаров, 1945. С. 322–325).

⁵⁰ Бобринский (1944. С. 24). Замечу, что эти высказывания относятся только к систематике животных, конкретно — млекопитающих, о которых писал автор.

обходились всего двумя — морфологическим и физиологическим⁵¹, либо морфологическим и эколого-географическим⁵². Но чаще всего использовалась триада критериев — морфологическая определенность, репродуктивная изоляция и эколого-географическая специфика⁵³. В 1947 г. С. И. Огнев выделял четыре критерия: морфологический (стабильность признаков, наличие хиатуса), географический, генетико-физиологический, а также эволюционный (вид находится в непрерывной динамике, становлении)⁵⁴.

Почти все авторы соглашались, что ни один из этих критериев *per se* не является абсолютным, и для объективной классификации организмов на видовом уровне надо применять по возможности наибольшее число показателей. Это утверждали и ведущие зарубежные теоретики, такие как Дж. Хаксли и Э. Майр⁵⁵.

Представляет интерес короткая реферативная заметка А. А. Малиновского «Вид как эволюционное целое». Рассмотрев основные критерии вида и показав, что ни один из них не является совершенным, автор предложил единственно верный, по его мнению, критерий, определив вид как группу совместно эволюционирующих особей (популяций), самостоятельную по отношению к другим подобным группам. Как бы ни были велики различия между популяциями и подвидами, до тех пор, пока центростремительные силы преобладают над центробежными, вид сохраняет свою эволюционную целостность, продолжает свою уникальную филогенетическую судьбу. Все прочие критерии вида являются производными от эволюционного⁵⁶. Нетрудно увидеть в этом предвосхищение (если не самую раннюю формулировку) того, что было чуть позднее названо «эволюционной концепцией вида» и получило широкое распространение в англоязычной литературе⁵⁷.

⁵¹ Например, Житков (1946). Конкретные определения вида, предложенные разными авторами в рассматриваемый период, собраны в Приложении.

⁵² Например, Комаров (1927); Берг (1932).

⁵³ Серебровский (1941); С. Я. Парамонов (1943); Бобринский (1944); Огнев (1944).

⁵⁴ Огнев (1947). Позднее, в работах К. М. Завадского (1954, 1968) число критериев вида достигло 10, что сделало его определение более объемлющим, но в то же время громоздким и малооперациональным.

⁵⁵ Однако цитированные выше Пеннет (1930) и Добржанский (Dobznansky, 1935) считали, что вполне достаточно единственного критерия репродуктивной изоляции. Столь же односторонний подход характерен для Е. С. Смирнова (1938), пытавшегося дать «строгое определение» вида исключительно на биометрической основе, путем количественного анализа морфологического сходства.

⁵⁶ Малиновский (1947). В те же годы Р. Л. Берг (1944) развивала очень схожие идеи, но в ее публикации не сформулирован «эволюционный критерий» вида как таковой.

⁵⁷ Simpson (1951. P. 289); Wiley (1978. P. 18); Wilkins (2009b. P. 195).

Сравнительно новой проблемой для эйдологии первой половины прошлого века стал вопрос о **структуре вида** и о принципах классификации и номенклатуры субвидовых категорий. Для понимания его генезиса необходимо опять вернуться к временам Линнея. Для шведского натуралиста, как и для большинства его современников и последователей, вид определялся практически через морфологический диагноз, состоявший из перечня *сущностных признаков*, характерных для данного вида и позволяющих отличить его от других видов того же рода. Помимо сущностных, выделялись также *акцидентальные*, то есть случайные, признаки, которые могут характеризовать отдельных особей или целые их группы, но, не затрагивая видовой сущности, не являются основанием для выделения их в особый вид. Так, ворон-альбинос остается вороном, хотя и не имеет черного оперения, характерного для большинства особей этого вида. Различия в окраске, размерах, пропорциях тела могут быть вызваны конкретными условиями обитания, но сущность вида как таковую не затрагивают⁵⁸. Для обозначения таких форм внутривидовой изменчивости Линней использовал понятие «разновидность» (*varietas*).

Накопление данных о систематике и изменчивости животных и растений уже во второй половине XIX в. привело к осознанию того, что линневская *varietas* — это очень гетерогенная категория, куда помещались без разбора как наследственные, так и ненаследуемые вариации, как проявления географической изменчивости, так и экологические «расы», возникающие под влиянием локальных условий. Перед практической систематикой встала задача теоретического осмысления внутривидовой изменчивости и разработки схемы категорий для ее упорядочивания. Возникло особое направление, которое можно назвать «микросистематикой», т. е. систематикой на субвидовом уровне.

Первым серьезным достижением микросистематики стала разработка концепции политипического вида. Уже в конце XIX в. было дано четкое определение понятию подвид (*subspecies*), которое время от времени, хотя и в разных значениях, употреблялось натуралистами еще с последней трети XVIII столетия. Подвид был отождествлен с географической расой, имеющей свои морфологические особенности и четко очерченный ареал, но сохраняющей способность к плодовитому скрещиванию с другими расами того же вида⁵⁹.

⁵⁸ Винарский (2013, 2015).

⁵⁹ Rothshild, Jordan (1906); Семенов-Тянь-Шанский (1910); Винарский (2015). Географические расы были выявлены не только у животных и растений, но даже среди микроорганизмов. Советский бактериолог Е. Н. Мишустин в 1920–1940-е гг.

Вопросы микросистематики стали традиционной темой российской биологии в предреволюционные и первые постреволюционные десятилетия. Схемы внутривидовых категорий разрабатывали как ботаники (С. И. Коржинский, М. А. Розанова)⁶⁰, так и зоологи (Г. А. Кожевников, Л. С. Берг, В. Л. Бианки, П. П. Сушкин, В. В. Алпатов)⁶¹. Наибольшую известность и значение приобрела монография энтомолога А. П. Семенова-Тян-Шанского «Таксономические границы вида и его подразделений»⁶², в которой показано, что виды в природе имеют довольно сложное строение, для выражения которого единственной субвидовой категории (т. е. подвида) недостаточно. Автор предложил довольно подробную иерархию субвидовых категорий, начинающуюся с подвида и заканчивающуюся абберацией (*aberratio*). Помимо географических внутривидовых подразделений А. П. Семеновым-Тян-Шанским были выделены и экологические. Эта публикация оказала большое влияние на отечественную систематику; была известна она и за рубежом. Ее влияние ощущалось даже спустя полвека после опубликования⁶³.

Начало прошлого века ознаменовалось первыми попытками русских биологов применить точные биометрические методы для более объективной характеристики видов и внутривидовых категорий. Пионерами в этой области в России стали Г. А. Кожевников, А. А. Остроумов, Ю. А. Филипченко⁶⁴. В 1920-е гг. эти исследования продолжил В. И. Жадин, стремившийся путем количественного анализа изменчивости выделить внутривидовые категории разного ранга — подвиды, экологические расы, морфы — у пресноводных моллюсков⁶⁵. Как правило, для подобных целей использовались лишь самые простые алгоритмы вариационной статистики, хотя ряд авторов, включая энтомолога Е. С. Смирнова и герпетолога П. В. Терентьева, пытались разработать и более сложные алгоритмы.

Принципиально иной подход к познанию структуры вида был реализован в рамках нового направления, известного как «экспериментальная» или «аналитическая» систематика, имевшего начало в трудах шведского ботаника Г. Турессона⁶⁶. Это направление, однако, не имело близкого отношения к систематике в общепринятом понимании этого

опубликовал серию работ о географической изменчивости почвенных микробов (обзор этих исследований см. Лукин, 1940. С. 178–183; Купревич, 1949. С. 34–35).

⁶⁰ Коржинский (1893); Розанова (1928б).

⁶¹ Кожевников (1905); Берг (1910, 1916); Бианки (1916); Сушкин (1916); В. В. Алпатов (1924; Alpatov, 1924).

⁶² Семенов-Тян-Шанский (1910).

⁶³ Гептнер (1968).

⁶⁴ Кожевников (1905, 1912); Остроумов (1912); Филипченко (1916).

⁶⁵ Жадин (1928, 1938).

⁶⁶ Turesson (1922a, b).

термина, так как не ставило задач построения Естественной системы и классификации таксонов высшего ранга⁶⁷. Поэтому лучше использовать для его обозначения термин «генэкология»⁶⁸. Генэкология возникла на стыке двух дисциплин — генетики и экспериментальной экологии. Ее представители считали, что таксономические гипотезы подлежат опытной проверке, а объектом исследования должны быть не музейные экземпляры, а сами живые организмы. Подход Турессона получил дальнейшее развитие в работах советских экспериментальных ботаников, в первую очередь М. А. Розановой и Е. Н. Синской⁶⁹.

Практиками генэкологии были преимущественно ботаники, ставившие своей целью выяснение наследственной или модификационной природы отдельных признаков. Для этого растения, взятые из разных биотопов или удаленных участков видового ареала, выращивались в единообразных и строго контролируемых условиях. Оказалось, что многие выделяемые «гербарными» систематиками разновидности растений — не что иное, как *эко типы*, наследственные варианты изменчивости, параллельно возникающие у разных видов в сходных условиях среды⁷⁰. Их можно рассматривать как «выражения приспособления вида к его ареалу»⁷¹. Эко типы включают отдельные ненаследственные *эко фены*, представляющие собой «формы индивидуального приспособления растений к свойствам почвы и другим экологическим условиям»⁷².

Г. Турессон разработал оригинальную концепцию экологического вида (*oecospecies*), который является суммой отдельных эко типов и составляющих их эко фенов. По мнению Д. Валентайна, эквиды Турессона приблизительно соответствуют линнеевским видам, а по мнению С. И. Огнева — географическим расам (подвидам)⁷³. Эко типы, в таком случае, можно рассматривать как аналоги «экологических подвидов» (рас)⁷⁴. Один или несколько эквидов образуют *ценовид* (*coenospecies*) — политипический вид, все особи которого способны к плодовитому скрещиванию меж собой.

Таким образом, генэкология предложила новую, альтернативную по отношению к традиционной, иерархию внутривидовых категорий,

⁶⁷ Юзепчук (1939); Тахтаджян (1970). По М. А. Розановой (1947), основной вопрос экспериментальной систематики — это вопрос о виде и его экологической (и отчасти географической) дифференциации.

⁶⁸ Мауг (1982); Ростова (1983). Сам Турессон рассматривал «экспериментальную систематику» как ветвь экологии (Тахтаджян, 1970. С. 332).

⁶⁹ Лукин (1940); Розанова (1928, 1940, 1946, 1947); Синская (1938, 1942, 1948).

⁷⁰ Синская (1938); Грегор (1945); Розанова (1946).

⁷¹ Синская (1948).

⁷² Шмальгаузен (1946а. С. 20).

⁷³ Огнев (1947); Valentine (1949).

⁷⁴ Грегор (1945. С. 393–394); Майр (1968. С. 286).

показав опытным путем наличие в составе растительного вида «неочевидных» для простого глаза сущностей, реальность которых проявляется только в эксперименте. Так, согласно Е. Н. Синской, само понятие *экотип* — сложное, поскольку включает такие категории, как локальные экотипы, региональные экотипы и биотипы, которые далее дробятся на еще более мелкие единицы генэкологической классификации⁷⁵.

«Классический», линнеевский вид оказался мозаикой подчиненных ему единиц разного ранга, структура которой формируется путем естественного отбора и отражает многообразие условий обитания, с которыми сталкивается вид в пределах своего ареала⁷⁶. Из этого выросла вавилонская концепция «линнеевского вида как системы», согласно которой виды являются «определенными системами форм, а не случайным набором рас»⁷⁷. Эти системы характеризуются свойствами обособленности и подвижности, каждая из них имеет морфофизиологическую специфику и связана «в своем генезисе с определенной средой и ареалом»⁷⁸. Их возникновение обусловлено действием закона гомологических рядов изменчивости. Совершенно мономорфные виды едва ли существуют в природе.

О системном характере видов (и таксонов более высокого ранга) у животных в те же годы неоднократно писал Е. С. Смирнов⁷⁹. Н. П. Дубинин и Д. Д. Ромашов разрабатывали проблему выявления «генетической системы вида»⁸⁰.

Традиционные «гербарные» ботаники-систематики зачастую выражали скепсис по отношению к выводам генэкологов. Так, С. В. Юзепчук считал, что, увлекшись экспериментами, генэкологи полностью выпустили из рассмотрения эволюционный аспект вида, его динамику. Они выявляют лишь статичную внутривидовую структуру, вернувшись, тем самым, к додарвиновскому пониманию вида. По мнению Юзепчука,

⁷⁵ Синская (1938, 1948); Розанова (1947). Как подчеркивает А. Л. Тахтаджян (1970. С. 333–334), генэкологические внутривидовые категории нельзя рассматривать как элементы таксономической классификации; это явления разного порядка, хотя между ними возможны некоторые аналогии и соответствия (см. Ромашов, Ильина, 1943).

⁷⁶ Из соображений объема я практически не затрагиваю в этой главе работы, посвященные изучению популяционной структуры вида. Сведения о так называемом «популяционном мышлении» и об его воздействии на развитие эйдологии можно найти в специальных публикациях (Maуr, 1982; Нeу, 2011). По той же причине из рассмотрения выпущены исследования внутривидовой географической изменчивости (обзоры: Лукин, 1940, 1983).

⁷⁷ Вавилов (1926. С. 9).

⁷⁸ Вавилов (1931. С. 129).

⁷⁹ Смирнов (1923); Smirnov (1925); Smirnov (1926).

⁸⁰ Дубинин, Ромашов (1932); Дубинин (1932). О системных свойствах вида см. также Р. Л. Берг (1944).

«со стороны систематика-дарвиниста взгляды, развиваемые в работах генетиков... не могут не встречать отрицательного отношения к себе <...> в основе их лежит или сознательное замалчивание, а подчас даже и полное отрицание существования в природе процессов эволюции в подлинном значении последнего слова»⁸¹.

В литературе детально описана полемика между Н. И. Вавиловым и В. Л. Комаровым о концепции вида у растений⁸². Комаров не смог принять вавиловский аналитический подход, его понимание вида как системы, возражая, что вид — это единица (подобная организму), а не система, потому что «вид есть факт, а система... как будто логическое построение»⁸³. Ботаники-флористы школы Комарова склонялись к более узкому толкованию объема вида, называя видами «даже самые молодые, но имеющие самостоятельный ареал константные формы <...> наряду с формами древними»⁸⁴. Таким образом, видом считалась наименьшая общность особей, характеризующаяся морфолого-географической определенностью, далее неделимая и лишенная тем самым внутренней структуры (тот самый «моморфный вид», в реальности которого сомневался Вавилов; см. выше).

Комаров поставил точку в своем споре с Н. И. Вавиловым в 1940 г., когда последний был уже арестован и не мог возражать своему оппоненту. Однако его многолетние размышления о сущности вида вылились в очень широкую, но не очень конкретную формулу, которая, как указывали многие критики, приложима к таксонам разных рангов, а не только видового: «Вид есть совокупность поколений, происходящих от общего предка и под влиянием среды и борьбы за существование обособленных отбором от остального мира живых существ; вместе с тем, вид есть определенный этап в процессе эволюции»⁸⁵.

В зоологии методы генэкологии привились не так широко, вероятно, из-за больших сложностей в экспериментировании с животными,

⁸¹ Юзепчук (1939. С. 32; 1958. С. 154–155). Едва ли эта критика полностью справедлива. Так, Е. Н. Синская (1942; 1948. С. 34–35) называет экотипы «зачатками видов», приписывая им определенное эволюционное значение. Характерно и само название монографии Синской — «Динамика вида». Эволюционный подход к пониманию вида представлен и в работе Н. И. Вавилова (1931). Генэкологи не оставались в долгу и, подобно Синской, критиковали «одностороннюю морфологическую систематику» (цит. по: Кашкаров, 1939. С. 629).

⁸² Скворцов (1967); Завадский (1968); Рубцова (1983).

⁸³ Комаров (1945. С. 366). Тем самым Комаров дезавуирует собственный же «камчатский афоризм» 1927 г., в котором вид определялся через понятие системы. По мнению автора, дробление вида на подчиненные категории, предлагаемое генэкологами, неприемлемо, поскольку «простое и ясное <...> превращается авторами в весьма сложное и малопонятное» (Там же).

⁸⁴ Юзепчук (1939. С. 23).

⁸⁵ Комаров (1945. С. 373).

а также в связи с тем, что у них экотипы выражены значительно слабее, чем у растений⁸⁶. Последние неподвижны и не могут реагировать на неблагоприятные условия обитания мигрируя в другое место. Как сказано выше, ближайшим аналогом экотипов у животных являются экологические расы — внутривидовые группировки, не имеющие самостоятельного ареала (как бы «вкрапленные» в ареал всего вида) и возникающие там, где имеются определенные условия существования. Особенно ярко такие расы выражены у насекомых-энтомофагов, а также у паразитических животных и протистов⁸⁷. У первых дифференциация на расы происходит в связи с адаптацией к различным кормовым растениям, у вторых — к разным видам хозяев. И те и другие, подобно растениям, привязаны к своим прокормителям и потому значительно менее мобильны, чем большинство видов животных.

Морфологические различия между такими расами часто очень слабы или совсем отсутствуют, но у них часто обнаруживаются физиологические, репродуктивные и даже поведенческие особенности, возникающие в ходе внутривидовой адаптивной дивергенции⁸⁸. Поэтому эти расы редко распознаются «музейными» систематиками, но хорошо знакомы экологам-экспериментаторам и специалистам по защите растений, указывающим на широкое распространение этого явления, как среди насекомых, так и в других группах животных⁸⁹.

Свое слово в вопросе о структуре вида сказали и «классические» генетики, работавшие на материале небольшого числа модельных объектов, в первую очередь плодовых мушек рода *Drosophila*. Уже первые экспериментальные исследования школы С. С. Четверикова продемонстрировали высокий уровень генетического полиморфизма природных популяций, насыщенность их всевозможными мутациями, находящимися в гетерозиготном состоянии и образующими

⁸⁶ Майр (1968. С. 287–288). В качестве примеров экотипов у животных Майр приводит ручьевую и озерную формы форели, а также экотипы европейского крота (Stein, 1959). В эту же категорию можно отнести «яровые» и «озимые» расы у некоторых рыб, выявленные Л. С. Бергом (Кашкаров, 1939), а также «биохимические» расы байкальских рыб, выделенные Д. Н. Талиевым (1941) методом серодиагностики. Примером применения экспериментального подхода к систематике животных может быть работа В. С. Кирпичникова (1943).

⁸⁷ См. Догель (1951. С. 396–402) по вопросу о расах у паразитических простейших.

⁸⁸ Кашкаров (1939); Калабухов (1950). Интересно мнение Г. П. Дементьева (1946), полагавшего, что истинно «физиологических рас» не бывает, потому что любая физиологическая специфика непременно сказывается на морфологии. Дементьев возразил против применения термина экотип к животным.

⁸⁹ Кашкаров (1939); Кожанчиков (1946; 1948а, б). Обзор советских исследований структуры вида у животных представлен в работе С. О. Сергиевского (1983).

«мобилизационный резерв внутривидовой изменчивости», материал для протекания естественного отбора⁹⁰.

В получившей большую известность статье Н. П. Дубинина и Д. Д. Ромашова (1932) вид рассматривался как система *экогенотипов*, каждый из которых представляет собой изолированную локальную популяцию. За счет мутагенеза и генетико-автоматических процессов⁹¹ такие изоляты приобретают уникальный генофонд, различаясь (порой весьма резко) по соотношению частот аллелей⁹². В ходе естественного отбора они становятся адаптированы к конкретным условиям существования (отсюда приставка «эко-» в слове экогенотип). Происходит «огромная дифференциация генного материала по бесконечным изолятам», причем некоторые из них могут стать «руслom, через которое или в связи с которым пойдет дальнейшая филогения вида»⁹³.

К началу 1940-х гг. была обнаружена очень высокая внутривидовая вариабельность по признакам, связанным с хромосомным аппаратом⁹⁴. Несмотря на относительную редкость хромосомных мутаций у животных, в исследованных природных популяциях наблюдалась «огромная хромосомная изменчивость», вносящая значительный вклад в видообразование⁹⁵. Изучение распространения отдельных мутаций в естественных популяциях позволило Н. П. Дубинину и Н. Н. Соколову выявить (на примере нескольких видов дрозофил) «определенную систему вида», причем виды в составе рода резко отличаются по паттернам их кариологической изменчивости. Был поставлен вопрос о существовании внутривидовых «кариотипических рас», со своими микроареалами, представители которых, возможно, утрачивают способность к плодовитому скрещиванию с особями других подобных рас, что является первым шагом на пути видообразования⁹⁶.

В 1943 г. Д. Д. Ромашов и Е. Д. Ильина опубликовали схему соответствий между внутривидовыми категориями, выделяемыми классическими систематиками, генетиками и генэкологами (рис. 1)⁹⁷.

⁹⁰ Дубинин (1932); Бабков (1985).

⁹¹ Термин Дубинина, в наши дни почти полностью вытесненный более кратким выражением «дрейф генов» (*genetic drift*), введенным С. Райтом.

⁹² Дубинин, Ромашов (1932); Дубинин (1940). Дубинин (1932. С. 139) определял экогенотип как «качественно разнообразное сгущение генов».

⁹³ Дубинин, Ромашов (1932. С. 53, 84).

⁹⁴ Обзор советских и зарубежных работ в этой области см. Навашин (1957); Воронцов (1958).

⁹⁵ Дубинин, Соколов (1940. С. 543); Малиновский (1940).

⁹⁶ Дубинин и др. (1937); Малиновский (1940); Розанова (1940, 1947).

⁹⁷ Ромашов, Ильина (1943).

Механизм возникновения	Генетические категории	Таксономические категории	
Мутационный процесс	Мутация		
Генетико-автоматические процессы	Экогенотип	Аберрация (<i>aberratio</i>) Локальная вариация (<i>varietas localis</i>)	
Естественный отбор	Экотип и климатип	Экологическая вариация (<i>varietas oecologica</i>) Подвид (<i>Subspecies</i>) Вид (<i>Species</i>)	Племя (<i>patio</i>)
	Подвид		
	Вид		

Рис. 1. Схема соотношения таксономических и генетических внутривидовых категорий по Д. Д. Ромашову и Е. Д. Ильиной
Воспроизводится из монографии В. В. Бабкова (1985. С. 137)
с небольшими дополнением

Хотя сами авторы указывали, что эта схема является некоторым упрощением по сравнению с тем, что наблюдается в природе, она представляет большой интерес как попытка синтезировать сведения, полученные представителями разных областей биологии за первые десятилетия XX в.

Обзор состояния учения о виде в советской биологии 1940-х гг. был бы неполон без краткого упоминания о спорах среди палеонтологов-систематиков.

Специфика ископаемого материала состоит в том, что процесс формо- и видообразования можно (хотя бы теоретически) изучать во времени, сравнивая морфологию близкородственных особей, собранных из соседних горизонтов. Это преимущество, которого лишены специалисты-неонтологи⁹⁸. С другой же стороны, ископаемые остатки представлены не целыми организмами, а только теми их частями, которые способны фоссиллизироваться. Особенности захоронения ископаемого материала таковы, что на нем трудно проводить границы популяций и далеко не всегда можно быть уверенным, что изучаемые особи жили в одно время и в одном месте. Это чрезвычайно затрудняет популяционные исследования, изучение изменчивости вымерших организмов, а также применение эколого-географического критерия вида. Наконец, палеонтологи полностью лишены возможности

⁹⁸ Федотов (1940).

экспериментально определять наличие «физиологической изоляции» между изучаемыми формами.

Эти объективные недостатки палеонтологической летописи привели некоторых авторов к отрицанию реальности видов, выделяемых на ископаемом материале, признанию их искусственности или, по меньшей мере, неравноценности видам, описываемым систематиками-неонтологами. Самым влиятельным был голос неформального главы советской палеонтологии, академика А. А. Борисяка. В опубликованной посмертно книге об эволюционной палеонтологии, которую рассматривали как его научное завещание, Борисяк указывал, что элемент субъективности при выделении видов ископаемых животных гораздо выше, чем в систематике современных видов, нет и общего критерия вида для всех ископаемых групп. Вопрос о виде в палеонтологии, по его мнению, не разработан, да и теория классификации вымерших видов отсутствует, все находится в «хаотическом состоянии»⁹⁹. Поэтому понятие о «палеонтологическом виде» не совпадает с понятием о виде у ныне живущих организмов.

Те палеонтологи, что не были согласны с таким решением¹⁰⁰, были вынуждены искать ответы на непростые вопросы, обусловленные спецификой изучаемого материала. Как разделять на виды непрерывную последовательность серий морфологических преобразований, наблюдаемую во времени? Как использовать «физиологический» критерий вида применительно к ископаемым формам? Какие ограничения имеют морфологический и эколого-географический критерии вида на ископаемом материале? Как отличить у ископаемых организмов вид от внутривидовой разновидности?

В общем же советская литература о проблеме вида в палеонтологии за рассматриваемый период небогата. Похоже, что практикующие палеонтологи в СССР сравнительно мало интересовались теоретическими вопросами и в своей работе руководствовались критериями вида, приводимыми в доступной справочной литературе¹⁰¹.

⁹⁹ Борисяк (1947. С. 64–65). Из неонтологов с Борисяком соглашался Н. А. Бобринский, считавший, что применительно к вымершим организмам термин «вид» лучше вообще не употреблять, «а говорить, как это обычно и делают теперь многие палеонтологи, о ряде форм, стадий, ветвях» (Бобринский, 1944. С. 16).

¹⁰⁰ Например, Федотов (1940); Давиташвили (1952); Куликов (1954).

¹⁰¹ Таким, как дефиниция вида, предложенная в учебнике палеонтологии К. Циттеля: вид составляют «все индивидуумы, обладающие некоторым числом общих устойчивых признаков и не связанные с соседними группами всесторонними переходами» (Циттель, 1934. С. 16).

* * *

Все теоретические размышления о сущности, критериях и структуре вида приобретают завершающий смысл и значение только в контексте проблемы видообразования. Именно в этом пункте систематика, как и генетика, в 1930–1940 гг. смогли внести существенный вклад в построение синтетической эволюционной теории¹⁰².

Конец XIX — начало XX вв. стали периодом «затмения дарвинизма», когда множились разного рода недарвиновские концепции эволюции, отрицавшие или сильно приуменьшавшие роль естественного отбора в видообразовании¹⁰³. Однако постепенно, особенно в связи с прогрессом популяционной генетики, стали оформляться неodarвинистские представления, в которых важнейшее значение придавалось фактору пространственной изоляции и прекращению потока генов между популяциями одного вида, становящихся тем самым «зачатками» новых форм¹⁰⁴. Отсюда — акцент на градуализм (постепенность в переходе от предкового вида к виду-потомку) и модель географического (аллопатрического) видообразования, что получило полное выражение в хорошо известной советским специалистам монографии Э. Майра¹⁰⁵. Основным механизмом возникновения новых видов признавалось постепенное, кумулятивное изменение частот аллелей в изолированных популяциях, хотя не отрицалась возможность и других модусов видообразования, например, гибридогенного¹⁰⁶.

Наличие видов-двойников и «экологических рас» указывало на то, что помимо географической разобщенности, препятствием к потоку генов между внутривидовыми группировками может стать и экологическая сегрегация¹⁰⁷, например, строгая приуроченность фитофагов и паразитов к разным видам организмов-прокормителей.

¹⁰² Дубинин (1932); Huxley (1940).

¹⁰³ Bowler (1983, 2009).

¹⁰⁴ В советской биологии эта идея была выражена в цитированной выше статье Дубинина и Ромашова (1932).

¹⁰⁵ Майр (1947).

¹⁰⁶ Huxley (1940). Подход Дж. Хаксли был более плюралистичным, чем у Э. Майра, который в те годы фактически отрицал любые формы видообразования у животных, кроме географического. Относительно модели экологического (симпатрического) видообразования он писал: «если даже станет очевидным, что процесс симпатрического видообразования... представляет собой в значительной мере не существующий процесс, то мы не должны смущаться» (Майр, 1947. С. 331). А. Кэйн (1958. С. 232) считал доказанным только один модус симпатрического видообразования — путем полиплоидии (в основном у растений).

¹⁰⁷ Розанова (1940).

О представлениях советских биологов о видообразовании можно узнать из содержания университетских учебников по курсу дарвинизма, опубликованных в годы, предшествовавшие «августовской» сессии ВАСХНИЛ. Рассмотрим два из них, написанные крупными зоологами-эволюционистами — А. А. Парамоновым и И. И. Шмальгаузен¹⁰⁸.

Удивительным для современного читателя образом в учебнике А. А. Парамонова отсутствует особый раздел о видообразовании. Теория происхождения видов дается в книге дважды в разных главах. В первый раз, в разделе об истории эволюционизма, излагается исходная дарвиновская модель: благодаря неопределенной изменчивости, особи одного вида качественно неоднородны; в ходе внутривидовой конкуренции и борьбы за существование происходит отбор наиболее приспособленных индивидуумов, причем преимущество со временем получают наиболее уклоняющиеся от исходного типа (принцип дивергенции). Вымирание «промежуточных форм» приводит к постепенному обособлению внутри вида локальных разновидностей, которые затем дают начало подвидам, а те — по мере углубления дивергенции — «приобретают значение новых молодых видов»¹⁰⁹. Эта же схема повторяется и в главе о факторах эволюции, но теперь уже на основе новейших на тот момент достижений генетики, с обсуждением роли разных видов изоляции, причем заметное место уделено механизмам экологического видообразования (популяция => экотип => экологическая раса => молодой вид)¹¹⁰. Как логическая структура, так и доказательная база концепции А. А. Парамонова вполне отвечают представлениям синтетической теории эволюции с ее вниманием к генетическим механизмам микроэволюции и эволюционному значению изоляции во всех ее проявлениях¹¹¹.

И. И. Шмальгаузен в «Проблемах дарвинизма» посвятил видообразованию особую главу¹¹² и, в общем, излагает практически тот же самый материал, что и А. А. Парамонов, и в том же неodarвинистском духе. Хотя автор не отрицает возможности «быстрого видообразования», например, за счет хромосомных перестроек, ведущей для него остается схема постепенной внутривидовой дифференциации, с постепенным углублением различий между расами и подвидами, вплоть до того момента, когда между ними установится «физиологическая изоляция», и образовавшиеся тем самым новые виды начнут свой собственный

¹⁰⁸ А. А. Парамонов (1945); Шмальгаузен (1946б).

¹⁰⁹ А. А. Парамонов (1945. С. 111–113).

¹¹⁰ Там же. С. 300–305. Столь же близкую неodarвинизму видообразовательную модель излагал В. В. Ревердатто в своем учебнике фитоценологии (Ревердатто, 1935. С. 33–34).

¹¹¹ К. М. Завадский с соавторами (1983. С. 33) включили «Курс дарвинизма» в перечень книг, легших в основу неodarвинистского эволюционного синтеза.

¹¹² Шмальгаузен (1946б. С. 292–320)

эволюционный путь. Шмальгаузен подчеркивает, что изоляция не является решающим (и тем более обязательным) условием этого процесса, а только лишь ускоряет его протекание. Обязательным является действие естественного отбора, при котором «без изоляции возможны и видовая дифференциация и разграничение форм при дальнейшем вытеснении промежуточных»¹¹³. В основе всего этого лежат разнообразные генетические механизмы.

Градуалистская модель видообразования, которую брали за основу и Парамонов, и Шмальгаузен, фокусирует внимание на микроэволюционных процессах, ведущих к появлению новых видов. Понять закономерности внутривидовой дивергенции означает приблизиться к пониманию механизма видообразования.

Советские экологи проводили экспериментальные исследования с целью изучения начальных этапов внутривидовой дивергенции. С 1934 г. Н. И. Калабухов изучал эколого-физиологические различия между расами, подвидами и близкородственными видами млекопитающих (грызуны, хищные)¹¹⁴. Среди использованных им методик были те, что близко напоминали методы генэкологов. Так, Калабухов со своими сотрудниками перемещал животных в несвойственные им места обитания и отслеживал, как это скажется на их морфологии и физиологии. В одном из таких экспериментов эндемичные грызуны Кавказских гор выращивались в условиях равнины. В других опытах изучалось воздействие измененных температуры и освещенности на млекопитающих. Полученные данные показали, что сравниваемые формы действительно различаются по своим эколого-физиологическим особенностям, многие из которых являются наследственными, то есть отражают предшествующую историю адаптивной радиации внутри вида, связанную с освоением им своего ареала. По мнению Н. И. Калабухова, первый шаг, с которого начинается внутривидовая дивергенция, обычно состоит в изменениях энергетического баланса животных, что, разумеется, имеет явный адаптивный смысл¹¹⁵.

И. В. Кожанчиков, работая с насекомыми-фитофагами, также ставил задачу «пролить свет на процесс дивергенции их биологических признаков»¹¹⁶. Им было показано существование достоверных морфологических, физиологических и даже поведенческих различий между внутривидовыми «расами» насекомых, связанными с разными кормовыми растениями. Такого же рода различия были обнаружены

¹¹³ Там же. С. 303.

¹¹⁴ Результаты этих работ подытожены в его монографии (Калабухов, 1950). Позднее этот подход был развит в трудах С. С. Шварца (1959).

¹¹⁵ Калабухов (1950. С. 251–252).

¹¹⁶ Кожанчиков (1946. С. 11). См. также Кожанчиков (1941).

гидробиологом Н. В. Дубовским у пресноводных ракушковых рачков (*Ostracoda*), экологически ассоциированных не с видами-прокормителями, а с различными типами биотопов, несходных по характеру субстрата и скорости течения. Приспособительный характер сравнительно небольших различий между внутривидовыми формами этих рачков был показан экспериментально¹¹⁷.

Адаптивное значение экологических рас доказывалось также тем, что они независимо, конвергентно формируются у неблизкородственных видов растений («пастбищные» экотипы) и животных (пустынные, альпийские расы), населяющих сходные условия¹¹⁸.

Хотя экологи критиковали «традиционных» систематиков за то, что они изучают «почти исключительно мертвый, музейный материал»¹¹⁹, Б. С. Виноградов показал эффективность и такого подхода, проведя функциональный анализ признаков скелета млекопитающих, которые также могут свидетельствовать о протекании экологической дивергенции¹²⁰.

Все эти микроэволюционные исследования имели общий недостаток — они проводились без генетического анализа исследуемых групп¹²¹, подобного тому, что проводился в работах Н. П. Дубинина с сотрудниками по изучению экогенотипов дрозофилы.

И генетики, и экологи соглашались в том, что необходимой предпосылкой видообразования является внутривидовая дифференциация, создающая систему экогенотипов или биотипов, адаптированных к конкретным условиям места и времени. При этом изменения в частотах генов или в физиологии (или даже — у высших животных — в поведении) обычно предшествуют дивергенции по морфологическим признакам¹²². Непосредственным стимулом к видообразованию служат изменения в среде обитания, однако в качестве его движущих сил могли рассматриваться как мутации и естественный отбор, так и «прямое приспособление» путем наследования приобретенных признаков (механоламаркизм). В советской биологии 1920–1930-х гг. были представлены оба направления, хотя вплоть до 1948 г. механоламаркисты постепенно теряли свои позиции¹²³.

¹¹⁷ Дубовский (1941).

¹¹⁸ Ростова (1983. С. 195).

¹¹⁹ Калабухов (1950. С. 10).

¹²⁰ Б. С. Виноградов (1946).

¹²¹ Исключением являются попытки Н. И. Калабухова использовать метод серодиагностики (см. Калабухов, 1950. С. 102–105). Однако они носили очень ограниченный, несистематический характер.

¹²² Дубинин (1932); Кашкаров (1939); Дубовский (1941); Калабухов (1950).

¹²³ Лукин (1940); Gaissinovitch (1980); Бабков (1985); Гайсинович (1988).

В качестве определенного предвосхищения этих работ и одновременно программы будущих исследований можно привести размышления А. Н. Северцова, одного из самых авторитетных отечественных эволюционистов рассматриваемой эпохи. В своей монографии «Морфологические закономерности эволюции» (завершена около 1934 г., издана посмертно в 1939 г.) он призывал к трансформации традиционной систематики, указывая, что классификация должна строиться не на основе «удобных» для диагностики признаков, многие из которых лишены всякого адаптивного значения, а на основе знаний о биологии и физиологии животных. Это будет «чисто биологическая систематика животных», основанная на биологически и морфологически значимых признаках и коррелятивно связанных с ними особенностях. «Для музейных целей подобная систематика была бы, возможно, мало пригодной, но для нашего понимания эволюции животных она была бы по всей вероятности чрезвычайно полезна»¹²⁴. Эти слова хорошо отражают суть изменений в подходах к проблеме вида, совершившихся в первой половине XX в. под влиянием прогресса в области генетики и экологии, лишивших классическую («музейную», «гербарную») систематику монополии на изучение проблемы вида.

* * *

Представленный выше материал показывает, что 1920–1930-е гг. стали для советской эйдологии «золотым веком». В отечественной науке развивались и конкурировали различные теоретические подходы к определению сущности вида; интенсивно велись исследования в области экспериментальной и биохимической систематики; возникли оригинальные научные школы, оказавшие воздействие на развитие мировой биологии в целом. При всех разногласиях между традиционными систематиками, генетиками и генэкологами, используемые ими подходы позволяли изучать вид как многоаспектное природное явление, в его статике и динамике, с выходом на фундаментальные общетеоретические обобщения в области эволюционной биологии. Вид рассматривался и как базовая единица классификации, и как система связанных потоком генов популяций, и как элемент биогеоценоза, занимающий в нем особое положение — нишу.

При этом ботаники продвинулись в понимании сущности и структуры вида заметно дальше зоологов, показателем чему наличие ряда монографических сочинений о виде, созданных ботаниками¹²⁵,

¹²⁴ А. Н. Северцов (1939. С. 121).

¹²⁵ Вавилов (1931); Комаров (1945); Розанова (1946); Синская (1948).

аналогов оторым не было в советской зоологической литературе. Крупные обзорные работы на русском языке о виде у животных стали появляться довольно поздно, и все они были переводами книг зарубежных авторов¹²⁶.

«Августовская» сессия ВАСХНИЛ 1948 года оказала катастрофическое воздействие на развитие теории вида в Советском Союзе. Были свернуты исследования в некоторых перспективных направлениях (генэкология, кариосистематика, изучение внутривидовой конкуренции)¹²⁷. Что еще хуже, на несколько лет прервалось творческое обсуждение теоретических основ эйдологии. Вместо полифонии идей и концепций советским биологам было предписано следовать одной-единственной утвержденной свыше доктрине — «новому учению о виде», к изложению генезиса и содержания которого мы сейчас переходим.

¹²⁶ Майр (1947); Кэйн (1958).

¹²⁷ Сукачев (1953а. С. 85); Тахтаджян (1970. С. 333–334).

Глава 2

«НОВОЕ УЧЕНИЕ О ВИДЕ»: ПЕРВОИСТОЧНИКИ И ГЕНЕЗИС ДОКТРИНЫ (1936–1947)

Датой рождения «нового учения о виде» следует считать 31 июля 1948 года. В этот день открылась очередная сессия Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ), вошедшая в историю под названием «августовской». На первом ее заседании Т. Д. Лысенко сделал программный доклад «О положении в биологической науке», более чем на десятилетие вперед определивший состояние биологии в Советском Союзе и прямо повлиявший на судьбы очень многих отечественных исследователей. Структура, содержание, а также политический и идеологический контексты этого выступления неоднократно анализировались в историко-научной литературе. Лысенко публично объявил, что в СССР создан особый, «творческий» дарвинизм, который не идентичен ни неodarвинизму, ни неоламаркизму, а представляет собой нечто совершенно новое, высшее развитие эволюционного учения¹. Для целей данного исследования важно, что Лысенко посвятил особый раздел своего доклада («За творческую научную биологию») вопросу о виде, считая его, видимо, принципиально важным. Именно в нем были обнародованы основные положения «мичуринского» учения о виде и видообразовании. В ноябре 1950 года газета «Правда» (№ 307) опубликовала статью Лысенко «Новое в науке о биологическом виде», ставшую «центральным текстом» этого учения. Сам факт публикации этой, по сути узкоспециальной статьи, в главном печатном органе ВКП(б) возвел ее содержание в ранг общеобязательных для каждого лояльного советского гражданина (в том числе ученых) истин.

Однако формирование НУВ было долгим и постепенным процессом, который «мичуринец» Н. И. Нуждин описал так: «от изучения наследственности и ее изменчивости, установления наследования приобретенных признаков к анализу внутривидовых и межвидовых отношений... что привело неизбежно к разработке вопроса о виде и видообразовании»². Этот процесс начался еще в довоенный период и занял примерно 12 лет. Его этапы легко проследить, обращаясь к печатным выступлениям самого Лысенко, опубликованным в период с 1936 по 1947 г.

¹ Лысенко (1948. С. 38).

² Нуждин (1953а. С. 21).

Генезис НУВ можно представить как поступательную ревизию ряда ключевых биологических понятий, история которой и является одной из тем этой главы. Очень существенно, что большинство (если не все) положений новой доктрины были тесно увязаны с постулатами диалектического материализма — философской системы, официально признанной в СССР «единственно верным учением», объясняющим закономерности развития материи во всех формах ее «движения», не исключая и биологическую³. Это позволяет видеть в НУВ не только научную теорию (абстрагируясь от вопроса об истинности или ложности ее положений) но и идеологический проект⁴, возникший и развивавшийся в том специфическом интеллектуальном ландшафте, в который была помещена советская наука⁵. Можно сказать даже, что диамат служил концептуальной «матрицей», или «базисом» для НУВ, а отдельные биологические концепты, отобранные по принципу их соответствия «единственно верному учению», образовывали «надстройку», то есть нечто вторичное, производное от «базиса». Недаром, определяющую роль в разработке «мичуринской» биологии сыграл И. И. Презент, философ, а не профессиональный биолог⁶. Подробнее тезис о зависимости, производности содержания НУВ от постулатов диалектического материализма обосновывается ниже в этой и последующей главах.

Перед тем как обратиться к истории НУВ, необходимо одно терминологическое уточнение. Сам Лысенко не называл свою теорию «новым учением о виде», используя более скромную формулировку: «Новое в науке о биологическом виде» (курсив мой — М. В.). Насколько я мог установить, выражение «новое учение о виде» применительно к взглядам Лысенко впервые употребил Н. В. Турбин в своей знаменитой статье в «Ботаническом журнале», ставшей первым публичным антилысенковским выступлением в СССР со времени «августовской» сессии⁷. Рискну предположить, что эта, внешне малозначительная, замена была сделана с неким расчетом, поскольку безошибочно отсылала читателя-современника к «новому учению о языке» академика Н. Я. Марра,

³ Розенталь (1952); Колчинский (1999).

⁴ Подобно тому, как и сам Лысенко был, вероятно, «проектом» одного из высокопоставленных советских функционеров (см. Колчинский, 2015в).

⁵ Л. Н. Мазур (2021. С. 121) характеризует советскую науку как «специфическую культурную модель, сформированную в 1917–1950-е гг. в определенной макросреде с использованием методов социального проектирования. В ней получили воплощение представления идеологов большевизма — В. И. Ленина, И. В. Сталина, А. Луначарского, А. Богданова и др.».

⁶ Э. И. Колчинский (1999. С. 206, 208) считает Лысенко и Презента соавторами «советского творческого дарвинизма».

⁷ Турбин (1952). О роли «Ботанического журнала» в борьбе с лысенкоизмом см. Сойфер (1993. С. 516–524); Колчинский, Конашев (2005).

разгромленному Сталиным за два года до выхода статьи Турбина. Марр критиковался Сталиным за то, что он «внес в языкознание не свойственный марксизму нескромный, кичливый, высокомерный тон, ведущий к голому и легкомысленному отрицанию всего того, чтобы было в языкознании до Н. Я. Марра»⁸, а его теория отвергнута как немарксистская. В 1952 г. публичный разгром марризма был всем памятен, и намек Турбина мог быть понят как то, что «новое учение о виде» ожидает та же судьба, что ждала «учение» Марра. Это тем более вероятно, что и критика лысенкоизма, открытая статьями в «Ботаническом журнале», по условиям того времени не могла быть «инициативой снизу». Историки науки утверждают, что эта акция была осуществлена с прямой санкции Сталина, который в какой-то момент стал ревниво относиться к претензии Лысенко быть верховным судьей по всем биологическим вопросам. В созданной Сталиным системе роль такого судьи мог играть только один человек — он сам⁹. Параллель между Марром и Лысенко, неоднократно отмеченная в литературе¹⁰, при всей разнице их интеллектуального уровня, вклада в науку и исследовательских интересов, почти самоочевидна. Оба академика позиционировали себя как революционеров в своих областях знания, оба с шумом отвергали практически всю существовавшую до них научную традицию (в языкознании, в генетике) и, наконец, оба настаивали, что их «учения» полностью соответствуют догмам марксизма-ленинизма (диамата у Лысенко, истмата у Марра) и постоянно апеллировали к высказываниям его «классиков». Поэтому мне представляется вполне оправданным в этой работе обозначать обсуждаемые взгляды Лысенко как «новое учение о виде», поскольку именно так их воспринимали современники.

* * *

Неоднократно отмечалось, что «публикационную активность» Т. Лысенко отличает крайне малое число оригинальных научных статей, вышедших в академических журналах (если не считать публикаций в журналах «Яровизация» и «Агробиология», в которых он был главным редактором и мог публиковать свои статьи *ad libitum*)¹¹. Большинство текстов, в которых изложены его взгляды, особенно в послевоенный

⁸ Цит. по: Алпатов (2004. С. 187).

⁹ Сойфер (1993. С. 516–518); Голубовский (2015).

¹⁰ Алпатов (2004. С. 33); Голубовский (2015. С. 117); Добренко (2020. С. 569).

¹¹ Подробно обсуждает это обстоятельство В. Н. Сойфер, по мнению которого, оригинальные работы Лысенко были столь слабы, что не имели шансов пройти стандартную процедуру анонимного рецензирования, принятую в академических научных журналах (Сойфер, 1993. С. 483–484).

период, представляют собой стенограммы публичных выступлений, статьи в энциклопедиях и газетах, разного рода «беседы» и т. п.¹² Все эти жанры далеки от традиционных жанров научной литературы, в которых ученые привыкли обнародовать свои теоретические выкладки. Это вполне характеризует и «канонические тексты» НУВ. Лысенко, претендуя на «творческое развитие» дарвинизма, не создал большого теоретического труда, подобного «Происхождению видов», в котором давалась бы целостная, структурированная концепция вида и видообразования, приводились бы аргументы в ее пользу и контраргументы против возможных критических замечаний. «Мичуринское» направление не дало ни одного крупного сочинения по эволюционной биологии, подобного современным ей трудам И. И. Шмальгаузена, А. А. Парамонова, В. А. Догеля¹³.

Корпус «канонических текстов», излагающих НУВ, сводится, по сути, к трем небольшим по объему публикациям. Кроме доклада на «августовской» сессии и статьи «Новое в учении о биологическом виде», сюда относится и сравнительно малоизвестная поздняя статья Лысенко о проблеме вида, также представляющая собой переработанную стенограмму его доклада на сессии ВАСХНИЛ 13 декабря 1954 г. В основном она посвящена полемике с противниками НУВ, но, по утверждению автора, не повторяет положения его работы 1950 г., а затрагивает ряд не рассмотренных в ней вопросов¹⁴.

Центральный текст НУВ — «Новое в науке о биологическом виде» — готовился как статья о виде для второго издания Большой советской энциклопедии¹⁵. Это сравнительно короткое сочинение оказалось рекордным по числу переизданий и объему тиражей текстом по проблеме биологического вида, когда-либо написанном на русском языке. В 1950–1957 гг. статья Лысенко была перепечатана целым рядом научных журналов («Агробиология», «Ботанический журнал», «Труды Института

¹² Статьи «народного академика» публиковались большим числом газет, включая «Правду», «Известия», «Литературную газету», «Сельское хозяйство» и др., причем один и тот же текст помещался иногда параллельно и в профессиональном научном, и в массовом издании. Так, например, выступление Лысенко «О работах действительного члена Академии медицинских наук СССР О. Б. Лепешинской» было опубликовано в «Ботаническом журнале» (1953, № 1), «Агробиологии» и в «Литературной газете». См. библиографию трудов Лысенко: Горин, Шрайбер (1958).

¹³ Шмальгаузен (1940, 1946а, 1946б); Парамонов (1945); Догель (1954).

¹⁴ Лысенко (1956). Я выношу за скобки сложный вопрос о том, в какой степени Лысенко являлся автором этих опубликованных под его фамилией текстов. Есть основания считать, что как минимум некоторые из них были плодом коллективного (и анонимного) творчества. Так, по сообщению В. Н. Сойфера (1993. С. 403) доклад Лысенко на «августовской» сессии ВАСХНИЛ был составлен группой из семи авторов и отредактирован Сталиным. Лысенко в перечне этих авторов не значится.

¹⁵ Лысенко (1951).

генетики АН СССР»), не раз включалась в сборники его сочинений, издавалась в виде отдельных брошюр и в составе коллективных монографий. Полная библиография ее изданий не составлена¹⁶, но можно утверждать, что их совокупный тираж составляет несколько миллионов.

К этой своеобразной «трилогии» примыкает ряд более ранних публикаций Лысенко, в которых вопрос о виде специально не ставится, но обосновываются некоторые теоретические положения, вошедшие впоследствии в состав НУВ. Так, в 1944 г. была издана его брошюра «О наследственности и ее изменчивости», содержащая ревизию некоторых центральных генетических понятий и агрессивную критику самой «формальной генетики». Именно в ней Лысенко развил «физиологическую» концепцию видообразования, о которой будет сказано ниже. В ноябре 1945 г. на курсах повышения квалификации работников государственных селекционных станций он прочел лекцию, текст которой был издан под названием «Естественный отбор и внутривидовая конкуренция». В ней Лысенко атаковал дарвиновские представления о внутривидовой борьбе, что также имело прямое отношение к вопросу о сущности вида¹⁷.

Большинство этих текстов было исходно рассчитано на восприятие не читателей, а слушателей, и потому они лишены привычного для исследователей XX в. научного аппарата. В них практически отсутствуют графики, таблицы, обзоры литературы, ссылки на источники и т. п. В стилистическом отношении они ближе к научно-популярным или даже публицистическим текстам, внешне наукообразным, но лишенным серьезной доказательной базы, стройности и логичности изложения. Поскольку аудитория устных выступлений Лысенко каждый раз была разной, из одного текста в другой (и даже в пределах одной статьи или брошюры) кочуют повторения одних и тех же мыслей, обычно с незначительными вариациями. Это касается и терминологии, дефиниций используемых Лысенко понятий (табл. 1).

Подобный прием «вдалбливания» свойственен проповедническим¹⁸ или пропагандистским, но не научным текстам, и рассчитан на некритическое восприятие их содержания, особенно со стороны практиков сельского хозяйства, не искушенных в строгих правилах научных доказательств.

¹⁶ Наиболее поздняя по времени из известных мне библиографий Лысенко (Горин, Шрайбер, 1958) очень неполна и не учитывает ряда перепечаток этого текста, включая его публикацию в восьмом томе Большой советской энциклопедии (Лысенко, 1951).

¹⁷ Почти все использованные мною тексты содержатся в одномомнике избранных сочинений Т. Д. Лысенко (1953), по которому я и буду их цитировать.

¹⁸ Сравнение «мичуринской» биологии со своего рода религией не ново. Оно высказывалось уже в работах зарубежных генетиков — современников описываемых событий, один из которых назвал Лысенко «мичуринским Савонаролой» (Cook, 1949, P. 171).

**Определения понятия «наследственность» из работ Т. Д. Лысенко
1940–1950-х гг.**

Наследственность есть «свойство живого тела требовать определенных условий для своей жизни, своего развития и определенно реагировать на те или иные условия». «Под термином наследственность мы понимаем природу живого тела». Каждая «...малая частичка, фигурально выражаясь, любая крупинка, любая капелька живого тела, раз она живая, обязательно обладает свойством наследственности, т. е. потребностью в соответствующих условиях для своей жизни, роста и развития» ^[1]
Наследственность — это «сродство, потребность, тяготение к тем условиям внешней среды, к той форме пищи, которой оно было до того, как превратилось в живое» ^[2]
Наследственность есть «конкретный тип обмена веществ» ^[3]
«Свойство наследственности — это способность организмов брать из внешней среды только то, что соответствует природе данного организма, и не брать того, что ей не соответствует; не брать даже тогда, когда нет соответствующих данной природе организма условий» ^[4]
Отдельные виды «требуют разных условий внешней среды. Поэтому <...> у них разная природа, разная наследственность» ^[5]
Наследственность есть «эффект концентрирования воздействий условиями внешней среды, ассимилированных организмами в ряде предшествующих поколений» ^[6]
«...природные потребности, т. е. наследственность» ^[7]

Примечания:

^[1] Лысенко (1953. С. 160).

^[2] Лысенко (1954. С. 631.)

^[3] Там же.

^[4] Лысенко (1946. С. 263).

^[5] Там же. С. 160.

^[6] Лысенко (1948. С. 33).

^[7] Там же. С. 29.

Стиль выступлений «позднего», послевоенного Лысенко — это стиль автора, привыкшего, что ему будут послушно верить на слово¹⁹. Также Лысенко и его сторонники широко использовали риторические приемы,

¹⁹ Вот типичный пример такого «доказательства»: «В 1949 году во Всесоюзную академию сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина был также прислан образец овса, в метелке которого наряду с зернами овса находились единичные зерна овсюга, то есть растения одного вида — *Avena sativa* — породили отдельные зерна другого вида — *Avena fatua*» (Лысенко, 1953. С. 323). Никаких дополнительных подтверждений этому не приводится. Характер этой «доказательной базы» много лет тому назад подытожил Б. Л. Астауров (1979. С. 194): «...подобные, лишённые точных фактических данных и количественных характеристик материалы могут быть убедительными только для исключительно неискушенного и доверчивого читателя». Бобко (1953) показал, что как минимум часть подобных «доказательств» была получена в методологически некорректно поставленных опытах (включая возможное несоблюдение правил семеноводства).

апеллируя, к примеру, к критерию «полезности» (якобы НУВ наиболее пригодно для направленного создания новых сортов растений и пород животных, борьбы с сорняками, паразитами и вредителями, а потому оно правильнее классического дарвинизма, способного только объяснить природу, а не изменять ее²⁰). «Доказательством» являлось и обильное цитирование из «классиков марксизма», высказывания которых якобы говорят в пользу правоты НУВ (см. ниже).

Нестрогое обращение с научной терминологией²¹ сочеталось у Лысенко с привычкой использовать в качестве понятий слова, взятые из разговорного языка²², опять-таки, не придавая им однозначного смысла. Таковы знаменитые «крупинки» — характерное для идиостиля «народного академика» выражение, употреблявшееся им в самых различных значениях. Из приведенных в таблице 2 цитат несложно увидеть, что «крупинками» наш автор называл очень разные вещи, начиная от каких-то субклеточных структур (органеллы?) и заканчивая генами, реальность которых он безусловно отрицает²³. Создается впечатление, что в языке Лысенко слово «крупинка» использовалось для обозначения любой атомарной, далее неделимой биологической структуры, независимо от ее природы. Однажды он произвел от него специфический неологизм — «крупинчатость», как синоним более привычного термина «корпускулярность»²⁴.

²⁰ Лысенко (1948. С. 23–36; 1956. С. 21).

²¹ К примеру, термин «ассимиляция» применялся Лысенко весьма широко, вплоть до утраты всякой смысловой определенности. Еще в 1938 г. он писал, что «слияние двух половых клеток — это есть процесс ассимиляции, процесс обоюдного поглощения друг друга» (Лысенко, 1953. С. 344).

²² Эта особенность стиля Лысенко определяется, не в последнюю очередь, обращением не столько к профессиональным биологам, сколько к практикам сельского хозяйства, в связи с чем использование строгой и «эзотерической» научной терминологии могло рассматриваться как недостаток. Ср.: «...подлинная наука, т. е. наука, которая служит народу, всегда излагалась доступным массовому читателю языком. Возьмите любое произведение К. А. Тимирязева, В. И. (так! — М. В.) Мичурина, В. Р. Вильямса, Т. Д. Лысенко — в них самые сложные проблемы науки изложены ярким, доходчивым русским языком» (Яцына, 1950. С. 79).

²³ Иногда гены именовались у него «кусочками»: «Морганисты доказывают, что наследственность лежит (в прямом смысле слова) в виде кусочков в хромосомах. Они даже рисуют как лежат эти кусочки <...> На предположении о передаче этих кусочков от одного к другому и основана морганистская хромосомная теория наследственности» (Лысенко, 1946. С. 269).

²⁴ Лысенко (1953. С. 223). Возможно, что эти «крупинки» Лысенко берут свое начало от «простых комочков белкового вещества», как названы простейшие живые организмы в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельса.

Использование термина «крупинки» в работах Т. Д. Лысенко

Каждая «...малая частичка, фигурально выражаясь, любая крупинка, любая капелька живого тела, раз она живая, обязательно обладает свойством наследственности...» (с. 160)
«...разные клетки, разные крупинки, молекулы тела обладают разной природой – наследственностью, разными свойствами <...> Молекулы протоплазмы, молекулы хромосомы также обладают разной наследственностью, разной природой. И все эти живые крупинки сами себя воспроизводят, как путем роста, так и путем развития» (с. 172)
«Изменение того или иного участка, той или иной крупинки исходной клетки в разной степени затрагивает изменение разных признаков и свойств <...> Не все крупинки начальной клетки или группы клеток в одинаковой степени являются исходными для развития тех или иных отдельных признаков и свойств организма» (с. 173).
«...те или иные частички, крупинки тела участвуют в общем биологическом обмене веществ организма и в результате аккумулируются, фиксируются в половых клетках» (с. 178)
Генетики-менделисты «[к]аждому признаку и свойству живого вещества... приписывают то или иное количество крупинок (генов) вещества наследственности, находящегося в хромосомах». При оплодотворении возникает «двойной набор крупинки, один с отцовской, другой с материнской стороны» (с. 223)

Примечание: все цитаты даются по сборнику Лысенко (1953) с указанием номера страницы.

Наконец, как отмечали критики Лысенко, он нередко кардинально менял собственные взгляды (например, свои оценки теории Дарвина или понимание естественного отбора) и, без всяких пояснений, публиковал взаимоисключающие утверждения в одном и том же сборнике своих работ²⁵.

Перечисленные выше особенности весьма затрудняют реконструкцию НУВ как целостной теории и даже создают впечатление, что это «учение» никогда не существовало в сколько-нибудь систематизированном виде²⁶. Поэтому не исключено, что предложенная мной реконструкция придает взглядам Лысенко тот «градус» системности, которого они были лишены в оригинале.

²⁵ Баранов (1953. С. 669–670) демонстрирует это на примере самого известного сборника статей Лысенко «Агробиология», 6-е издание которого вышло в 1952 г. В нем перепечатывались работы 1930–1950-х гг., в том числе и те, что были написаны до начала радикальной ревизии дарвинизма.

²⁶ Нуждин (1953а. С. 13) в полемике с Турбиным и Ивановым обвинял их в том, что они «выдумали» новое учение о виде, а на самом деле такая «новая теория видообразования» якобы не существует. О. Б. Лепешинская (1953. С. 387), критикуя тех же авторов, раздраженно заметила, что «у Лысенко нет работы “Новое учение о виде”. Он развивает мичуринское биологическое учение». Сам Т. Д. Лысенко в письме в редакцию «Ботанического журнала» (1953, № 6. С. 892) протестовал против обсуждения «несуществующего, но приписываемого мне “нового учения о виде”». Однако выражение «новое учение о виде» иногда фигурирует и в работах «мичуринцев» (Калиниченко, 1953. С. 264; Карапетян, 1953. С. 232–233).

Многочисленные публикации сторонников Лысенко, посвященные вопросам вида и видообразования, мало что добавляют к содержанию НУВ. Их авторы либо комментировали и пересказывали содержание «канонических текстов», либо сосредотачивались на полемике с оппонентами. В обоих случаях реального развития новой теории не производилось, так как основным аргументом было — *Magister dixit!*²⁷ Поэтому для наших целей можно сосредоточиться на «медленном чтении» текстов самого Лысенко, привлекая, если необходимо, выдержки из работ его последователей.

Помимо охарактеризованных выше «канонических текстов» существовала и устная традиция, сохранившая ряд высказываний Лысенко, не вошедших в его печатные труды. Самым известным примером является «факт» порождения кукушки пеночкой, который не обнаруживается ни в одной из печатных работ «мичуринцев»²⁸. О том, что Лысенко действительно выдвигал такой аргумент, свидетельствует Н. В. Турбин. По его словам, он был оглашен Лысенко в феврале 1953 г. на заседании биологической секции Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик²⁹. Об этом же свидетельствуют и мемуаристы³⁰. Интересно, что, судя по воспоминаниям современников, одно из ключевых положений НУВ, идея о скачкообразных «превращениях» одного вида в другой (в обоих направлениях), звучала в выступлениях Лысенко еще до войны, то есть задолго до ее «официального» представления на сессии ВАСХНИЛ 1948 г.³¹

²⁷ Ср. характеристику одного из комментаторов (В. С. Дмитриева), данную Н. В. Турбиным: «...он достаточно зарекомендовал себя в том отношении, что никакими своими мыслям предпочитает не излагать, а с должной точностью переписывает высказывания шефа» (Турбин, 1954а. С. 40). Возможно, Турбин был не совсем справедлив к Дмитриеву. В трудах этого автора, единственного, насколько я знаю, из «мичуринцев», встречается такой оригинальный «биологический закон»: «ни одна биологическая группа индивидуумов не может использовать в качестве пищи своих экскрементов или выделений» (Дмитриев, 1952. С. 32). «Биологическим законом» это высказывание назвал сам Дмитриев.

²⁸ Более того, сторонники Лысенко признавали, что «примеров порождения одними видами других в мире животных в опубликованных материалах пока не приведено» (С. К. Карапетян, 1953. С. 223).

²⁹ Турбин (1953). Баранов (1953: 675) добавляет, что, по мнению Лысенко, «кукушка яиц не несет».

³⁰ Гинецинская (1991. С. 122). По свидетельству В. Н. Соифера (1993. С. 459), история про пеночку и кукушку фигурировала в публичных выступлениях Лысенко как минимум до 1955 г.

³¹ Из воспоминаний ботаника С. Ю. Липшица о Н. И. Вавилове: «Вспоминаю очень четко это свидание с Н. И., имевшее место в 1938 или 1939 г. Рядом, в зале заседаний слышался хриплый, напоминающий простуженный собачий лай, голос Лысенко. Он изрекал, выкрикивая диктаторским тоном, алогичные, несвязанные друг с другом “истины” о порождении обыкновенным одуванчиком кок-сагыза и наоборот» (цит. по: Филин, Кожевникова, 2023. С. 143).

* * *

Следуя В. И. Ленину, определившему в свое время «три источника и три составных части марксизма», я позволю себе применить такой подход к анализу НУВ, выделив в его логической структуре и содержании также три источника и три составных части. Под «источниками» в данном случае понимаются наиболее общие концептуальные конвенции, принятые «мичуринцами» аксиоматически (или, если угодно, догматически). Они не были специфичны для биологии, являясь общими для всей советской науки установками. Это три «-центризма»: логоцентризм, номоцентризм и эктоцентризм³². «Составными частями» будем называть конкретные утверждения НУВ, возникшие путем приложения «источников» к решению проблем эволюционной биологии. Содержательная структура НУВ, возникающая на этой основе, может быть представлена в виде блок-схемы (рис. 2).

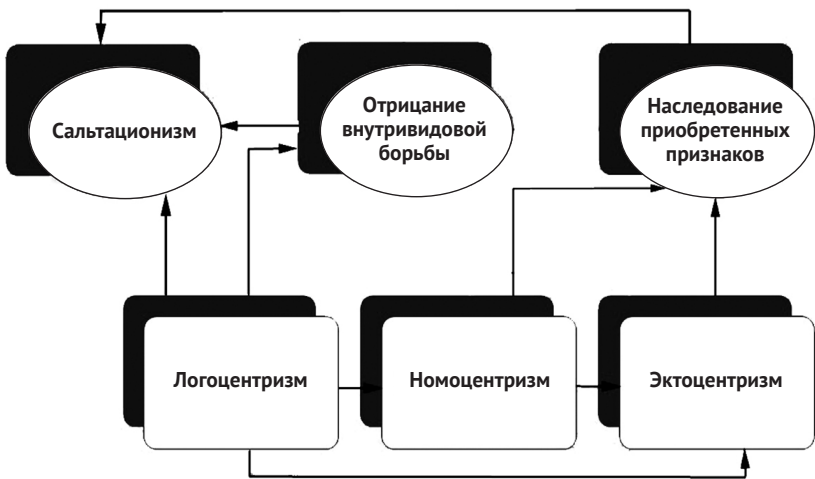

Рис. 2. Структура «нового учения о виде»

Логоцентризм в общем виде можно определить как признание того, что внешняя по отношению к науке система концептов (религиозная, философская, идеологическая) является высшим мерилем истинности той или иной научной теории, что позволяет сделать обоснованный выбор между альтернативными теориями. Логоцентричной была, к примеру,

³² От греческих слов *lógos* — «учение», *nomós* — «закон» и *ektós* — «внешний».

додарвиновская биология, в которой принималось как данность, что биологические теории не должны противоречить ветхозаветной картине мира. Следуя такой аксиоматической установке, ранние критики дарвинизма отвергали эту концепцию не потому, что она ошибочна в научном отношении, а из-за того, что она противоречит Писанию³³.

В советских условиях в качестве высшего арбитра и «теории всего» выступал марксизм-ленинизм в его сталинской трактовке, что на практике выражалось в постоянных апелляциях биологов-теоретиков к цитатам из «классиков» (Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин), причем взятых не только из их опубликованных работ, но также и из частной переписки. Утверждалось, что «единственно верная» философия описывает *in toto* самые общие закономерности познаваемого мира, поэтому любая научная теория должна поверяться на соответствие положениям диамата (или истмата — в случае социогуманитарных наук) и, при неполном соответствии, корректироваться или даже отвергаться³⁴. Именно к трудам «классиков» надлежало обращаться при решении теоретических затруднений³⁵. Логоцентрическая установка была характерной чертой всей советской науки рассматриваемого периода, принималась практически всеми учеными, независимо от их научных взглядов, и была сформирована острой «диалектизацией» естествознания в Советском Союзе в предвоенный период³⁶, или, как точно сформулировал один верноподданный биолог, «отеческой заботой товарища Сталина о мировоззрении советских ученых»³⁷.

³³ Ellegård (1990).

³⁴ Показателен пример, когда скромный провинциальный ботаник, заведующий кафедрой биологии Омского медицинского института, А. П. Скабичевский мог критиковать теорию могущественного тогда академика А. И. Опарина за отклонения от «единственно правильного пути, указанного Ф. Энгельсом» (Скабичевский, 1953. С. 155). Даже в 1970-е гг. можно было встретить утверждение, что правильно мыслящие советские ученые должны взяться за «марксистско-ленинское воспитание и перевоспитание ученых капиталистических стран — как молодых, так и вполне опытных исследователей». Поскольку многие зарубежные ученые, в том числе и «видные», находятся в мировоззренческом тупике, «поборники диалектического материализма» должны помочь им «разобраться в основных философских вопросах биологической науки» (Давиташвили, 1972. С. 19).

³⁵ «Без изучения основоположников марксизма-ленинизма я не смог бы разобраться в запутанных вопросах борьбы за существование и приспособительной эволюции. В этом отношении для меня основное значение имели соответствующие страницы “Антидюринга” и “Диалектики природы” Энгельса» (С. А. Северцов, 1941. С. 8). Сравните с признанием советского языковеда: «[с]ущность категории артикля стала мне действительно ясной только в свете учения И. В. Сталина о специфике общественного характера языка как средства общения» (цит. по: Алпатов, 2004. С. 197).

³⁶ О «диалектизации» биологии в СССР см. Колчинский (1999).

³⁷ Марков (1953. С. 247).

«Диалектизация» естествознания в СССР началась в 1922 г. с выходом известной статьи В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма», в которой, в частности, говорилось, что «...без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания <...> естествознавец должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, то есть должен быть диалектическим материалистом» (курсив мой — М. В.)³⁸.

В 1925 г. в СССР была опубликована книга Энгельса «Диалектика природы», представлявшая собой подборку заметок о естествознании, готовившуюся для задуманной, но так и не написанной книги. Среди прочего, в ней содержалось немало хвalebных слов в адрес Дарвина и его теории, что, по словам Б. М. Гаспарова, «способствовало последующей канонизации дарвинизма в рамках марксистской методологии, с неизбежными последствиями для оппонентов»³⁹.

Корни этой «диалектизации» уходят в дореволюционную эпоху, когда большевики еще не обладали реальной властью. По мнению Л. Н. Мазур, уже в 1909 г. в книге «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин создал особый, «социалистический канон» науки, резко отличный от классического. Основными его положениями были следующие:

- наука имеет классовый характер и, соответственно, делится на реакционную идеалистическую (буржуазную) и революционную материалистическую (пролетарскую), которая несет истинное знание;
- практическое (опытное, экспериментальное, прикладное) знание имеет приоритет перед теоретическим;
- марксизм есть единственно верная теория, дающая правильную картину мира и описывающая закономерности его развития⁴⁰.

Октябрьский переворот 1917 года, приведший большевиков к власти, дал им возможность реализовать ленинский «канон» на практике.

В СССР утверждалось, что диалектический материализм является основой всех без исключения биологических дисциплин, включая такие эмпирические и «описательные» ее разделы, как анатомия и морфология⁴¹. До некоторой степени это затрагивало и эйдологию. Так, в плане

³⁸ Ленин (1922. С. 9–10).

³⁹ Гаспаров (1994. С. 190). См. также Колчинский (1999. С. 82).

⁴⁰ Приводится (с изменениями) по Мазур (2021. С. 122).

⁴¹ Пермский профессор анатомии Б. М. Соколов утверждал, что ни один вопрос морфологии «не может быть понят полно и всегда правильно понять, если не обратиться за разъяснением <...> о нем к первоисточникам материалистической диалектики — трудам Маркса, Энгельса и Ленина» (Соколов, 1934. С. 8). И там же (с. 13): «Чем ближе к своей профессии, к своей специальности исследует специалист

работ на 1932 г. ленинградского Общества биологов-марксистов, возглавлявшегося будущим идеологом «мичуринской» биологии И. Презентом, значился такой пункт: «Критика морфологического метода в классификации видов; Генетический метод в классификации и его критика, пути построения Марксистской систематики»⁴². В апреле того же года в Ленинграде состоялся научный диспут о «кризисе буржуазной систематики», в котором были раскритикованы традиционные, «метафизические» взгляды на сущность вида, восходящие к Карлу Линнею. В своем выступлении Презент заявил, что только в СССР можно правильно решить проблему вида, потому что «кризис теории» в капиталистических странах «заключается в том, что там нет такого метода, каким владеем мы, метода, которым все более и более овладевают широкие круги наших научных работников, а именно метода диалектического материализма <...> Все наши институты — Зоологический, Ихтиологический и др. — до резу нуждаются в более высоком уровне постановки и хотя бы приблизительно разьяснении этой запутаннейшей проблемы таксономии, систематики»⁴³.

Непосредственное влияние марксистской доктрины вполне ощутимо и в монографии В. Л. Комарова о виде у растений. Предложенное им определение вида, как указывает сам автор, напрямую вытекает из философских «установок», содержащихся в «Кратком курсе истории ВКП(б)»⁴⁴. И совершенно не случайно, что глава, в которой это обсуждается, называется «Диалектика вида». Именно к «Краткому курсу» Комаров апеллировал, полемизируя о сущности вида с представителями вавиловской школы (см. главу 1).

Многие ученые «старой формации» активно включились в «диалектизацию», усиленно стараясь «перековать» свое мировоззрение (я опускаю вопрос о том, насколько искренней и глубокой была такая поспешная «перековка»⁴⁵). Вот, к примеру, что писал томский профессор

учение Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, тем реальнее осуществляет он его на деле, а это верный залог к выполнению поставленной перед каждым из нас задачи.

⁴² Сводный план работы Общества биологов-марксистов г. Ленинграда на 32 год. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 240. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.

⁴³ Из стенограммы диспута. СПбФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 56, 58.

⁴⁴ Комаров (1945. С. 366–367). По словам Комарова, искать определение вида надо не у генэкологов типа Е. Синской, «а у совершенно иных авторов».

⁴⁵ «Диалектизаторы» от биологии осуществляли строгий идеологический контроль над мировоззрением ученых, особенно дореволюционной формации. Так, в протоколах заседаний ленинградского Общества биологов-марксистов за 1932 г. значится следующий пункт: «организовать по всем научно-исследов[ательским] учреждениям коммунистов для изучения поведения и печатных работ отдельных специалистов. Особо необходимо выделять при этом эпоху гражданской войны, конец военного коммунизма и переход к НЭП, а также поворот к новой форме НЭПа (т. е. работы с 1926 г.)» (СПбФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 36).

ботаники В. В. Ревердатто в предисловии к своему курсу лекций по фитоценологии:

Усиленная работа в период 1929–32 гг. в области освоения основ диалектического материализма и в частности — диалектики природы, заставила меня по-иному взглянуть на читавшийся мною до 1930 г. курс, и иначе подойти к выводам из накопленного фактического материала. Иными словами, мною была сделана попытка построить свой курс на основе тех указаний и высказываний, которые мы находим по отношению к биологии у классиков марксизма (Энгельс, Маркс, Ленин) и выявить закономерности в растительных группировках, пользуясь методом диалектического материализма⁴⁶.

Примат философской теории над биологическим знанием в те годы провозглашался не только философами и идеологами, но и самими биологами. Именно с такой позиции морфолог и палеонтолог Д. М. Федотов критиковал труды А. Н. Северцова, который, по его мнению, не овладел философией марксизма-ленинизма и оттого «не смог постичь развития в духе концепции Ленина-Сталина, поэтому даже его собственные основные положения морфо-биологической теории и теории филэмбриогенеза остались необъясненными, не составили единой, цельной теории эволюции животных»⁴⁷.

Сам Лысенко называл «основой правильного понимания биологических явлений» работу Сталина «О диалектическом и историческом материализме»⁴⁸. Соотношения биологии и философии (диамата) с логоцентрической точки зрения обоюдоостры. Биология нуждается в диамате как высшем критерии истины и средстве проверки своих теорий. С другой стороны, биология, как и все остальные естественные науки, служит поставщиком фактического материала для диалектического философствования. Природа, по Ф. Энгельсу, есть «подтверждение диалектики»⁴⁹. Но биология ценна не только сама по себе, как точное и объективное знание о живой природе и ее развитии. Будучи вовлеченной в борьбу материализма с «метафизикой и идеализмом», она вносит свой вклад в победу над буржуазным мировоззрением, участвуя тем самым в великой схватке между прогрессом и реакционностью,

⁴⁶ Ревердатто (1935. С. 3).

⁴⁷ Федотов (1955. С. 220).

⁴⁸ Лысенко (1953. С. 11).

⁴⁹ Цит. по: Соколов, 1934. С. 1. Невозможно не провести параллель между этим высказыванием и «натуральной теологией» XVIII–XIX вв., искавшей в живой и неживой природе доказательств мудрости и благости Творца.

коммунистическим завтра и капиталистическим вчера. Как заявил Лысенко в своем докладе на «августовской» сессии, есть «два мира», капиталистический и социалистический, разделенные непреодолимым идеологическим барьером. Научная полемика по вопросам наследственности и эволюции, по его утверждению, лишь эпизод непримиримой борьбы этих «двух миров» — двух идеологических систем⁵⁰. «Менделизм-морганизм» следует выкорчевать из советской почвы не только потому, что он неверен как научная теория, но и потому, что он является частью «буржуазной идеологии»⁵¹.

Впрочем, обусловленные логоцентризмом претензии предъявляли друг другу и представители «формальной генетики». Достаточно указать на то, как молодой Н. П. Дубинин критиковал своего коллегу по «генетическому цеху» А. С. Серебровского, выдвинув против него на неполных двух страницах своей статьи целую серию обвинений, включая упреки в механицизме, «формалистической трактовке гена», смыкании с «меньшевиствующим идеализмом», попытках выхолостить «душу диалектического материализма», а также симпатиях к «идеализму лотсианского типа», который он пропагандировал «со страниц марксистского журнала»⁵². В 1932 г. эти обвинения выглядели уже далеко не невинно. Дубинин призывал генетиков отправить в «помещение для нечистот» «всю накипь идеализма и метафизики, которые расцветают на почве кризиса генетики и заташат науку в тупик, если мы не сумеем дать им отпор»⁵³. В этом ясно читается претензия автора на то, чтобы занять место стража идеологической чистоты советской генетики, поскольку вопросы теории наследственности имели не только научное, но и политическое значение. Дело в том, объяснял Дубинин, что «проблема гена является одной из центральных проблем современной генетики. Она вовлечена в острейший кризис, она в своих пределах, используя выражение Ленина, как и все

⁵⁰ Лысенко (1948. С. 13–15).

⁵¹ «Внедрение» неверной идеологии рассматривалось как «вредительство» (уголовно наказуемое деяние в ту эпоху). Как говорил Б. П. Токин, один из самых ревностных «диалектизаторов», «в Советском Союзе вредитель-биолог пакостит социалистическому строительству, тормозит использование достижений теоретической биологии в нашей практике, *влияет на все области методологии*» (Токин, 1931. С. 9. Курсив мой — М. В.).

⁵² Дубинин (1932. С. 130–131).

⁵³ Там же. С. 130. «Помещение для нечистот» заимствовано Дубининым непосредственно у Ленина, применившего это выражение в книге «Материализм и эмпириокритицизм» по отношению к ряду физических теорий, которых вождь большевиков считал «отбросами» идеализма.

современное естествознание, *рождает диалектический материализм»* (курсив мой — М. В.)⁵⁴.

Как содержание, так и риторические приемы, содержащиеся в работах «мичуринцев», были логоцентричны еще и в том отношении, что они вполне соответствовали ряду важнейших идеологических установок эпохи сталинизма, хорошо знакомых читателям как по учебникам, так и по пропагандистским текстам. В число этих базовых положений входили следующие:

- Философские и научные истины носят неизбежно классовый, партийный характер, и споры даже по, казалось бы, отвлеченным вопросам (таким, как реальность наследования приобретенных признаков) имеют идеологическую подоплеку;
- В основе любого научного познания лежит определенная философская система, которая может быть «прогрессивной» (т. е. по определению верной) или «реакционной» (т. е. по определению неверной). Истинность научной теории определяется в первую очередь этим, а не ее конкретным содержанием;
- Главное предназначение науки — не добывать фундаментальное знание о природе, а «обслуживать» интересы «народа». Только «народ» [в лице ВКП(б)] имеет право определять, какие научные направления и темы имеют право на существование, а какие нет⁵⁵. Только «народ» является верховным судьей по всем теоретическим вопросам науки и имеет право делать выбор между правильными и неправильными научными теориями;
- Практика — важнейший критерий истины, что обосновывает и признание марксизма «единственно верной теорией», поскольку до Маркса философы только «объясняли мир», а марксисты создали научную теорию, способную его изменить.
- Любой ученый — это не только исследователь, специалист в своей области науки, но и участник идеологической борьбы между «пролетарским» и «буржуазным» мировоззрениями⁵⁶. Лояльный

⁵⁴ Дубинин (1932. С. 129). Снова отсылка к «Материализму и эмпириокритицизму» Ленина — тексту, прекрасно известному всем участникам тогдашней дискуссии о философии естествознания.

⁵⁵ В 1937 году посол СССР в Великобритании И. И. Майский разъяснял британским ученым, что в стране Советов наука «не должна считать себя неким полубогом с правом выбирать свое собственное направление без учета нужд и требований народа. Наоборот, главной целью науки является верное обслуживание нужд народа» (Цит. по: Кременцов, 2005. С. 295).

⁵⁶ Например, советские систематики должны были бороться с «идеалистическими» теориями биологического вида. Конкретным проявлением такой борьбы стали статьи С. А. Чернова (1941), П. В. Серебровского (1941) и И. А. Рубцова (1941), опубликованные в выпуске «Трудов Зоологического института АН СССР», специально посвященном вопросам теории систематики.

советский ученый по определению должен быть на стороне первого, то есть соглашаться с любыми суждениями «верховного арбитра» по поводу научных вопросов, даже если они расходятся с его собственными взглядами. Истина партийна, поэтому партия имеет право требовать от ученых принимать ту научную теорию, которая объявлена истинной, наиболее соответствующей «мировоззрению пролетариата».

Далеко не всегда лысенковцы прямо апеллировали к этим положениям просто потому, что в контексте советской идеологии они воспринимались как нечто само собой разумеющееся, как не подлежащие обсуждению аксиомы.

Обращение к цитатам из «классиков» было полемическим приемом, общим для всех участников «дискуссии о виде», как сторонников, так и противников НУВ. Корпус доступных цитат был довольно велик, к тому же некоторые из них допускали противоположные по смыслу интерпретации, что позволяло спорящим подыскать подтверждение практически для любого тезиса⁵⁷. Логоцентризм выполнял и еще одну важную функцию, служа «лексической основой диалога» между учеными и властью⁵⁸. Власть предрешающие не разбирались в теоретических тонкостях, но хорошо понимали обращенные к ним идеологически выдержанные выражения и «правильные» цитаты.

Номоцентризм. Не только биология, но и наука в целом рассматривалась советскими философами 1920–1950-х гг. как деятельность по выявлению закономерностей в природе и обществе, а случайности третируются как нечто затемняющее этот процесс, а потому не заслуживающее изучения⁵⁹. В этом отношении были солидарны представители противоположных направлений — «мичуринские биологи» и Л. С. Берг, автор теории «нотомогенеза» или эволюции на основе закономерностей (обруганной советскими философами за «идеализм»)⁶⁰. О важности номоцентризма для советской науки свидетельствует обложка журнала

⁵⁷ Вот свидетельство современника: «Многие из вступивших в дискуссию авторов часто базисом для своих возражений выбирали цитаты из Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, но при этом, как правило, они не давали конкретного преломления диалектических законов, открытых классиками марксизма, в специальной области знаний — в биологии, в проблеме видообразования. Каждому понятно, что догматически этот спор решить нельзя, тем более что иногда одни и те же цитаты использовали для доказательств противных точек зрения» (Карпевич, 1955. С. 50).

⁵⁸ Кременцов (1997. С. 113).

⁵⁹ Гнеденко (1950). Ср. утверждение философа Н. В. Пилипенко (1953. С. 29) о том, что «мичуринское» учение «непримиримо враждебно случайности», построено на «диалектико-материалистической идее необходимости... всюду, где менделисты-вейсманисты видят лишь игру случайностей, [мичуринское учение] вскрывает реальные объективные закономерности и изучает их».

⁶⁰ Колчинский (2002. С. 32–33).

«Природа» за 1934 г., на которой красуется лозунг: «Мы требуем от природы закономерности. Буржуазия требует от своих профессоров реакционности» (рис. 3).

Рис. 3. Обложка журнала «Природа», № 1 за 1934 г.

С этой позиции атакровалась не только менделевская генетика, но и классический дарвинизм с его акцентом на неопределенную (т. е. случайную) изменчивость как источник «сырого материала» для естественного отбора. По мнению Лысенко, «случайности» препятствуют научному планированию и целеполаганию. Так, он не отрицал действия колхицина, рентгеновского излучения и прочих мутагенов на растения,

но считал их применение бесполезным для селекции, так как эффект воздействия невозможно рассчитать заранее⁶¹. Поэтому в риторике «мичуринцев» постоянно подчеркивалось, что их наука противостоит «практически бесплодному» менделизму-морганизму⁶². «Наука — враг случайностей» — таков был броский лозунг, выдвинутый Лысенко на «августовской» сессии ВАСХНИЛ⁶³.

Для теоретиков «мичуринской» биологии было чрезвычайно характерно стремление к провозглашению «законов природы», разного масштаба и разной степени инклюзивности. Как правило, эти «законы» имели вид очень нестрогих натурфилософских обобщений, едва ли поддающихся верификации и фальсификации (в смысле Карла Поппера). Сам Лысенко еще в 1938 г. выдвинул «закон ассимиляции и диссимиляции», за которым последовали «закон взаимосвязи и взаимообусловленности явлений природы»⁶⁴, «единый закон жизни вида»⁶⁵ и «закон адекватного воздействия условий внешней среды изменению наследственности»⁶⁶. Его теория стадийного развития растений в 1950 г. была объявлена «основным законом физиологии растений»⁶⁷. Активный пропагандист лысенкоизма Ф. А. Дворянкин писал о «законе органической эволюции» (= «закон» наследования приобретенных признаков)⁶⁸, а также о «законе единства организмов и условий их существования»⁶⁹. Томский ихтиолог и эколог Б. Г. Иоганзен в 1955 г. возвел последнее утверждение в ранг «основного закона биологии»⁷⁰. Выше я уже цитировал «биологический закон» Дмитриева («ни одна биологическая группа индивидуумов не может использовать в качестве пищи своих

⁶¹ Лысенко (1953. С. 67, 71–73). Кроме того, Лысенко утверждал, что признание случая основой эволюции противоречит положению диамата о принципиальной познаваемости всех природных явлений (Там же. С. 38). Замечу, что еще в 1944 г. он признавал, что «эволюция растений и животных идет через случайные изменения старой наследственности, через случайные построения и закрепления новой наследственности» (Там же. С. 213).

⁶² Лысенко (1953. С. 72–73; 1956. С. 21). В 1941 г. он обрушился на муху-дрозофилу, от которой ничего нельзя «требовать под углом зрения практики», и на изучающих ее генетиков: «[н]ужно быть особо гениальным и многознающим, чтобы на такой объекте, который безразличен для практики, вскрыть что-нибудь действительно важное для практики» (Там же. С. 516–517).

⁶³ Там же. С. 73. И далее: «Изживая из нашей науки менделизм-морганизм-вейсманнизм, мы тем самым изгоняем случайности из биологической науки».

⁶⁴ Лысенко (1952. С. 25).

⁶⁵ Лысенко (1956. С. 13).

⁶⁶ Лысенко (1958. С. 106).

⁶⁷ Сергеев (1950).

⁶⁸ Цит. по: Завадский, Берман (1966. С. 11, 20).

⁶⁹ Дворянкин (1953а. С. 6). Дворянкин приписывал авторство этого «закона» К. Ф. Рудье.

⁷⁰ Иоганзен (1955. С. 9).

экскрементов или выделений»), который в своей наивной нелепости представляется вершиной «законотворчества» лысенкоистов.

Примечательно, что те же самые люди, которые клялись в верности диалектическому материализму, отвергали случайность, как будто бы она не является одной из «противоположностей», диалектически связанной с необходимостью⁷¹. В своей борьбе они доходили почти до лапласовского детерминизма, демонизируя «случай» в таких вот, взятых у великого математика прошлого, выражениях:

Что же такое случай? Это, конечно, самый отвратительный идол, и не что иное, как поношение всевышнего и всемогущего бога и совершеннейшего мира, им созданного, идол, которому слепое и лишнее смысла движение заменяет душу, а бесконечный хаос—тело. Преступно приписывать ему и вечность, и всемогущество, и сотворение мира, богу присущее⁷².

Однако номоцентризм в советской биологии тех лет — это не только «мичуринский дарвинизм», но и упомянутый выше номогенез Льва Берга, и закон гомологических рядов Н. И. Вавилова⁷³, и «морфологические закономерности эволюции» А. Н. Северцова, и многие другие, менее известные попытки того же рода, отражавшие интеллектуальный климат эпохи. Применительно к систематике и конкретно к проблеме вида это выразилось в призывах уйти от «каталогизаторства» и чистой описательности. Как писал еще в 1923 г. Е. С. Смирнов, главная задача систематики состоит в том, чтобы «установить те правила и законы, которые определяют взаимное расположение изучаемых явлений. Выражение этих закономерностей в виде математических формул — вот высшая цель, к которой стремится систематик»⁷⁴.

В советской систематике животных сложилась неформальная «нотетическая школа» (В. Н. Беклемишев, Б. С. Кузин, А. А. Любищев, Е. С. Смирнов), поставившая задачу вывести систематику на один уровень с более продвинутыми отраслями естествознания, которые уже

⁷¹ Так, в «Диалектике природы» Энгельс с симпатией отозвался о дарвинизме как о «практическом доказательстве» «гегелевской концепции о внутренней связи между необходимостью и случайностью» (Энгельс, 1952. С. 248).

⁷² Цитата из главы XXVII книги «О новой звезде в стопе Дракона» Иоганна Кеплера, приводимая Гнеденко (1950. С. 9). Уже в конце 1950-х гг. настрой советских диаматчиков стал куда более умеренным. Так, Л. Е. Майстров, хотя и повторяет, что «наука — враг случайностей», все-таки пишет, что «необходимость и случайность находятся между собой в диалектической взаимосвязи <...> случайностью нельзя пренебрегать <...> Случайность необходимо учитывать именно для того, чтобы не оказаться во власти случая, чтобы исключить возможность его вредных влияний» (Майстров, 1959. С. 102–103).

⁷³ По Вавилову, существование «закономерностей в изменчивости... чрезвычайно упрощает изучение систем многообразия» (Вавилов, 1931. С. 17).

⁷⁴ Смирнов (1923. С. 358).

перешли от собирания и описания фактов к стадии формулирования «законов». Ее участниками двигало желание избавить систематику от клейма чисто описательной и безнадежно субъективной науки⁷⁵.

Через познание природных закономерностей теоретики того времени рассчитывали перейти к целенаправленной «переделке» природы, что было напрямую связано с третьим источником НУВ — *эктоцентризмом*.

Известный марксистский постулат о том, что бытие определяет сознание, понимался советскими идеологами как примат внешнего, среды (природной или социальной) над внутренним, то есть наследственными качествами организма. Условия жизни детерминируют как характер и особенности поведения индивида в обществе, так и морфофизиологические свойства животных и растений. «Условия» в широком смысле слова являются единственным движущим и активным фактором эволюции, а организмам уготована пассивная роль «сырого материала», из которых природа (или социальный конструктор) может «вылепить» все, что угодно⁷⁶. Эктоцентрическая установка идеально соответствовала утопическому советскому проекту создания нового, «коммунистического», человека, не отягченного пороками, которые в нем формировала капиталистическая «среда»⁷⁷. Такой проект был близок современным ему евгеническим утопиям, за тем исключением, что воздействовать предполагалось не на гены, а на социальные условия, путем направленной «переделки» общественных отношений (социал-ламаркизм)⁷⁸.

⁷⁵ Винарский (2020).

⁷⁶ Н. К. Кольцов гиперболически высмеивал взгляды лысенковцев, конкретно Исаю Презента: «он говорит, что можно кормлением превратить таракана в лошадь» (Бабков, 2008. С. 707). Ср. высказывание Лысенко: «...изменением питания можно менять наследственность растительных организмов... эти изменения получают соответственными, адекватными воздействию условий внешней среды» (Лысенко, 1953. С. 204).

⁷⁷ Как выражался один из персонажей Андрея Платонова, «глупость есть лишь проходящее социальное условие».

⁷⁸ Эта тема выходит за рамки данного исследования, для иллюстрации достаточно сослаться на высказывания В. Н. Слепкова (1925а), который, дискутируя с советскими евгениками, настаивал на абсолютном социальном детерминизме «природы» человека. Весьма развязным тоном 23-х летний автор, член РКП(б) с 1919 г., поучал: «...очень не мешало бы нашим евгенистам поучиться социологической грамоте, чтобы не совать биологические факторы и куда нужно и куда не нужно»; им надо знать «Тезисы о Фейербахе» Маркса, в которых сказано, что «люди представляют собой продукт обстоятельств и воспитания и что, следовательно, изменившиеся люди являются продуктом изменившихся обстоятельств и другого воспитания» (Слепков, 1925а. С. 113). Человек — это категория социальная, и только «социологическая безграмотность» евгеников побуждает их объяснять человеческую «природу» биологическими факторами (Там же. С. 114).

Эта общая эктоцентрическая установка применительно к вопросам наследственности нашла свое концентрированное выражение в словах Лысенко: «Не может быть изменений генотипа, независимых от условий жизни. В организме буквально ничто не может произойти вне связи с условиями внешней среды»⁷⁹. Поскольку по его же словам изменения наследственности «*всегда* обуславливаются условиями жизни организма»⁸⁰ (курсив мой — М. В.), то лысенкоистами отрицались любые эволюционные концепции автогенетического толка. Как писал Ф. А. Дворянкин, автогенез есть «идеалистический бред, прячущий “боженьку” за псевдонаучными формулировками»⁸¹.

Несмотря на явную неравноценность «среды» и организмов, как активного и пассивного начал, советские философы и биологи рассматривали принцип «единства организма и среды» как частный случай закона единства и борьбы противоположностей, а также как центральное положение «мичуринской» биологии, почерпнутое, разумеется, из «указаний классиков марксизма-ленинизма»⁸². В качестве связующего звена между средой и организмом выступает обмен веществ, которому, как мы увидим, Лысенко придавал первостепенное значение.

«Единство организма и среды» предполагало также и полную корреляцию между экологическими условиями и морфофизиологическими признаками животных и растений. «Мичуринцы» были убеждены, что все свойства организмов являются адаптивными и совершенно адекватными условиям их существования⁸³. Нарушение этой адекватности создает диалектическое противоречие, которое «снимается» в акте видообразования⁸⁴. Наличие прямой и механистической связи между факторами среды и признаками организмов выставлялась как возможность «управлять» наследственностью животных и растений и целенаправленно создавать не только новые сорта и породы, но даже новые виды с желаемыми свойствами.

Возможно, именно в этом утопическом стремлении подчинить себе живую природу, прийти к «овладеванию потоком эволюции»⁸⁵, и нужно видеть главный корень явления, получившего в истории науки название «лысенкоизм».

Ранние работы Лысенко о яровизации, привлекая к нему внимание советской прессы и давшие толчок его головокружительной

⁷⁹ Лысенко (1946. С. 301).

⁸⁰ Лысенко (1953. С. 46).

⁸¹ Дворянкин (1953а. С. 8).

⁸² Н. В. Пилипенко (1953. С. 30).

⁸³ Лысенко (1952. С. 25; 1956. С. 3); Никольский (1955а, б).

⁸⁴ Лысенко (1953. С. 202).

⁸⁵ Презент (1947. С. 14).

карьере, были посвящены влиянию факторов внешней среды, в первую очередь температуры, на развитие культурных растений. Убедившись в его важности, Лысенко пришел к мысли о возможности направленного воздействия на наследственность путем изменения внешних условий, в которых «воспитываются» растения. Это создавало не только вполне очевидные прикладные перспективы, но и очень хорошо соответствовало политике «диалектизации». В декабре 1936 г., в дискуссии на IV сессии ВАСХНИЛ, Лысенко заявил, что его несогласие с «вейсманизмом» вызвано тем, что эта теория отрицает возможность направленной «переделки природы растений в нужном нам направлении»⁸⁶. Генетика ставила барьер его демиургическим планам и за это была объявлена противоречащей диалектическому материализму и потому «лженаучной»⁸⁷. Взамен Лысенко выдвинул «неканоническую» концепцию наследственности, дальнейшее развитие которой и привело к формированию столь же «неканонической» теории вида и видообразования⁸⁸.

В том же году в записке, направленной Сталину и Молотову из Отдела науки ЦК ВКП(б), реакция советских генетиков на эти заявления описывалась следующим образом. Большинство специалистов, признавая научные заслуги Лысенко в области физиологии растений, отрицательно относятся к его утверждениям о «возможности *сознательного* влияния на эволюцию в определенном направлении» (курсив мой — М. В.). Автор докладной записки признавал, что обстановка в советской биологии нездоровая, что многие генетики, не соглашаясь с теоретическими взглядами Лысенко, опасаются с ним спорить, потому что он «пользуется поддержкой партии и правительства и спорить с ним невыгодно, хотя он и неправ»⁸⁹.

⁸⁶ Лысенко (1946. С. 141, 148–156). Тут же Лысенко обрушивается и на закон гомологических рядов Н. И. Вавилова, мешающий работать, если «ты берешься за действенное направленное овладение эволюцией растительных форм» (Там же. С. 157–158). Смысл закона в том, что изменчивость организмов не хаотична, а упорядочена, причем предсказуема, т. е. имеет некие *пределы*. Это раздражало Лысенко, уверовавшего во всемогущество «направленной переделки», способной, создать «прекраснейшие формы» животных и растений, в том числе и такие, «каких не было и какие не могли появиться в природе и за миллионы лет» (Там же. С. 156. Курсив автора — М. В.).

⁸⁷ Демиургический характер лысенкоизма виден из утверждения Ф. А. Дворянкина, что «мичуринская» биология нацелена на создание новых, полезных человеку форм, «неспособных возникнуть в стихийном природном процессе формообразования» (Дворянкин, 1958а. С. 30).

⁸⁸ Нуждин (1953а. С. 21).

⁸⁹ Есаков (2000. С. 215).

В своих выступлениях и публикациях 1930-х гг. Лысенко еще не покушался на классический дарвинизм, сосредоточившись на критике «менделизма-морганизма». О Дарвине и его теории он неизменно отзывался с большим пиететом, в превосходных степенях характеризуя вклад английского ученого не только в биологию, но и в становление материалистического мировоззрения. Однако советской науке, основанной на «единственно верном» учении требовался свой, «советский» Дарвин, а также свой, «советский» дарвинизм, очищенный от разного рода «ошибок»⁹⁰ и полностью соответствующий догмам диамата.

Из материалов, представленных в статье А. В. Куприянова, следует, что первые открытые атаки Лысенко на дарвинизм имели место уже в 1940–1941 гг.⁹¹, начиная с брошюры «Энгельс и некоторые вопросы дарвинизма», в основу которой был положен его доклад на заседании Академии наук СССР, посвященном 120-летию юбилею Ф. Энгельса (28 ноября 1940 г.). В этом докладе уже появляется выражение «творческий дарвинизм»⁹², которому предстояло занять важное место в лысенкоистской риторике.

Начав с признания того, что в основе дарвиновской теории лежит естественный и искусственный отбор, Лысенко в качестве ведущего эволюционного фактора выдвинул изменения в обмене веществ организмов, оказывающие прямое, адекватное среде, воздействие на их наследственность. В докладе еще нет речи о виде и видообразовании, обсуждаются в основном вопросы сельскохозяйственной практики. Однако уже выдвинуто «мичуринское» толкование наследственности, в которой нет места никаким генам и хромосомам, зато царят физиология и «потребности» организма (см. табл. 1), изменение

⁹⁰ Тема «ошибок Дарвина» восходит к критическим высказываниям Маркса и Энгельса о его теории. Она обсуждалась и теми из советских ученых, кто не принадлежал к «мичуринскому» направлению: Соколов (1934. С. 167–177); Шмальгаузен (1946б. С. 155–156). В «Курсе дарвинизма» А. А. Парамонова говорилось, что работы советских биологов «пронизаны духом Дарвина, однако, Дарвина, поднятого на новую ступень, соответствующую советской социалистической культуре». И далее: «[е]сли бы мы захотели, таким образом, определить *характернейшую черту советского дарвинизма*, поднятого социалистической культурой на новую ступень развития, то мы должны были бы признать, что его основная задача хорошо выражается словами Карла Маркса: “Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его”» (А. А. Парамонов, 1945. С. 429. Курсив автора — М. В.).

⁹¹ Куприянов (2011).

⁹² Лысенко (1946. С. 288).

которых — естественное или направляемое человеком — служит двигателем эволюции⁹³. В обоснование своих взглядов Лысенко ссылался на «Анти-Дюринг» Энгельса, в котором было сказано: «Из обмена веществ путем питания и выделения, составляющего существенную функцию белка, и из свойственной белку пластичности вытекают все прочие простейшие факторы жизни...» «Все», — пояснял Лысенко, — это в том числе и «изменчивость наследственности»⁹⁴.

Подробному обоснованию этой «мичуринской» концепции посвящена следующая значимая публикация Лысенко — брошюра «О наследственности и изменчивости», изданная в 1944 г. Отрицая предложенное Вейсманом разделение организма на сомю (тело) и идиоплазму (половые клетки — носители наследственных задатков), Лысенко утверждал, что свойство наследственности присуще всему организму как целому. Более того, поскольку физиологические «потребности» различных органов и тканей несколько различаются, то внутри одного организма может быть несколько «наследственностей», каждая со своей спецификой отношения ко внешней среде. Наследственность есть «слепок» с видо-специфических требований к условиям существования. Поэтому ее бессмысленно изучать традиционными способами, например, путем экспериментов по скрещиванию⁹⁵.

Наконец, решающий шаг к формированию НУВ был сделан в 1945 г., в лекции об естественном отборе и внутривидовой конкуренции, где Лысенко решительно, в очень категоричных выражениях отмежевался от дарвиновской идеи о ведущей роли внутривидовой борьбы за существование в процессе видообразования, приравняв ее к идеологически неприемлемому мальтузианству. Как известно, Дарвин использовал постулат Т. Мальтуса о несоответствии между геометрической прогрессией, математически описывающей прирост народонаселения, и арифметической прогрессией, в соответствии с которой возрастает производство продуктов питания. Он был экстраполирован Дарвином на природные популяции животных и растений, также размножающиеся в геометрической прогрессии. Результатом является перенаселенность, которую Дарвин рассматривал как важную (но далеко не единственную!) причину внутривидовой борьбы за существование, той самой,

⁹³ «Не борьба за существование является основой естественного отбора. Основой естественного отбора является изменение обмена веществ, приспособительный процесс» (Лысенко, 1946. С. 296), «овладевая» которым, можно изменять наследственность растений (Там же. С. 291). Это высказывание представляет собой заявку на ревизию дарвиновской теории в ее оригинальной форме.

⁹⁴ Лысенко (1946. С. 289–290).

⁹⁵ Лысенко (1953. С. 160).

в ходе которой происходит «переживание наиболее приспособленных». Центральным следствием из этого в теории Дарвина был принцип дивергенции (экологической, физиологической, морфологической), то есть эволюционного расхождения признаков у особей одного вида, «стремящихся в борьбе за существование занять возможно различные места в экономии природы»⁹⁶. Дивергенция, в любой ее форме, помогает снизить остроту внутривидовой конкуренции, но одновременно приводит к дифференциации вида на внутривидовые группировки. Эти группировки (Дарвин называл их «разновидностями») можно рассматривать как «зарождающиеся виды», ступени в процессе видообразования⁹⁷.

По моему мнению, именно отрицание внутривидовой борьбы стало наиболее оригинальным вкладом Лысенко в теорию вида и определило целый ряд производных от него положений НУВ. Именно в нем заключалась одна из трех составных частей «мичуринской» эйдологии (см. рис. 2).

Если в 1940 г. Лысенко утверждал, что «борьба за существование как результат перенаселения имеет место в природе»⁹⁸, то пять лет спустя он столь же решительно заявил, что перенаселенности, то есть появления в природе «избыточного» числа особей данного вида, «не было, нет и не может быть»⁹⁹. Его можно наблюдать лишь «случайно, на небольших площадях, причем в течение короткого времени», так что реального эволюционного значения этот фактор не имеет¹⁰⁰. По мнению Лысенко, внутривидовая борьба ведет лишь к ослаблению конкурирующих особей, снижает их «выживаемость», что никак не может способствовать эволюционному прогрессу¹⁰¹. Борьба за существование, т. е. антагонистические

⁹⁶ Шмальгаузен (1946б. С. 310).

⁹⁷ Литература, посвященная основам классического дарвинизма, включая вопрос о влиянии теории Мальтуса на мысль Дарвина, неозобрима. Из книг на русском языке в качестве кратчайшего введения в предмет можно рекомендовать монографию Н. В. Тимофеева-Ресовского с соавторами (1969) и Я. М. Галла (1993).

⁹⁸ Лысенко (1946. С. 287).

⁹⁹ Известно и такое афористичное высказывание Лысенко: «заяц зайца не ест». Оно опубликовано не в научной статье, а в его интервью «Литературной газете» в октябре 1947 г. (см. главу 6).

¹⁰⁰ Лысенко (1953. С. 370–372). В этом отношении автор вступал в противоречие с Фридрихом Энгельсом, признававшим реальность борьбы за существование, «происходящей от перенаселения в мире растений и животных» (Энгельс, 1952. С. 248. Курсив автора — М. В.). При этом Энгельс отмечал, что нельзя все эволюционные процессы сводить к «перенаселению» (Там же. С. 249). Эта вполне здравая мысль (соответствующая взглядам самого Дарвина) была доведена Лысенко до логического предела, фактически до абсурда.

¹⁰¹ Лысенко (1953. С. 372). Лысенко не отрицал, что организмы потенциально способны размножаться в геометрической прогрессии, но полагал, что природа не дает возможностей для этого (Там же. С. 380). По сути, этот все тот же мальтузианский

экологические отношения, может быть только межвидовой, в том числе и между «старым» видом и порожденным им «новым», который, будучи лучше приспособлен к конкретным условиям, в которых он возник, неизбежно вытеснит своего предка.

Согласно А. В. Куприянову, конкретным поводом к отрицанию внутривидовой борьбы могла стать выдвинутая Лысенко идея «гнездового посева» некоторых культурных растений и лесных пород¹⁰², при котором якобы высаженные растения не «борются», а способствуют выживанию друг друга, даже ценой собственной гибели. Но, что не менее важно, эта идея имела очевидное логоцентрическое обоснование, напрямую вытекающая из присущего советской идеологии резкого неприятия мальтузианства, объявленного реакционным, человеконенавистническим учением и поэтому неверным по определению. «Мичуринцы», с опорой на авторитет Энгельса, рассматривали внутривидовую борьбу за существование как «величайшую ошибку»¹⁰³ или даже «выдумку» Дарвина, некритически взявшего идею перенаселения у Мальтуса, а не «увидевшего» ее в природе. Из-за крайне отрицательного отношения «классиков марксизма» к мальтузианству оно представляло собой «красную линию», которую не мог перейти ни один советский биолог¹⁰⁴. Все без исключения участники «дискуссии о виде», в том числе противники «мичуринской» биологии, соглашались в том, что мальтузианство — это не только «глубоко ошибочная» теория, но и антиисторическое перенесение «капиталистических общественных отношений» на природу¹⁰⁵.

Лысенко предложил заменить перенаселение — *выживаемостью*, которую понимал следующим образом. Если организм способен успешно «ассимилировать» внешние условия, изменив свой тип метаболизма адекватно изменившейся среде, он получает «право на существование», если нет — гибнет¹⁰⁶.

Еще один нетривиальный — и откровенно логоцентричный — аргумент против внутривидовой конкуренции, выдвинутый Лысенко, выглядел так. Дарвиново учение о «борьбе» отражает классовую борьбу в английском обществе, к которому он принадлежал. Но ни у одного вида растений и животных «нет и не может быть классового общества.

аргумент, ведь и Мальтус доказывал, что размножение человеческой популяции контролируется внешними факторами — эпидемиями, войнами, стихийными бедствиями, не будь которых перенаселение и массовый голод стали бы реальностью.

¹⁰² Куприянов (2011. Р. 23). См. также Шумилова (1956. С. 73).

¹⁰³ Нуждин (1952. С. 13).

¹⁰⁴ См., к примеру, статьи С. С. Шелковникова (1954), Н. П. Дубинина (1955) и Л. В. Шумиловой (1956), выступавших с антилысенковских позиций.

¹⁰⁵ А. А. Парамонов (1957. С. 17–18). См. также Дубинин (1955. С. 104).

¹⁰⁶ Лысенко (1946. С. 302–303); Исаев и др. (1953. С. 42).

Поэтому также и нет, и не может быть здесь классовой борьбы, хотя бы ее в биологии и называли внутривидовой конкуренцией»¹⁰⁷.

Однако, кажется, никто из советских биологов, кроме Т. Д. Лысенко, не зашел так далеко, чтобы заодно с мальтузианством отбросить и реальность внутривидовой борьбы в природе. Напротив, до 1948 г. эволюционная роль этого фактора изучалась отечественными биологами как теоретически, так и практически¹⁰⁸. Поэтому неудивительно, что столь радикальное мнение, высказанное Лысенко, вызвало немедленную реакцию. В 1946 г. академик В. Н. Сукачев, ведущий советский геоботаник и биогеоценолог, опубликовал критическую статью, в которой указывал, что перенаселение и внутривидовую конкуренцию «можно столь же наглядно видеть и в сплошной заросли осоки и тимopheевки на лугу, ковыля в степи или в сплошном ковре сфагнома или гипнума на болоте»¹⁰⁹.

В ноябре-декабре 1947 г. вопрос о внутривидовой борьбе специально обсуждался на заседании Ученого совета биологического факультета МГУ. По его итогам был выпущен небольшой сборник, содержащий статьи И. И. Шмальгаузена, А. Н. Формозова и Д. А. Сапегина, каждый из которых высказался в антилысенковском духе¹¹⁰. Все авторы приводили примеры внутривидовой борьбы не только среди растений, но и среди животных. Шмальгаузен призывал не понимать термин «борьба» слишком прямолинейно, поскольку в трудах Дарвина это выражение носило характер метафоры, и «борьба» эта в природе очень часто протекает в пассивных, мягких формах, причем взаимопомощь между организмами одного вида также входит в понятие «борьбы за существование» в широком смысле.

Насколько сильно задел советское научное сообщество лысенковский нигилизм в отношении одной из центральных дарвиновских концепций, показывает то, что дискуссия по данному вопросу продолжилась

¹⁰⁷ Лысенко (1953. С. 398). Автор ссылается здесь на хорошо известную советским биологам цитату из письма К. Маркса Ф. Энгельсу от 18 июня 1862 г., в котором говорилось, что Дарвин «в среде животных и растений вновь открывает свое английское общество с его разделением труда, конкуренцией, открытием новых рынков <...> и мальтусовской “борьбой за существование” <...> у Дарвина царство животных представляет собой гражданское общество» (цит. по: Соколов, 1934. С. 175).

¹⁰⁸ С. А. Северцов (1937. С. 609); Сукачев (1953а); Галл, Гаузе (1983. С. 216).

¹⁰⁹ Сукачев (1946. С. 31). Возможно, это парафраз слов Энгельса, писавшего в «Анти-Дюринге», что факт борьбы за существование «может <...> доказать любой луг, любая нива, любой лес» (цит. по: Шумилова, 1956. С. 72).

¹¹⁰ Внутривидовая..., 1948. Ранее Е. И. Лукин писал об ожесточенной внутривидовой борьбе, происходящей не только внутри вида, но и внутри географической расы (Лукин, 1940. С. 233).

в декабре 1947 г. на «беседе» в Отделении биологических наук АН СССР¹¹¹, а также — в начале февраля 1948 г. — на конференции по проблемам дарвинизма в МГУ¹¹². Лысенкоистов среди докладчиков на конференции не оказалось, и все выступавшие опровергали утверждения «мичуринской» биологии. Похоже, это была последняя свободная теоретическая дискуссия в советской биологии перед долгим перерывом, продлившимся с августа 1948 по конец 1952 г.

Несмотря на все это, в докладе на «августовской» сессии ВАСХНИЛ Лысенко повторил свои аргументы, отрицая не только внутривидовую борьбу, но и взаимопомощь между особями одного вида в природе¹¹³.

Столь же логоцентричным был и другой компонент НУВ — представление о скачкообразном возникновении новых видов. В этом отношении теорию Лысенко можно рассматривать как одну из многих известных в истории биологии сальтационистских концепций, корни которых уходят в глубокую древность¹¹⁴. Биологическая эволюция рассматривалась «мичуринцами» как частный случай общих законов развития, принятых диалектическим материализмом. Постулировалось, что видообразование протекает в соответствии с законом перехода количества в качество, то есть путем медленного и незаметного, «ферментативного» накопления малых изменений, что, по достижении некоего порогового уровня, проявляется в скачкообразном возникновении нового «видового качества»¹¹⁵. В итоге новый вид появляется или в буквальном смысле слова моментально или же за очень небольшое (2–4) число поколений¹¹⁶. Так решалась сложная и сильно беспокоившая Дарвина проблема крайней редкости переходных форм между видами. Сальтационная модель предполагает, что таких переходных форм не может быть в принципе.

¹¹¹ Среди «беседующих» был сам Лысенко. Принятая бюро Отделения биологических наук резолюция была компромиссной. В ней признавалось, что внутривидовая борьба имеет место в природе даже в отсутствие перенаселения, но при этом классическая дарвиновская трактовка борьбы за существование «не может быть принята и требует известных коррективов». Что важно, в резолюции подчеркивалось, что признание внутривидовой борьбы в природе не является мальтузианством (см. Вестник АН СССР. 1948. № 3. С. 106).

¹¹² Соيفер (1993. С. 382–383).

¹¹³ Лысенко (1948. С. 8–9, 38–40).

¹¹⁴ Обзор см. Колчинский (2002). В донаучной форме сальтационизм встречался уже у средневековых авторов, таких как Альберт Великий (Arber, 1953. Р. 5; Пузанов, 1954).

¹¹⁵ Лысенко (1953. С. 14, 17).

¹¹⁶ Нуждин (1953а. С. 6). Автор уточняет, что это относится к экспериментальному получению новых видов; «вне эксперимента можно говорить о ряде поколений, так как число их будет в разных случаях разным»

На рубеже XIX–XX вв. сальтационные представления развивались в теории гетерогенезиса С. И. Коржинского, палеонтологических концепциях Д. Н. Соболева, но главное — в воззрениях ранних генетиков-антидарвинистов, таких как У. Бэтсон и Г. де Фриз, приписывавших ведущее эволюционное значение мутагенезу. Эти авторы, подобно Лысенко, предполагали скачкообразное появление новых видов. Однако разница между НУВ и генетическим мутационизмом принципиальна, а сходство этих теорий только внешнее. Убеденный эктоцентрист Лысенко не мог приписать никакого эволюционного значения внутренним (автогенетическим) факторам, таким, как мутации.

Наконец, третьим из ключевых компонентов НУВ стало признание реальности наследования приобретенных признаков (НПП), что довольно часто обозначалось и до сих пор обозначается термином «ламаркизм». На самом деле, эта идея возникла задолго до Ламарка¹¹⁷ и, вплоть до работ Вейсмана и переоткрытия законов Менделя, в той или иной степени разделялась почти всеми биологами, включая Дарвина. Она имела своих сторонников и в 1920–1930-х гг., в том числе и среди советских биологов¹¹⁸. Лысенко занял сторону тех из них, что называли себя «механоламаркистами», отрицали «вейсмановский барьер», то есть принципиальное различие между половыми и соматическими клетками, и признавали возможность прямого воздействия среды на наследственность¹¹⁹. Если принять, что условия обитания играют формативную роль по отношению к наследственности, это с неизбежностью ведет к признанию НПП. «Вейсмановский барьер» был объявлен Лысенко «идеализмом и метафизикой», а НПП — постулатом подлинно материалистической биологии¹²⁰. Впрочем, задолго до него то же самое утверждали и другие советские авторы, например, В. Н. Слепков¹²¹, хотя даже среди «диалектизаторов» биологии не было согласия по этому вопросу. Цитированный мною выше Б. П. Токин охарактеризовал механоламаркизм как «вульгарную позицию, ничего общего не имеющую с марксизмом и ленинизмом»¹²², из которой неизбежно «рождаются метафизика и идеализм. Ламаркизм сейчас тормозит разработку вопросов

¹¹⁷ Пузанов (1970); Бляхер (1971).

¹¹⁸ Gaissnovitch (1980); Бабков (1985, 2008); Гайсинович (1988); Колчинский (1999).

¹¹⁹ Смирнов и др. (1924); Смирнов, Леонов (1926); Смирнов (1927, 1928, 1953).

¹²⁰ Лысенко (1953. С. 26).

¹²¹ Слепков «со всей решительностью» встал на сторону ламаркистов, так как, по его убеждению, НПП является «краеугольным камнем всей материалистической биологии» (Слепков, 1925б: 118). Позднее, однако, став профессиональным генетиком, он в неоламаркизме разочаровался и перешел на позиции вейсманизма (Ермолаев, 2019).

¹²² Токин (1931. С. 25).

эволюции, проблем индивидуального развития <...> это наносит прямой вред социалистическому строительству»¹²³.

Все эти споры, со взаимными идеологическими обвинениями, прекратились на время в августе 1948 года, когда учение о НПП, вместе со всем «мичуринским» направлением, получило официальную поддержку от руководства ВКП(б). Лысенко в докладе на «августовской» сессии заявил:

...советские биологи считают, что мичуринские установки являются единственно научными установками. Вейсманисты и их последователи, отрицающие наследственность приобретенных свойств, не заслуживают того, чтобы долго распространяться о них. Будущее принадлежит Мичурину¹²⁴.

Однако данные слова принадлежали вовсе не ему. Они взяты из письма Сталина Лысенко от 31.10.1947¹²⁵, в котором «народный академик» произвел всего одну правку, заменив сталинское «я считаю, что...» на «советские биологи считают, что...». Имя автора письма не прозвучало, но в заключительном слове, произнесенном Лысенко 7 августа 1948 г., он заявил, что ЦК партии полностью поддерживает зачитанный им в первый день сессии доклад «О положении в биологической науке». Других доводов в то время и в тех обстоятельствах не требовалось.

* * *

Последний вопрос, который надлежит рассмотреть в этой главе, это соотношение «нового учения о виде» и ламаркизма. Если отождествлять, как это часто делается, ламаркизм с постулатом о наследовании приобретенных признаков, то ответ очевиден: «советский творческий дарвинизм» является одним из поздних вариантов ламаркизма. В то же время сам Лысенко неоднократно публично отрекся от такой идентификации¹²⁶. Точно также и Е. С. Смирнов, называвший себя

¹²³ Там же. С. 18.

¹²⁴ Лысенко (1948. С. 40).

¹²⁵ См. текст этого письма у Добренко (2020. С. 582).

¹²⁶ Например, в 1936 году он заявил: «...мы не ламаркисты и исходим не из ламаркистских позиций. Ведь нельзя же ученого просто потому, что он признает неотъемлемую роль внешних условий в эволюционном процессе <...> зачислять в ламаркисты» (Лысенко, 1946. С. 148). 20 лет спустя он повторил, что, хотя ламаркизм ближе к истине, чем вейсманизм, «мичуринская» биология «далеко не тождественна с ламаркизмом» (Лысенко, 1958. С. 110). При этом, в работах «мичуринцев» ламаркизм описывался вполне сочувственно, как «прогрессивное учение, противостоящее «всевозможным евгеническим и расистским извращениям биологии... У всех биологов мира осталась в памяти бешеная травля ламаркизма в фашистской Германии» (Студитский, 1955. С. 15). См. также Завадский (1949. С. 50–51); Дмитриев (1952. С. 36); Смирнов (1959).

механоламаркистом, в дискуссии 1931 г. утверждал, что «никогда не следовал ламаркизму в смысле Ламарка»¹²⁷.

Вся эта путаница очевидно вызвана тем, что исторический ламаркизм был довольно эклектичной теорией, включавшей в себя, помимо НПП, ряд других положений, отдельные из которых подхватывались разными научными школами, строившими на них собственные концепции. Так, «психоламаркизм» возник из идеи Ламарка о том, что *волевые усилия* животных («стремление к совершенству») могут стать движущей силой эволюции¹²⁸. «Механоламаркизм» основывался на признании функциональной («механической») зависимости признаков и свойств организмов от условий их обитания.

Споры о том, что такое «настоящий» ламаркизм, ведутся давно и, по сути, не окончены и по сей день. Рассмотрим лишь часть из имеющихся интерпретаций.

Б. М. Медников видел сущность ламаркизма в постулировании «изначально приспособительной, телеологической изменчивости»¹²⁹. Это означает, что ламаркизм и дарвинизм (селекционизм) резко расходятся в вопросе о происхождении адаптаций. С неодарвинистской точки зрения, среда обитания подобна «ситу, которое отсортировывает из состава популяции такие генотипы, которые наиболее приспособлены в смысле переживания»¹³⁰. В результате с течением поколений изменяется относительная частота генотипов в составе популяции и — в конечном итоге — происходят эволюционные преобразования на морфологическом, физиологическом, биохимическом и других уровнях. Это «сито» со времен Дарвина принято называть естественным отбором. Действует оно постепенно и, как правило, довольно медленно. Для ламаркизма же характерно представление о «мгновенной» приспособленности, возникающей механистически как прямой ответ на «вызов» среды, который сразу же передается по наследству.

Ламаркистское признание адаптивности вызванных средой изменений, их полной «адекватности» условиям, а также их наследуемость делают ненужным участие естественного отбора¹³¹. Эволюционная теория, признающая, что приспособленность, «целесообразность»

¹²⁷ Смирнов (1931. С. 41).

¹²⁸ Филипченко (1977. С. 113–119); Поздняков (2022. С. 57). Сам термин «психоламаркизм» был введен Йозефом Нусбаумом (Nusbaum, 1910) и получил некоторую популярность после того, как Людвиг Плате использовал его в 4-м издании своей книги «Принцип отбора и проблема видообразования» (Plate, 1913).

¹²⁹ Медников (1988. С. 190).

¹³⁰ Грегор (1945. С. 382).

¹³¹ Смирнов и др. (1924. С. 109).

возникает в готовом виде, а не является продуктом долгой селективной эволюции, не имеет ничего общего с дарвинизмом¹³². Дарвинист не станет отождествлять изменчивость и эволюцию; это свойственно как раз ламаркизму¹³³.

А. А. Поздняков в своей недавней работе сводит ламаркизм к утверждению о том, что «изменение среды есть пусковой механизм, вызывающий изменение метаболизма, следствием чего будет отклонение от оптимальности функционирования организмов»¹³⁴. Эта формулировка находит себе прямое соответствие в текстах самого Лысенко и его сторонников (см. главу 3).

Таким образом, независимо от предлагаемой современными авторами трактовки понятия «ламаркизм»¹³⁵, НУВ, с его неизбывным, принципиальным эктоцентризмом, а также учением о «мгновенной приспособленности», следует рассматривать как антидарвиновское, ламаркистское по сути учение¹³⁶.

¹³² Завадский, Берман (1966).

¹³³ Лукин (1940. С. 256).

¹³⁴ Поздняков (2022. С. 73).

¹³⁵ Несколько сложнее с интерпретацией И. И. Пузанова, согласно которой «исторический ламаркизм» — это теория, признающая «ведущим фактором эволюции имманентное организму стремление к прогрессу, ход которого видоизменяется факторами эктогенеза» (Пузанов, 1970. С. 124). Эктогенетическая «подкладка» НУВ показана выше в этой главе, а вот прямого утверждения имманентного стремления к прогрессу в работах Лысенко нет и не могло быть, так как он работал не с животными, а с растениями, которым невозможно приписывать никакие «стремления». Однако как отдаленный аналог этого ламаркистского фактора можно рассматривать лысенкоистский «единый закон жизни вида», который подробнее рассматривается в следующей главе.

¹³⁶ Оценка позиции Лысенко как откровенно антидарвинистской прозвучала даже на сессии ВАСХНИЛ 1948 г. в речи Б. М. Завадовского (Завадовский, 1948. С. 293–294). Эта речь стала одним из немногих критических по отношению к лысенкоизму выступлений на этой сессии.

**«НОВОЕ УЧЕНИЕ О ВИДЕ»:
ЛОГИКА И СОДЕРЖАНИЕ**

Любая целостная теория вида и видообразования должна ответить на ряд ключевых вопросов, а именно: что такое вид и каковы критерии для его распознавания (включая критерии для разграничения видов и внутривидовых форм)? Какова структура вида и как она формируется? Как протекает процесс видообразования?

Ответы на все эти вопросы можно найти в текстах Т. Д. Лысенко и его сторонников, однако они были даны в довольно своеобразной форме и не всегда упорядоченно, так что требуется специальная работа над первоисточниками, чтобы представить НУВ в форме более или менее стройной концепции. Попытка подобной реконструкции предпринята в настоящей главе. При этом нельзя не учитывать, что сам Лысенко не был систематиком и вопросами классификации живых организмов не интересовался. «Виды», о свойствах и происхождении которых он рассуждал в своих работах, едва ли идентичны видам классической зоологии и ботаники. Как селекционер-практик, Лысенко работал не с видами, а с сортами культурных растений, которые можно отождествить с внутривидовыми формами, но никак не с видами. Сорта эти (как и породы домашних животных) выведены человеком, а не созданы естественным отбором, они не прошли долгого эволюционного пути, и потому уравнивать их с природными, биологическими видами, не вполне корректно¹, как и некорректно методологически экстраполировать результаты наблюдений над ними на процесс видообразования в живой природе в целом².

Свое критическое, если не сказать пренебрежительное, отношение к деятельности систематиков Лысенко не раз высказывал в печати и в публичных выступлениях. Так, в статье 1956 г. он прямо заявил о том, что до него виды выделялись исключительно субъективно, да и вообще «...как различать многие близкие виды до сих пор никто в науке не знал и не мог бы знать, если бы на помощь биологии не пришел материализм, развитый марксизмом-ленинизмом. Поэтому-то теперь мы, мичуринцы, и знаем отличительные черты биологических видов»³. Автор подчеркивал, что имеет в виду не субъективные «таксономические»

¹ Шварц (1972).

² Шумилова (1956. С. 78–79).

³ Лысенко (1956. С. 21).

виды, а виды «биологические», определяемые не морфологически, а «качественной спецификой» взаимоотношений между составляющими их индивидуумами⁴.

Уровень понимания Трофимом Лысенко задач и методов биологической систематики, а также его представлений о виде, наглядно показывает цитата из его выступления на юбилейной сессии Академии наук УССР в Киеве 8 апреля 1954 г.:

Совокупность свойств отличает один вид от другого. Разве если вы собаку встретите без хвоста, это новый вид — бесхвостые собаки? Нет. <...> [Л]юбая систематика должна выполнять задачи практики. Вот летает воробей. Летает себе, и пусть. А приложи практик руку — не то, что разновидности, а штаммы появились бы. На какую породу собак вы ни посмотрите, ни одна из них от собаки не уклоняется. Где же делась настоящая собака, если все породы от собаки уклоняются? <...> Мне без смеха ответили — вымерла⁵.

Критическое отношение к «чисто морфологической» систематике, оценку ее как неизбежно субъективистской, можно найти и у других «мичуринцев»⁶. Так, Ф. А. Дворянкин отвергал значимость морфологического критерия вида как такового, утверждая, что «морфологическая систематика не только не может быть единственным судьей в вопросе об определении вида <...> она вообще по принципу своих действий не может здесь быть судьей». По его словам, морфологический критерий «вполне пригоден для нужд систематики, но совсем не годится для определения сущности вида»⁷. Истинный видовой критерий, по утверждению этого автора, может дать только «физиологическая онтогенетика».

Новое определение вида, обнародованное Лысенко в 1950 г. на страницах газеты «Правда», было откровенно полемичным по отношению ко взглядам большинства современных ему зоологов и ботаников, определявших вид через серию критериев — морфологический, физиологический, эколого-географический и т. д.⁸ Ни один из этих критериев не был использован в новой, «мичуринской» дефиниции

⁴ Там же. С. 9.

⁵ Цитируется по стенограмме выступления, опубликованной В. Н. Сойфером (1993. С. 529). В значительно отредактированном и более «литературном» виде этот пассаж приведен в статье Лысенко (1956. С. 30).

⁶ Презент, Халифман (1955. С. 29–30); Дворянкин (1958а, б).

⁷ Дворянкин (1958а. С. 30, 31). См. также Дворянкин (1958б. С. 215–217). Схожие обвинения в адрес «морфологической систематики» звучали еще за четверть века до того, весной 1932 г., на диспуте о «кризисе буржуазной систематики», проводившемся в Ленинграде под председательством Презента (СПбФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 35. Л. 54–101).

⁸ См. главу 1, а также приложение к этой книге, где приведены определения видовой категории, предложенные различными советскими авторами.

вида. Лысенко называл видом «особенное качественно определенное состояние живых форм материи. Существенной характерной чертой видов растений, животных и микроорганизмов являются определенные внутривидовые отношения между индивидуумами», которые «качественно отличны от взаимоотношений между индивидуумами разных видов»⁹. В чем именно состоит эти качественная определенность и качественное отличие, в работе «Новое в науке о биологическом виде» не пояснялось.

Несмотря на откровенную расплывчатость и неоперациональность этой дефиниции, она была объявлена первым истинно материалистическим определением вида в истории биологии, к тому же — утверждающим объективную реальность существования видов, которую якобы отрицали все биологи-предшественники, включая самого Дарвина¹⁰. Позднее Лысенко объяснил специфику внутривидовых отношений тем, что они не являются ни «борьбой», ни «взаимопомощью», но аналогичны отношениям между органами одного тела, находящимися в полной гармонии между собой¹¹. Особи одного вида взаимодействуют друг с другом, что направлено на единственную цель — воспроизводство вида¹². Такая идиллическая гармония взаимоотношений характеризует только взаимодействия внутри вида, в то время как отношения между особями близких видов, сосуществующих в одном местообитании, непременно будут антагонистическими¹³.

Утверждение Лысенко о том, что до него биологи не знали, что такое вид и отрицали объективное существование видов, могло вызвать доверие только у людей, совершенно незнакомых с литературой по теории и истории систематики. Многие крупные отечественные биологи первой половины XX в. совершенно однозначно высказывались в пользу реальности видов¹⁴. Конечно, Лысенко мог сослаться на авторитет ботаника В. Л. Комарова, откровенно признававшего в 1927 г., что при «выделении близких видов я руководствуюсь главным образом принципами практического удобства»¹⁵. Однако и этот автор позднее

⁹ Лысенко (1953. С. 319).

¹⁰ Дмитриев (1952); Нуждин (1952); Колодяжный (1954).

¹¹ Лысенко (1956. С. 10, 14). Представление о «взаимопомощи» Лысенко отвергает как антропоморфное (там же). См. также Дворянкин (1955. С. 116).

¹² Дворянкин (1958б. С. 221).

¹³ Лысенко (1953. С. 320–321).

¹⁴ Семенов-Тян-Шанский (1910); Вавилов (1931); Смирнов (1938. С. 388–389); С. Я. Парамонов (1943. С. 12); Огнев (1944. С. 4–7). К. М. Завадский (1949. С. 39) указывал, что реальность видов признавали Линней и Кювье.

¹⁵ Комаров (1927. С. 39). Это практически повторение слов Ч. Дарвина о том, что «термин “вид” я рассматриваю как произвольный, присвоенный ради удобства для обозначения близко сходных между собой особей» (Дарвин, 2001. С. 59).

пересмотрел свою точку зрения и в своей итоговой монографии, посвященной проблемам эйдологии, вполне определенно утверждал объективность существования биологических видов¹⁶. Претензия Лысенко на «открытие» реальности вида вызвала недоумение ихтиолога В. И. Владимиров: «Непонятно, почему Т. Д. Лысенко понадобилось принижать достоинства советских биологов-систематиков и их работы... зачем же валить в одну кучу и буржуазных ученых с их реакционными взглядами, и советских ученых, строящих свою науку, исходя из позиций диалектического материализма?»¹⁷

Отвечая на упреки в непригодности его определения для практического разграничения видов, Лысенко уточнил, что имел в виду не «условные» виды систематиков, а «биологические» виды, которые как раз и определяются этими «качественными различиями»¹⁸. Это уточнение запутывало ситуацию, поскольку, рассуждая о «порождениях» видов (см. ниже), «мичуринцы» использовали привычные систематикам названия видов (овес, овсюг, лещина, граб), так что становилось непонятным, что же называет «видом» Лысенко. Возможно, какие-то внутривидовые «физиологические расы», возможно — нечто подобное «экотипам» Турессона, возможно что-то еще. Эта неясность сохранялась до самого конца истории НУВ.

Свои размышления о сущности вида Лысенко подытожил в форме «единого закона жизни вида», согласно которому все признаки организмов, в том числе физиологические, все их функции служат «увеличению численности индивидуумов данного вида»¹⁹. Все, что есть у организма, «любой орган, любой физиологический процесс, любая повадка, любая взаимосвязь индивидуумов» — все нацелено на это, даже такие особенности, которые сокращают продолжительность существования отдельной особи. Поэтому немислима внутривидовая борьба, которая, будь она

¹⁶ Комаров (1945. С. 131).

¹⁷ Владимиров (1954. С. 757).

¹⁸ Лысенко (1956 С. 9). Это же повторил позднее Ф. А. Дворянкин (1958б. С. 201), призывая ради интересов практики сельского хозяйства отказаться от использования *классификационного* вида в пользу вида *биологического*. По его мнению, четкое разграничение этих двух понятий стало едва ли не важнейшим вкладом Лысенко в учение о виде (Там же. С. 205). Однако, как я показал в главе 1, представление об особых, отличных от морфологического, физиологическом и экологическом «измерениях» вида обсуждалось в русской и советской биологии многими авторами, не относившимися к «мичуринскому» направлению. Концепцию «биологических видов», различия между которыми не выражаются морфологически, развивал, к примеру, Н. А. Холодковский (1910), не говоря уже о многих иностранных авторах. Приписывание Лысенко приоритета в этом вопросе проистекало от незнания соответствующей литературы.

¹⁹ Лысенко (1956. С. 13). См. также Лысенко (1958. С. 104).

реальностью, противоречила бы данному закону²⁰. Рост численности популяции, которого так опасался Мальтус, это благо, а не проклятие, и является двигателем эволюционного прогресса. Очевидно, что «единый закон жизни вида» представляет собой скорее натурфилософское утверждение, чем закон природы в строгом научном смысле слова.

«Мичуринская» биология полностью игнорировала политипическую концепцию вида, а также современную ей генэкологию, рассматривавшую природные виды как иерархически организованные системы, состоящие из подчиненных категорий различного ранга (см. главу 1). Представление о внутривидовой структуре было примитивизировано лысенкоистами почти до предела. Ими признавалась и обсуждалась только одна внутривидовая категория — разновидность, приблизительно соответствовавшая, насколько можно судить, понятию о подвиде в зоологической и ботанической систематике. Лысенко отверг эволюционную трактовку этой категории, данную Дарвином («разновидность — зарождающийся вид»²¹), рассматривая разновидности как формы освоения видом своей среды обитания. Их возникновение обусловлено несходством условий жизни в отдельных участках видового ареала. Разновидности одного вида (как и отдельные особи) различаются меж собой лишь количественно, несут одно и то же «видовое качество» и эволюционного значения не имеют²² (потому что эволюция — это цепь скачков от одного качественного состояния к другому, «перерыв постепенности», как выразился Ленин в «Философских тетрадах»)²³. Различия между ними носят не только чисто количественный, но и обратимый характер.

В 1956 г. Лысенко предложил и операциональный критерий вида, основанный на общеизвестном явлении репродуктивной изоляции:

Если в природе относительно различные индивидуумы нормально скрещиваются и это скрещивание идет на увеличение их численности, то это две разновидности одного и того же вида. Если индивидуумы данной группы не скрещиваются, то это разные виды. Если скрещивание произошло, но потомки бесплодные или малоплодовиты, то это также разные виды. Если скрещивание удалось и плодовитость потомков нормальная, но в дальнейших поколениях они распадаются на исходные родительские формы, то это разные виды. Наконец, если скрещивание удастся

²⁰ Лысенко (1953. С. 11); Презент, Халифман (1955. С. 24).

²¹ Дарвин (2001. С. 59).

²² Лысенко (1953. С. 319; 1956. С. 25–27). Ранее, в 1945 г. Лысенко (1953. С. 404) заявлял, что новые виды «зарождаются и выходят (обособляются) через разновидности старого вида».

²³ «Чем отличается диалектический переход от недиалектического? Скачком. Противоречивостью. Перерывом постепенности» (цит. по: Колодяжный, 1954. С. 20).

и в последующих поколениях не только наблюдается расщепление на исходные родительские формы, но и появляются новые видовые формы, то это тоже скрещивались разные виды²⁴.

Учитывая критический настрой «мичуринцев» по отношению к морфологическому критерию вида и традиционной «музейной» систематике (см. выше), неудивительно, что поиски объективных различий между видами и сущности специфических для них «качеств» были переведены в совсем другую плоскость, а именно в плоскость физиологии. Это вполне соответствовало поискам других советских зоологов и ботаников, не относившихся к «мичуринскому» направлению, которые стремились определить различия между близкородственными видами через особенности их физиологии и биохимии. Изменения в физиологии организмов, в том числе (хотя и не обязательно) в их обмене веществ, многими авторами рассматривались как важный механизм эволюции, ведущий не только к видообразованию, но и к формированию таксонов надвидового ранга. Среди советских ботаников особое внимание эволюционному значению перестроек метаболизма уделял А. В. Благовещенский, писавший в 1939 г., что «все физиологические изменения теснейшим образом связаны с процессами обмена веществ, и поэтому первейшей задачей и физиолога и биохимика дарвиниста должно явиться исследование того, какие именно процессы превращения веществ в организме благоприятны для сохранения вида и для его прогрессивного развития, и какие действуют в обратном направлении»²⁵. По его мнению, давно установленный факт биохимической специфики растительных видов, в частности видовая специфичность их ферментов, объясняется видовой спецификой процессов обмена. Исследования отечественных и зарубежных зоологов середины XX в., посвященные поиску физиологических различий между близкородственными видами животных, а также между внутривидовыми формами, были обобщены в монографиях Н. И. Калабухова и С. С. Шварца²⁶. В них было показано, что в ходе эволюции становление физиологической специфики часто предшествует возникновению специфики морфологической, которая тем самым носит вторичный, даже факультативный характер²⁷.

²⁴ Лысенко (1956. С. 21–22).

²⁵ Благовещенский (1939. С. 321).

²⁶ Калабухов (1950); Шварц (1954, 1959).

²⁷ А. В. Благовещенский также указывал, что как в растительном, так и в животном мире имеется много случаев «расхождения в первую очередь биохимических признаков при еще сохраняющейся неизменности морфологических» (Благовещенский, 1939. С. 321). См. также Синская (1948. С. 170–171). Микробиологам давно было известно, что очень многие виды бактерий, не различимые морфологически, диагностируются по их биохимическим и физиологическим свойствам (Купревич, 1949. С. 7–9).

Лысенко довел эту перспективную и вполне здравую мысль до логического предела (почти *ad absurdum*), полностью сведя «видовое качество», а тем самым и различия между видами, к специфике их обмена веществ, и более того — к особенностям их трофики (питания). По его словам, «[в]се процессы в организме есть видоизменение — обмен веществ»²⁸, а условия обитания животных и растений, их непосредственное экологическое окружение, сводятся к «пище в широком смысле слова»²⁹. Усвоенная пища превращается в живое вещество клеток и тканей, в чем заключаются и процесс, и результат ассимиляции. Отсюда — тесная связь между физиологией и генетикой, поскольку, по утверждению Лысенко, наследственность «есть как бы концентрат условий внешней среды, ассимилированных растительными организмами и ряде предшествующих поколений»³⁰. Даже половой процесс почти целиком сводится к обмену веществ, поскольку Лысенко предложил и новое — единственно правильное по его мнению — понимание оплодотворения, как процесс, в котором две половые клетки «обоюдно друг друга ассимилируют»³¹.

Итак, уникальное для каждого вида «качество» есть не что иное, как свойственный ему и только ему тип обмена веществ, полностью адекватный условиям существования. Такой подход можно назвать «физиологическим (или метаболическим) эссенциализмом». Суть его резюмировал Ф. А. Дворянкин, охарактеризовавший «биологический вид» как «особое, связанное с историей формирования в определенной среде, физиологическое состояние живого вещества»³². «Биологический вид» — это также и «тип биологических потребностей, привычек и связей с внешней средой»³³. Однако «мичуринцы» так и не смогли решить проблему операциональности — как именно, качественно или количественно, описать специфику обмена веществ конкретного вида, как точно определить существующие между видами различия в их метаболизме, как объяснить «скачок», происходящий при формировании нового «видового качества»?³⁴ Все сводилось к пересказыванию одних и тех же общих фраз и довольно расплывчатым предположениям.

²⁸ Лысенко (1953. С. 222).

²⁹ Там же. С. 174. Сравните другое его высказывание: «весь процесс развития, в том числе и развития свойств наследственности и изменчивости, зависит от источника жизни — питания» (Лысенко, 1946. С. 257).

³⁰ Там же. С. 237–238.

³¹ Там же. С. 223.

³² Дворянкин (19586. С. 195. Курсив мой — М. В.).

³³ Там же. С. 216.

³⁴ «Тип метаболизма» практически невозможно определить через внешние и внутренние признаки строения организмов. Отсюда понятно утверждение Дворянкина о том, что вид «как морфологическая общность оказался не совпадающим с видом как физиологическим типом существ» (Там же. С. 203).

Особый акцент, который Лысенко сделал на метаболизм, объясняется не только его личным опытом работы в области физиологии сельскохозяйственных растений, но и общей логоцентрической установкой советской науки. Ключевую роль обмена веществ утверждал Энгельс в «Диалектике природы»³⁵, и Лысенко оставалось лишь встроить это руководящее указание в систему своих эволюционных воззрений.

При этом в работах лысенкоистов сохранялось противоречие в понимании ими соотношения между «биологическим» и «морфологическим» видом. С одной стороны, утверждалось, что изменения в метаболизме предшествуют изменениям в морфологии, и поэтому близкородственные виды могут качественно отличаться по своим физиологическим свойствам, но систематик-морфолог будет по-прежнему считать их принадлежащими одному виду³⁶. С другой же стороны, сторонники НУВ были склонны абсолютизировать хиатус — то есть резкий разрыв в изменчивости морфологических признаков, который с предлиннеевской эпохи рассматривался как один из самых надежных критериев для разграничения видов. Так, ихтиолог Г. В. Никольский утверждал, что виды имеют «морфо-биологическую специфику», и потому между ними *всегда* должен существовать разрыв в изменчивости, т. е. хиатус³⁷. Другой ихтиолог, Б. Г. Иоганзен, предлагал даже полностью ревизовать зоологическую и ботаническую системы, исключив оттуда все виды, между которыми не удастся обнаружить четко выраженный хиатус³⁸. Утверждалось, далее, что в рамках «плоскоэволюционной» дарвиновой концепции хиатус — это вторичное явление, эпифеномен, поскольку возникает постепенно, в результате не эволюции, а вымирания промежуточных форм в ходе дивергенции, и потому его формирование происходит гораздо позже акта видообразования. Исчезновение промежуточных форм возможно и вследствие небιологических причин, например, каких-нибудь стихийных бедствий. Поэтому новые виды могут возникать не эволюционным, а «случайным путем»³⁹. С позиций градуализма хиатус не обязателен, так как возможны переходные формы между видами. В «мичуринской» теории видовой хиатус первичен и облигатен, так как он возникает в момент видообразовательного скачка, как реальный продукт эволюции⁴⁰. Лысенко полагал, что любой

³⁵ Метаболизм рассматривался Энгельсом как фактор, определяющий сущность явления жизни (Энгельс, 1952. С. 244). Н. И. Нуждин (1952. С. 9–10, 27) специально останавливается на основополагающей роли этой мысли Энгельса для формирования «мичуринского учения».

³⁶ Дворянкин (1958а. С. 31).

³⁷ Никольский (1953б. С. 824. Курсив автора — М. В.).

³⁸ Иоганзен (1956. С. 30–31).

³⁹ Студитский (1954. С. 246).

⁴⁰ Завадский (1949. С. 41–43); Павлов (1953. С. 378); Дворянкин (1958б. С. 210).

натуралист «знает», что в природе виды всегда разделены четкими границами, т. е. хиатусом⁴¹. Переходных форм между видами, то есть «полукачеств», не существует, как не существует их между химическими элементами, каждый из которых может быть описан как «особенное качественно определенное состояние <...> материи»⁴².

* * *

Концепция видообразования, вошедшая в структуру НУВ, может быть охарактеризована как «эколого-физиологическая». Она выросла из нового подхода к селекции сельскохозяйственных культур, предложенного Т. Д. Лысенко в 1936–1945 гг., и впоследствии, в конце 1940 — начале 1950-х гг. экстраполированного им и другими «мичуринцами» на протекающие в природе эволюционные процессы.

В 1936 г. Лысенко провозгласил курс на управление эволюцией культурных растений путем направленного изменения условий их существования⁴³. В соответствии с его эктоцентристскими убеждениями, такое изменение должно было привести к изменению наследственности растений (термин «наследственность» здесь следует понимать в том специфическом значении, которое ему придал Лысенко; см. главу 2). В 1940 г., в работе «Энгельс и некоторые вопросы дарвинизма», уже появляется четкое указание на ведущее значение перестроек метаболизма для селекции: «с изменением процесса ассимиляции — диссимиляции изменяются и свойства организма, в том числе изменчивость и наследственность <...> Изменя условия, можно изменять обмен веществ в организме и тем самым изменить его природу»⁴⁴. Поэтому «изменением питания можно менять наследственность растительных организмов... эти изменения получаются соответственными, адекватными воздействию условий внешней среды»⁴⁵. Задача селекционера сводится к тому, чтобы, меняя условия существования растений, и в первую очередь их трофику, добиться «расшатывания» их наследственности, что дает в руки «умелого экспериментатора» возможность «лепить, как из глины, новую,

⁴¹ Лысенко (1953. С. 315–316).

⁴² Дмитриев (1952. С. 32). Аналогию между биологическими видами и элементами периодической системы проводил также Дворянкин (1958а. С. 31; 1958б. С. 225).

⁴³ «Нужно знать, когда и какие условия необходимо предоставлять растению, чтобы направленно вести его эволюцию, т. е. изменение его генотипа» (Лысенко, 1946. С. 162). При этом, признать классическую генетику и закон гомологических рядов Вавилова означает «отказаться от проблемы управления природой растений» (Там же. С. 163), что, по словам Лысенко, и побудило его выступить против «менделизма-вейсманизма».

⁴⁴ Там же. С. 289, 292.

⁴⁵ Лысенко (1953. С. 204).

хорошую, нужную ему породу»⁴⁶. «Ассимиляция» растением нетипичных, несвойственных для него условий заставляет его изменять себя «биологически», откуда «получается иное строение тела»⁴⁷. Наследственность (как ее понимал Лысенко) — это функция не только органической, но отчасти и неорганической природы, идеальный «слепок» жизненных условий, в которых оказываются организмы: «...элементы мертвой природы, из окружающей растения среды переходят путем нередко вынужденной ассимиляции в составные части живого тела, становятся живыми элементами, приобретают свойство наследственности»⁴⁸.

Выросшая на основе этих посылок новая концепция видообразования может быть представлена следующим образом.

Видообразование, эволюция возможны только потому, что условия среды время от времени изменяются, в результате чего ранее сформировавшиеся потребности организмов перестают им отвечать, и живые существа вынуждены приобретать новые. Поэтому невозможно и бессмертие (или оно возможно только в абсолютно неизменной среде, чего не бывает). Как писал Лысенко, если бы существовали бессмертные существа, то «грубо говоря, они всю жизнь мучились бы»⁴⁹.

В основе любых эволюционных изменений лежит трансформация видоспецифичного типа метаболизма, что происходит в том случае, если среда обитания резко меняется, и ранее сформировавшиеся у вида «потребности» вступают в противоречие (диалектическое!) с новой экологической реальностью. Это противоречие «снимается» в акте видообразования, а пока условия среды остаются стабильными, вид пребывает в стазисе, его «видовое качество» не меняется.

Изменение условий существования «расшатывает» наследственность старого вида, делает ее пластичной, податливой, что позволяет сформироваться «новой» наследственности, соответствующей уже другому виду⁵⁰. Эта наследственность полностью адекватна изменившимся условиям, то есть организм практически моментально «прилаживается» к среде своего обитания, целесообразно отвечая на ее «вызовы»⁵¹. Такая «мгновенная» приспособленность к тому же полностью передается следующему поколению в соответствии с принципом наследования приобретенных признаков. Лысенкоистский «закон» единства

⁴⁶ Лысенко (1946. С. 293).

⁴⁷ Лысенко (1953. С. 203).

⁴⁸ Там же. С. 203.

⁴⁹ Там же. С. 219.

⁵⁰ Васильченко (1949. С. 4).

⁵¹ Обстоятельная критика лысенкоистского положения об «адекватности изменчивости» как с философских, так и с естественнонаучных позиций, была дана Л. В. Шумиловой (1956. С. 57–58).

организма и среды подразумевал совершенную гармонию в отношениях между ними, сохраняющуюся до тех пор, пока жизненные условия не изменятся.

Признание полной адекватности изменчивости условиям обитания имело два важных теоретических следствия. Во-первых, было отвергнуто дарвиновское представление о неопределенной индивидуальной изменчивости, которая традиционно считалась «сырьем» для действия естественного отбора⁵². С номоцентрической точки зрения, случайное варьирование живых организмов не может иметь никакого эволюционного значения. Этот старый аргумент, фигурировавший в антидарвинистской и креационистской литературе со времен первого издания «Происхождения видов», повторялся «мичуринцами» практически буквально. Ф. А. Дворянкин упрекал Дарвина в отказе от идеи направленной изменчивости: «как могут суммироваться изменения, не имеющие определенности, не направленные ни к чему? Изменения, лежащие в основе отбора, должны быть определенными, однотипными»⁵³. Среда действует одинаковым образом на все особи данного вида, поэтому изменчивость носит не только определенный (направленный), но и групповой характер⁵⁴.

Во-вторых, постулат об адекватной изменчивости неизбежно приводил к *панадаптивизму*, признанию того, что эволюция — это исключительно приспособительный процесс, и отрицанию наличия у организмов «бесполезных», не приспособительных признаков, в том числе рудиментарных органов и атавизмов, которые со времен Ч. Дарвина было принято считать одним из морфологических доказательств эволюции⁵⁵. Признать реальность рудиментов, — утверждал Г. В. Никольский, — равносильно тому, чтобы признать, что одна часть признаков «находится в единстве со средой, а другая безразлична к среде, т. е. прийти к явной

⁵² Шмальгаузен (1946б. С. 42–43). По словам «мичуринца» Нуждина, изменчивость «всегда определена, так как она обуславливается филогенезом, исторически сложившейся организацией органической формы и воздействующими на нее конкретными условиями развития» (Нуждин, 1952. С. 13).

⁵³ Дворянкин (1953а. С. 19). См. также высказывание А. Н. Студитского (1953а. С. 17) о том, что естественный отбор заключается не в сохранении «неизвестно как возникших случайных изменений, но в направленном образовании изменений, полезных для вида». Насколько могу судить, эти высказывания отчасти близки к современным представлениям об ортоселекции.

⁵⁴ Никольский (1953б. С. 825; 1955б. С. 75). Вполне очевидна параллель с концепцией номогенетической, т. е. закономерной, эволюции Л. С. Берга (1922а), противопоставлявшей им дарвиновскому «тихогенезу», т. е. эволюции на основе случайности. Презент (1947. С. 12) отождествлял определенную изменчивость с «воспитательным действием естественных условий».

⁵⁵ Дарвин обсуждает их в XIV главе «Происхождения видов» (Дарвин, 2001. С. 389–394).

метафизике и вейсманизму»⁵⁶. Защищать панадаптивизм приходилось ценой откровенных натяжек. К примеру, эмбриолог С. Г. Крыжановский доказывал, что так называемые «беспольные» органы на самом деле имеют адаптивный смысл: зачаточные зубы беззубого кита, которые не используются для захвата пищи, «биологически приспособлены уже в том отношении, что они, будучи ненужными, недоразвиваются и исчезают» (?!)⁵⁷.

Видообразование обычно описывалось лысенкоистами как «зарождение нового вида в недрах старого»⁵⁸ в результате воздействия «измененных условий существования»⁵⁹. По Лысенко, ткани и органы живого организма разнородны в том отношении, что имеют несколько разные «потребности», а потому — несколько различный метаболизм. Поэтому нельзя говорить о наследственности вообще — Лысенко утверждал, что каждый признак, каждый жизненный процесс организма имеет свою уникальную наследственность⁶⁰. В изменившихся условиях отдельные участки тела могут трансформировать свой метаболизм. Таким образом, в «недрах» организма, относящегося к предковому виду, возникают «крупинки», несущие новое «видовое качество»⁶¹, метаболизм нового типа, характерный для вида, которому предстоит возникнуть. По Лысенко, об этом свидетельствуют случаи обнаружения зерен ржи в колосьях пшеницы и тому подобные «аномалии», активно обсуждавшиеся его сторонниками.

В видообразовании следует различать эволюционный и революционный этапы. Первый соответствует сравнительно длинному периоду накопления этих «крупинок нового», что практически не проявляется вовне, идет «ферментативно». Революционный этап выражается в резком скачке, быстром, без всяких промежуточных форм, появлении нового вида⁶². Эта идея, разумеется, была прямым приложением

⁵⁶ Никольский (1953б. С. 824).

⁵⁷ Крыжановский (1950. С. 402). Классический образец критики панадаптивизма дан С. Гулдом и Ч. Левонтином (2014).

⁵⁸ Лысенко (1953. С. 404); Колодяжный (1954. С. 27); Презент, Халифман (1955. С. 25); Фейгинсон (1958. С. 35). Эти «недра» в текстах «мичуринцев» возникали столь же регулярно, как «крупинки» в работах Лысенко. Так, эмбриолог растений А. М. Синюхин (1953) на основе учения О. Б. Лепешинской разрабатывал концепцию «о возникновении нового организма в недрах старого», происходящего якобы через стадию «безъядерных предклеток». См. также Калиниченко (1953. С. 263).

⁵⁹ Дворянкин (1958б. С. 197).

⁶⁰ Лысенко (1946. С. 293; 1953. С. 170, 174).

⁶¹ Вот почему Н. В. Турбин (1954а. С. 32) назвал лысенковскую концепцию видообразования «крупинчатой теорией», имеющей «явно умозрительный характер».

⁶² Нуждин (1953а. С. 6); Колодяжный (1954. С. 25). Сравните: «...формы нового вида вызревают в недрах особой другого вида, весь процесс их образования совершается скрыто, как локальные изменения в обмене веществ» (Презент, Халифман, 1955. С. 30).

к эволюционным явлениям известного из диалектического материализма закона «перехода количества в качество»⁶³. «Ортодоксальный дарвинизм», отрицающий реальность скачкообразной эволюции и признающий только градуальные изменения, не соответствует диамату и потому должен быть отброшен. Такие изменения характеризуют процессы роста, а не развития, поскольку последнее обязательно предполагает качественный переход⁶⁴.

Интересно, что в 1952 г. Лысенко фактически дезавуировал представление об «эволюционном этапе» развития, тем самым сделав свою концепцию видообразования еще более грубой и прямолинейной, по сути, антидиалектичной. Он заявил, что в своих более ранних работах он высказывал «неправильное предположение о постепенном накоплении или уменьшении свойств озимости или яровости» у злаков⁶⁵. Теперь он пришел к выводу, что свойство озимости у растений возникает «сразу», а не путем постепенного возрастания, без всяких промежуточных степеней, без «полукачеств». Что важно, Лысенко считал возможным экстраполировать этот вывод на все наследственные свойства других организмов. По его словам, при видообразовании «сначала ликвидируется старая, а потом строится новая наследственность»⁶⁶. Тем самым, идея скачкообразности развития была — как это часто происходило у Лысенко — доведена до своего логического предела, превратившись в утверждение о полном разрыве между старым и новым видами, старой и новой наследственностью.

В статье «Новое в науке о биологическом виде» механизм видообразования был описан расплывчато и бездоказательно. В отсутствие биологических доводов для убеждения читателей использовались аргументы *ad Scripturam*, то есть возникновение новых видов описывалось языком марксистской диалектики как «зарождение в недрах старого противоречащего ему начала нового качества, претерпевающего количественное накопление своих особенностей и в процессе борьбы со старым качеством оформляющегося в новую, принципиально

⁶³ Как писал сторонник лысенкоизма философ В. И. Колодяжный, в работах Лысенко «[Т]еория видообразования становится аналогом действительно диалектического процесса развития видов, совершающегося по объективным законам природы» (Колодяжный, 1954. С. 25). Ясна и зависимость от высказывания Сталина о том, что «движение имеет двоякую форму: эволюционную и революционную» (цит. по: Завадский, 1949. С. 28).

⁶⁴ Презент, Халифман (1955. С. 18).

⁶⁵ Лысенко (1952. С. 23).

⁶⁶ Там же. С. 24. О «ликвидации», рукотворной «ломке» старой наследственности культурных растений и замене ее «новой» Лысенко говорил еще в 1940 г. (Лысенко, 1946. С. 294–295).

отличную совокупность свойств со своим собственным отличным законом существования»⁶⁷.

Чуть позже Лысенко взял на вооружение представления О. Б. Лепешинской о «неклеточном живом веществе», пытаясь на их основе описать реальный ход видообразования⁶⁸. В 1950 г., выступая на совещании по проблемам живого вещества в Отделении биологических наук АН СССР, он публично признал значение работ Лепешинской о живом веществе, которые «помогли» ему сформировать окончательное понятие о процессе видообразования. Зарождение «крупинок» нового вида происходит из «вещества, не имеющего клеточной структуры» и «из них уже потом формируются клетки и зачатки другого вида»⁶⁹. Развивая эту мысль, А. Н. Студитский рисовал более детальную картину, согласно которой изменившиеся жизненные условия вызывают «новообразование крупинок или частичек чужеродных белков, из этих белков будет строиться воспроизводительная ткань, дающая в дальнейшем начало организму нового вида». Никаких доказательств своему тезису автор, впрочем, не приводил, уточняя лишь, что такой механизм видообразования ему «представляется вполне возможным»⁷⁰.

Примечательно, что в статье Лысенко 1956 г., опубликованной после развенчания «открытий» Лепешинской, этот эволюционный механизм уже не упомянут, и в позднейших работах «мичуринцы» вернулись к исходным, весьма туманным представлениям о механизмах видообразования⁷¹.

Чрезвычайно важными для видообразовательной модели, предложенной лысенкоистами, были признание реальности наследования приобретенных признаков и тезис о полной адекватности строения организмов условиям их существования (см. выше). Такая модель полностью исключала роль естественного отбора, делая данный фактор избыточным. Поэтому, хотя на словах Лысенко никогда не отрицал

⁶⁷ Лысенко (1953. С. 318–319).

⁶⁸ По словам одного из пропагандистов «мичуринской» биологии, Л. А. Калиниченко, усилиями Лепешинской и ее сотрудников клеточная теория была «освобождена от метафизики, внесенной в нее зарубежными учеными, особенно вирховианцами и вейсманистами». Лепешинской было якобы доказано, что при делении клетки «новая клетка рождается в недрах старой, так что это не простой рост, а сложный процесс развития» (Калиниченко, 1953. С. 262).

⁶⁹ Лысенко (1953. С. 351). Другие «мичуринцы» также активно взялись за пропаганду учения Лепешинской (Дворянкин, 1953а; Калиниченко, 1953; Сиюхин, 1953; Студитский, 1953а, 1953б, 1954). В свою очередь, О. Б. Лепешинская безоговорочно поддержала учение о виде, предложенное Лысенко.

⁷⁰ Студитский (1954. С. 249).

⁷¹ Дворянкин (1958а, б); Фейгинсон (1958).

естественный отбор, его учение является откровенно антидарвинистским⁷². Разумеется, его сторонники пытались замаскировать этот факт путем натяжек и сомнительных интерпретаций. Так, А. Н. Студитский доказывал, что Лысенко не отвергает естественный отбор, а просто дает ему новую трактовку, творчески развивает его в духе «советского дарвинизма», и тем самым поднимает эту концепцию на новый, более глубокий уровень. Действие отбора состоит в том, что при изменившихся условиях выживают только те индивидуумы, что сумели перестроить свой метаболизм, привести его в соответствие с изменившейся средой. Иными словами, выживают особи, «породившие в своем теле зачатки тела нового вида — белки с новым типом обмена веществ, те крупинки, о которых говорит Т. Д. Лысенко»⁷³. Организм либо обладает свойством приспособленности, либо нет. В первом случае он выживает, во втором гибнет⁷⁴. В природе поэтому не существует «более или менее» приспособленных особей, как того требует дарвиновская концепция естественного отбора⁷⁵. В понимании Лысенко приспособленность есть особого рода целостное качество, не имеющее градаций или количественных степеней развития.

* * *

Признание скачкообразности видообразования не было оригинальной идеей Лысенко; скальационные концепции появлялись в науке задолго до него. Однако он и его сторонники, видимо, впервые в мировой биологии, попытались доказать правоту данной идеи, используя логотрицентрический аргумент. Скачкообразная модель эволюции объявлялась единственно приемлемой, так как только она отвечает представлениям диамата о развитии как о «перерыве постепенности» (В. Ленин).

⁷² Из сторонников НУВ открыто отрицал творческую роль естественного отбора Г. В. Никольский (1955б. С. 730; Никольский, Пиккулева, 1958. С. 975). Он, в числе прочего, ссылался на письмо Ф. Энгельса П. Лаврову (1875 г.): «[в] учении Дарвина я согласен с теорией развития, дарвиновский же способ доказательства (борьба за существование, естественный отбор) считаю всего лишь первым, временным, несовершенным выражением только что открытого факта» (цит. по: Колодяжный, 1954. С. 19). В «Диалектике природы» сказано, что «приспособление и наследственность» могут объяснить весь процесс эволюции, «не нуждаясь в отборе и мальтузианстве» (Энгельс, 1952. С. 248).

⁷³ Студитский (1954. С. 248).

⁷⁴ Лысенко (1952).

⁷⁵ Л. В. Шумилова (1956. С. 56) охарактеризовала подобное представление как «путь скользкий, неизбежно увлекающий биолога в лагерь идеализма». По мнению К. М. Завадского и З. И. Бермана (1966. С. 16), то, что именовалось в работах лысенкоистов «творческой ролью отбора», следовало понимать как переделку «природы организмов путем направленного воспитания». См. также Завадский (1965).

Дарвинизм, с его акцентом на плавный, постепенный ход эволюции, градуалистский процесс перехода предкового вида в дочерний, объявлялся «плоским эволюционизмом» (или, грубее, «постепеновщиной»⁷⁶), противоречащим диалектическому материализму и потому «метафизическим» и неверным⁷⁷. Как подчеркивал Г. В. Никольский, любая эволюционная теория является «...приложением к природе той или иной философской системы, причем даже для своего времени обычно далеко не всегда наиболее прогрессивной». Поэтому Дарвин, в философском отношении зависевший от трудов «материалистов-метафизиков прошлых веков»⁷⁸, не сумел разработать подлинно диалектическую концепцию видообразования. Представления Маркса и Энгельса о биологической эволюции «прогрессивнее, богаче содержанием», чем взгляды самого Дарвина⁷⁹.

Сальтационная доктрина позволяла решить старинный вопрос о крайней редкости промежуточных форм между видами. Как известно, эта проблема весьма беспокоила Ч. Дарвина, который объяснял практически полное отсутствие переходных форм неполнотой геологической летописи, а также их быстрым вымиранием в ходе дивергентной эволюции. С точки зрения НУВ, качественный скачок от одного вида к другому происходит так быстро, что никаких переходных форм не может быть в принципе, или же они до крайности редки⁸⁰. Однако «мичуринцы»

⁷⁶ Лысенко (1953. С. 316). В. И. Полянский (1959), защищая Дарвина от обвинения в «постепеновщине», ссылаясь на авторитет Энгельса, писавшего о том, что «*hard and fast lines* [абсолютно резкие разграничительные линии] несовместимы с теорией развития» (Энгельс, 1952. С. 167; курсив автора). Полянский также привлекает и цитату из Ленина: «основное положение марксистской диалектики состоит в том, что все грани в природе и в обществе условны и подвижны» (цит. по: В. И. Полянский, 1959. С. 6). Дарвин как раз и писал об условности видовых границ. Это был один из характерных для противников Лысенко полемических приемов — бить врага его же оружием, приводя цитаты из произведений «классиков марксизма».

⁷⁷ Обвинения Ч. Дарвина в «метафизичности» и «плоском эволюционизме» имели на советской почве долгую историю. Они звучали еще на раннем этапе «диалектизации» биологии в СССР, т. е. задолго до появления «мичуринской» биологии. Точно также в начале 1930-х гг. некоторые из «диалектизаторов» ополчались на классическую генетику, характеризуя ее как «кантианско-махистское учение», не соответствующее диалектике (см. Колчинский, 1999. С. 76, 172). Таким образом, в распоряжении Лысенко имелся сравнительно широкий набор идеологических обвинений, уже апробированный в ходе довоенных советских дискуссий о философских вопросах биологии.

⁷⁸ Никольский, 1955б. С. 723.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Дворянкин (1953а. С. 31); Презент, Халифман (1955. С. 16, 30). Замечу, что Ж.-Б. Ламарк, на авторитет которого опирались многие сторонники Лысенко (Дмитриев, 1952; Студитский, 1955; Смирнов, 1959), тоже был приверженцем градуалистической эволюции и, подобно Дарвину, отрицал реальность видов (Поляков, 1959). Однако никто из «мичуринцев» не высказывал в его адрес тех же упреков, которые адресовались ими Дарвину.

отвергали другие разновидности сальтационных концепций, в частности, мутационизм, подобный тому, который развивал Г. де Фриз. Причина этого была не только в отрицании учения о генах. Мутационизм признавался недиалектическим, поскольку не признает необходимый «подготовительный» (т. е. эволюционный) этап развития⁸¹.

Риторика лысенкоистов о необходимости ревизии «ортодоксального дарвинизма» была не нова и не оригинальна. Ее можно найти еще в дискуссиях о «диалектизации биологии» конца 1920-х — начала 1930-х гг. Так, в 1931 г. Б. П. Токин заявлял о необходимости «внести нечто новое в наследство, оставленное Дарвином; не боясь всей трудности вопроса, мы должны разрабатывать дальше проблемы эволюции» на марксистско-ленинской основе⁸². Можно сказать, что НУВ, как и «мичуринская» теория в целом стали практической реализацией этой программы.

Другими «ошибками» Дарвина лысенкоисты называли принципы дивергентной эволюции и монофилетического, то есть исключительно однократного, возникновения новых видов⁸³. Они признавали полифилию — возможность независимого и многократного появления одного и того же вида. Отрицание дивергенции основывалось на убеждении, что в ее основе лежит внутривидовая борьба, которую лысенкоисты считали «выдумкой Дарвина», призванной спасти идею градуалистической эволюции⁸⁴. Полифилетизм доказывался тем, что один и тот же вид может многократно «порождаться» другим в ситуациях, когда создается необходимая для этого констелляция условий среды. Приводилось и логоцентрическое обоснование этой идеи. По мнению Лысенко, с позиций материалистической диалектики «трудно даже представить себе, чтобы развитие органического мира шло без повторения отдельных биологических явлений, в том числе и без повторного возникновения одних видов из других»⁸⁵.

⁸¹ Дворянкин (1953а. С. 39); Презент, Халифман (1955. С. 18). В той же работе Дворянкина (С. 40) находим утверждение, что до Лысенко «биология металась между плоским эволюционизмом и катастрофическим преформистским мутационизмом».

⁸² Токин, 1931. С. 81.

⁸³ Дарвин писал, что «раз исчезнувший вид никогда не может появиться снова, если бы даже вновь повторились прежние условия жизни — органические и неорганические» (Дарвин, 2001. С. 293).

⁸⁴ Лысенко (1953. С. 316); Карапетян (1953. С. 234); Нуждин (1953а. С. 14–15); Дворянкин (1958б. С. 210). Сам Лысенко еще в 1936 г. признавал принцип дивергенции и даже критиковал вавилонский закон гомологических рядов на том основании, что он якобы противоречит этому принципу (Лысенко, 1946. С. 159).

⁸⁵ Лысенко (1956. С. 8). Дворянкин (1953а. С. 40) приводил и такой довод: «[д]аже в глубокой древности люди знали о превращениях видов — откуда рождались легенды о кентаврах, животных-химерах и т. п.»

Поскольку «видовое качество» (эта лысенкоистская концепция близка средневековому учению о видовой субстанции) сводится к определенным параметрам обмена веществ, коррелирующим с совершенно конкретными условиями среды, «мичуринцы» претендовали на управление эволюцией, доказывая возможность создания новых видов животных и растений с заранее заданными свойствами⁸⁶. Для этого необходимо лишь создать необходимый набор условий, который закономерно (наука ведь «враг случайностей») даст начало желательной нам новой форме.

Убежденность в том, что «порождение» новых видов полностью детерминировано параметрами среды обитания, приводила к мысли о полной предсказуемости эволюции, ее почти абсолютной экологической «забуференности». Отсюда следовали весьма нетривиальные практические соображения, развивавшиеся в некоторых работах «мичуринцев». Так, В. С. Дмитриев предложил метод «полной очистки полей от всех видов сорняков». Этот автор был убежден, что конкретные виды сорняков появляются на полях только при определенном сочетании условий. Поэтому достаточно «выявить биологический первоисточник порождения того или иного сорняка и раскрыть условия внешней среды», вызывающие его «порождение»⁸⁷. Например, костер ржаной (*Bromus secalinus*) неизбежно возникает в «посевах озимой ржи на участках с избыточным увлажнением особенно при более поздних сроках посева»⁸⁸. Правильная агротехника состоит поэтому в том, чтобы исключить появление условий, приводящих практически неизбежно к «порождению» сорных видов. Дмитриев пытался с этих же позиций объяснить и явление экологической сукцессии — закономерную смену видового состава фитоценоза во времени. По его убеждению, это происходит не из-за того, что новые виды попадают в состав растительного сообщества извне, как это традиционно принималось в фитоценологии. На самом деле, эти новые виды «зарождаются» в составе сообщества в соответствии с предложенной Лысенко видообразовательной моделью⁸⁹.

В начале 1950-х гг. советские биологические журналы были заполнены статьями и краткими сообщениями, повествующими о фактах «порождения» одних видов растений другими. Во всех без исключения

⁸⁶ Дмитриев (1952). См. также Дмитриев (1951, 1953а).

⁸⁷ Дмитриев (1952. С. 45). Подобная идея была впервые высказана Т. Д. Лысенко в статье «Новое в науке о биологическом виде» (Лысенко, 1951. С. 18).

⁸⁸ Дмитриев (1952. С. 47).

⁸⁹ Дмитриев (1953а. С. 65). Критический анализ этой идеи: Семенова-Тян-Шанская (1953); Сукачев (1953б).

случаях это были «порождения» особой одного, давно известного, вида — другим, также известным. Чаще всего такие сообщения появлялись на страницах редактируемого Лысенко журнала «Агробиология» и касались как культурных⁹⁰, так и «диких» видов растений⁹¹. Сообщалось даже о «порождении» дрожжевыми клетками одноклеточных зеленых водорослей, то есть представителей совершенно другого царства (по современным представлениям) органического мира⁹².

По утверждению Лысенко и других «мичуринцев», спонтанные «порождения» видов носят реципрокный характер: к примеру, не только овсюг может порождать овес, но и наоборот⁹³. Далее, один вид может порождать два и более вида, например, твердая пшеница (*Triticum durum*) дает начало не только мягкой пшенице (*Triticum vulgare*), но и ржи (относящейся к совершенно другому роду, *Secale*)⁹⁴.

Такие внезапные «порождения» давно и хорошо изученных видов и составляли практически единственную «доказательную базу» НУВ⁹⁵. Приверженцы Лысенко признавали, что не могут привести ни одного случая появления подлинно нового вида в соответствии с предлагаемой ими моделью видообразования⁹⁶. Однако, по их утверждениям, Лысенко экстраполировал данные о «порождении» уже известных видов на весь процесс видообразования, а это и есть «то новое, что вносит обобщение этих фактов в теорию видообразования»⁹⁷. Подобные мысленные эксперименты рассматривались «мичуринцами» как безусловно подтверждающие правоту НУВ. В поисках доказательств они охотно обращались и к умозаключениям по аналогии. Так, Ф. А. Дворянкин писал, что «[п]орождение существами одного вида существ других видов ничем по принципу не отличается от превращения яйца в личинку, личинки в куколку, а куколку в бабочку или превращения головастика во взрослую лягушку»⁹⁸. Во всех этих случаях резко меняется среда

⁹⁰ Например, Михайлова (1950, 1952а); Сверкунов (1950); Фейцаренко (1952).

⁹¹ Авотин-Павлов (1952); Карапетян (1952); Пилипенко (1950, 1951).

⁹² В. И. Полянский, комментируя это «открытие», принадлежавшее некоему К. А. Гаврилову, пишет, что в данной работе «на основе явных ошибок в методике постановки опытов делаются далеко идущие выводы, граничащие с признанием чуда» (В. И. Полянский, 1956а. С. 48).

⁹³ Дмитриев (1951. С. 200–201).

⁹⁴ Лысенко (1951. С. 18).

⁹⁵ Дворянкин (1958б. С. 197) пишет о том, что именно на «фактах порождения» видов «и основывается новая гипотеза о виде и видообразовании».

⁹⁶ Никольский (1953б. С. 822); Дворянкин (1958а. С. 31).

⁹⁷ Студитский (1953а. С. 5). Автор добавляет, что таким же образом поступал и Ч. Дарвин, широко использовавший доказательство по аналогии, например, между естественным и искусственным отбором.

⁹⁸ Дворянкин (1953а. С. 52).

обитания организмов, а с нею — и их «потребности» (т. е., по Лысенко, «наследственность»; см. табл. 1 в главе 2).

Принцип скачкообразной «смены потребностей» в онтогенезе соответствовал положениям «теории стадийного развития растений», сформулированной Т. Д. Лысенко в начале 1930-х гг. Признание «стадийности» развития позволяло «мичуринцам» утверждать принципиальное и глубокое сходство между процессами онто- и филогенеза⁹⁹. В обоих случаях развитие предполагает периодические «перерывы постепенно-сти», т. е. скачки. Так, в случае с развитием растения переход от одной стадии к другой представляет собой «скачкообразное изменение самого типа потребностей» организма¹⁰⁰. Поэтому, научившись «управлять онтогенезом», сторонники Лысенко якобы «овладели переделкой наследственности», что позволяет подойти к проблеме «управления видообразованием»¹⁰¹.

* * *

Уже первые участники советской «дискуссии о виде» (1952–1954 гг.) указывали на явную ограниченность предлагаемой в рамках НУВ видообразовательной модели¹⁰². Лысенко и его сторонники не только не описали в деталях процесс «скачка» от одного видоспецифичного типа метаболизма к другому, но и не смогли объяснить, каким образом вслед за преобразованиями обмена веществ происходят преобразования морфологии организмов, а ведь именно по ним и приходится чаще всего судить об образовании новых видов¹⁰³. «Мичуринцы» были склонны объяснять все случаи видообразования по единому шаблону, «уже найденной формулой»¹⁰⁴, игнорируя и не обсуждая, к примеру, хорошо известные в те годы факты скачкообразного возникновения растительных видов путем полиплоидии. В их работах редко упоминалось и гибридогенное видообразование, реальность которого в рассматриваемый период также была надежно установлена¹⁰⁵.

⁹⁹ Завадский (1949); Нуждин (1952); Дворянкин (1953а, 1955); Синюхин (1953). Дворянкин (1955. С. 115) писал о «законе единства онтогенеза и филогенеза».

¹⁰⁰ Завадский (1949. С. 29).

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Например, Баранов (1953).

¹⁰³ Василевская (1954. С. 65).

¹⁰⁴ Толмачев (1953. С. 542).

¹⁰⁵ Комаров (1945. С. 267–281); Розанова (1946. С. 48–64). Впрочем, И. Т. Васильченко (1949. С. 4) и Ф. С. Пилипенко (1950. С. 50) упоминают отдаленную гибридизацию как один из «мичуринских» способов «расшатать» наследственность растительного

Столь же произвольный подход Лысенко проявлял и по отношению ко многим теоретическим концепциям эволюционной биологии, включая базовые положения классического дарвинизма. «Мичуринцы» словно бы отказывались замечать, что понятие борьбы за существование у самого Дарвина совсем не сводилось только к внутривидовой конкуренции¹⁰⁶. В своем оригинальном виде эта концепция включала в себя и межвидовую конкуренцию, а также «борьбу» организмов с абиотическими факторами разного рода. Больше того, Дарвин вовсе не рассматривал внутривидовую борьбу в качестве главного эволюционного механизма, как это приписывали ему лысенкоисты¹⁰⁷.

В рамках НУВ видообразование рассматривалось как индивидуальный процесс, в ходе которого новый вид появляется в результате его «порождения» единичной особью. Это противоречило уже сложившемуся в те годы «популяционному мышлению», видевшему эволюцию, в частности видообразование, как групповой процесс, захватывающий сразу целые популяции¹⁰⁸. В работах Ф. Добржанского и других архитекторов «нового синтеза» было четко представлено понимание микроэволюции как процесса изменения частот отдельных аллелей в составе популяции, что, с течением времени, потенциально может привести к видообразованию. Разумеется, такая трактовка была неприемлема для лысенкоистов, отвергавших ее вместе со всей «формальной генетикой».

Можно сказать, что «мичуринское» понимание видообразования отличалось крайним редуccionизмом, стремлением свести многообразие природных явлений к единственной, простой и прямолинейной схеме, описывающей появление нового вида как очень быстрое (в пределе — почти мгновенное) качественное изменение типа метаболизма, происходящее путем «ассимиляции условий внешней

организма. См. также Купревич (1949. С. 41). Пилипенко (1950. С. 49–50) обсуждал вероятную роль гибридизации в видообразовании у эвкалиптов и признал ее мало значимой.

¹⁰⁶ Скорее всего, это также заимствовано у Энгельса, предложившего использовать термин «борьба за существование» исключительно для случаев конкуренции «благодаря давлению перенаселения» (см. Шумилова, 1956. С. 69).

¹⁰⁷ А. Л. Зеликман (1965) в полемике с лысенкоистами утверждал даже, что Ч. Дарвину была «глубоко чужда» сама мысль о перенаселении как движущем эволюционном факторе. Едва ли это верно, учитывая важную роль, которую «мальтузианский аргумент» сыграл в свое время в становлении дарвинской концепции естественного отбора.

¹⁰⁸ См., к примеру, Синская (1942. С. 349–350); Шмальгаузен (1946б. С. 521); В. И. Полянский (1956а. С. 45).

среды», превращении их во «внутренние условия»¹⁰⁹. Вся эволюционная история вида сводится, таким образом, к двум событиям или двум «перерывам постепенности», соответствующих его рождению и гибели, то есть скачкообразному «порождению» в изменившихся условиях дочернего вида, который, по определению, будет лучше адаптирован к новой среде и поэтому неизбежно вытеснит своего предка¹¹⁰. Между двумя этими событиями вид находится в стазисе, сохраняя свою «морфо-биологическую специфику в течение всей своей истории»¹¹¹. «Виды, — разъяснял Лысенко, — это ступеньки прерывистости в непрерывном развитии органического мира»¹¹². Изменения, происходящие в промежутке между двумя этими «ступеньками», эволюционного значения не имеют, потому что не выражаются в изменении «видового качества»¹¹³.

Вид в период «покоя» мыслился, таким образом, как нечто сформировавшееся, эволюционно инертное, четко определенное. Как писали в свое время философы «мичуринской» ориентации, «определенность, завершенность, ограниченность и отграниченность в живой природе — вот вид»¹¹⁴. В этом они усматривали проявление в биологическом мире диалектики покоя и движения или, точнее, «относительного покоя как необходимого условия дифференцирования материи»¹¹⁵. Видовой стазис может длиться сколь угодно долго — раз возникнув, вид будет сохранять постоянство своих свойств пока сохраняются те жизненные условия, в которых он сформировался¹¹⁶. Зато «плоскоэволюционное» понимание видовой категории критиковалось сторонниками НУВ как якобы лишаящее вид всякой определенности, рисующее его как хаос неопределенности и непрерывной, текучей изменчивости¹¹⁷.

¹⁰⁹ Лысенко (1953. С. 160, 201–203).

¹¹⁰ Студитский (1953а. С. 20).

¹¹¹ Никольский (1953б. С. 824); Колодяжный (1954. С. 25).

¹¹² Лысенко (1956. С. 23).

¹¹³ Завадский (1949. С. 39).

¹¹⁴ Билецкий, Шангин-Березовский (1958. С. 232).

¹¹⁵ Колодяжный (1954. С. 25).

¹¹⁶ Президент, Халифман (1955. С. 28).

¹¹⁷ По мнению Ф. А. Дворянкина, вид в трактовке «морганистов» есть «неопределенность изменчивости... нечто, сливающееся в неразличимое целое, плывущее мимо нас, нечто вроде формообразовательной стадии, однако не имеющей никаких границ во времени и в направлениях» (Дворянкин 1958б. С. 212–213). Фактически, это перепев того, что было сказано Лысенко на «мичуринской» сессии. По его словам, «морганисты» видят живую природу как хаос «случайных, разрозненных явлений, вне необходимых связей и закономерностей» и «превращают биологическую науку в голую статистику» (Лысенко, 1953. С. 72).

Нельзя сказать, что все положения НУВ были полностью надуманы и фантастичны. Почти каждому из его тезисов можно было подобрать параллели в работах других биологов, не разделявших «мичуринской» ориентации. Однако после «августовской» сессии ВАСХНИЛ представления Лысенко о виде и видообразовании были на самом высоком уровне объявлены единственно приемлемыми для советских биологов, единственно соответствующими диалектическому материализму и потому безальтернативными. Критика взглядов Лысенко, возможная еще двумя годами ранее¹¹⁸, оказалась на некоторое время под полным запретом.

Такова была новая реальность, с которой столкнулось сообщество советских биологов. Анализу их реакции на «мичуринские» представления о виде и видообразовании посвящены две следующие главы этой книги.

¹¹⁸ Например, Жуковский (1946); Сукачев (1946).

РЕАКЦИЯ НА «НОВОЕ УЧЕНИЕ О ВИДЕ»: БОТАНИКА И МИКРОБИОЛОГИЯ

Из всех биологических дисциплин ботаника оказалась сильнее других затронутой агрессивным насаждением в СССР «нового учения о виде». Причина понятна. Т. Д. Лысенко, как и большинство его приверженцев, был агробиологом и черпал доказательства своей теории преимущественно из практики растениеводства. Факты спонтанного «порождения» видов, о которых сообщали сторонники НУВ, также брались ими преимущественно из мира растений. Ревизия положений классической эволюционной теории, предпринятая Лысенко, затрагивала не только систематику растений и прикладную ботанику, но и смежные с ними области знания, например фитоценологию. По свидетельству современника событий, НУВ было встречено советским сообществом ботаников с недоумением и даже с некоторой растерянностью¹. Его реакция оказалась сложной, дифференцированной, к тому же в течение десяти лет, прошедших с августа 1948, её характер изменился, перейдя от вынужденного соглашательства к открытой полемике с «мичуринскими» взглядами на вид и видообразование, а затем к их молчаливому игнорированию. Именно ботаники в конце 1952 г. инициировали так называемую «советскую дискуссию о виде», в ходе которой теории Лысенко подверглись критике в открытой печати впервые с конца 1948 г. Об интенсивности этой дискуссии говорит то, что только в период 1950–1954 гг. в СССР было опубликовано 370 работ по проблеме вида². Из них 160 публикаций, или 43,2%, были отнесены составителями библиографии к разделу «Ботаника» (рис. 4).

О степени вовлеченности советских ботаников в споры вокруг НУВ говорит содержание ведущих отечественных биологических журналов, в частности изменение числа ссылок на работы Т. Д. Лысенко и доли статей «мичуринского» направления до и после «августовской» сессии. Сопоставление соответствующих данных для трех изданий (рис. 5)

¹ П. Н. Тальман (1953. С. 555) писал, что ревизия основ дарвинизма, предпринятая Лысенко, «явилась неожиданностью и <...> внесла немало путаницы в стройную систему видообразования, изложенную в работе “Происхождение видов”».

² Рассчитано по данным библиографии советской литературы о виде и видообразовании, опубликованной в Ученых записках Томского государственного университета в 1956 г. (№ 27. С. 161–175).

показывает, что максимальное число цитирований пришлось на «Ботанический журнал», причем этот показатель достигает своего пика в 1953–1954 гг., а затем постепенно сходит на нет, приближаясь к концу десятилетия к нулевым значениям.

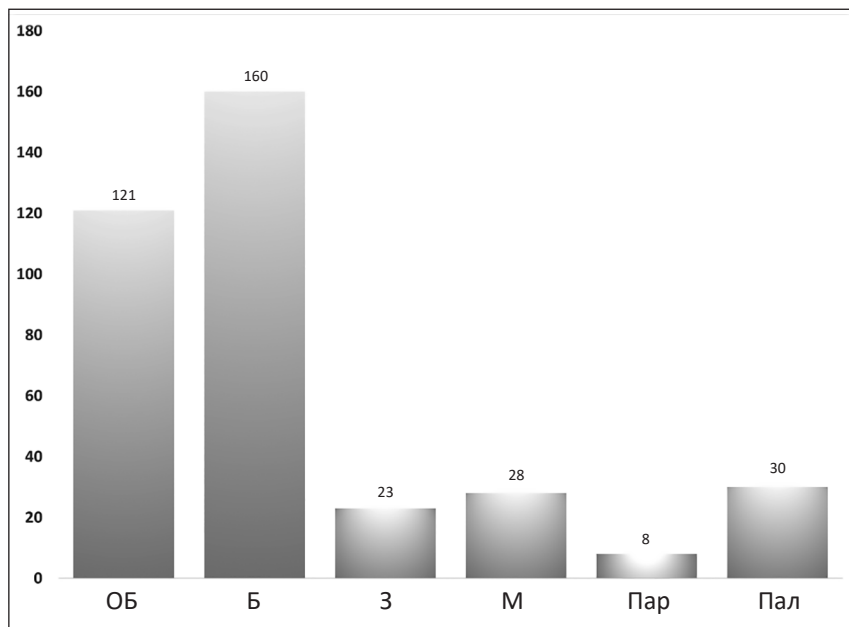

Рис. 4. Число публикаций о виде и видообразовании в советских изданиях за 1950–1954 гг. Буквами обозначены разделы знания: ОБ – общая биология; Б – ботаника; З – зоология; М – микробиология; Пар – паразитология; Пал – палеонтология.

Первичные данные взяты из «Учёных записок ТГУ», № 27, 1956 г.

Для понимания этой динамики следует принять во внимание не только содержание сравниваемых изданий, но и специфику академических научных журналов в СССР в середине прошлого века.

Рассматриваемая эпоха характеризовалась не только сравнительно малым числом научных журналов³, но и наличием у каждой крупной области науки своего «главного», центрального издания, который выступал не только как трибуна для ведущих специалистов, но и был призван давать идеологические установки научному сообществу, откликаясь на очередные партийные постановления, касающиеся науки, руководить

³ В 1951 г. АН СССР издавала 38 журналов, включая 8 биологического профиля. (См. объявление о подписке на последней странице обложки «Ботанического журнала», № 1 за 1951 г.)

«воспитанием» и «самовоспитанием» ученых соответствующей специальности. Если журнал эту функцию не выполнял, его критиковали, жестко и на самом высоком уровне, вплоть до Политбюро ЦК ВКП(б). Например, в проекте постановления ЦК ВКП(б) о работе журнала «Вопросы истории» от 4 апреля 1949 г. указывалось, что он «не выступает с передовыми статьями, не направляет научную работу в области теории и перестал быть руководящим органом советской исторической науки»⁴.

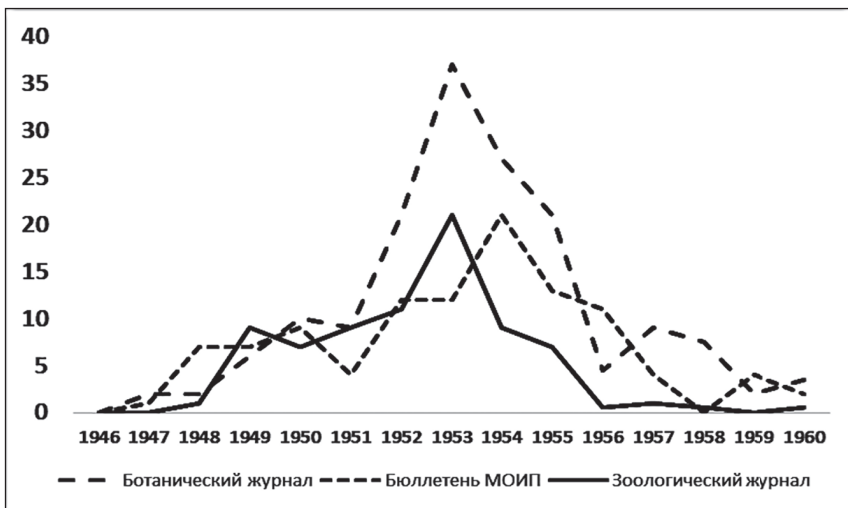

Рис. 5. Число цитирований работ Т. Д. Лысенко в ведущих советских журналах ботанического и зоологического профиля (1946–1960 гг.). По оси ординат – общее число цитирований за год. Начиная с 1956 г., объем «Ботанического журнала» и «Зоологического журнала» увеличился вдвое (12 номеров в год вместо 6), поэтому для сопоставимости годовое число цитат в этих журналах в период 1956–1960 гг. разделено на 2

Для сообщества советских ботаников такую руководящую роль играл «Ботанический журнал» — печатный орган Всесоюзного ботанического общества, издававшийся АН СССР. Его история также знает примеры прямого вмешательства в деятельность редколлегии со стороны органов власти, пытавшихся исправить неверную, по их мнению, политику журнала⁵.

В послевоенные годы вплоть до августа 1948 г. журналы биологического профиля, издававшиеся Академией наук, практически не помещали статей «мичуринского» направления. Это объяснялось не только более низким научным уровнем продукции «мичуриnceв», но и тем,

⁴ Есаков (2000. С. 403).

⁵ Колчинский, Конашев (2005).

что их работы имели в основном агробιοлогическую направленность и не были востребованы журналами АН СССР, ориентированными на фундаментальные исследования. К тому же «мичуринцы» располагали собственным печатным органом — журналом «Агробиология», редактируемом Т. Лысенко. Игнорирование «мичуринского направления» было поставлено в вину руководству Отделения биологических наук (ОБН) и лично академику-секретарю Л. А. Орбели в конце августа 1948 г., на расширенном заседании Президиума АН СССР, специально созванном для обсуждения состояния биологической науки в академических учреждениях⁶. Так, Р. Л. Дозорцева утверждала, что руководство Академией и редколлегии издаваемых ею журналов «всемерно помогали печатанию работ морганистов (просмотр журналов Академии за 1945–1948 годы показал, что морганистских работ напечатано 140, а работ мичуринцев — только 13)»⁷. Эти журналы порицались ею за «оторванность от потребностей жизни, пренебрежение запросами практики», за то, что они «вовсе не стремились пропагандировать мичуринское направление»⁸. По мнению А. Н. Студитского, до августа 1948 г. в ОБН мичуринская биология трактовалась как «область сомнительных исследований», а академические журналы были «засорены» «продукцией морганистов»⁹.

Эти упреки нельзя считать необоснованными. Вплоть до «августовской» сессии число ссылок на работы Лысенко в статьях, помещаемых «Ботаническим журналом», было незначительным (см. рис. 5). В 1946–1948 журнал не опубликовал ни одной «мичуринской» работы, да и сама фамилия «народного академика» упоминалась на его страницах крайне редко, преимущественно в обзорных статьях, где рассматривались достижения науки в СССР. Так, в 1947 г. в обзоре Н. А. Максимова, посвященной успехам советской физиологии растений, Лысенко и его теории стадийного развития растений было уделено всего 5 строк¹⁰.

⁶ Стенограмма заседания опубликована в «Вестнике АН СССР», № 9 за 1948 г. Далее цитаты будут приводиться по этому изданию.

⁷ Вестник АН СССР. 1948. № 9. С. 184.

⁸ Там же. С. 185. Л. А. Орбели пытался отразить эту критику. По его словам, «...мы прилагали все старания, чтобы в журналах нашло освещение и другое направление. В частности, мной от редакции [журнала] “Успехи современной биологии” было два раза написано обращение к Трофиму Денисовичу Лысенко с просьбой дать статью для этого журнала, в которой были бы освещены позиции мичуринского направления. Но, к сожалению, Трофим Денисович не дал статьи сам и не поручил кому-нибудь из своих сотрудников написать такую статью <...> И при обсуждении вопроса в Отделении мы неоднократно слышали от него такое замечание: “Зачем я буду Вам давать статьи, — читайте “Агробиологию”, там все написано”» (Там же. С. 36).

⁹ Там же. С. 203.

¹⁰ Максимов (1947. С. 10). В. Ф. Купревич в том же году упомянул Лысенко в перечне других исследователей, как создателя «новой теории онтогенеза и управляемой

Даже в юбилейной передовице, посвященной 30-летию Октябрьской революции, Т. Д. Лысенко упоминается как автор теории стадийного развития, но не как выдающийся селекционер и уж тем более не как «реформатор» биологии¹¹.

Столь же показательное отсутствие «мичуринских» статей и ссылок на работы Лысенко в 1946–1948 гг. характеризовало «Зоологический журнал» и «Бюллетень МОИП, серия биологическая» (см. рис. 5). Последний издавался не Академией, а научным обществом (МОИП — Московское общество испытателей природы), и помещал статьи по разным вопросам зоологии и ботаники.

Среди решений, принятых на расширенном заседании Президиума АН СССР в августе 1948 г., значился «пересмотр ... редколлегий биологических журналов» с целью обеспечить «широкую популяризацию мичуринских идей» на страницах журналов, издаваемых Академией¹².

Сопrotивление победившей «мичуринской науке» на первых порах было невозможным, немыслимым. «Августовская» сессия немедленно сказала на содержании «Ботанического журнала». Уже в четвертом номере за 1948 г. появляется первая ссылка на труды Лысенко не в обзорной публикации, а в регулярной статье, написанной в жанре *case study*. П. Л. Богданов, изучавший использование рентгеновских лучей для селекции тополя, сообщал, что «ценных в практическом отношении изменений у тополей» им «не получено, что вполне подтверждает взгляды академика Т. Д. Лысенко»¹³.

В редакционном предисловии, открывавшем пятый номер за 1948 год, признавалось, что «Ботанический журнал» «за исключением немногих статей был оторван от современной практики <...> Тематика его носила сугубо академический характер». Редакция обязывалась не только помещать статьи, важные в народнохозяйственном отношении, но и «широко пропагандировать мичуринское учение, освещать <...> новейшие достижения творческой советской биологии»¹⁴. В шестом номере опубликована статья, в которой восхвалялась «великая заслуга» Лысенко, состоявшая в «углубленной разработке теоретических основ яровизации»¹⁵.

Первые публикации собственно «мичуринской» направленности появились в «Ботаническом журнале» только к концу 1949 г.¹⁶

произвольно изменчивости» (Купревич, 1947. С. 185). В 1946 г. ни сам Лысенко, ни «мичуринская биология» не упоминались в журнале ни разу.

¹¹ См. Ботанический журнал. 1947. № 6. С. 226.

¹² Вестник АН СССР. 1948, № 9. С. 15.

¹³ Богданов (1948. С. 440).

¹⁴ Ботанический журнал. 1948. № 5. С. 465. («От редакции»).

¹⁵ Л. А. Смирнов (1948. С. 569).

¹⁶ Плотников (1949); Турбин, Хабарова (1949).

Четырехлетний период с августа 1948 по декабрь 1952 г. был временем тотального господства «мичуринского» направления в советской генетике и эволюционной биологии. Печатная критика Лысенко и его взглядов стала невозможной. В этот период «мичуринцы» опубликовали большое число статей, в которых видообразование в различных группах растений и грибов трактовалось согласно НУВ¹⁷. Эти *case studies* обычно не содержали никаких теоретических новшеств; в отношении теории вида их авторы полностью следовали постулатам Лысенко и ставили своей целью предъявить факты, подтверждающие их правоту. Большая часть подобных статей публиковалась в «Агробиологии» или других изданиях ВАСХНИЛ¹⁸.

«Ботанический журнал», как «руководящий орган» советских ботаников, не мог оставаться нейтральным по отношению к лысенкоизму, однако, как я постараюсь показать ниже, его «мичуринизация» в 1949–1952 г. оказалась довольно умеренной. На это указывает и сравнительно малое число ссылок на работы Лысенко, пришедшее на это четырехлетие (см. рис. 5). Его рост по сравнению с периодом до 1949 г. можно объяснить увеличением доли статей прикладного характера, опубликованных журналом в соответствии с принятыми на себя обязательствами. В работах такого рода ссылки на труды Лысенко по вопросам физиологии растений и селекции были вполне органичны.

Новые реалии советской биологии отразились в редакционной передовице «Выдающийся ученый советской эпохи», посвященной 50-летию юбилею Т. Д. Лысенко¹⁹. Она полна самых неумеренных и подобоострастных восхвалений в адрес юбиляра сродни тем, что публиковали советские газеты и массовые журналы в те же самые годы. Однако на фоне остального содержания «Ботанического журнала» эта юбилейная статья выглядела скорее инородным телом.

Важной темой стала тотальная «мичуринизация» советской биологии, неоднократно обсуждавшаяся в те годы академическими журналами. Примером может служить «установочная» статья А. И. Опарина²⁰, сменившего Л. А. Орбели на посту академика-секретаря ОБН. В области науки о растениях также известны многочисленные публикации,

¹⁷ Кулик (1950); Ф. С. Пилипенко (1950, 1951); В. К. Карапетян (1952); Михайлова (1952б; 1953); Чиркова (1954). Единичные публикации такого рода появлялись в советских журналах даже в конце 1960-х гг. (Полищук, 1968).

¹⁸ См., к примеру, обзорную статью В. Г. Нестерова (1955) о видообразовании у растений.

¹⁹ Ботанический журнал. 1949. № 2. С. 125–128.

²⁰ Опарин (1953).

призывавшие к перестройке на «мичуринских» началах отдельных её дисциплин — фитоценологии²¹, систематики и филогенетики растений²², фитогеографии и экологии растений²³, лесного дела²⁴. Их авторы придавали большое значение и новой теории вида. Так, Н. М. Андронов, сетовавший на субъективизм, царящий в систематике, и вытекающие из него постоянные изменения классификации, надеялся, что новое определение вида, данное Лысенко, устранил путаницу, которая существует в систематике древесных пород и окажет помощь специалистам по лесному хозяйству.

«Установочные» статьи подобного типа появлялись и в «Ботаническом журнале», но их стиль и содержание выгодно отличались от многих современных им публикаций на ту же тему. Программная статья А. А. Гроссгейма²⁵ о задачах советской ботаники в свете достижений «мичуринской биологии» была спокойной по тону, стилистически нейтральной и содержала минимальное число идеологически клишированных высказываний. В ней обсуждались вопросы, далекие от агробиологических интересов большинства «мичуринцев», такие как построение филогенетической системы, подготовка определителей и флористических сводок, внутривидовая систематика растений. Хотя автор не смог избежать славословий в адрес Лысенко, они оказались довольно умеренными; гораздо больше внимания Гроссгейм уделил фигуре Мичурина.

Отмечу, что во многих случаях упоминания Т. Д. Лысенко и ссылки на его работы на страницах «Ботанического журнала» носили формальный, скорее всего вынужденный, характер. Они должны были продемонстрировать идеологическую лояльность авторов, их следование руководящим указаниям партии и «августовской» сессии, для чего механически «пристегивались» к содержанию статей, не имея прямого отношения к сути обсуждаемых проблем. Обычно подобные упоминания помещались либо в преамбуле к статье, либо в её заключительной части, практически без связи с основным текстом. Такого рода цитирование можно назвать *ритуальным* и рассматривать как одну из форм социальной мимикрии, к которой вынужденно прибегали многие советские биологи.

Приведу два примера, иллюстрирующие практику ритуального цитирования. Статья В. Ф. Купревича с соавторами была посвящена одному из частных вопросов физиологии растений. В заключении авторы

²¹ Быков, (1953); Ярошенко (1953. С. 6, 22).

²² Васильченко (1949); Синская (1949); Козо-Полянский (1950); Ильин (1951а, б, 1953а).

²³ Вершковский (1951); Грушвицкий (1951).

²⁴ Сукачев (1950); Андронов (1951).

²⁵ Гроссгейм (1949).

ссылаются на «труды И. В. Мичурина и его последователей», в которых говорится о «возможности познания, а затем и произвольной переделки любой стороны жизнедеятельности растения»²⁶. Это — единственное во всем тексте упоминание «мичуринской биологии», без которого, очевидно, можно было бы обойтись, как это и практиковалось до августа 1948 г. Вполне возможно, что эта вставка была сделана уже на стадии предпечатной подготовки рукописи, и не авторами, а редактором статьи²⁷.

Б. А. Тихомиров в работе о биологии растений крайнего Севера привел в качестве эпиграфа цитату из Лысенко, но в основном тексте «мичуринское» влияние отсутствует, теории Лысенко никак не обсуждаются и не используются при интерпретации результатов²⁸.

Степень использования ритуального цитирования зависела от чувства меры авторов. Иногда она приобретала гипертрофированные масштабы, доходя до прямого абсурда. Один из рецензентов оценил подобный прием как «наихудший образец цитирования, набор чужих фраз и ни одной живой мысли автора <...> типичное угодничество, ради которого цитаты приводятся и не к месту и без повода <...> Переписывание фраз из Лысенко производится даже в тех случаях, когда они содержат лишь элементарные неоспоримые истины»²⁹.

Приведенные выше примеры и цитаты подтверждают слова Э. И. Колчинского о том, что после «августовской» сессии поддержка биологами «спускаемых сверху учений нередко носила сугубо внешний, показной характер», они лишь «имитировали согласие»³⁰.

«Имитация согласия» была особенно необходима для ведущих советских ботаников, включая тех, кто занимал ответственные научно-административные посты. Многие из них в 1948 г. были вынуждены «честно встать на позиции подлинно передовой науки, указанные нашей партией»³¹ и вести себя соответственно новым реалиям, которые они не в силах были изменить. Насколько можно судить в ретроспективе, обычной тактикой было соглашательство с «мичуринской биологией» с попыткой хотя бы частично сохранить занимаемые прежде позиции³².

²⁶ Купревич и др. (1949. С. 33).

²⁷ Судя по тому, что рукопись поступила в редакцию непосредственно после «августовской» сессии (20 сентября 1948 г.), не исключено, что инициатива могла исходить и от самих авторов статьи.

²⁸ Тихомиров (1950).

²⁹ Дохман (1954. С. 83–84).

³⁰ Колчинский (2013. С. 106–107).

³¹ Из выступления Р. Л. Дозорцевой на расширенном заседании Президиума АН СССР (Вестник АН СССР. 1948. № 9. С. 185).

³² См. выступления директоров академических институтов в области биологии — Н. А. Максимова, Е. Н. Павловского, В. Н. Сукачева — на расширенном заседании Президиума АН СССР (Вестник АН СССР. 1948. № 9).

В период 1949–1952 гг. это предполагало публичное признание правоты Лысенко и демонстрацию стремления «перестроиться», чего не избежали и некоторые биологи, несколько лет спустя ставшие активными оппонентами лысенкоизма.

Показательна в этом отношении позиция академика В. Н. Сукачева, главного редактора «Ботанического журнала» и биологического отдела «Бюллетеня МОИП». Как фитоценолога, его особенно затрагивало учение Лысенко об отсутствии внутривидовой борьбы в природе, с которым Сукачев полемизировал уже в 1946 г.³³ В «поставгустовский» период для Сукачева стало невозможным не только открыто критиковать данный тезис, но и просто уклониться от его обсуждения. Поэтому в статьях 1950–1952 гг. он был вынужден соглашаться с Лысенко хотя бы на словах, прибегая к несколько казуистическим аргументам для оправдания своей изменившейся позиции. В программной статье 1950 г. — безусловно комплиментарной по отношению к «мичуринской биологии» — академик коснулся острого для него вопроса о внутривидовой конкуренции. Автор сочувственно процитировал высказывания Лысенко на эту тему и очень аккуратно упомянул о слабой изученности проблемы, словно отказываясь от выражения собственного мнения. В новой трактовке, предложенной Сукачевым, проблема борьбы внутри вида становилась, по сути, мнимой³⁴. Оказывается, в природе вообще не бывает внутривидовых отношений в чистом виде. Даже если мы изучаем взаимное влияние деревьев одного вида, «в эти взаимоотношения вклиниваются микроорганизмы, которые, взаимодействуя с древесными растениями, в то же время взаимодействуют и между собой. Таким образом, мы и здесь не можем обойтись без учета межвидовой борьбы за существование»³⁵. Это позволяло В. Н. Сукачеву сохранить лицо, не отрекаясь прямо от того, что он писал ранее. Подобная тактика не была для него новой. Ещё в начале 1930-х гг., атакуемый «диалектизаторами» от биологии, Сукачев «чисто внешне демонстрировал свое согласие с диалектическим материализмом <...> заявляя, что всегда был стихийным диалектиком, и при этом твердо отстаивал свои научные убеждения»³⁶.

³³ Сукачев (1946).

³⁴ Схожую попытку деонтологизировать внутривидовую борьбу предпринял М. М. Ильин. По его мнению, если Дарвин понимал борьбу за существование метафорически, то обсуждение её реальности «теряет всякое значение» и нет нужды «затрачивать столько времени на спор о терминах» (Ильин, 1953. С. 221).

³⁵ Сукачев (1950. С. 15).

³⁶ Колчинский (2013. С. 81). В отчете биосектора ленинградского отделения Комкадемии от 30 марта 1931 г. читаем: «Разоблачено выступление проф. Сукачева, развиваемая теория которого была квалифицирована как буржуазное, поповское учение о растительных группировках, приводящее в практике к срыву хозяйственных мероприятий в лесном деле, в теории — к идеализму» (СПбФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 4. Л. 33).

Сложную эволюцию в рассматриваемое четырехлетие претерпели и взгляды К. М. Завадского, которого до августа 1948 г. коллеги считали убежденным противником Лысенко³⁷. На некоторое время он также присоединился к «мичуринскому» направлению, выпустив ряд теоретических статей, рассматривавших проблему вида с точки зрения НУВ³⁸, и даже подпал под влияние учения О. Б. Лепешинской о неклеточном «живом веществе»³⁹, о чем позднее весьма сожалел⁴⁰. Рассматривая изменение взглядов академика В. Л. Комарова на сущность вида, Завадский писал, что на их раннем, «ламаркистском» этапе Комаров был ближе к истине, чем в конце научного творчества, и развивал «более глубокое понимание вида, чем в трудах Дарвина и большинства биологов последарвиновского времени»⁴¹.

Внимательное чтение промичуринских статей Завадского показывает, что даже в тот период его взгляды на видообразование были несколько сложнее, чем грубый и прямолинейный «скачкизм» Лысенко. Завадский не приравнивал появление новой формы к видообразованию, утверждая, что новый вид не может возникнуть очень быстро. Даже после возникновения нового видового «качества» имеет место сравнительно долгий, не скачкообразный во всяком случае, этап «создания устойчивой группы, хорошо приспособленной к местобитанию»⁴². Только тогда вновь обретенная «наследственность» делается устойчивой, а затем требуется ещё длительный процесс отбора и формирования внутривидовых адаптаций, к которым относятся специфические для нового вида «плодовитость, длительность жизни, закономерный процесс возрастной убыли» и т. д.⁴³ Безусловно, такой взгляд куда тоньше наивных представлений о мгновенном видообразовании путем спонтанного «порождения».

Пришлось высказаться по поводу НУВ и Е. Н. Синской — соратнице Н. И. Вавилова, одному из крупнейших советских специалистов в области экспериментальной систематики. Незадолго до «августовской» сессии вышла в свет её монография «Динамика вида»⁴⁴. Изложенные в ней взгляды на структуру вида и процесс видообразования

³⁷ Колчинский (2013. С. 99).

³⁸ Завадский (1949; 1952).

³⁹ Завадский (1951а, б).

⁴⁰ Колчинский (2013. С. 106).

⁴¹ Завадский (1952. С. 5). По неопубликованному свидетельству Б. Е. Райкова, Комаров « всю жизнь был сторонником Ламарка <...> В личных разговорах В. Л. Комаров решительно одобрял идеи Ламарка, но в печати высказывался умеренно — по соображениям такта» (СПбФ АРАН. Ф. 893. Оп. 1. Д. 160. Л. 413).

⁴² Завадский (1949. С. 51).

⁴³ Там же. С. 52.

⁴⁴ Синская (1948).

были раскритикованы с «мичуринских» позиций⁴⁵. В 1949 г. Синская выпустила статью о значении идей Лысенко для систематики растений, в которой, наряду с обычными похвалами в адрес «мичуринской биологии» и лично «народного академика», была и критика «формальной систематики», с её «застоявшейся, затхлой атмосферой», в которую ворвался «свежий ветер» мичуринских идей. Синская приняла и «расшатывание наследственности», и скачкообразность видообразования, и отсутствие внутривидовой конкуренции, и некоторые другие положения лысенкоизма. «Глубокая идея академика Т. Д. Лысенко», по её словам, «раскрыла нам глаза, и мы понимаем теперь, что иначе и быть не может»⁴⁶. Его работы «открыли для филогенетики и систематики новую эру»⁴⁷. Но даже признавая наличие «резкого перелома, скачка» в видообразовании, Синская, подобно Завадскому, ушла от примитивной формы сальтационизма. Она увидела в возникновении нового вида процесс постепенного преобразования экотипа, предполагающий особый этап «разбега» перед скачком — «зону изменения и распада (“расщепления”) видовых признаков и появления расшатанных форм»⁴⁸. На этом этапе, относительно длительном, могут появляться переходные формы между видами (существование которых Лысенко отрицал). По Синской, «[н]овые качества вида возникают как бы на базе конституции исходного экотипа, которая, в смене последовательных промежуточных форм, постепенно приспособляется отбором к той напряженности условий существования, где возникают характерные черты нового вида». Экотип есть «благоприятный исходный материал для развития вида в природе»⁴⁹. Этим отбрасывалось положение НУВ о том, что внутривидовые разновидности лишены эволюционного значения. Фактически, автор повторяла здесь то, что было опубликовано ею до «августовской» сессии⁵⁰. По её мнению, моментальное видообразование мыслимо лишь в ситуации особо резких изменений условий существования, когда признаки нового вида возникают «разом», а период «расшатывания» очень короток и переходных форм не образуется⁵¹. Не вступая в прямую полемику с Лысенко, Синская сводила предложенную им видообразовательную

⁴⁵ Васильченко (1949. С. 7–9); Завадский (1949. С. 44). Завадский (1952. С. 15) назвал экспериментальную систематику, которой занимались М. А. Розанова и Е. Н. Синская, «вейсманизмом в систематике». Это не помешало Е. Н. Синской выступить в 1963 г. официальным оппонентом докторской диссертации Завадского.

⁴⁶ Синская (1949. С. 22).

⁴⁷ Там же. С. 24.

⁴⁸ Там же. С. 22.

⁴⁹ Там же. С. 23.

⁵⁰ Синская (1942; 1948)

⁵¹ Синская (1949. С. 25).

модель к частному случаю, реализующемуся лишь в очень специфических условиях⁵².

Мне неизвестен ни один крупный советский ботаник, который после августа 1948 г. перешел бы в стан «мичуринцев», безоговорочно приняв все постулаты НУВ⁵³. Анализ работ В. Н. Сукачева, К. М. Завадского и Е. Н. Синской показал, что каждый из них старался избежать начетнического цитирования Лысенко. Временный «лысенкоизм» этих авторов был не только вынужденным, но, так сказать, творческим. Они пытались — возможно, вполне искренне — совместить утверждения Лысенко и с собственными взглядами, и с данными современной им науки.

* * *

Спустя три года после «августовской» сессии академик А. И. Опарин, ставший одним из самых энергичных и влиятельных сторонников Лысенко, сетовал, что проблема вида и видообразования «до сих пор не подверглась широкой творческой дискуссии», и что это — «крайне ненормальное явление»⁵⁴. Действительно, в 1950–1951 гг. «Ботанический журнал» и «Бюллетень МОИП» не поместили ни одной статьи, обсуждавшей эту проблему. Стоит заметить, что Опарин понимал сущность такой дискуссии весьма своеобразно. Её целью он считал «...показать на различных объектах, что причиной порождения одного вида другим видом является изменение условий жизни организмов, изменения типа обмена веществ»⁵⁵. Иными словами, Опарин призывал к такой дискуссии, которая подбирала бы доказательства для НУВ, принятого как истина в последней инстанции. Реальная дискуссия о виде, начавшаяся в конце 1952 г., пошла совсем по иному сценарию.

Необходимость «творческих дискуссий» и «товарищеской критики» в науке стала в то время привычным топосом официальной риторики и публицистики. Примерами «свободных дискуссий» такого рода считались и «августовская» сессия ВАСХНИЛ, и разгром марризма в советском языкознании, и прочие срежиссированные «наверху» случаи вмешательства власти в научные дебаты. Это обстоятельство использовали противники лысенкоизма. Ссылаясь на высказывания партийных руководителей, они указывали, что в советской науке не может быть

⁵² Спустя десятилетие схожую мысль выскажет А. И. Толмачев (1959).

⁵³ Подобную эволюцию проделал Б. А. Келлер (1874–1945), однако это произошло задолго до 1948 г. (Келлер, 1948; Козо-Полянский, 1948). О мотивах «перековки» академика Келлера см. статью В. Б. Голуба (2023).

⁵⁴ Опарин (1951. С. 9).

⁵⁵ Опарин (1953. С. 22).

неприкосновенных, иммунных от критики персоналий, и «народный академик» не составляет в этом отношении никакого исключения⁵⁶.

В передовице, открывавшей шестой номер «Ботанического журнала» за 1952 г., редакция информировала, что начинается

...широкую дискуссию по проблеме видообразования и определению понятия вида у растений. <...> Творческое обсуждение этого и других важнейших вопросов теории ботаники обеспечит дальнейшее развитие нашей науки, ещё более её укрепит и направит её усилия на всемерную помощь народному хозяйству и великому делу преобразования природы⁵⁷.

В том же номере были опубликованы полемические статьи Н. В. Турбина и Н. Д. Иванова, открывшие объявленную дискуссию. Практически одновременно вышли в свет две другие работы, критикующие лысенкоистское отрицание внутривидовой борьбы⁵⁸. Так в последние месяцы жизни Сталина, неожиданно для многих, пошатнулась казавшаяся незыблемой монополия Лысенко на решение проблем теоретической биологии. Неожиданными были и личности авторов, выступивших с критикой НУВ. Н. В. Турбин — заведующий кафедрой генетики и селекции ЛГУ и декан биолого-почвенного факультета — считался правоверным «мичуринцем». Он опубликовал университетский учебник по генетике, написанный с лысенкоистских позиций. Н. Д. Иванов же в научном сообществе был вовсе неизвестен⁵⁹.

Предыстория публикации статей Турбина и Иванова достоверно не выяснена. Практически все, писавшие об этом, признают ведущую роль И. В. Сталина, который либо сам инициировал кампанию по критике «возгордившегося» Лысенко⁶⁰, либо же поддержал шедшую «снизу» инициативу⁶¹. Для наших целей важнее, *что и как* было написано в этих статьях, на несколько лет вперед задавших тон антилысенковской

⁵⁶ Турбин (1952. С. 798–799); Иванов (1952а. С. 842). Турбин писал: «Товарищ Сталин учит нас, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики. <...> Партия призывает советских ученых в целях подъема на более высокий уровень нашей науки всемерно развивать критику и борьбу мнений в научной работе и таким путем решать очередные проблемы, стоящие перед наукой».

⁵⁷ «Пятый пятилетний план и задачи ботанической науки» (Ботанический журнал. 1952. № 6. С. 748).

⁵⁸ Иванов (1952а); Сукачев (1953).

⁵⁹ По словам В. Н. Сойфера (1993. С. 516), «Н. Д. Иванов <...> не биолог, а военный, генерал-майор технической службы и к тому же зять М. И. Калинина, решивший переквалифицироваться в историка биологии». В. Я. Александров (1993. С. 121) сообщает, что Иванов «как-то связан с лесоведением и работает в аппарате АН СССР».

⁶⁰ Сойфер (1993. С. 516–518); Голубовский (2015. С. 117).

⁶¹ Александров (1993. С. 119–122).

полемики содержавших критические аргументы, которые будут, с вариациями, повторены другими участниками дискуссии.

Обе статьи вполне соответствовали духу времени. Они были откровенно логоцентричны, их авторы постоянно апеллировали к «классикам марксизма» и партийным постановлениям как к высшим авторитетам в области биологической теории. Стиль статей и использованные в них идеологические штампы должны были демонстрировать полную лояльность авторов по отношению к политике партии. Ни Н. В. Турбин, ни Н. Д. Иванов не отвергали «мичуринское» направление как таковое. Оба решительно выступали против «реакционного вейсманизма-морганизма», который именовался в статьях «возвратом к идеализму и телеологии», уходом в «болото идеализма»⁶². Оба автора открыто присоединились к хору «мичуринцев», шельмовавших И. И. Шмальгаузена⁶³.

Критике подверглось лишь само «новое учение о виде», для чего использовались как биологические, так и философские аргументы.

Главной целью статьи Турбина, как позднее указал её автор⁶⁴, было доказать, что так называемые факты «порождения» новых видов нельзя рассматривать как видообразование. Некоторые из них основаны на ошибочных интерпретациях, а те, реальность которых Турбин был готов признать, допускали, по его мнению, альтернативное объяснение. Поэтому, вопреки Лысенко, НУВ нельзя считать твердо доказанной научной теорией, нельзя возводить «во всеобщий закон развития живой природы, относящийся и к растительным, и к животным видам»⁶⁵.

Наиболее простым и естественным объяснением представленных Лысенко фактов, не требующим никаких чудесных «порождений», Турбин считал предположение о том, что они вызваны межвидовым переопылением растений. Это — вполне обычное в природе явление, которое «не требует для своего объяснения какого-либо особого переворота в науке. Оно — результат выщепления в потомстве растительных межвидовых гибридов экземпляров с признаками отцовского вида, сопутствующего в посеве растениям материнского вида»⁶⁶.

Как известно, Лысенко отвергал возможность межвидовой гибридизации и рассматривал нескрещиваемость как один из главных критериев

⁶² Иванов (1952а. С. 837).

⁶³ Два года спустя Турбин утверждал, что всегда был последовательным противником «реакционного вейсманизма-морганизма» и ещё до августа 1948 г. выступал с «критикой вейсманистских работ академика И. И. Шмальгаузена». По его словам, он всегда высоко ценил Лысенко как «ведущего деятеля мичуринской генетики» и его «заслуги в деле развития дарвинизма» (Турбин, 1954в. С. 364–365).

⁶⁴ Турбин (1954в. С. 238).

⁶⁵ Турбин (1952. С. 812).

⁶⁶ Там же. С. 813.

видовой самостоятельности⁶⁷. Это позволяло ему обосновать мнимое отсутствие переходных форм между видами, которое он трактовал как довод в пользу сальтационной модели видообразования⁶⁸.

Предложенное Н. В. Турбиным объяснение было подхвачено и другими ботаниками, вступившими в дискуссию. Так, Н. В. Павлов объяснял, что

...культурные растения по большей части являются сложными гибридами, прошедшими многовековую историю, и в процессе резкого изменения условий их возделывания легко могут обнаружить явления атаксизма, возврата к предкам или выявления нескольких родительских форм, некогда участвовавших в гибридогенезе⁶⁹.

Что ещё важнее, Н. В. Турбин не только дал альтернативную интерпретацию эмпирическим доказательствам НУВ, но и категорически охарактеризовал это учение как скрытый антидарвинизм, не соответствующий, к тому же, взглядам самого И. В. Мичурина, авторитет которого Лысенко использует⁷⁰. То, что Лысенко утверждал в 1948 г., противоречит тому, что он провозглашал ранее, и является, по сути, не «развитием, а упразднением дарвинизма»⁷¹. Вопреки «мичуринцам», классический дарвинизм «не находится в каком-либо противоречии с диалектическим пониманием природы»⁷². Дарвин, по словам Турбина, не отвергал реальности видов, а лишь подчеркивал относительность, подвижность границ между ними, что отчасти объясняется существованием переходных форм, отрицаемых НУВ. Лысенко отбрасывает теорию естественного отбора (фактически, хотя на словах её поддерживает), но ничего не предлагает взамен. Выдвинутый им механизм формирования видов путем «ассимиляции» внешних условий не объясняет множества явлений, прекрасно объясняемых теорией Дарвина:

⁶⁷ С. С. Хохлов (1954. С. 375–376) писал, что упорное отрицание межвидовой гибридизации объясняется усилиями Лысенко «спасти» свою теорию видообразования, которая полностью рушится, если интерпретировать «порождение» видов как следствие гибридизации.

⁶⁸ Васильев (1954. С. 388–389).

⁶⁹ Павлов (1953а. С. 384). Такое же объяснение получили данные Ф. Пилипенко (1950, 1951) о спонтанном видообразовании в роде Эвкалипт. П. А. Баранов (1953. С. 677) писал, что эти факты следует считать «очевидным результатом гибридизации в настоящее время или в недалеком прошлом». С этим соглашался и Б. М. Козо-Полянский (1953. С. 835).

⁷⁰ Турбин (1952. С. 807, 809).

⁷¹ Турбин (1952. С. 809). См. также Иванов (1952а. С. 834, 838–841; 1954а. С. 374); Куликов (1953. С. 392–393, 396). Иванов (1952а. С. 841) писал, что НУВ «является не углублением, не критической <...> переработкой, а уничтожением дарвинизма».

⁷² Турбин (1952. С. 804).

Как можно объяснить ассимилированием измененных условий, помимо действия отбора, возникновение таких новообразований <...> как крыло птиц, как молочная железа млекопитающих, как разнообразные приспособления цветков растений к опылению посредством ветра, насекомых и птиц?

Как можно объяснить, помимо действия естественного отбора, выработку сложных приспособительных форм поведения животных, их инстинктов?⁷³

Против НУВ свидетельствует и биостратиграфия, которая оказалась бы в принципе невозможной, если бы один и тот же вид неоднократно возникал в истории Земли и, тем самым, присутствовал бы в удаленных друг от друга участках палеонтологической летописи. Отсутствие же достоверной биостратиграфии, отмечал Турбин, вредило бы народному хозяйству, так как без неё невозможна разведка полезных ископаемых⁷⁴. Этот аргумент «от полезности», весьма значимый для советской научной политики, был впоследствии использован другими критиками лысенкоизма, подчеркивавшими бесполезность и даже вредность НУВ для сельского и лесного хозяйства, селекционной практики⁷⁵.

По сравнению со статьей Н. В. Турбина, выступление Н. Д. Иванова было более философичным, как по стилю, так и по характеру аргументации. Вероятно, намерением автора было, избегая излишне резких оценок, подвести читателя к мысли о том, что учение Лысенко не соответствует диалектическому материализму, как бы ревностно его создатель ни доказывал обратное. По Иванову, одна из главных ошибок Лысенко заключается в возврате к телеологии в науке о живом. Лысенко утверждает, что виды «рождаются сразу же приспособленными к условиям существования. Почему эта приспособленность возникла, объяснений не дается»⁷⁶. Новое возникает мгновенно, с чистого листа, не являясь «продуктом “нормального” развития старого»⁷⁷. Чем же объяснить такой резкий разрыв между старым и новым, если Лысенко отрицает существование генов, а значит, и генетических мутаций? НУВ телеологично, так как неявно признает, что в организмах «зало-

⁷³ Турбин (1952. С. 807).

⁷⁴ Там же. С. 806.

⁷⁵ Иванов (1954б); Хохлов (1954). Критикам пришлось доказывать, что отдаленная гибридизация и полиплоидия, работы по которым были прекращены в СССР после «августовской» сессии, являются эффективными и вполне приемлемыми для советских селекционеров методами. Лысенкоисты же рассматривали индуцированную полиплоидию как «удар» по растению, не соответствующий предыдущей истории его развития и «влекущий за собой получение по сути дела урода» (Из выступления Н. И. Гращенкова на расширенном заседании Президиума АН СССР; Вестник АН СССР. 1948. № 9. С. 154).

⁷⁶ Иванов (1952а. С. 822).

⁷⁷ Там же. С. 824.

жено свойство развиваться прогрессивно, приспособление к внешним условиям»⁷⁸.

Характерным для полемического стиля Н. Д. Иванова был прием проведения аналогий между взглядами Лысенко и критикуемых им же авторов. По его мнению, НУВ сходно с «теорией мутаций вейсманистов-морганистов»⁷⁹, а отрицание Лысенко перенаселения в природе и внутривидовой борьбы соответствует воззрениям Т. Моргана. Таким образом, многие положения теории Лысенко идентичны тем, что выдвигаются «врагами дарвинизма»⁸⁰.

Вопрос о пресловутых «скачках» Иванов решал несколько схоластически, сводя его к проблеме истолкования философских терминов. По его мнению, Лысенко не учел, что в работе Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», опубликованной в 1950 г., т. е. после «августовской» сессии, проводилось различие между двумя видами скачков — со «взрывом» и без. Лысенко считает все случаи видообразования скальтациями, то есть «скачками со взрывом». Это сближает его концепцию с антидарвинистской теорией С. И. Коржинского, которую резко критиковал К. А. Тимирязев, образец правоверного дарвиниста для советских биологов и философов того времени. Между тем, подчеркивал Иванов,

...для материалистов-диалектиков *скачок* — это переход от одного качественного состояния в другое, форма которого может быть самой различной, в том числе и «скачкообразной»⁸¹.

По его мнению, Лысенко и его сторонники не поняли, что

...в развитии *скачок* как переход от одного качества к другому обязателен; скачок как форма перехода от одного качества к другому вовсе не обязателен (например, в развитии языка)⁸².

Турбин и Иванов не во всем соглашались между собой. Если Иванов признавал наличие перенаселения и вызванной им конкуренции в природных популяциях и защищал Дарвина от обвинений в мальтузианстве⁸³, то Турбин принимал тезис Лысенко об отсутствии

⁷⁸ Там же. С. 825.

⁷⁹ Иванов (1952а). С. 823–824).

⁸⁰ Там же. С. 834, 836–837. Такой прием использовали и другие авторы. П. А. Баранов и Д. В. Лебедев (1955) сравнивали Лысенко и других, отвергавших полиплоидию, «мичуринцев», с Г. Нильсоном (1883–1955) — шведским ботаником, одним из последних биологов, отрицавших, ещё в середине XX в., реальность биологической эволюции.

⁸¹ Там же. С. 827. Курсив автора.

⁸² Там же. С. 828. Курсив автора.

⁸³ Иванов (1952а, б). См. также Сукачев (1953а).

внутривидовой борьбы⁸⁴. Иванов посвятил этому вопросу особую статью, опубликованную в «Бюллетене МОИП»⁸⁵. В «Ботаническом журнале» на эту же тему высказался В. Н. Сукачев, вернувшийся к своим прежним взглядам. Обобщив обширный фактический материал, он пришел к выводу, что внутривидовая борьба реально происходит в природе и является «неизбежным злом, которое возникает благодаря размножению в геометрической прогрессии. Но внутривидовая конкуренция, как правило, не влечет за собой отмирания всех особей, в ней участвующих, и поэтому она не грозит существованию вида»⁸⁶. Поэтому несостоятелен критерий для различения вида и разновидности, предложенный Лысенко: между особями разных видов возможна борьба, между разновидностями одного вида — нет. По Сукачеву, «конкурентные отношения между особями могут быть независимо от того, принадлежат ли они к одному виду или к разным»⁸⁷.

* * *

Статьи Н. В. Турбина, Н. Д. Иванова и В. Н. Сукачева не стали атакой на «мичуринскую биологию» в целом и едва ли были рассчитаны на свержение Лысенко с позиции главного теоретика биологии в СССР. Критика сосредоточилась исключительно на «новом учении о виде», не затрагивая других элементов лысенкоизма, включая «мичуринскую» теорию наследственности и предлагаемые Лысенко методы селекции. Важность этих статей была в другом. Их появление показало, что «народный академик» не всемогущ, и критиковать его *можно*.

Публикация статей Н. В. Турбина и Н. Д. Иванова вызвала бурную полемику в советской научной печати, продолжавшуюся около двух лет. Сторонники Лысенко выпустили более полутора десятков статей, в которых резко критиковали позицию Н. В. Турбина, Н. Д. Иванова и В. Н. Сукачева⁸⁸. Перечень «грехов», которые им инкриминировался,

⁸⁴ Он заявлял о своем согласии с Лысенко по этому вопросу ещё до «августовской» сессии (Турбин, 1947).

⁸⁵ Иванов (1952б). В том же номере вышла статья Л. Г. Динесмана (1952) о каннибализме у амфибий. Не вступая в прямую полемику с Лысенко, автор показывал наличие внутривидового хищничества (т. е. «борьбы») у жаб и лягушек. Позднее «Бюллетень МОИП» опубликовал статью Ю. П. Бялловича (1953), в которой приводились экспериментальные доказательства внутривидовой борьбы у растений.

⁸⁶ Сукачев (1953а. С. 88). См. также Сукачев (1956).

⁸⁷ Сукачев (1953а. С. 92)

⁸⁸ Виноградов, Виноградова (1953); Дворянкин (1953б, в); Дмитриев (1953); Исаев и др. (1953); С. К. Карапетян (1953); Лепешинская (1953); Никольский (1953); Новинский (1953); Нуждин (1953а); Поляков, Микулинский (1953); Рубашевский

был впечатляющ. Их обвиняли в клевете на Лысенко и извращении его взглядов, в тенденциозной и предвзятой критике, недобросовестном цитировании, злопыхательстве, хитрости и передергивании фактов, в волюнтаризме и обскурантизме, в «догматическом дарвинизме», в «издевательстве над объективными законами природы», в дискредитации «передовых ученых», в «опошлении дарвинизма», в «вейсманизме-морганизме», мальтузианстве, метафизике, махизме и субъективном идеализме, в «марровском понимании скачков», в следовании «апологетам империализма», а также в непонимании и даже ревизии основ марксизма-ленинизма и «мичуринского учения». Лично Турбина предъявлялось обвинение в ренегатстве, так как он выступил против того, что сам ещё недавно, в 1950–1951 гг., провозглашал в своих статьях и учебниках и чему учил студентов ЛГУ⁸⁹. Досталось и редколлегии «Ботанического журнала». В. С. Дмитриев не только обвинил её в пропаганде вейсманизма и «реакционной схемы Мальтуса», но и удивлялся, почему ей «понадобилось выступать против *прямых указаний* по вопросу о путях развития биологии и сельскохозяйственной науки»⁹⁰. Некоторые статьи⁹¹ почти нацело состояли из цитат из работ Энгельса, Сталина, Мичурина и самого Лысенко, которые молчаливо признавались истиной в последней инстанции.

В том же духе и в сходных выражениях отвечали своим критикам Н. Д. Иванов, В. Н. Сукачев и Н. В. Турбин⁹². Они упрекали их в предвзятости, стремлении опорочить и очернить своих оппонентов, извращении их взглядов, непонимании основ диамата, субъективном идеализме и пр. С обеих сторон полемика велась эмоционально, пристрастно, с использованием аргументов *ad hominem* и хлестких ярлыков, нацеленных на то, чтобы бросить неблагоприятную тень на оппонентов⁹³.

(1953); Студитский (1953а, 1954); Платонов (1954б); Жуков-Вережников и др. (1955); Каганов (1956). Среди авторов этих статей были практически все видные «мичуринцы», кроме И. И. Презента и самого Т. Д. Лысенко. На дискуссию откликнулся и «толстый» журнал «Новый мир» (Доброхвалов, 1953).

⁸⁹ Дмитриев (1953б. С. 53); Исаев и др. (1953. С. 41); Студитский (1954).

⁹⁰ Там же. С. 61. (Курсив мой — М. В.).

⁹¹ Например, Лепешинская (1953); Рубашевский (1953).

⁹² Сукачев (1953б); Сукачев, Иванов (1954); Иванов (1954а, б); Турбин (1953, 1954а, б, в).

⁹³ Ср.: «Каких только оскорбительных для советского ученого эпитетов не выслушали акад. В. Н. Сукачев, действ. член АН БССР Н. В. Турбин и Н. Д. Иванов, первыми выступившие в дискуссии! Стоит только почитать заголовки статей их оппонентов!» (Баранов, 1953. С. 693).

Вскоре к дебатам подключились и другие советские ботаники. Дискуссия о виде и видообразовании достигла апогея в 1953–1954 гг., что хорошо показывает динамика цитирования работ Лысенко (см. рис. 5). Во всех трех исследованных журналах резкий рост числа цитат в указанные годы был обусловлен публикацией полемических материалов, большая часть которых была целиком или частично направлена против НУВ. В лагере оппонентов Лысенко оказались такие крупные советские ботаники, как Б. М. Козо-Полянский, П. А. Баранов, Б. К. Шишкин, А. И. Толмачев. Однако, как будет показано ниже, их отношение к «мичуринской биологии» не было тотальным отрицанием. Многие авторы пытались найти некий «средний путь» в решении проблемы вида, и четкое разделение участников дискуссии на два четко очерченные лагеря едва ли возможно.

Эта многословная и эмоциональная полемика оказалась в содержательном отношении малоинтересной и дала очень немного для реального развития вопроса о виде и видообразовании. Оппоненты НУВ сосредоточились на опровержении отдельных положений этой концепции; их противники, в свою очередь, упражнялись в контркритике. Подробное изложение этой дискуссии здесь едва ли целесообразно, к тому же в работах, направленных против теории Лысенко, нередко повторялись, с вариациями, одни и те же аргументы. Впрочем, число этих аргументов исчислялось десятками, и ни один из аспектов НУВ не избежал критического рассмотрения. Важнейшие из возражений, выдвинутых против НУВ, суммированы в таблице 3.

В ходе дискуссии выяснилось, что некоторые сообщения о «порождениях» видов объяснялись либо вполне тривиальными причинами, не связанными с видообразованием⁹⁴, либо являлись плодом фальсификации⁹⁵. Были выявлены многочисленные методические нарушения при постановке опытов, призванных доказать реальность «порождений»⁹⁶. Многие ботаники, включившиеся в дискуссию, не отвергали все факты «порождения» видов, о которых сообщали лысенкоисты, но отмечали, что они взяты почти исключительно из практики растениеводства, что не позволяет переносить предложенную Лысенко модель на всю природу.

⁹⁴ Например, самопрививками (Правдин, Некрасов, 1953) или поражением растений паразитическими грибами (Артюшенко и др., 1953).

⁹⁵ Л. А. Смирнов (1953); Рухьян (1953).

⁹⁶ Бобко (1953).

**Важнейшие возражения против НУВ,
выдвинутые в ходе журнальной «дискуссии о виде» (1952–1957 гг.)**

<p>Лысенко, признавая на словах концепцию естественного отбора и заслуги Ч. Дарвина, предлагает учение, прямо противоречащее центральным положениям классического дарвинизма. Разработанный им «творческий» дарвинизм, отрицающий ведущую роль отбора и дивергентную эволюцию, нельзя считать подлинным развитием теории Дарвина</p>	<p>Дубинин, 1955; Иванов, 1954б, 1955; Козо-Полянский, 1954; Куликов, 1953; Павлов, 1953а; Турбин, 1952, 1954а</p>
<p>Взгляды Лысенко на вид и видообразование (как и на некоторые другие проблемы биологии) прямо противоречат взглядам Мичурина, поэтому он не имеет право называть свою теорию «мичуринской»</p>	<p>Александров, 1955; Баранов, 1953; Завадский, 1956; Иванов, 1952а, 1954б; Оленов, 1955; Павлов, 1953а; Петров, 1953; Хохлов, 1955</p>
<p>Определение вида, предложенное Лысенко, страдает неконкретностью и неполнотой, в нем отсутствует ряд элементов, существенно важных для понимания специфики вида; использование его на практике весьма затруднительно</p>	<p>Баранов, 1953; Иванов, 1952а; Павлов, 1953б; Толмачев, 1953</p>
<p>«Мичуринская биология» отрицает реальность «плодущих межвидовых гибридов и переходных форм между видами» (Лавренко, 1953. С. 84б). Это отрицание априорно и бездоказательно. Абсолютизация критерия нескрещиваемости, то есть физиологической несовместимости представителей разных видов, противоречит широкой распространенности межвидовых гибридов (и даже видов гибридного происхождения) в растительном мире</p>	<p>Баранов, 1953; Васильев, 1954; Камышев, 1954; Лавренко, 1953; Павлов, 1953б; Хохлов, 1954</p>
<p>В трактовке вида, предложенной НУВ, он лишается всякой эколого-географической определенности, игнорируется понятие видового ареала, что противоречит «мичуринскому» принципу единства организма и среды</p>	<p>Камышев, 1954; Павлов, 1953б; Шишкин, 1954</p>
<p>Принцип «адекватной изменчивости», т. е. прямого и «моментального» приспособления организмов, вытекающий из неоламаркизма и сальтационной модели видообразования, делает ненужным естественный отбор и долгий исторический процесс «пришлифовки» становящегося вида к условиям его существования</p>	<p>Баранов, 1953; Дубинин, 1955; Козо-Полянский, 1953; Павлов, 1953а; Тахтаджян, 1957</p>
<p>НУВ телеологично. Оно предполагает наличие некоей имманентной живым организмам «целесообразности» или же «приспособительной силы», изменяющей их наследственность так, что они становятся полностью адаптированы к среде. Материалистического объяснения сущности этой «силы», её происхождения Лысенко не даёт</p>	<p>Иванов, 1952а, 1954а; Сукачев, 1956</p>

Таблица 3 (продолжение)

НУВ, признающее многократное и независимое «порождение» уже известных видов другими, также давно известными, не имеет ничего общего с подлинной эволюцией, диалектически трактуемой как «развитие по спирали». Согласно НУВ, никакого эволюционного развития фактически нет, а есть лишь «замкнутый круг», бесконечное топтание на месте. Это возврат к додарвиновским теологическим представлениям о неизменности видов. Полифилетическая модель эволюции, давно отвергнутая «передовой наукой», воскрешается в работах Лысенко	Баранов, 1953; Дубинин, 1955; Иванов, 1954а; Ильин, 1953; Козо-Полянский, 1953; Куликов, 1953; Павлов, 1953а; Хохлов, 1954; Шишкин, 1954
Число фактов «порождения» видов, приводимых Лысенко и его сторонниками, невелико и недостаточно для построения новой универсальной теории видообразования. Все эти факты касаются только уже известных систематикам видов	Козо-Полянский, 1953; Павлов, 1953а; Турбин, 1952
У сторонников НУВ нет фактов возникновения подлинно новых видов в соответствии с предлагаемой ими эволюционной моделью. Нет ни единого достоверного примера «порождения» видов в животном мире. «Скачок, взрыв собственно в видообразовании ещё никем не наблюдался и не доказан, и теоретически трудно допустим» (Ильин, 1953. С. 228).	Баранов, 1953; Дубинин, 1955; Иванов, 1952а; Ильин, 1953; Пузанов, 1954; Турбин, 1952
Лысенкоистская идея о взаимных «порождениях» видов очень стара и носит, по сути, средневековый характер, восходя к воззрениям Альберта Великого (философ и богослов XIII в.)	Баранов, 1953; Пузанов, 1954; Турбин, 1954а
Факты «порождения» видов, составляющие эмпирическую базу НУВ, допускают альтернативное (и более простое) объяснение (например, как продукт сложной гибридизации). Большая часть этих фактов получена на материале культурных растений, а их трактовка как актов видообразования – ошибочна	Баранов, 1953; Ильин, 1953б; Козо-Полянский, 1953; Косец, 1953; Павлов, 1953а; Петров, 1953; Турбин, 1952, 1953; Хохлов, 1954
Отрицание внутривидовой борьбы (конкуренции) противоречит не только дарвинизму, но и марксизму, основоположники которого (Ф. Энгельс) признавали наличие такой борьбы и перенаселенности в природе. Реальность внутривидовой борьбы надежно установлена многочисленными наблюдениями и экспериментами	Камышев, 1954; Павлов, 1953б; Шелковников, 1954
Дивергенция в природе объективно происходит, хотя её механизмы могут быть не такими, какими их представлял в свое время Ч. Дарвин	Камышев, 1954; Толмачев, 1953
Признание реальности внутривидовой борьбы в природе нельзя считать мальтузианством; обвинения Дарвина в мальтузианстве неприемлемы, на что указывали и «классики марксизма»	Дубинин, 1955; Ильин, 1953; Камышев, 1954; Шелковников, 1954

Таблица 3 (продолжение)

<p>Отсутствие переходных форм между видами, их принципиальная невозможность, на которой настаивает Лысенко, не подтверждаются фактами. Существование таких форм давно установлено систематикой, оно объясняется незавершенностью процесса видообразования</p>	<p>Васильев, 1954; Лавренко, 1953; Толмачев, 1953</p>
<p>Утверждение о том, что новый вид зарождается в качестве «крупинок» в телах представителей предкового вида, бездоказательно. Этих «крупинок» никто и никогда в растительном теле не обнаруживал. Представления Лысенко о конкретных путях видообразования туманны и слабо обоснованы</p>	<p>Баранов, 1953; Дубинин, 1955; Куликов, 1954; Павлов, 1953а; Шишкин, 1954</p>
<p>Видообразовательные скачки, постулируемые НУВ, принципиально не отличаются от мутационизма А. Кёлликера, С. Коржинского, Г. де Фриза и Р. Гольдшмидта, отрицавших естественный отбор и предполагавших «мгновенное» возникновение новых видов, со всеми характерными для них признаками и приспособлениями</p>	<p>Дубинин, 1955; Завадский, 1954; Иванов, 1952а, 1954а; Козо-Полянский, 1953; Павлов, 1953а; Петров, 1953; Турбин, 1952</p>
<p>«Наивное представление» Лысенко о том, что «виды возникают без переходов, сразу в готовой форме <...> является плохо замаскированной разновидностью старого учения о творении видов»</p>	<p>Дубинин, 1955</p>
<p>НУВ сводит видообразование к единственному механизму – «ассимиляции» внешних условий и следующему за ним преобразованию типа обмена веществ. Такое объяснение односторонне и не применимо к большому числу фактов, прекрасно объясняемых теорией естественного отбора</p>	<p>Завадский, 1954; Турбин, 1952</p>
<p>Непременные атрибуты вида – особый ареал и определенная экологическая ниша, для формирования которых требуется немалое время. Понимаемый как эколого-географическое явление, вид не может возникать мгновенно, одним скачком.</p>	<p>Завадский, 1954</p>
<p>Лысенко игнорирует данные генетики популяций, а также такие твердо установленные биологией явления, как полиплоидия, «которые буквально пронизывают эволюцию высших растений»</p>	<p>Дубинин, 1955</p>
<p>Полифилетическая модель эволюции, предполагающая независимое и многократное возникновение одних и тех же видов, противоречит данным палеонтологической летописи и вредно для практики, так как делает невозможным биостратиграфию, основанную на предположении об уникальности ископаемых видов, однократности их возникновения в геологическом прошлом</p>	<p>Куликов, 1953; Турбин, 1952</p>
<p>Отрицание уникальности и необратимости эволюционного процесса лишает основы исследование филогенеза, превращая филогенетику в «невозможную науку»</p>	<p>Козо-Полянский, 1956</p>

Таблица 3 (окончание)

Описываемое в работах лысенкоистов «порождение» одним видом сразу нескольких других видов при выращивании на одном и том же опытном участке (т. е. в идентичных условиях) противоречит их утверждениям о воздействии внешней среды как единственном факторе видообразования и принципу «адекватности наследственности», на котором они настаивают	Баранов, 1953; Павлов, 1953б
Если внешняя среда является единственным фактором, определяющим изменчивость, то непонятно, почему в опытах «мичуринцев» наблюдались «перерождения» лишь отдельных экземпляров, а не всех особей популяции, подвергавшихся одинаковому средовому воздействию	Ильин, 1953
Видообразование – популяционный процесс, в ходе которого постепенно преобразуются большие совокупности особей. Единичное спонтанное «порождение» новой формы – это индивидуальная изменчивость, которую нельзя принимать за реальное видообразование	Ильин, 1953; Завадский, 1954
Если НУВ верно, была бы невозможной практика акклиматизации растений. Согласно этой теории, оказавшись в новых условиях, виды должны «перерождаться» в другие, чего в реальности не наблюдается	Турбин, 1954а
Часть опытных результатов, доказывающих «порождение» видов, основана на методологически неверно поставленных экспериментах	Баранов, 1953, Бобко, 1953
Неправомерно переносить на всю природу результаты экспериментов и наблюдений над культурными растениями, т. к. они не возникли в ходе длительной эволюции, а являются продуктами искусственного отбора, т. е. молодыми образованиями	Иванов, 1954б; Куликов, 1953; Толмачев, 1953
Лысенко отрицает дарвиновскую трактовку разновидности как зарождающегося вида, однако это – метафизическое убеждение, не соответствующее диалектическому материализму. Оно противоречит мнению большинства систематиков, считающих, что видообразование идет путем постепенного преобразования одной из разновидностей исходного вида	Куликов, 1954; Толмачев, 1953
Для полноценного решения вопроса о виде и видообразовании необходим анализ палеонтологических данных, чего нет в работах приверженцев НУВ	Куликов, 1953
Целый ряд положений НУВ противоречит данным палеонтологии, которая подтверждает значение разновидностей как зарождающихся видов, наличие переходных форм между видами, градуализм и монофилетический характер эволюции	Баранов, 1953; Козо-Полянский, 1953; Куликов, 1953; Турбин, 1952

Критики указывали на разительные логические противоречия в постулатах НУВ. К примеру, если «порождение» нового вида обусловлено какими-то новыми условиями, то каким образом они могут воздействовать на «крупинки нового», ещё находящиеся в «недрах старого»? Откуда зачаток нового вида «знает», в каких условиях ему предстоит существовать? Как сформулировал это Б. М. Козо-Полянский, «...рожь в теле пшеницы, в виде крупинки и вплоть до прорастания зародыша, живет не в тех условиях, в каких она будет жить впоследствии, в виде индивида. Каким образом осуществляется её *предприспособление* к будущей жизни ещё в теле пшеницы, этого новое учение о видообразовании пока не объясняет; и оно даже не ставило вопроса о необходимости естественного, причинного объяснения этого с позиций закона единства организма и среды»⁹⁷.

Поскольку зарождение «крупинки нового» в растительном организме увидеть невозможно, это, по мнению Козо-Полянского, разоружает селекцию, превращая её в слепой поиск или покорное ожидание «милостей природы» в виде этих самых, спонтанно возникающих «крупинок»⁹⁸.

Сам Трофим Лысенко уклонился от участия в дискуссии, ограничившись двумя письмами в редакцию «Ботанического журнала». В одном из них он заявил, что его взгляды были извращены Турбиным и Ивановым, и попросил опубликовать его статью о виде⁹⁹. Редакция согласилась с этой просьбой, и в первом номере за 1953 г. был перепечатан уже многократно издававшийся текст, дополненный хвалебной оценкой учения Лепешинской о «живом веществе». В другом письме Лысенко протестовал против приписывания ему «нового учения о виде», якобы не существующего¹⁰⁰.

Однако ни один из ботаников, выступивших в 1952–1954 гг. с критикой НУВ, не высказался против «мичуринской биологии» как таковой. Взгляды Лысенко расценивались как заблуждение крупного,

⁹⁷ Козо-Полянский (1953. С. 841). Курсив автора.

⁹⁸ Козо-Полянский (1953. С. 841–842). См. также Баранов (1953. С. 691); Хохлов (1954. С. 375). Отмечу, что сам Лысенко считал, что «порождения» несут закономерный и потому предсказуемый характер. На этом основывался предложенный им способ борьбы с сорняками, которые, якобы, порождаются культурными растениями всякий раз, когда складывается определенное сочетание жизненных условий. Козо-Полянский (1953. С. 842) подчеркивал, что если искусственно создавать нужные условия, в расчете на появление желательного вида (или на устранение нежелательного), то в ответ на это должны измениться все особи «старого» вида, а не какие-то «крупинки» в недрах их тел (или же следует ожидать не появления отдельных зерен ржи в пшеничном колосе, а того, что вся пшеница «перевоспитается» в рожь).

⁹⁹ Ботанический журнал. 1953. № 1. С. 44.

¹⁰⁰ Ботанический журнал. 1953. № 6. С. 892.

но впавшего в серьезные ошибки и поддавшегося самообману, ученого. Так, М. В. Куликов, оспаривавший основные положения НУВ, в своей статье назвал Лысенко выдающимся советским биологом, последователем «великого преобразователя природы И. В. Мичурина», борцом против «реакционного морганизма-менделизма»¹⁰¹. П. А. Баранов (ещё один решительный критик НУВ) писал, что только советский творческий дарвинизм, «ставящий своей главной целью переустройство природы на благо человека», может быть основой мировоззрения наших биологов¹⁰².

Более того, очень многие из оппонентов НУВ заняли, если так можно выразиться, «промежуточную» позицию, отрицая часть положений, выдвинутых Лысенко, но солидаризируясь с другими¹⁰³. Это проявлялось и в работах, опубликованных вне «дискуссии о виде». Например, В. А. Поддубная-Арнольди, признавая лысенкоистский тезис о том, что «внешние условия определяют наследственную природу как внешних, так и внутренних признаков», оговаривалась, что в ходе эволюции «происходили и происходят как постепенные количественные, так и внезапные скачкообразные качественные изменения»¹⁰⁴.

П. Н. Тальман, назвавший критику НУВ в статьях Турбина и Иванова прогрессивной, принял ряд положений этого учения, такие как отсутствие внутривидовой борьбы и возможность многократного скачкообразного возникновения одного и того же вида (хотя сделал оговорку, что это не отменяет дарвиновской теории видообразования и говорит в пользу многообразия путей эволюции в природе). При этом, вопреки Лысенко, он рассматривал разновидности как зарождающиеся виды¹⁰⁵.

Иногда попытка найти такой «средний путь» приводила авторов к явным противоречиям. Примером служит статья А. И. Толмачева «О некоторых вопросах теории видообразования». В первой части своего текста автор вслед за Лысенко отрицает существование переходных форм между видами, но в конце статьи пишет, что разновидности можно рассматривать как зарождающиеся виды. Тем самым он признает постепенность видообразования и наличие промежуточных этапов, связывающих во времени два «хороших», т. е., несомненно, обособленных вида. Столь же «синтетическую» позицию Толмачев занимал и по другим спорным пунктам. Так, признавая, что формирование нового вида может происходить относительно быстро, даже скачкообразно,

¹⁰¹ Куликов (1953. С. 389). См. также Ильин (1953. С. 230).

¹⁰² Баранов (1953. С. 673).

¹⁰³ Ильин (1953); Тальман (1953); Толмачев (1953) и др.

¹⁰⁴ Поддубная-Арнольди (1951. С. 352–353). Напомню, что ортодоксальные лысенкоисты отрицали градуалистическую модель эволюции, характеризуя её как «плоский», или «вульгарный», эволюционизм.

¹⁰⁵ Тальман (1953).

он утверждал, что в любом случае формированию нового вида предшествует образование разновидностей, возникающей как «частное приспособление к местным особенностям условий существования»¹⁰⁶. Касаясь проблемы дивергенции, автор также искал компромиссное решение. С одной стороны, дарвиновское понимание механизмов дивергенции было объявлено им «безнадежно устаревшей» рабочей гипотезой, с другой стороны, в отличие от лысенкоистов, Толмачев не отрицал дивергенцию, не считал её «мальтузианской выдумкой» Дарвина. Дивергентная эволюция, по его мнению, имеет место, но обусловлена не внутривидовой борьбой (как считал Дарвин), а расхождением признаков в изолированных популяциях¹⁰⁷. Иными словами, Толмачев был готов признать дивергенцию исключительно как следствие изоляции близкородственных форм в пространстве.

Кроме чисто биологических, оппоненты НУВ охотно прибегали и к логоцентрическим аргументам, апеллируя к удобным цитатам из «классиков». Так, Н. П. Дубинин приводил высказывание Ленина о том, что в природе «все связано переходами», уличая Лысенко в забвении этого «руководящего указания»¹⁰⁸. Томский ботаник Л. В. Шумилова использовала философский аргумент в борьбе с лысенкоистским радикальным эктогенезом: «Марксизм-ленинизм учит, что источник самодвижения всегда лежит в самом предмете или явлении и искать его вне предмета или явления есть метафизика»¹⁰⁹. По Шумиловой, организм играет ведущую роль в видообразовании; среда участвует скорее в качестве «стимула» к эволюции, чем как направляющая её сила.

Стремление критиков НУВ опереться на философию марксизма порой приводило их к странным социоморфным аналогиям, когда для выводов о механизмах биологической эволюции привлекались события политической и экономической истории. Таково рассуждение Д. Ф. Петрова:

¹⁰⁶ Толмачев (1953. С. 545, 547; см. также Толмачев, 1959). Похожее противоречие в вопросе об эволюционной роли разновидности находим и в статье М. М. Ильина (1953).

¹⁰⁷ Толмачев (1953. С. 547–552; 1959. С. 1532).

¹⁰⁸ Дубинин (1955. С. 55). О том, какое значение имели цитаты в этой полемике, красноречиво говорит реферат неопубликованной статьи Г. Н. Мирошниченко, поступившей в редакцию «Ботанического журнала». По его мнению, ошибочное представление Лысенко об отсутствии внутривидовой борьбы продержалось так долго потому, что «...все искали цитат, которые можно ему противопоставить; но поскольку классики марксизма не могли предвидеть такой грубой путаницы понятий, то и не выясняли разницу между ними, и таких цитат нет» (см. Ботанический журнал. 1954. № 1. С. 80).

¹⁰⁹ Шумилова (1956. С. 61).

Внезапное порождение одним видом вида другого рода <...>, постулируемое Т. Д. Лысенко, связано с быстрым исчезновением старых свойств и носит характер взрыва, т. е. процесса, *характерного только для антагонистических общественных формаций*¹¹⁰.

Л. В. Шумилова, обсуждая специфику эволюционных «скачков», выражалась ещё конкретнее. По её мнению, процесс накопления количественных различий при видообразовании подобен истории социалистической трансформации деревни в СССР, то есть переходу от единоличных крестьянских хозяйств к коллективным. Это был «скачок, растянутый, однако во времени на несколько лет»¹¹¹. Скачки, что биологические, что социальные, вполне реальны, но часто бывает невозможно свести их к одному событию, такому, например, как ликвидация кулачества в «год великого перелома»¹¹².

Важное значение для сопротивления НУВ имели критические рецензии на печатную продукцию лысенкоистов, включая как научные монографии, так и школьные и вузовские учебники, а также научно-популярные издания. В рассматриваемые годы подобные рецензии помещали и «Ботанический журнал»¹¹³ и «Бюллетень МОИП»¹¹⁴, причем характер полемики в них был часто более резким, чем в «академических» дискуссионных статьях.

Борьба против НУВ не всегда носила характер прямой критики. 100-летняя годовщина со дня рождения И. В. Мичурина (1955 г.) дала противникам лысенкоизма повод к опубликованию юбилейных статей, в которых фигура Мичурина не только возвеличивалась, но и очищалась от искажений, привнесенных адептами «советского творческого дарвинизма». В 1955–1956 гг. появилась целая серия статей, направленных на показ «подлинного» Мичурина¹¹⁵. Непосредственной полемики с Лысенко в них почти не было, но вывод напрашивался сам собой: взгляды исторического Мичурина имели мало общего с теми, что ему приписывают его самозванные наследники.

* * *

Помимо дискуссий в печати, большой резонанс имели и публичные дебаты о виде и видообразовании, проводившиеся в 1954–1955 гг.

¹¹⁰ Петров (1953. С. 854). Курсив мой.

¹¹¹ Шумилова (1956. С. 44). Ср. Кедров (1954. С. 52).

¹¹² Там же.

¹¹³ Например, Ефейкин (1954); Иванов (1955).

¹¹⁴ Например, Дохман (1954); Константинов (1955).

¹¹⁵ Горшков (1955); Хохлов (1955); Завадский (1956); Козо-Полянский (1956). Одну подобную статью поместил «Зоологический журнал» (Арнольди, 1956).

в различных научных учреждениях и вузах СССР¹¹⁶. Самая значительная из них проходила в январе-марте 1954 г. на философском семинаре биолого-почвенного факультета ЛГУ. Её материалы были опубликованы в «Вестнике ЛГУ», заняв около 90 печатных страниц¹¹⁷. Организатором дискуссии выступил К. М. Завадский, уже избавившийся от лысенкоистских иллюзий¹¹⁸. В прениях выступили ученые разных специальностей — ботаники, зоологи, микробиологи, генетики, философы. Всего состоялось 5 заседаний, которые в совокупности посетило около 2500 человек (в среднем около 500 слушателей на одном заседании)¹¹⁹.

Центральное место в дискуссии занял доклад К. М. Завадского, зачитанный на первом заседании 14 января 1954 г. Докладчик предложил оригинальное, очень развернутое, если не сказать громоздкое, определение вида, которое включало у него целых «десять существенных сторон, взаимосвязанных между собою»¹²⁰. Новые виды, по его мнению, представляют собой «целые коррелятивные системы новых признаков и свойств», имеющие свой ареал и уникальную экологическую нишу, а также «приспособления к будущим разнообразным условиям внешней среды, в том числе и такие, как различные стойкости к внешним агентам, иммунитет к будущим инфекциям и паразитам, защитные образования против будущих врагов и конкурентов». Лысенко утверждает, что все они возникают «в порядке инорождения путем превращения каких-то крупинки в теле», «сразу слаженными до той степени совершенства, которая наблюдается у жизнеспособных организмов»¹²¹. Это антиисторично и едва ли мыслимо в принципе. Завадский критиковал присущее НУВ упрощенное понимание сущности вида, сведение её к определенному типу метаболизма, к неким «потребностям», якобы качественно отличным от «потребностей» других видов. Это, по мнению Завадского, равносильно тому, чтобы «сводить все в эволюции архитектуры к изменениям в фундаментах зданий», это «упрощенческая, вульгаризаторская ошибка <...> Пусть сторонники этой вульгарной теории попытаются объяснить со своих позиций развитие

¹¹⁶ Ещё годом ранее такие дискуссии были, видимо, невозможны. По свидетельству энтомолога Д. М. Штейнберга, попытка организовать обсуждение статей Турбина и Иванова на философском семинаре в Зоологическом институте АН СССР в 1953 г. провалилась. Был приглашен с докладом сам Турбин, но прения не состоялись «из-за прямого административного нажима со стороны секретариата Президиума Академии наук СССР, запретившего какое-либо обсуждение доклада» (Вестник ЛГУ. 1954. № 10. С. 52).

¹¹⁷ Вестник ЛГУ. 1954. № 10.

¹¹⁸ Колчинский (2013. С. 154).

¹¹⁹ Вестник ЛГУ. 1954. № 10. С. 89.

¹²⁰ Завадский (1954. С. 5–6). Полностью это определение приведено в приложении к настоящей монографии.

¹²¹ Там же. С. 10.

организации лошади. Дальше травоядности дело не пойдет и пойти не может, но травоядными являются и мышевидные грызуны, и некоторые черепахи, и моллюски, и многие насекомые»¹²². Вся организация копытных возникла в результате деятельности многих селективных факторов, а не только фактора пищи. Невозможно понять эволюцию лошади без учета взаимоотношений с хищниками, без влияния климатических условий. Столь же грубы и наивны рассуждения Лысенко об «ассимиляции» внешних условий, которые не ограничиваются только пищей. Нелепо говорить, что «лось “ассимилировал” волков», которые тоже входят в его среду обитания¹²³.

Завадский остановился и на вопросах методологии. Он указывал, что сторонники НУВ пренебрегали элементарными научными правилами доказательства и чистоты эксперимента:

Если гипотеза казалась подходящей, если она не расходилась с общепризнанными философскими идеями авторов, то её проверка рассматривалась как второстепенное дело. Только ещё предполагаемое или желаемое слишком поспешно выдавалось за уже существующее. Гипотеза, ещё подлежащая тщательной проверке, форсированным темпом «превращалась» в закон. Возведение недоказанных гипотез (если они высказывались академиком Лысенко) в ранг законов природы, «положений мичуринской биологии» и т. п. — вот что было характерно для «нового в науке о виде»¹²⁴.

По итогам дискуссии из 33 ее участников только трое высказались в поддержку НУВ, в то время как большинство выступавших подвергло критике взгляды Лысенко¹²⁵. Особое значение имело участие в дискуссии А. Д. Александрова, ректора ЛГУ, математика по специальности. Он не только публично выступил против НУВ¹²⁶, но и оказывал в то же самое время существенную помощь сотрудникам биологического факультета в борьбе с И. Презентом и очищении кафедр от его ставленников¹²⁷.

Итог дискуссии в ЛГУ подвел в своем заключительном слове Н. В. Турбин:

Вряд ли кто теперь будет принимать всерьез утверждение сотрудников академии Лысенко и приверженцев его взглядов на видообразование, что эти взгляды якобы разделяет советская научная общественность

¹²² Завадский (1954. С. 11).

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же. С. 15.

¹²⁵ Вестник ЛГУ. 1954. № 10. С. 86.

¹²⁶ См. его выступление на семинаре (Вестник ЛГУ. 1954. № 10. С. 81–84).

¹²⁷ Колчинский (2013. С. 120–122). Сам Презент от участия в дискуссии уклонился, или, как каламбурно выразился Н. В. Турбин, «не презентовал нас своим присутствием» (Вестник ЛГУ. 1954. № 10. С. 86).

как диалектико-материалистическую теорию видообразования. Вряд ли также сможет эта сравнительно небольшая группа лиц и в дальнейшем третировать и всячески поносить ученых, выступающих с критикой взглядов Лысенко. <...> Семинар показал, что коллектив биологов университета правильно понимает призыв к свободной научной критике. Этот призыв не декларация, а руководство к действию для всех советских ученых, в том числе и для биологов¹²⁸.

В том же 1954 г., с 9 по 21 апреля, совещание по «дискуссионным вопросам проблемы вида и видообразования» провел Томский государственный университет¹²⁹. Позицию защитника теории Лысенко занял известный ихтиолог Б. Г. Иоганзен (его взгляды будут рассмотрены в главе 5). Ботаник Л. В. Шумилова выступила с развернутой критикой НУВ, доказывая его биологическую и философскую несостоятельность. Третий докладчик, палеонтолог А. Р. Ананьев, занял скорее «промежуточную» позицию¹³⁰.

В целом, томские биологи проявили меньшее единодушие, чем их коллеги из ЛГУ. Среди выступавших в прениях оказалось довольно много тех, кто частично поддержал взгляды Лысенко (хотя концепция спонтанного «порождения» видов нашла немного сторонников). Наибольшие разногласия вызвали вопросы реальности внутривидовой борьбы и эволюционного значения внутривидовых разновидностей. Участвовавшие в дебатах зоологи склонялись к поддержке НУВ, тогда как ботаники выступали преимущественно против идей Лысенко.

* * *

Дискуссия о виде, инициированная в конце 1952 г. «Ботаническим журналом», вызвала столь живой интерес и такой интенсивный приток материалов, что редакция была не в состоянии опубликовать их все. Даже без учета рукописей низкого качества, возвращенных авторам, общий объем поступивших к началу 1954 г. текстов превысил 40 печатных листов. В первом номере журнала за 1954 г. был опубликован реферативный обзор присланных рукописей¹³¹, показавший, что численный перевес в дискуссии на стороне противников «нового учения». Следующий обзор появился во втором номере за 1955 г. Он оказался последним.

¹²⁸ Вестник ЛГУ. 1954. № 10. С. 85–86.

¹²⁹ Материалы дискуссии опубликованы в отдельном выпуске «Учёных записок ТГУ» (1956. № 27).

¹³⁰ См. Ананьев (1956); Иоганзен (1956); Шумилова (1956).

¹³¹ Ботанический журнал. 1954. № 1. С. 76–89. Здесь же приведена и первая часть библиографии дискуссии о виде (вторая часть её опубликована в № 2 за 1955 г. С. 213–216).

В нем отмечалось, что всего редакция получила более 100 рукописей (одна из них поступила из Болгарии), в которых обсуждались разные аспекты проблемы вида. Почти все авторы критически отнеслись к НУВ; сторонники Лысенко оказались в меньшинстве¹³².

Во втором номере «Ботанического журнала» за 1954 г. была помещена редакционная статья «Некоторые итоги дискуссии по проблеме вида и видообразования и её дальнейшие задачи». Неназванный автор обзора¹³³ пришел к выводу, что, вопреки усилиям лысенкоистов, «основные положения дарвинизма как учения об органической эволюции на основе естественного отбора, постепенно, в ряду последующих поколений, подбирающего и накапливающего полезные для вида наследственные изменения, остаются незыблемыми»¹³⁴. По его мнению, состоявшаяся дискуссия выявила полную научную несостоятельность НУВ: показана «фактическая необоснованность, теоретическая и методологическая ошибочность и практическая бесплодность всей концепции в целом»¹³⁵.

В обзоре 1955 г. констатировалось, что за предыдущий год не появилось ни одного убедительного экспериментального доказательства положений НУВ, зато участниками дискуссии «было ясно показано, какой урон был нанесен высказываниями Т. Д. Лысенко не только сельскому и лесному хозяйству нашей страны, но и преподаванию биологии в средней и высшей школе»¹³⁶.

Редакция объявила, что впредь, до появления принципиально новых фактов или суждений, имеющих отношение к НУВ, журнал прекращает обсуждение теории Лысенко, хотя не отказывается от дискуссионных статей о виде и видообразовании вообще¹³⁷. Действительно, статьи на эту тему, опубликованные «Ботаническим журналом» в 1955 г., не только не содержали полемики с НУВ, но даже не упоминали о нем¹³⁸. Характерной в этом отношении была работа авторитетного советского

¹³² Были и довольно оригинальные мнения. Например, некий М. Н. Марков, считая позицию Лысенко «антимарксистской и вредной», столь же строго отнесся и к теории естественного отбора, назвав её метафизичной и ошибочной. По Маркову, Лысенко лишь на словах называется последователем Мичурина, а на деле его теория является вейсманистско-морганистской. Марков предложил собственное, «марксистское понимание процесса индивидуального развития, процесса формообразования» (насколько можно судить из реферата, это была очередная вариация на тему классического ламаркизма с его принципом упражнения-неупражнения органов; см. Ботанический журнал. 1954. № 1. С. 84).

¹³³ По сведениям Э. И. Колчинского и М. Б. Конашева (2005) автором всех цитируемых обзоров был Д. В. Лебедев.

¹³⁴ Ботанический журнал. 1954. № 2. С. 213.

¹³⁵ Там же. С. 220.

¹³⁶ Ботанический журнал. 1955. № 1. С. 212.

¹³⁷ Там же. С. 212–213.

¹³⁸ Бочанцев, Липшиц (1955); Тахтаджян (1955).

ботаника А. Л. Тахтаджяна «Некоторые вопросы теории вида в систематике современных и ископаемых растений», в которой обсуждались определения вида, предложенные де Кандолем, Четвериковым, Майром, Завадским, Малиновским, но игнорировались взгляды Лысенко. Тахтаджян приводил обильные ссылки на труды «вейсманистов-морганистов», как отечественных, так и зарубежных. Это можно было понять как молчаливый манифест «Ботанического журнала», показывавший, что НУВ обсуждено, отвергнуто, и тем самым тема закрыта. Начиная с 1956 г., советские ботаники обсуждали вопрос о виде и видообразовании у растений полностью вне «мичуринского» контекста и почти не полемизируя с НУВ¹³⁹.

В том же самом году дискуссию о виде прекратил и «Бюллетень МОИП». По словам редколлегии, «опубликованный в советской печати обширный материал убедительно показывает, что высказывания Т. Д. Лысенко не имеют достоверных фактических оснований»¹⁴⁰.

Согласованность действий двух журналов едва ли была совпадением, поскольку главным редактором обоих изданий был один и тот же человек — академик В. Н. Сукачев.

Рассматривая дискуссию о виде 1952–1955 гг. ретроспективно, можно прийти к выводу, что по многим критериям она действительно была свободной. «Ботанический журнал» предоставлял свои страницы авторам, придерживающимся различных убеждений. Кроме статей Т. Д. Лысенко и О. Б. Лепешинской, печатались выступления их сторонников, включая сообщения о «порождениях видов», в том числе и в дикой флоре. В них можно было встретить и откровенно антиселекционистские утверждения:

...естественный и искусственный отбор является не основным фактором возникновения новых видов; эта роль принадлежит относительно резко изменяющимся условиям существования, ассимиляция которых является основой порождения новых видовых качеств. На долю же отбора выпадает шлифовка внутривидовых изменений...¹⁴¹

Критические по отношению к лысенкоизму выступления появлялись даже в журналах, которыми руководили приверженцы Лысенко. Так, «Журнал общей биологии», во главе которого был видный «мичуринец» Н. И. Нуждин, поместил полемическую статью В. Н. Сукачева и Н. Д. Иванова¹⁴², а также ответ Н. В. Турбина на статью самого Н. И. Нуждина.

¹³⁹ Например, Ковалев (1956); В. И. Полянский (1956а, 1959); Савич-Любичская, Смирнова (1958); Юзепчук (1958).

¹⁴⁰ Оленов (1955. С. 109, сноска).

¹⁴¹ Виноградов, Виноградова (1953. С. 238).

¹⁴² Сукачев, Иванов (1954).

В нем Нуждину вменялось «наличие явного пристрастия к извращению смысла высказываний критикуемых авторов с целью очернить их в глазах читателя» и то, что его замечания «имеют характер чисто ругательных выражений и клеветнических выпадов»¹⁴³.

Однако в те годы ни одна из сторон не была полностью удовлетворена ходом «дискуссии о виде». Сам Т. Д. Лысенко расценил её как осуждение своей теории, как «затуманивание истины»¹⁴⁴. А. И. Опарин считал, что она идет неправильно, так как в её ходе высказываются серьезные критические замечания в адрес НУВ, а не проводится «творческое развитие нашей мичуринской и павловской биологии»¹⁴⁵. Опарин полагал, что дискуссия не может выходить за рамки поддержанного партией научного направления, что она должна выявлять и исправлять «слабые места» теории Лысенко, а не опровергать её базовые положения. А. Н. Студитский воспринял «дискуссию о виде» как стремление «опорочить и дискредитировать основы мичуринской биологической науки»¹⁴⁶.

В свою очередь, оппоненты Лысенко указывали на административные меры «убеждения», которыми насаждалось НУВ, на «умышленное опорочивание и даже запугивание всех инакомыслящих»¹⁴⁷. Н. Д. Иванов¹⁴⁸ жаловался на то, что редактора академических журналов, симпатизировавшие Лысенко, отказывались печатать его ответы критикам. В редакционной статье «Ботанического журнала» говорилось, что некоторые издания не соблюдали принцип беспристрастности, поддерживая только одну из сторон¹⁴⁹. Несмотря на появившуюся возможность высказывать критические по отношению к НУВ и лично Лысенко взгляды, степень свободности этой дискуссии казалась самим участникам недостаточной¹⁵⁰. Редакция «Ботанического журнала»

¹⁴³ Турбин (1954б. С. 233). Вполне вероятно, впрочем, что статью Турбина опубликовали только после вмешательства журнала «Коммунист» (1954. № 5), обвинившего редакцию «Журнала общей биологии» в попытках «зажать критику» Лысенко (С. 10).

¹⁴⁴ Лысенко (1956. С. 6).

¹⁴⁵ Опарин (1953. С. 17).

¹⁴⁶ Студитский (1953. С. 3). См. также Исаев и др. (1953); Дворянкин (1955. С. 110; 1958б. С. 196–197); Новинский (1955. С. 160).

¹⁴⁷ Турбин (1954в. С. 361). Турбин добавлял, что к подобным приемам могут прибегать только не уверенные в собственной правоте люди.

¹⁴⁸ Иванов (1954б).

¹⁴⁹ Ботанический журнал. 1954. № 2. С. 203.

¹⁵⁰ Ботанический журнал. 1955. № 1. С. 210–211. Ср.: «Кто же захочет критиковать взгляды Т. Д. Лысенко, если “умные” люди определили, что он в одном лице воплощает современную передовую биологическую науку — да притом ещё чуть-чуть не классика марксизма?» (Сукачев, Иванов, 1954. С. 315).

высказывала пожелание, чтобы «дискуссия была действительно свободной и широкой, чтобы работы сторонников различных точек зрения» имели возможность быть опубликованными¹⁵¹.

Поэтому дискуссия, формально прекращенная в 1955 г., все-таки продолжалась. В 1956–1957 гг. «Ботанический журнал», помещая откровенно «морганистские» статьи¹⁵², находил возможность предоставить слово и лысенкоистам. Так, была опубликована рецензия сотрудницы Института генетики АН СССР А. Т. Трухиновой, в которой в очередной раз доказывалась возможность «переделки» озимых злаков в яровые и обратно¹⁵³.

Во второй половине 1950-х гг. критика лысенкоизма обрела новый формат. Статей, специально направленных на опровержение НУВ, уже практически не было. Споры продолжались на страницах дискуссионных работ, посвященных отдельным аспектам эволюционной биологии. В 1957 г. К. М. Завадский поместил в «Ботаническом журнале» две статьи, в которых прямой полемике с «мичуринцами» было уделено мало внимания. В статье «Предмет и задачи дарвинизма» автор назвал лысенкоистскую идею прямого приспособления организмов к среде, без участия отбора, «одним из наиболее опасных извращений» классического дарвинизма¹⁵⁴. В работе об эволюционной роли перенаселения¹⁵⁵ Завадский обсуждал взгляды многих авторов (Уоллес, Мечников, Кропоткин, Энгельс и др.), а не только Лысенко. Завадский специально подчеркнул, что, вопреки лысенкоистам, Дарвин вовсе не считал, будто перенаселение является необходимым условием естественного отбора. На самом деле, эта идея принадлежит А. Уоллесу.

* * *

К концу рассматриваемого десятилетия расстановка сил в советской эйдологии словно бы вернулась к status quo, существовавшему до августа 1948 г. Сторонники Лысенко продолжали печататься в «Агробиологии» и в сборниках, издававшихся ВАСХНИЛ и МГУ (позиции «мичуринцев» там были ещё сильны)¹⁵⁶. Академические же журналы,

¹⁵¹ Ботанический журнал. 1955. № 1. С. 220.

¹⁵² Дубинин (1957); Навашин (1957).

¹⁵³ Трухинова (1957). Ответ В. В. Скрипченко на эту критическую рецензию опубликован «Ботаническим журналом» в № 4 за 1957 г.

¹⁵⁴ Завадский (1957б. С. 583). Прямой полемике с лысенкоизмом в статье отведено менее трех страниц. Статья А. Л. Тахтаджяна (1957) с критическим анализом концепции прямого приспособления рассмотрена в главе 6.

¹⁵⁵ Завадский (1957а).

¹⁵⁶ Например: Дворянкин (1958а, б); Фейгинсон (1958).

включая «Ботанический журнал» и «Зоологический журнал», прекратили обсуждение НУВ и возвратились к рассмотрению вопроса о виде с «классических» позиций. С этим и следует связывать резкое падение числа цитирований работ Лысенко, начиная с 1957 г. (см. рис. 5).

Последний значительный эпизод в истории борьбы «Ботанического журнала» с лысенкоизмом произошел в 1959 г. Шестью годами ранее «мичуринец» В. С. Дмитриев утверждал, что этому журналу «все сходит с рук безнаказанно» (имелись в виду выступления с критикой Лысенко) и требовал от Президиума АН СССР «положить этому конец»¹⁵⁷. Однако никакой административной реакции на это тогда не последовало.

В восьмом номере «Ботанического журнала» за 1958 г. (ровно 10 лет спустя после «августовской» сессии!) была помещена анонимная статья «О некоторых проблемах современной биологии»¹⁵⁸. В ней содержалась развернутая и жесткая критика всего «мичуринского направления» в биологии, а не только НУВ. Эта статья имела большой общественный резонанс, так как задевала не одного Лысенко, но также и Н. С. Хрущева, покровительствовавшего «народному академику»¹⁵⁹. Газета «Правда» обвинила журнал в том, что им ведется «травля ученых-мичуринцев, огульно перечеркивается значение многих ценных работ». Результатом стал роспуск редколлегии журнала и декларирование новым её составом готовности «строить всю свою работу на основе оригинального пути, намеченного гениальным русским ученым И. В. Мичуриным»¹⁶⁰.

Эти события не связаны напрямую с «новым учением о виде». Поэтому здесь достаточно сказать, что даже столь грубое вмешательство власти не заставило «Ботанический журнал» сделаться рупором лысенкоизма, и, вопреки декларациям, сколько-нибудь серьезной «мичуринизации» издания удалось избежать. Симптоматично, что в подготовленном новой редакцией «дарвиновском» выпуске, посвященном 100-летию «Происхождения видов», не обсуждались «ошибки Дарвина» (фирменная лысенкоистская тема), а вводная статья ограничилась лишь указанием необходимости развивать «советский творческий дарвинизм», без упоминания Мичурина и Лысенко¹⁶¹.

Дебаты о «новом учении о виде» не были возобновлены (не говоря уже о его пропаганде), а с восстановлением в правах прежней редколлегии в конце 1964 г. «мичуринская» проблематика окончательно исчезла со страниц «Ботанического журнала».

¹⁵⁷ Дмитриев (1953б. С. 60).

¹⁵⁸ Автором её был Д. В. Лебедев (Александров, 1993. С. 186).

¹⁵⁹ Александров (1993. С. 186–190); Колчинский, Конашев (2005. С. 36).

¹⁶⁰ Ботанический журнал. 1959. № 2. С. IV.

¹⁶¹ Ботанический журнал. 1959. № 11.

Полагаю, что есть основания выделить четыре последовательных этапа, или «фазы», в развитии ответа ботанического сообщества СССР на «новое учение о виде» (и на лысенкоизм в целом).

1. Период до августа 1948 г. Фаза «сосуществования». «Классическое» и «мичуринское» направления в биологии развивались практически независимо, хотя и случались эпизоды прямой полемики между ними (например, статьи В. Н. Сукачева и П. М. Жуковского 1946 г., направленные против отрицания Лысенко внутривидовой борьбы¹⁶²);

2. Август 1948 — декабрь 1952 г. Фаза «вынужденной рецепции» лысенкоизма с попытками отдельных авторов сохранить по мере возможности собственные убеждения, противоречащие «мичуринским» взглядам.

3. 1953–1955 гг. Фаза «полемики» в рамках «советской дискуссии о виде», принявшей форму не тотального отрицания «мичуринизма», а скорее поиска «среднего пути» или даже «творческого» подхода к НУВ. Большинство участников дискуссии, хотя и были настроены критически по отношению к НУВ, считали возможным для себя согласиться с некоторыми его положениями.

4. 1956–1964 гг. Фаза затухания дискуссии и переход к игнорированию НУВ как не заслуживающей обсуждения научной теории. Уже в 1957–1958 гг. большинство советских авторов, писавших по вопросу о виде и видообразовании, стояли на «классических» позициях, близких тем, что легли в основу синтетической теории эволюции. Сторонники Лысенко продолжали пропагандировать НУВ в изданиях агроботанического профиля, но академическая биология в целом отвергла лысенкоистскую концепцию вида.

* * *

Реакция советского сообщества микробиологов на НУВ оказалась, в общих чертах, схожей с реакцией ботаников, и в ней также можно проследить ряд последовательных «фаз», подобных охарактеризованным выше.

Попытки внедрения в науку о микробах лысенкоистских представлений о видообразовании прослеживаются уже с 1946 г., что выразилось, среди прочего, в одном примечательном эпизоде. В третьем номере журнала «Агробиология» за 1946 г. был помещен перевод статьи американских микробиологов О. Эвери, К. Маклеода и М. Маккарти,

¹⁶² Жуковский (1946); Сукачев (1946).

излагавшей результаты их экспериментов по трансформации пневмококка¹⁶³. В этой работе впервые было представлено доказательство того, что ДНК, а не белок, является «веществом наследственности», поэтому ее нередко рассматривают как начало современной молекулярной генетики (которую Т. Д. Лысенко отрицал до конца своих дней)¹⁶⁴.

Русский перевод работы Эвери с соавторами предварялся статьей Н. Ф. Гамалеи — старейшего советского микробиолога, ученика и сотрудника И. И. Мечникова¹⁶⁵. Гамалея интерпретировал результаты данного эксперимента в «мичуринском» духе — как доказательство реальности вегетативной гибридизации у микробов и возможности быстрого превращения одного вида бактерий в другой.

Однако до августа 1948 г. большинство советских микробиологов придерживалось в вопросе о виде и видообразовании у микроорганизмов более традиционных взглядов. «Мичуринское» учение не было упомянуто в обзоре достижений советской микробиологии, опубликованном в 1947 г. академиком Б. Л. Исаченко¹⁶⁶. Вполне «классические» определения вида применительно к микроорганизмам были предложены в работах Б. И. Клейна, А. Л. Курсанова и Н. А. Красильникова¹⁶⁷. Клейн и Красильников отталкивались от определения вида, данного В. Л. Комаровым. Приведу определение из работы Клейна. По его мнению, вид в микробиологии есть

...совокупность бактериальных поколений, происходящих от одного общего бактериального предка и борьбой за существование и путем отбора обособленных от других представителей бактерий следующим комплексом признаков: морфологических, культуральных и биохимических, серологических и рецепторным анализом в связи с антигенной структурой; вид в микробиологии является вместе с тем этапом эволюционного процесса мира бактерий¹⁶⁸.

На «августовской» сессии ВАСХНИЛ вопросам микробиологии посвятил свое выступление С. Н. Муромцев, в ближайшем будущем — один из ведущих участников «мичуринизации» этой дисциплины. Он провозгласил, что борьба двух направлений в биологии распространяется и на науку о микробах: «В микробиологии накопилось

¹⁶³ Avery et al. (1944); Эвери и др. (1946).

¹⁶⁴ Deichmann (2004).

¹⁶⁵ Гамалея (1946).

¹⁶⁶ Исаченко (1947).

¹⁶⁷ Клейн (1945); Курсанов (1945); Красильников (1947). Обзор этих определений дал Елин (1954. С. 204–209).

¹⁶⁸ Цит. по: Елин (1954. С. 205).

огромнейшее количество фактов по изменчивости наследственности, стадийности развития микробов, межвидовой конкуренции. *Микробиология ждет своего Лысенко*, который освободил бы ее от самого главного тормоза ее развития — <...> автогенетического толкования накопленных фактов по изменчивости и наследственности у микробов» (курсив мой — М. В.)¹⁶⁹.

Это была выраженная в кратчайшей форме программа тотальной «мичуринизации» советской микробиологии, которая начала проводиться по тем же лекалам, что и провалившаяся в итоге «мичуринизация» ботаники в СССР. Данной программе обязаны были следовать все микробиологи, даже не симпатизировавшие лысенкоизму. Был вынужден спешно «перестроиться» директор Института микробиологии АН СССР Б. Л. Исаченко. В конце августа 1948 г., выступая на расширенном заседании Президиума АН СССР, он заявил от лица всех советских микробиологов, что теория Лысенко есть подлинно научное объяснение «развития микроорганизмов и роли их как одного из важнейших факторов, вносящих изменения в окружающую среду»¹⁷⁰. Исаченко утверждал, что, поскольку у бактерий нет хромосом, то нет и генов, а значит — «формальная генетика» к ним неприменима. Зато бактериальная клетка способна «передавать по наследству свойства, приобретенные путем воздействия на неё факторов внешней среды при отсутствии “вещества наследственности”»¹⁷¹.

Как и в случае с ботаникой, несколько лет, последовавших после сессии ВАСХНИЛ, «обогатили» советскую научную литературу сочинениями, в которых применительно к микроорганизмам рассматривались практически все концепты «мичуринской» биологии, включая теорию стадийного развития¹⁷², вегетативную

¹⁶⁹ Муромцев (1948. С. 280). Выразительную характеристику личности Муромцева дает В. Н. Сойфер, аттестующий его как «известного своим садизмом кадрового офицера НКВД <...>, работавшего несколько лет начальником специальной тюрьмы — так называемой «шарашки» и лично избивавшего находившихся под его началом в заключении академиков АМН СССР П. Ф. Здродовского и Л. А. Зильбера» (Сойфер, 1993. С. 403; см. также стр. 441, 460).

¹⁷⁰ Вестник АН СССР. 1948. № 9. С. 186.

¹⁷¹ Там же. С. 187.

¹⁷² Крестовникова (1950); Жуматов (1953); Муромцев (1953б); Калина (1953, 1954). Стадийность развития понималась как «смена потребностей в определенных условиях жизни» у микробов (Муромцев, 1953б. С. 309), сопровождающаяся качественными их изменениями. Калина (1954. С. 9) приравнял это к процессам эмбриогенеза, наблюдаемым у высших организмов. По его мнению, отрицание скачкообразного «онтогенеза» микробов (т. е. смены качественно различных стадий развития) «является метафизическим и реакционным» (Там же. С. 49).

гибридизацию¹⁷³, скачкообразное «порождение» видов¹⁷⁴, наследование приобретенных признаков¹⁷⁵ и принцип «направленной изменчивости»¹⁷⁶. В многочисленных статьях рассматривались пути организации работ по селекции микроорганизмов на «мичуринских» началах¹⁷⁷. Обсуждались методы «направленной переделки природы микробов» путем изменения условий их существования с целью получения новых штаммов и видов с заданными свойствами, то есть, в итоге, «управления эволюцией». Предполагалось, что ввиду простоты организации микробов, осуществить такую направленную селекцию будет легче, чем при работе с культурными растениями¹⁷⁸. Искусственное видообразование должно было помочь созданию более эффективных вакцин и даже привести к полному искоренению некоторых инфекционных заболеваний путем «переделки» их возбудителей в непатогенные для человека и животных формы¹⁷⁹.

Особое значение в начале 1950-х гг. приобрела теория «живого вещества» О. Б. Лепешинской, пожалуй, главного в те годы претендента на статус «Лысенко от микробиологии». Принципы «мичуринской» науки о микробах, которую можно рассматривать как синтез «учений» Лысенко и Лепешинской, были суммированы в монографиях, опубликованных Г. П. Калиной, С. Н. Муромцевым, В. Л. Елиным¹⁸⁰. Теория Лепешинской была объявлена лысенкоистами очередной победой передовой материалистической биологии, опровергнувшей «метафизическую и идеалистическую» концепцию Вирхова, откуда «с неизбежностью вытекают все положения вейсманизма-морганизма»¹⁸¹. Как хорошо известно, Лысенко поддержал учение Лепешинской, так как оно «помогает нам строить

¹⁷³ Калина (1952).

¹⁷⁴ Калина (1949, 1952); Браславская (1952); Муромцев (1952, 1953а, 1954); Жуков-Вережников и др. (1955). По словам Г. П. Калины (1949. С. 9), «...если возможно получение из одного вида многоклеточного растения другого, существующего и известного вида, то можно ли отрицать такую возможность для одноклеточных организмов, более пластичных и в значительно большей степени подвергающихся непосредственному воздействию внешней среды?»

¹⁷⁵ Косиков (1950); Сахаров (1952. С. 69–111); Сухов (1953а).

¹⁷⁶ Прохоров (1950); Кудрявцев (1951а); Василенко (1952); Калина (1952).

¹⁷⁷ Имшенецкий (1949); Кудрявцев (1951а); Кривиский (1952); Лойцянская (1953); и др.

¹⁷⁸ Муромцев (1953а. С. 50).

¹⁷⁹ Жуков-Вережников и др. (1955. С. 250). Явная параллель с проектом В. С. Дмитриева (1952) по полному уничтожению сорных растений путем исключения условий, при которых они «порождаются» культурными формами (см. главу 3).

¹⁸⁰ Калина (1949, 1952, 1954); Муромцев (1953а); Елин (1954).

¹⁸¹ Калиниченко (1953. С. 259). История триумфа и заката «учения» Лепешинской подробно рассмотрена в научной литературе. См., например, Александров (1993); Сойфер (1998); Созинов (2023).

теорию превращения одних видов в другие»¹⁸². Лепешинская была не менее щедра на комплименты в адрес теорий Лысенко¹⁸³.

Одна из первых работ, посвященных пониманию вида у микроорганизмов в свете «мичуринской» биологии, была опубликована в 1951 г. В. И. Кудрявцевым. Раскритиковав «буржуазную» систематику, с её формальным подходом к выделению видов, основанном на использовании 1–2 морфологических признаков, автор призывал «...отказаться от абстрактно-автогенетической практики в систематике, а изучать жизнь такой, какой она есть в действительности». Таксономист должен учитывать не только и не столько морфологию исследуемых микробов, сколько условия их существования и их адаптации к ним¹⁸⁴. Вид понимался Кудрявцевым как «группа организмов общего происхождения и общего образа жизни»¹⁸⁵, т. е. морфологический критерий полностью исключался из определения. Видообразование микроорганизмов описывалось им в соответствии с положениями НУВ¹⁸⁶.

Однако попытка Кудрявцева предложить новое понимание вида показала критику недостаточной, половинчатой. В рецензии на его статью отмечалось, что автор не учел положения Лысенко об отсутствии внутривидовой борьбы, а также не отказался от «ошибочного» тезиса Дарвина об эволюционном значении разновидностей. Таким образом, по мнению рецензентов, Кудрявцеву не удалось стать последовательным «мичуринцем» и дать «характеристику вида с диалектико-материалистических позиций»¹⁸⁷.

Отсутствие внутривидовой борьбы как критерий для различения вида и разновидности использовалось в те годы разными авторами. Среди них был микробиолог старой школы Н. А. Красильников, опубликовавший ряд работ, в которых доказывал отсутствие внутривидового антагонизма у микробов¹⁸⁸.

Более последовательное «мичуринское» понимание вида было развито в работах Муромцева. Он полностью экстраполировал все содержание НУВ на микроорганизмы и принял постулат о том, что «тип обмена веществ» определяет их «видовую природу»¹⁸⁹. Муромцев ревизовал

¹⁸² Лысенко (1953. С. 350).

¹⁸³ Лепешинская (1953).

¹⁸⁴ Кудрявцев (1951б. С. 99). См. также Кудрявцев (1954).

¹⁸⁵ Кудрявцев (1951б. С. 99).

¹⁸⁶ См. также Кудрявцев (1954. С. 41–44).

¹⁸⁷ Сухов, Косиков (1952). В своей монографии о систематике дрожжей Кудрявцев учел эту критику и стал использовать в качестве одного из критериев вида отсутствие внутривидовой борьбы (Кудрявцев, 1954. С. 105).

¹⁸⁸ Красильников (1951а, б); см. также Браславская (1952).

¹⁸⁹ Муромцев (1953а. С. 38–52).

предложенные ранее советскими микробиологами (Н. А. Красильников, М. А. Штуцер) определения вида у бактерий, предложив считать видом «совокупность экологических разновидностей или рас, которые обладают в естественной среде обитания комплексом сходных, наследственно закрепленных признаков и свойств <...> и не проявляют антагонизма во взаимоотношениях»¹⁹⁰.

* * *

«Мичуринские» представления о видообразовании у микробов опирались как на представления Лысенко об «ассимиляции» внешних условий и смене типа метаболизма как механизмах эволюции, так и на учение Лепешинской о «живом веществе»¹⁹¹. С. Н. Муромцев писал, что «направленная перестройка» метаболизма у бактерий идет «путем прямого воздействия <...> измененными условиями жизни, путем вынужденной ассимиляции новых источников питания»¹⁹². Впрочем, как именно это происходит, автор объяснить не мог, ограничившись предположениями о том, что в основе этого лежит образование новых ферментов или же что «микроб иными процессами нейтрализует действие антибиотика или лекарственного вещества»¹⁹³. Муромцев, безусловно отвергая реальность «пресловутых генов», отвергал и мутационистское объяснение приводимых им фактов, поскольку «мичуринская» позиция предполагает, что эволюция микроорганизмов определяется «только условиями и факторами внешней среды»¹⁹⁴.

Г. П. Калина развивал идею, высказанную в 1946 г. Н. Ф. Гамалеей, о возможности «перехода одного вида в другой» путем вегетативной гибридизации. По его утверждению, «подобные трансформации могут иметь место не только в эксперименте, но и в условиях, в значительной степени приближенных к естественным»¹⁹⁵.

Учение Лепешинской использовалось для обоснования тезиса о внезапном «превращении одного вида микроба в другой через стадию живого вещества»¹⁹⁶. В одной из статей на эту тему процесс видообразования у бактерий описывался так:

¹⁹⁰ Муромцев (1953а. С. 46). Ещё одно «мичуринское» определение вида у микроорганизмов предложил Елин (1954. С. 207).

¹⁹¹ Муромцев (1952, 1953а, 1954); Лойцянская (1953); Жуков-Вережников и др. (1955).

¹⁹² Муромцев (1953а. С. 119).

¹⁹³ Муромцев (1953а. С. 60).

¹⁹⁴ Там же. С. 67. Ср.: термин «мутации <...> исключен из советской терминологии как отражающий неправильные концепции морганистов о спонтанной, не обусловленной влиянием внешней среды изменчивости» (Елин, 1954. С. 67).

¹⁹⁵ Калина (1952. С. 260).

¹⁹⁶ Калиниченко (1953. С. 271–272).

...в части штаммов данного вида зарождается новое живое вещество <...> наличие которого, однако, до времени не приводит к качественному изменению типа обмена и соотношений с условиями окружающей среды. Старый исходный вид бактерий как бы носит в себе зародыш нового, причем происходят мелкие количественные изменения в физиологии и биологии бактериальной клетки, но коренной реконструкции обмена у бактерий ещё не наступает <...> ...при резком изменении условий жизни бактерий в короткий срок коррелятивно происходила полная перестройка типа обмена, устанавливались новые соотношения с условиями жизни и появлялись антагонистические отношения вновь образованных форм бактерий к исходному виду <...> вновь образованные формы похожи на существующие уже виды бактерий, довольно близко стоящие к исходному¹⁹⁷.

Авторы цитируемой работы утверждали, что «частички живого вещества старого вида были представлены в новом на протяжении многих лет»¹⁹⁸. Это стилистически близко текстам Лысенко — его таинственным «крупинкам» здесь соответствуют не менее загадочные «частички». Здесь же находим и другие типичные для лысенкоизма концепты, включая отождествление «видового качества» с определенным типом метаболизма, зарождение «нового вида в недрах старого» и даже многократное возникновение одного и того же вида. По словам Жукова-Вережникова с соавторами, «...разве доказано, что новый вид происходит из старого только один раз, т. е. что новообразование не повторимо?»¹⁹⁹

«Мичуринская» литература была полна сообщениями о многократных и реципрокных «превращениях» уже известных видов микробов, включая переходы анаэробных видов в аэробные, патогенных форм в сапротрофные (непатогенные) и наоборот²⁰⁰. Многочисленные случаи приобретения микроорганизмами новых свойств (например, устойчивости к антибиотикам и антисептикам, действию высоких температур) истолковывались как проявления формо- и видообразования²⁰¹. «Преобразования в кишечно-тифозной группе бактерий, возникновение из чумной палочки возбудителя ложного туберкулеза грызунов, переход гемолитических стрептококков в зеленеющие стрептококки и многое другое — все это примеры нового видообразования, протекающего

¹⁹⁷ Жуков-Вережников (1955. С. 248. Курсив мой — М. В.).

¹⁹⁸ Там же. С. 249.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Обзоры таких фактов содержатся в книгах Муромцева (1953а. С. 19–25) и Елина (1954. С. 163–176).

²⁰¹ Муромцев (1953а).

в эксперименте и в природе на наших глазах»²⁰². Е. Н. Браславская предполагала, что становление нового видового качества (а значит, и нового вида) происходит в момент клеточного деления, когда «подчас неуловимые нами влияния среды оказывают наиболее мощное воздействие на возникающий молодой организм и ведут в ряду поколений одноклеточных к нарастающим различиям между ними — к возникновению новых рас, новых видов»²⁰³.

Обращение к теории стадийного развития позволило некоторым советским микробиологам предложить ещё более захватывающую гипотезу — о взаимном превращении микроорганизмов, которые традиционно относились к очень разным, филогенетически далеким группам. Такие авторы, как Г. М. Бошьян, В. А. Крестовникова, Г. П. Калина²⁰⁴ развивали идею о том, что вирусы являются особой («фильтрующейся») стадией жизненного цикла бактерий.

Наибольшую известность в этом отношении получил ветеринар Г. М. Бошьян, доведший гипотезу «порождения» видов до логического предела. В своей книге «О природе вирусов и микробов» он утверждал, что бактерии и вирусы легко переходят друг в друга в разных направлениях через «стадию кристаллов», и что из одного и того же вируса можно получить любой вид микроба. Он описывал, как «все виды микробов не погибают ни в организме зараженных животных, ни при кипячении, ни при действии химических веществ, а только переходят в фильтрующиеся формы или кристаллы, из которых без большого труда могут быть снова восстановлены в прежней вирулентной для человека и животных форме»²⁰⁵.

«Учение» Бошьяна после непродолжительного периода интенсивной пропаганды в научной и научно-популярной литературе стало первой «мичуринской» теорией, подвергшейся разгромной критике, в том числе и со стороны самих лысенкоистов²⁰⁶. Тем не менее, сам по себе тезис о скачкообразном, спонтанном и неоднократном «порождении»

²⁰² Кривиский (1952. С. 73).

²⁰³ Браславская (1952. С. 30).

²⁰⁴ Бошьян (1949); Крестовникова (1951); Крестовникова и др. (1952); Калина (1953, 1954). Критика этой гипотезы: Зильбер (1953. С. 89–90). По Л. А. Зильберу, эта гипотеза возникла ещё в начале XX в., то есть задолго до разработки теории стадийного развития Лысенко.

²⁰⁵ Муромцев (1953а. С. 44).

²⁰⁶ Калина, Фихман (1952); Калина (1953. С. 95; 1954. С. 47, 84, 171 и др.); Муромцев (1953а. С. 43–44). В. Д. Елин (1954. С. 42) писал, что результаты Бошьяна сомнительны, «методику своих экспериментов он не сообщает, что противоречит общепринятым научным нормам. Приходится верить на слово Г. М. Бошьяну, но это не вяжется с серьезными научными традициями».

одних и тех же видов микроорганизмов продолжал развиваться и после развенчания работ Бошьяна²⁰⁷.

Рецепцию НУВ советскими вирусологами можно проиллюстрировать работами К. С. Сухова, посвященными проблеме вида и видообразования у вирусов²⁰⁸. Данный автор призывал перестроить систему вирусов на основе взглядов Лысенко и Лепешинской и рассматривал их как очень удачную модельную группу для подтверждения постулатов НУВ. Изучая вирусы, легко продемонстрировать как адекватность изменчивости организмов условиям обитания, так и наследование приобретенных признаков²⁰⁹. Хотя применение категории вида к вирусам долгое время представляло большие трудности, Сухов был убежден, что, используя «биологический критерий вида», предложенный Лысенко (отсутствие антагонизма между формами одного вида), можно, наконец, внести ясность в этот вопрос²¹⁰.

Видообразование у вирусов трактовалось Суховым как протекающее исключительно путем адекватной изменчивости, прямого приспособления к изменившимся условиям существования, что не может быть принято сторонниками «метафизических взглядов морганистов»²¹¹. В основе видообразования лежит наследуемое «изменение типа простейших форм обмена веществ, свойственных вирусам». Автор сообщал результаты своих экспериментов по «пересадке» различных фитопатогенных вирусов на новые виды растений-хозяев. Сухов утверждал, что, работая таким образом с вирусом табачной мозаики, им была получена «измененная форма вируса, несущая видовые отличия от исходного вида»²¹². Это рукотворное видообразование, вызванное изменением жизненных условий, свершилось очень быстро, всего за несколько поколений. Сам процесс описывался Суховым с использованием характерной для «мичуринцев» фразеологии: «...представляется вероятным, что <...> в случае видообразования у вирусов сперва происходит процесс количественных изменений в новообразующихся частицах, который на определенном уровне вызывает качественный переход в новую видовую форму»²¹³. Многочисленные внутривидовые разновидности (штаммы) вирусов, известные науке, в действительности

²⁰⁷ Муромцев (1954); Орлов (1954); Жуков-Вережников и др. (1955). Научная карьера Бошьяна и судьба его «учения» детально изложены В. Н. Соيفером (1998).

²⁰⁸ Сухов (1953а, б; 1954).

²⁰⁹ Сухов (1953а).

²¹⁰ Сухов (1954. С. 25–26, 29).

²¹¹ Сухов (1953а. С. 8).

²¹² Там же. С. 8.

²¹³ Там же. С. 9.

представляют собой самостоятельные виды, находящиеся между собой в антагонистических отношениях²¹⁴.

Приведенные выше высказывания Сухова демонстрируют безоговорочное принятие этим автором НУВ во всей его полноте. Да и могло ли быть иначе, ведь профессор Сухов работал в Институте генетики АН СССР, директором которого был академик Лысенко.

* * *

Несмотря на большую теоретическую и практическую важность проблемы вида, журнал «Микробиология» — «главный» советский орган в данной области науки — не организовал особой дискуссии на эту тему. В 1951–1953 гг. им были проведены другие дискуссии, имеющие прямое отношение к учениям Лысенко и Лепешинской. Первой, в 1951–1952 гг., стала дискуссия о применении мичуринских методов к селекции микроорганизмов. Второй, в 1952–1953 гг., — дискуссия о «неклеточных формах жизни». Теория вида рассматривалась в них лишь косвенно. В отличие от дискуссии, проведенной «Ботаническим журналом», авторы статей в «Микробиологии» практически не выступали с критикой лысенкоистских положений, солидаризируясь с большинством из них. Ни одной публикации, подобной статьям Н. В. Турбина и Н. Д. Иванова в «Ботаническом журнале», в этом издании не появилось. Более того, именно «Ботанический журнал» первым начал помещать статьи, критикующие «мичуринский» подход к определению вида у микроорганизмов.

В 1954 г. В. Л. Рыжков опубликовал в этом журнале статью о принципах систематики вирусов, в которой протестовал против «догматического» следования положениям НУВ в трудах некоторых советских вирусологов (В. М. Жданов, К. С. Сухов). Касаясь взглядов Сухова, он писал, что этот автор «...не делает попытки проанализировать на основе всей совокупности признаков критерии вида у вирусов, но механически использует интерференцию вирусов как единственный критерий вида, считая положения Т. Д. Лысенко непогрешимыми. Самая попытка доказать применимость положений о внутривидовом антагонизме к вирусам носит характер <...> порочного круга, так как принадлежность к разным видам устанавливается по признаку антагонизма, а затем делается вывод, что правило антагонизма применимо и к вирусам»²¹⁵.

²¹⁴ Сухов (1953б. С. 320).

²¹⁵ Рыжков (1954. С. 801). Интерференцией в вирусологии называется подавление репродукции одного вируса другим при паразитировании их в одной и той же клетке.

Рыжков рекомендовал вернуться к определению вида, предложенному В. Л. Комаровым, полагая, что оно вполне применимо для классификации вирусов.

Только в 1955 г. «Микробиология» поместила материал, который можно рассматривать как полемически заостренный против приложения НУВ к систематике микроорганизмов. Речь идет о рецензии директора Института микробиологии АН СССР А. А. Имшенецкого на монографию В. Д. Елина «Изменчивость микробов». Она была выдержана в очень спокойном тоне, её автор оценил рецензируемый труд в целом положительно. Однако Имшенецкий скептически отнесся к представленным в книге фактам изменчивости бактерий, которые Елин в лысенкоистском духе интерпретировал как «видообразование». По мнению рецензента, «...описание внезапного превращения представителя одного семейства или рода в представителя другого рода, а тем более семейства, противоречит всему ходу эволюции. Именно поэтому более чем сомнительно превращение спорозоных форм в кокковые или переход четко “очерченного” вида <...> в неспорозоную мелкую палочку. Общие микробиологи в процессе своей работы часто сталкиваются с микроорганизмами, экотипы которых отличаются друг от друга больше, чем некоторые отдельные виды или типы патогенных бактерий»²¹⁶. Имшенецкий указывал, что систематика бактерий разработана слабо, поэтому возможно считать факты подобной изменчивости переходами между внутривидовыми формами, а не подлинным видообразованием.

Такая оценка была тем более примечательной, что несколькими годами ранее Имшенецкий открыто поддержал «мичуринское» направление, пропагандируя работы не только Лепешинской, но и Бошняна²¹⁷. Он публиковал экспериментальные данные, долженствующие подтвердить теорию «живого вещества», и выступал за внедрение «мичуринских» методов в селекцию микроорганизмов²¹⁸.

В том же 1955 г. статьи с критикой теории Лепешинской опубликовали «Ботанический журнал»²¹⁹ и «Успехи современной биологии»²²⁰. Помимо собственно биологических аргументов, критики указывали

²¹⁶ Имшенецкий (1955. С. 116).

²¹⁷ Соيفер (1998. С. 189, 240–241).

²¹⁸ Имшенецкий (1949). Весьма поучительно сравнить эту статью с другой работой Имшенецкого, посвященной той же теме и опубликованной в том же журнале («Вестник АН СССР») десять лет спустя (Имшенецкий, 1959). В 1959 г. автор уже ни словом ни обмолвился о «мичуринской» генетике, рекомендуя в качестве действенного метода селекции «вейсманистский» индуцированный мутагенез.

²¹⁹ Александров (1955).

²²⁰ Жинкин, Михайлов (1955).

на то, что, подобно Лысенко, Лепешинская претендовала на создание новой «революционной» теории, которая была объявлена подлинно диалектико-материалистической. Поэтому любой выступавший против её учения, был «заранее обречен на зачисление его в лагерь идеалистов, метафизиков, вирховианцев и т. д. Почин в этом деле был дан академиком Т. Д. Лысенко»²²¹.

Таким образом, 1955 г. можно считать годом начала конца не только «учения» Лепешинской, но и всей «мичуринской» микробиологии. Уже в 1955–1956 гг. советские авторы публиковали работы по систематике микроорганизмов, свободные от влияния лысенкоизма²²², а к концу десятилетия влияние НУВ на отечественную микробиологию фактически прекратилось.

²²¹ Жинкин, Михайлов (1955. С. 229). Ср.: «Ультратрансформистские идеи Лепешинской и Лысенко глубоко антиисторичны и, какими бы цитатами их ни маскировать, они ничего общего с философией диалектического материализма не имеют» (Александров, 1955. С. 248).

²²² Гаузе (1955); В. И. Полянский (1956).

**РЕАКЦИЯ НА «НОВОЕ УЧЕНИЕ О ВИДЕ»:
ЗООЛОГИЯ И ПАЛЕОНТОЛОГИЯ**

Многие авторы, комментировавшие ход «советской дискуссии о виде», отмечали, что зоологи включились в нее куда менее активно, чем ботаники¹. Это подтверждается как меньшим числом работ, обсуждавших проблему зоологического вида (см. рис. 4), так и относительно небольшим числом ссылок на труды Лысенко в «Зоологическом журнале» (см. рис. 5)². Сами лысенкоисты не раз признавали, что достоверных фактов спонтанного «порождения» новых (или уже известных) видов животных не имеется³. В 1958 г. Т. Д. Лысенко писал, что «[т]еперь уже каждый при желании может убедиться, что одни биологические растительные или микробные виды в соответствующих условиях могут порождать другие биологические виды»⁴, умолчав об этом о животных. Отсутствие подобных фактов пытались объяснить тем, что виды животных, «вследствие большой высоты уровня их целостности (единства процессов саморегулировки), находятся, по-видимому, в большем отдалении друг от друга, чем растения тех же систематических порядков»⁵. Впрочем, «мичуринцы» полагали, что в будущем они будут найдены, дело лишь за тем, чтобы побудить зоологов их искать. А. Н. Студитский критиковал, в связи с этим, Н. В. Турбина, который не только не настаивает

¹ Опарин (1951. С. 16); Баранов (1953. С. 693); Дворянкин (1953в. С. 297–298); Студитский (1953. С. 23).

² Как и в случае «Ботанического журнала» (см. главу 4), до самого конца 1948 г. ни «мичуринская» биология, ни труды академика Лысенко не упоминались на страницах «Зоологического журнала». В этом, вероятно, отражалось игнорирование академической наукой теорий Лысенко. Ср.: «биологическое сообщество уже тогда на дух не переносило Лысенко», видя его «невежество, амбициозность и властность» (Колчинский, 2015б: 33).

³ Дворянкин (1953в. С. 298); С. Карапетян (1953. С. 223). Получившая широкую известность история о «порождении» кукушки пеночкой так и осталась в области устного предания, поскольку в открытой печати данный «факт» так и не был обнародован. Отсутствие достоверных фактов не помешало двум философам, Билецкому и Шангину-Березовскому ещё в 1958 г. утверждать, что «[н]е количество [подтверждений], а правильное понимание фактов видообразования дает мичуринцам основания утверждать, что в мире животных и микроорганизмов новые виды возникают точно также, как у растений (Билецкий, Шангин-Березовский, 1958. С. 241).

⁴ Лысенко (1958. С. 107).

⁵ Дворянкин (1953в. С. 298).

на этом поиске, а наоборот, «признает такое положение нормальным, так как подобных явлений, по его мнению, будто бы и не может быть <...> Неужели и это не повод задуматься о положении с вопросом о виде и видообразовании в зоологии? Нет, задуматься придется и ответить придется, потому что рано или поздно этого ответа потребует жизнь, практика»⁶. Схоже высказывался и Ф. А. Дворянкин: «[н]екоторые зоологи отказываются от участия в обсуждении фактов порождения одними видами других; с нашими объектами, говорят они, ничего подобного не случится, пусть обсуждают эту проблему ботаники, в царстве которых обнаружилось такое неблагополучие с видами». Однако, «...обжегшись на бешеном молоке морганистского мутационизма — этих биологических катаклизмов — вовсе не обязательно дуть на живую воду мичуринского учения о виде»⁷. Дворянкин полагал, что если зоологи признают теорию стадийного развития Лысенко, они уже не смогут отрицать возможность порождения организмом в целом или его отдельными клетками и неклеточным живым веществом «не подобного себе»⁸.

Несмотря на сказанное выше, в советской зоологической литературе рассматриваемого периода известны попытки представить доказательства реальности многократного спонтанного возникновения одних и тех же видов.

Наиболее курьезной из них была работа энтомолога Л. Т. Яцыны, предложившего считать «видообразованием» переходы между двумя «фазами» (экологическими формами) азиатской саранчи. В начале 1920-х гг. русский энтомолог Б. П. Уваров доказал, что одиночная саранча (*Locusta danica*) и перелетная саранча (*L. migratoria*) являются не самостоятельными видами, а двумя «фазами» одного и того же вида, переход между которыми определяется условиями существования⁹. Теория фаз Уварова получила мировое признание и была принята советскими энтомологами¹⁰. Яцына счел, что объяснение Уварова было «плоскоэволюционным», а на самом деле эти «фазы» являются полноценными видами, закономерно «порождающими» друг друга. «*Locusta migratoria* представляет единство организма с условиями плавней южных рек и озер, а вид *Locusta danica* есть единство с условиями южных злаковых степей. Считать эти виды одним видом так же неправильно, как неправильно считать плавни и степи одним биоценозом»: стадная саранча превращается в одиночную, если яйца этого вида отложены в необычных для него условиях¹¹.

⁶ Студитский (1953а. С. 24).

⁷ Дворянкин (1953в. С. 299).

⁸ Дворянкин (1953в. С. 298).

⁹ О теории фаз: Uvarov (1921); Uvarov, Zolotarevsky (1929); Лачининский и др. (2023).

¹⁰ Тарбинский (1940. С. 138–140); Кожанчиков (1948б).

¹¹ Яцына (1951. С. 29–30).

Яцына утверждал, что такое («мичуринское») понимание вида у саранчевых открывает возможность ликвидации этого вредителя — «путем создания в очагах размножения перелетной саранчи таких условий, при которых она превращалась бы в безвредный вид — одиночную саранчу»¹².

Судя по тому, что ни Лысенко, ни его сторонники на пример с саранчой не ссылались, сомнительность такой интерпретации была ясна даже им. Тем не менее, «теория» Яцыны преподносилась в научно-популярной книге Ю. Долгушина «В недрах живой природы» (о ней см. главу 6) как ещё одно подтверждение правоты взглядов академика Лысенко на видообразование¹³.

Как «порождение» видов иногда интерпретировались и хорошо известные явления серьезных морфологических изменений в строении паразитических животных, вызванные резким изменением условий существования (это случается, если паразит осваивает нетипичный для себя орган тела хозяина или переходит на новый вид прокормителя). Иногда в расчет принимались и экологические различия. Гельминтолог из ЛГУ Г. С. Марков, ставший одним из немногих зоологов, полностью принявших НУВ¹⁴, приводил «интересный пример новообразования видового порядка» у двух паразитических червей рода *Chaetogaster*, связанных с пресноводными моллюсками рода *Lymnaea*. Один из них питается беспозвоночными и откладывает свои яйца вне тела хозяина. Другой «хетогастер, морфологически ещё близкий к первому, живет в почке моллюска, питается эпителием и там же откладывает свои яйца»¹⁵.

Во всех перечисленных случаях вывод о видовой самостоятельности сравниваемых форм делался на основании заметных морфологических (или экологических) различий между ними, что объяснялось прямым

¹² Там же. С. 30. Критика взглядов Яцыны: Шаров (1955. С. 493). Г. Я. Бей-Биенко и Л. Л. Мищенко (1951. С. 642), также отвергшие интерпретацию, предложенную Яцыной, сочли, что она «находится в противоречии с учением академика Т. Д. Лысенко о виде».

¹³ Долгушин (1952. С. 43–46). В частности, он писал, что хотя теория фаз «не внесла никакой ясности в объяснение открытого Уваровым явления, тем не менее была признана всей мировой формальной энтомологией. Так вопреки здравому смыслу, исключительно в угоду господствующей теории два вида саранчи были искусственно превращены в “фазы” одного вида» (С. 45).

¹⁴ По мнению Т. А. Гинецинской (1991. С. 117), Марков вполне искренне следовал учению Лысенко. Это подтверждается и тем, что он публиковал статьи в поддержку «советского творческого дарвинизма» ещё до августа 1948 г., когда высказываться подобным образом ещё не вменялось в обязанность советским биологам. См. Марков (1948). Сам автор указывал, что признать правоту Лысенко его заставили не «слепое преклонение перед авторитетами», а данные паразитологии (Марков, 1954. С. 48).

¹⁵ Марков (1954. С. 48).

воздействием различных условий обитания. Генетический анализ не проводился, да и не мог быть проведен на уровне развития науки того времени. Современные данные показывают как правоту теории фаз Уварова, так и то, что две морфологически различные формы хетогастера являются, все же, именно внутривидовыми формами, а не «хорошими» видами¹⁶. Поэтому и Яцына, и Марков ошибочно принимали внутривидовой полиморфизм за подлинное видообразование.

Интересно, что хронологически первое «мичуринское» определение вида, предшествовавшее статье Лысенко «Новое в науке о биологическом виде»¹⁷, принадлежало именно зоологу. Его автор, герпетолог Л. И. Хозацкий, работавший в ЛГУ, опубликовал в 1949 г. короткий трехстраничный текст, озаглавленный «Определение вида в свете советского творческого дарвинизма». Автор использовал некоторые идеи Лысенко, включив в предложенную им дефиницию вида упоминание о его возникновении путем скачка¹⁸. При этом у Хозацкого отсутствовал важный для Лысенко критерий — качественное различие внутри- и межвидовых различий, проявляющееся в отсутствии антагонизма между особями одного вида. Эта публикация прошла почти не замеченной, и впоследствии ни Лысенко, ни его сторонники её не цитировали¹⁹.

* * *

Изучая реакцию советских зоологов на НУВ, мы можем распознать в ней приблизительно те же формы ответа, которые были идентифицированы в предыдущей главе на примере реакции сообщества ботаников и микробиологов.

Число зоологов, подобно Маркову и Яцыне, искренне и последовательно принявших лысенкоистское учение о виде и видообразовании, было, по-видимому, не очень велико. Многие авторы в своих работах ограничивались ритуальным цитированием, упоминая «мичуринское» учение и работы академика Лысенко лишь вскользь²⁰. Ряд крупных

¹⁶ Smythe et al. (2015).

¹⁷ Лысенко (1951).

¹⁸ Хозацкий (1949).

¹⁹ Внимательное чтение этого короткого текста показывает, что его автор понимал «скачок» как процесс, растянутый во времени. Хотя Хозацкий признавал, вслед за Лысенко, что изменение условий жизни в первую очередь влечет за собой физиологические изменения, он оговаривался, что «пока имеет место возникновение лишь новых экологических и даже физиологических признаков, но еще не сформировались соответствующие им признаки морфологические — *говорить о новом виде нельзя*» (Хозацкий, 1949. С. 3. Курсив мой — М. В.).

²⁰ Ритуальное цитирование обнаруживается в зоологических работах того периода, далеких от традиционной «мичуринской» проблематики. Например: Гаврилов (1953); Хейсин (1953).

зоологов-эволюционистов (В. А. Догель, Ю. И. Полянский, И. И. Шмальгаузен) от дискуссий уклонились и лысенкоизм игнорировали²¹. Небольшая часть специалистов подошла к обсуждению проблемы вида у животных не начетнически, а «творчески», стараясь адаптировать НУВ применительно к изучаемым ими группам и уйти, по возможности, от неприемлемых для них положений этого «учения». Взгляды некоторых из них (В. Б. Дубинин, Б. Г. Иогансен, Г. В. Никольский) будут подробнее рассмотрены ниже. Наконец, отдельные зоологи выступили с критикой взглядов Лысенко на вид и видообразование, но это стало возможным не раньше, чем через 5–6 лет после «августовской» сессии²².

В непростом положении оказались руководители крупных научных учреждений, которые не могли не только публично критиковать Лысенко и его теории, но даже просто соблюдать молчаливый нейтралитет. Неформальным главой советской зоологии был в то время академик Е. Н. Павловский, директор Зоологического института АН СССР (ЗИН). Выступая на расширенном заседании Президиума АН СССР в конце августа 1948 г., он заявил «о полной готовности и о твердом намерении сотрудников Зоологического института и его руководства глубоко вникнуть в сущность учения Мичурина на основе изучения его оригинальных работ, равно как и работ академика Лысенко и других ведущих агробиологов, а также трудов сессии ВАСХНИЛ, дабы на основе материалистической марксистско-ленинской идеологии вести борьбу с враждебными ей идеалистическими и метафизическими воззрениями буржуазной науки и остатками их в среде некоторых биологов нашей страны»²³.

Чуть позже Павловский опубликовал две «руководящие» статьи, которые должны были ориентировать советских зоологов в новых реалиях²⁴. В них отдавалась щедрая дань возвеличиванию «мичуринской» биологии и проклятиям в адрес «реакционного вейсманизма-морганизма», сделаны все необходимые в тех обстоятельствах демонстрации лояльности. В статье 1952 г., посвященной перспективам развития систематики животных, он писал, что в СССР эта наука должна служить «прогрессивному развитию теории вида и видообразования в свете основ мичуринской биологии, советского творческого дарвинизма и павловской физиологии»²⁵. Однако, поддерживая на словах Лысенко,

²¹ Догель «...читал свой курс так, как будто к зоологии беспозвоночных «мичуринская биология» не имеет никакого отношения» (Гинецинская, 1991. С. 117). Две его капитальные сводки тех лет, «Общая протистология» и «Олигомеризация гомологичных органов» (Догель, 1951, 1954), полностью свободны от влияния лысенкоизма.

²² Пузанов (1954); Шаров (1955); Константинов (1956); Камшилов (1957).

²³ Вестник АН СССР. 1948. № 9. С. 112.

²⁴ Павловский (1948, 1949). См. также Павловский (1955).

²⁵ Павловский (1952. С. 172).

Павловский принял в штат ЗИН уволенных после «августовской» сессии академика И. И. Шмальгаузена и Д. В. Насонова. Для последнего была организована особая лаборатория цитологии. Вероятно, именно это имели в виду авторы статьи, посвященной его 70-летию, писавшие, что Павловский «неоднократно влиял на судьбы не только отдельных исследователей, но и целых научных коллективов»²⁶.

Как и в случае с ботаникой, советские научные журналы стали публиковать статьи, призывающие «мичуринизировать» различные области зоологии и смежные с нею дисциплины: морфологию животных²⁷, систематику²⁸, эмбриологию²⁹, гидробиологию и экологию³⁰. Появлялись работы, в которых адаптировались к изучению животных некоторые лысенкоистские концепты, например «жизненность»³¹. Ряд статей был посвящен обоснованию отсутствия внутривидовой конкуренции у животных³². П. А. Мантейфель писал по этому поводу, что вид — «не конгломерат враждующих индивидуумов, а единое целое, где в нормальных условиях нет ни конкуренции, ни борьбы, где взаимоотношения индивидуумов всегда полезны виду»; представление о такой борьбе может возникнуть лишь «при поверхностном наблюдении и слепой воле в авторитет»³³. Порой в подтверждение этого лысенкоистского тезиса выдвигались весьма нетривиальные аргументы, наподобие приведенного А. А. Мовчаном: «[в] Киевском зоологическом парке 20 ноября 1951 г. был убит бурый медведь. Его мясом решили кормить 9 бурых медведей. Животные долго обнюхивали мясо, рычали, а затем растерли его на мельчайшие частицы, но есть не стали»³⁴.

Важный вклад, который могли внести зоологи в развитие «советского творческого дарвинизма», состоял в поиске доказательств реальности

²⁶ Быховский, Попов (1959. С. 319).

²⁷ Васнецов (1953).

²⁸ Павловский (1952).

²⁹ Дворянkin (1950, 1955); Крыжановский (1950); Полежаев (1950).

³⁰ Жадин (1949); Никольский (1955а).

³¹ Смирнов, Келейникова (1950); Гиляров (1952); Смирнов, Чувахина (1953). В работе Гилярова, посвященной опровержению идеи А. Вейсмана о потенциальном бессмертии простейших, используется и учение Лепешинской. Автор приходит к выводу, что соответствующим образом интерпретированные результаты лабораторных экспериментов «иллюстрируют плодотворность представлений мичуринской биологии о наследственности и её изменчивости, сформулированных и развиваемых академиком Т. Д. Лысенко» (Гиляров, 1952. С. 51). Вопрос о виде в статье Гилярова не рассматривается.

³² Крыжановский (1953); Мантейфель (1953); Мовчан (1953). Подробнее о взглядах Крыжановского, Мовчана и других советских ихтиологов на этот вопрос сказано ниже.

³³ Мантейфель (1953. С. 73).

³⁴ Мовчан (1953. С. 81). По сути, это было научнообразной иллюстрацией афоризма Лысенко о том, что «заяц зайца не ест».

наследования приобретенных признаков (НПП). После некоторого периода отрицания механоламаркизма, который ещё в конце 1930-х гг. считался в СССР идеологически неприемлемым³⁵, торжество лысенкоизма вновь сделало гипотезу НПП respectable. Лысенкоисты видели в ней «основное ядро мичуринского учения», демаркационную линию, отделяющую «мичуринское направление в биологии, творческий дарвинизм, от неодарвинизма с его обязательной защитой неопределенной изменчивости»³⁶.

Начиная с 1948 г., механоламаркистские публикации возвращаются на страницы академических научных журналов, затрагивая не только эволюцию и морфологию животных, но и физиологию³⁷. Среди выступивших печатно с признанием НПП оказался не только академик Павловский, вынужденный к этому *ex officio*³⁸, но даже такой сторонник классической генетики, как В. В. Алпатов. В 1948 г. он опубликовал результаты своих опытов на дрозофиле, поставленных ещё в конце 1920-х гг., в ходе которых ему не удалось подтвердить НПП³⁹. Два года спустя Алпатов признал возможность передачи по наследству признаков, «возникших под влиянием кормового режима», о которой ранее умалчивал в связи с нежеланием «вступать в конфликт с генетическими представлениями менделистов-морганистов»⁴⁰. Алпатов полагал, что в экспериментах с насекомыми (например, амбарными вредителями) передача вновь приобретенных признаков идет «не через ядро и тем более хромосомы, а через плазму половых клеток или, точнее, яйцеклеток»⁴¹.

Убежденные же ламаркисты с «довоенным стажем» (П. П. Сахаров, Е. С. Смирнов), вынужденные в начале 1930-х гг. прервать работы в данном направлении, выпускали теперь статьи и даже монографии, посвященные как теоретическому обоснованию НПП, так и описанию новых опытов, специально поставленных для его изучения и подтверждения⁴².

³⁵ Философ Каганов писал в газете «Правда» в апреле 1937 г.: «Правильному пониманию закономерностей эволюционного процесса много мешали <...> Перов, Е. С. Смирнов и другие с их проповедью ламаркизма против дарвинизма» (Каганов, 1937).

³⁶ Нуждин (1956. С. 28).

³⁷ Марков (1948); Гиляров (1949); В. Б. Дубинин (1950); Смирнов (1953); Федоров (1953); и мн. др.

³⁸ Павловский, Первомайский (1949); Павловский (1955).

³⁹ Алпатов (1948. С. 34–35). Он писал, что «[с]овременная наука о наследственности отвергает теорию наследования приобретенных признаков. Теория же естественного отбора позволяет <...> вполне убедительно объяснить механизм возникновения географических форм животных» (С. 35).

⁴⁰ Алпатов (1950. С. 221).

⁴¹ Там же. С. 232.

⁴² Сахаров (1949, 1952); Смирнов, Келейникова (1950); Смирнов (1953, 1957, 1959).

Очень характерна в этом отношении позиция Е. С. Смирнова, придерживавшегося механоламаркистских убеждений и, с наступлением торжества лысенкоизма, получившего возможность снова их высказывать. Эволюционные взгляды этого автора, сложившиеся ещё в начале 1920-х гг., включали не только ламаркизм, но и признание полифилетического возникновения таксонов⁴³, что соответствовало утверждениям Лысенко. Поэтому Смирнов вполне искренне включился в пропаганду «мичуринской» биологии и возобновил эксперименты по изучению НПП⁴⁴. Объектами их были обычно насекомые-фитофаги (например, тли), а сами опыты, ставившиеся как Смирновым, так и его учениками, заключались в том, чтобы добиться изменения наследственности у насекомых «при перемене их пищевого режима путем пересадки на разные кормовые растения»⁴⁵. Хорошо известно, что многие виды фитофагов и паразитов приспособлены к обитанию на одном виде хозяина (или нескольких близкородственных видах). Перемещение таких специализированных видов на несвойственный им вид хозяина выступает как мощный стрессовый фактор, обычно приводящий к массовой гибели или полному отмиранию. Однако иногда небольшая часть особей выживает и, в течение следующих поколений, адаптируется к обитанию на несвойственном им хозяине. Е. С. Смирнов описывал это так: «[М]имолетные, сменяющие друг друга изменения условий жизни не оставляют следа в наследственной основе. Если же эти изменения становятся регулярными и длительными, они влекут за собой более или менее стойкие изменения наследственности. В случае резкого нарушения условий жизни происходит расшатывание наследственности, и на фоне усиливающейся изменчивости и смертности естественный отбор

⁴³ Винарский (2020); Vinarski (2022).

⁴⁴ Смирнов, Келейникова (1950); Смирнов (1953, 1957); Смирнов, Чувахина (1953). Замечу, что эти эксперименты носили не поисковый, а констатирующий характер, так как сам Смирнов был *a priori* убежден в правоте гипотезы НПП. Ещё в 1931 г. он писал, что «всякий эксперимент должен предполагать известное мировоззрение, так как сама его постановка определяется таковым. Энгельс <...> считался с наследованием приобретенных признаков. Если понимать вопрос о наследовании приобретенных признаков так, как я предлагаю это делать, то необходимо считать его положительно решенным» (цит. по: Сахаров, 1949. С. 8). Опыты Смирнова должны быть даны ответ на уже давно решенный им вопрос! Это вполне соответствует практике экспериментирования Лысенко, который, если верить писателю Г. Фишу, «не раз говорил своим ученикам, что техника эксперимента в настоящее время стоит так высоко, что почти всегда хороший экспериментатор может добиться в опыте оправдания своих предположений» (Фиш, 1951. С. 21).

⁴⁵ Самохвалова (1951. С. 276). Дизайн таких экспериментов был разработан задолго до этого, например, в опытах англичанина Харрисона по «изменению наследственного инстинкта» у пилильчиков (отряд перепончатокрылых насекомых; см. Harrison, 1927).

сохраняет наиболее удачные, прогрессивные варианты»⁴⁶. Он считал это доказательством реальности НПП, хотя в отсутствие генетического анализа исследуемых животных нельзя было установить факт изменения их наследственности. В полном согласии с НУВ им отрицалась эволюционная роль внутривидовой конкуренции, «полная фиктивность которой была доказана Т. Д. Лысенко»⁴⁷.

Однако Смирнов не рассматривал наблюдаемые ими явления как видообразование, по крайней мере, как сальтационное видообразование, предполагаемое НУВ. При пересадке тлей на новое кормовое растение процесс приспособления к питанию на нем растягивался на десять и более поколений, а возникшие в результате адаптированные популяции рассматривались как внутривидовые формы («экологические подвиды», «трофические формы»), но не как виды⁴⁸.

В доказательство «расшатывания наследственности» и НПП приводились и результаты «естественных» экспериментов, в частности, факты появления «новых» форм насекомых-вредителей⁴⁹, а также быстрого приобретения разными видами насекомых (синантропные мухи, вши, комары, колорадский жук) и клещей устойчивости к инсектицидам⁵⁰. «Мичуринская» трактовка этого явления была предложена В. П. Дербенева-Уховой и В. А. Линева⁵¹, изучавшими возникновение резистентности к ДДТ у комнатных мух. С их точки зрения она возникает вследствие прямого изменения наследственности под действием аэрохимиката.

Только в середине 1950-х гг. в советской научной печати появляются публикации, направленные против гипотезы НПП⁵². В 1957 г. «Зоологический журнал» поместил («в порядке обсуждения») статью М. Л. Бельговского, в которой давалось дарвинистское объяснение

⁴⁶ Смирнов (1957. С. 454). Подобные опыты по «расшатыванию наследственности» посредством изменения кормового субстрата ставились и на других организмах. Так, С. А. Кулик (1950) «передельвал» один вид паразитического грибка рода *Fusarium* в другой, высевая споры на различных питательных средах. При этом переделка была реципрокной, то есть два вида взаимно «порождали» друг друга через «расшатывание наследственности и при изменении питательной среды и температурных условий» (Кулик, 1950. С. 36).

⁴⁷ Смирнов, Чувакина (1953. С. 25). Смирнов при этом «забывал» свои собственные опыты, в которых, при помощи статистического анализа была показана реальность внутривидовой конкуренции за пищу у личинок комнатной мухи (Владимирова, Смирнов, 1938).

⁴⁸ Смирнов, Чувакина (1953).

⁴⁹ Г. В. Дмитриев (1951); Смирнов (1953. С. 174–175).

⁵⁰ Смирнов (1953. С. 175–177); Смирнов, Чувакина (1953).

⁵¹ Дербенева-Ухова, Линева (1951).

⁵² Одной из первых стала критическая рецензия на монографию Сахарова о НПП (Константинов, 1955а).

предполагаемым фактам НПП у насекомых. Автор счел некорректной методику работы Дербеневой-Уховой и Линевой, рассматривая их вывод как недоказанный⁵³. Результаты опытов с тлями Смирнова и других авторов он объяснял тем, что исследователи имели дело с генетически неоднородными выборками, в которых могли присутствовать особи, преадаптированные к обитанию на чуждом виде хозяина (или к воздействию ядохимиката). Бельговский указывал, что популяции мух, сравнительно устойчивые к ДДТ, найдены в тропической Африке, где этот инсектицид никогда не применялся. С другой стороны, индийский подвид комнатной мухи оказался неспособен выработать устойчивость к ДДТ, несмотря на длительное воздействие этого препарата. С «мичуринских» позиций это необъяснимо. Быстрое появление нового эволюционного свойства трактовалось автором как результат естественного отбора, «работающего» с генетически гетерогенной популяцией. Генетически контролируемые эксперименты с насекомыми не подтвердили НПП: «[в] генетически однородных линиях отбор на повышение устойчивости не дает результатов»⁵⁴.

Дискуссия о НПП была в 1958 г. подытожена в редакционной статье «Ботанического журнала»:

Тщательный анализ весьма немногочисленных опытов, якобы доказывавших наличие наследования «приобретенных признаков» (сама их немногочисленность и, как правило, невозможность повторения уже вызвала серьезные сомнения), привел к заключению о их методической недоброкачественности. Источники ошибок были почти везде одинаковыми: исходный материал был генетически неоднородным, условия опыта не позволяли четко отделить действие отбора от прямого влияния среды на фенотип, предварительно не была изучена норма реакции и т. д.⁵⁵

Несмотря на это, публикации, в которых доказывалось или хотя бы допускалось НПП, продолжали появляться в литературе вплоть до распада Советского Союза. Конечно, их авторы высказывались уже менее категорически. Тот же Е. С. Смирнов, признавая в 1961 г., что конечной целью его исследований является «дальнейшая разработка общей теории наследования приобретенных свойств»⁵⁶, допускал реальность «категории мутации в понимании моргановской генетической школы».

⁵³ Бельговский (1957. С. 1028).

⁵⁴ Там же. С. 1036. В этой связи показательна резкая критика концепции «чистых линий» как «идеалистической» в работах сторонников НПП (Алпатов, 1950; Самохвалова, 1951).

⁵⁵ Ботанический журнал. 1958. № 8. С. 1141.

⁵⁶ Смирнов (1961. С. 164). Современная интерпретация результатов, полученных Е. С. Смирновым (1961) дана в работе А. И. Шаталкина и К. Г. Михайлова (2024).

Мутации эти («необратимые и обычно патологического характера») включены автором в одну категорию с другими явлениями приобретенных и передаваемых по наследству признаков. Последнюю в советской биологии попытку синтеза неodarвинизма и неоламаркизма предприняли в 1980-е гг. Г. Г. Иоганзен и Е. Д. Логачев⁵⁷, однако её рассмотрение выходит за рамки данного исследования.

* * *

«Зоологический журнал» формально не объявлял специальной дискуссии по проблеме вида и видообразования, аналогичной той, что проводилась «Ботаническим журналом». Однако в 1953–1955 гг. в нем был опубликован (в дискуссионном порядке) ряд статей на данную тему, авторами которых выступили видные советские зоологи⁵⁸. Практически никто из них не принял НУВ целиком и безоговорочно, и даже в статьях, которые можно квалифицировать по содержанию как лысенкоистские, делались попытки ухода от некоторых спорных положений «нового учения».

Например, ихтиолог С. Г. Крыжановский, соглашаясь с Лысенко по многим пунктам, выступил против чисто эктогенетического понимания видообразования. В этот процесс, по его словам, вовлечены и «качества самого организма, его истории». Немыслима и принятая НУВ полифилия, многократное возникновение одних и тех же видов. Крыжановский считал, что это «абсолютный эктогенез, т. е. метафизика и антиисторизм»⁵⁹. Вопреки Лысенко, он признавал, что внутривидовые разновидности (подвиды) могут иметь эволюционное значение, хотя бы в том отношении, что их появление «уменьшает размах требуемого скачка и этим облегчает возникновение нового вида»⁶⁰.

Подобно Крыжановскому, орнитолог Н. А. Гладков, солидаризируясь, в целом, с «мичуринской» теорией, разгромившей «идеалистический неodarвинизм», рассматривал видообразование как процесс «подвидового обособления части вида» (т. е. в соответствии с представлениями Дарвина, а не Лысенко), что соответствовало концепции географического видообразования Э. Майра⁶¹. «Подвид — это не ступенька к образованию

⁵⁷ Иоганзен, Логачев (1986, 1987, 1991).

⁵⁸ Важнейшие из этих статей: Гладков (1953); В. Б. Дубинин (1953); Никольский (1953); Крыжановский (1953); Гиляров (1954); Дементьев (1954); Шварц (1954); Шаров (1955).

⁵⁹ Крыжановский (1953. С. 1092). См. также Никольский (1953а. С. 53–54; 1955б. С. 724–725).

⁶⁰ Там же. С. 1091.

⁶¹ Гладков (1953. С. 813). С этим был согласен и другой крупный орнитолог, Г. П. Дементьев (1954. С. 533). Взгляды Майра были хорошо известны советским ученым по переводу его книги (Майр, 1947).

нового вида, но количественное накопление <...> отличий одной формы существования вида (т. е. подвида) от другой, которое может привести к качественному обособлению их как видов <...> обособление географической формы существования вида создает условия для расширения рамок вида и для дальнейшего его распада на два (или несколько) вида. Создается накопление новых свойств, приводящее к качественно-му скачку в новый вид»⁶². Возражая «мичуринцам», провозгласившим НУВ окончательным решением проблемы вида, Гладков полагал, что универсальный и объективный критерий вида до сих пор не найден. Он отмечал, что НУВ разработано на материале культурных растений и может оказаться неприменимым к другим группам организмов, например, птицам⁶³. Придавать ему общебиологическое значение преждевременно. Повторюсь, что при всем том Гладков совсем не выступал с последовательной критикой учения Лысенко, не отрицал его как таковое, но спокойно отстаивал взгляды, которые считал верными, даже если они не соответствовали отдельным положениям НУВ.

Почти все работы советских зоологов о виде и видообразовании, опубликованные в 1953–1955 гг., носили подобный «половинчатый» характер по отношению к НУВ. Избегая прямой полемики, их авторы свободно высказывались против тех положений учения Лысенко, с которыми были не согласны⁶⁴.

Пожалуй, самым важным «общим местом» этих работ было то, что советские зоологи выступили против прямолинейного «скачкизма» Лысенко, абсолютизации им сальтационной модели видообразования («скачок со взрывом» или «революция без эволюции»). Многие из них могли бы согласиться с ботаником А. И. Толмачевым что, вопреки НУВ, в природе нет универсальной схемы, единой видообразовательной модели⁶⁵. Сальтационный путь формирования новых видов лишь один из возможных. Нередко эволюция идет вполне «по Дарвину», т. е. градуалистически, однако нельзя отвергать возможность «очень быстро» возникновения новых видов при некоторых условиях»⁶⁶.

⁶² Гладков (1953. С. 815). Формулировка, замечу, внутренне противоречива. С одной стороны указывается, что обособление подвида создает условия для видообразования, с другой же утверждается, что подвид не есть «ступенька к образованию нового вида». Вероятно, это противоречие отражает двойственность позиции автора, стремившегося совместить собственные взгляды с противоположными им постулатами НУВ.

⁶³ Об этом же писал Владимирова (1954. С. 763).

⁶⁴ Оленов (1955. С. 111). Помимо рассмотренных статей Гладкова и Крыжановского, это относится к работам В. И. Владимирова (1954), Г. П. Дементьева (1954), С. С. Шварца (1954), А. Ф. Карпевич (1955).

⁶⁵ Толмачев (1953, 1959).

⁶⁶ Толмачев (1959. С. 1532; курсив автора).

О том, что в природе сочетаются скачкообразные и постепенные эволюционные процессы, что вид в своем становлении проходит ряд стадий, которые могут длиться достаточно долго, писали в то время многие авторы. Они рассуждали о «ферментативном» этапе подготовки нового видового качества, о скачках, растянутых во времени и т. п. Указывали, что дилемма «скачки или градуализм» является ложной⁶⁷.

Это было, фактически, совмещением скальационной модели с классической дарвиновской «постепеновщиной». Развитие такого подхода привело некоторых советских зоологов к эволюционной концепции, напоминающей ту, что была предложена в 1970-е гг. Н. Элдреджем и С. Гулдом в США под наименованием «прерывистого равновесия» (*punctuated equilibrium*). Так, ихтиолог В. И. Владимиров считал, что история вида включает период долгого стазиса («существование без эволюции») и фазу сравнительно быстрой «перечеканки» всех особей данного вида в новый. Продолжительность стазиса определяется темпами изменения условий существования; «толчки» видообразования связаны с периодами быстрых средовых перестроек, например, климатических. Если среда стабильна, то период стазиса может длиться сотни тысяч и миллионы лет. Так, по Владимирову, современная лошадь возникла вследствие сильного похолодания, случившегося в начале плейстоцена и с тех пор пребывает, как биологический вид, в состоянии морфостаза⁶⁸. Формирование нового вида, по мнению автора, происходит довольно быстро, но не одномоментно, захватывая несколько поколений.

А. Ф. Карпевич, изучавшая процессы видообразования у солоноватоводных двустворчатых моллюсков, полагала, что темпы эволюции в естественных условиях резко неодинаковы: скачкообразному образованию нового вида предшествует довольно долгий период накопления количественных изменений в обмене веществ, потом «изменение типа обмена — скачок», сменяющийся длительным этапом «пришлифовки» вновь возникшего вида к биотопическим условиям⁶⁹. По Карпевич, единственным стимулом к видообразованию является внешняя среда, точнее её пертурбации. «Именно изменение абиотических условий вызывает

⁶⁷ Калабухов (1954. С. 10). По мнению автора, то же самое утверждал и Ч. Дарвин (в заключении ко второй главе «Происхождения видов»).

⁶⁸ Владимиров (1954. С. 762). Другой ихтиолог, Г. В. Никольский доказывал это, используя зооархеологические материалы. Он писал, что окунь «и пять, и пятьдесят тысяч лет назад был таким же окунем, как и современный, что видно из сравнения костей современного окуня с костями, находимыми в стоянках человека нового и древнего каменного века» (Никольский, 1950. С. 7). Это было возвратом к известному антиэволюционистскому аргументу Кювье (1937), сравнивавшего строение современных животных с мумифицированными особями тех же видов, найденными при раскопках в Древнем Египте.

⁶⁹ Карпевич (1955. С. 64).

возникновение качественно нового типа обмена»: «качественный скачок обмена веществ» видится автору как основной механизм видообразовательного процесса⁷⁰. О роли естественного отбора Карпевич не упоминает, но зато неоднократно ссылается на «принуждающее» и даже «насильственное» воздействие среды на организмы, в первую очередь их физиологию («обмен»).

Здесь важно помнить, что представления самого Лысенко о механизмах видообразования менялись со временем, и в наиболее последовательной форме сальтационизм был представлен в его работе 1952 г., где речь шла о мгновенной «ликвидации» старой наследственности и резкой замене её на новую⁷¹. В той же работе он отверг и постепенность, «ферментативность» накопления новых качеств (модель «революция без эволюции»). Поэтому рассмотренные выше взгляды Владимирова и Карпевич, при всей их «мичуринской» окраске, были все же тоньше и «диалектичнее», чем взгляды, высказанные Лысенко в 1952 г.

* * *

Самые последовательные попытки адаптировать НУВ к изучению эволюции животных были предприняты в рамках двух биологических дисциплин — ихтиологии и паразитологии. Их представители, видные советские специалисты того времени, — Г. В. Никольский, Б. Г. Иоганзен, В. Б. Дубинин — неоднократно выступали в печати по проблеме вида и могут рассматриваться как наиболее влиятельные проводники «мичуринских» идей в зоологии. Однако, как будет показано ниже, их позицию нельзя считать ортодоксально лысенкоистской.

Важным для ихтиологов был вопрос об эволюционном значении внутривидовой борьбы, антагонизма между особями одного вида. Отрицать факт такой борьбы у хищных рыб (каннибализм, паразитизм), установленный многими веками наблюдений и практики, было невозможно⁷². Тем не менее, известна одна попытка экспериментальным путем

⁷⁰ Карпевич (1955. С. 64–65). Фактически, о том же писал генетик Пеннет в книге «Менделизм» (которую Карпевич вряд ли могла сочувственно цитировать в 1955 г.): «...изменения живых форм сводятся к определенным физиологическим факторам, и многообразие животной и растительной жизни зависит от приобретения или утраты этих факторов или от образования новых комбинаций из уже существующих» (Пеннет, 1930, с. 195).

⁷¹ Лысенко (1952. С. 23–24).

⁷² Серию подобных примеров приводит Г. В. Никольский (1958. С. 119) — обыкновенный и балхашский окуни, налим, навага и др. У всех у них важным, а в некоторых обстоятельствах и единственным пищевым ресурсом выступает молодь своего вида. Внутривидовой паразитизм известен у глубоководных рыб-удильщиков, у которых карликовые самцы паразитируют на самках (там же). См. также обзор Ключаревой (1956).

опровергнуть его реальность. В опытах ихтиолога Мовчана совместно содержались крупные и мелкие особи щук и других видов хищных рыб. Хотя автор зафиксировал случаи поедания взрослыми рыбами молоди своего вида, проведя биохимический анализ их тканей, он убедился, что «белок особей того же вида не усваивается, и рыбы, поедающие мясо особей того же вида, не могут за счет него строить свое тело»⁷³. Мовчан пришел к заключению, что «организм данного вида не может расти и развиваться за счет других особей того же вида»⁷⁴. Его работа была раскритикована сразу несколькими авторами, полагавшими, что Мовчану не удалось опровергнуть наличие внутривидового антагонизма⁷⁵. В те же годы советские зоологи опубликовали данные о наличии внутривидовой борьбы в других группах животных⁷⁶.

Более тонкий подход к трактовке каннибализма у рыб предложил ведущий советский ихтиолог того времени Г. В. Никольский. Этот плодовитый и склонный к философствованию автор неоднократно выступал с теоретическими статьями о виде и видообразовании⁷⁷, а также издавал научно-популярные брошюры на эту тему⁷⁸. Не отрицая прямо факт поедания особей своего вида у рыб, Никольский истолковывал его в духе сформулированного Лысенко «единого закона жизни вида», согласно которому все признаки и свойства организмов, в том числе физиологические, служат «увеличению численности индивидуумов данного вида»⁷⁹. По Никольскому, каннибализм, являясь с точки зрения индивидуума борьбой, т. е. «злом», направлен на сохранение популяции в целом, на поддержание её численности, выживание в условиях ограниченности ресурсов⁸⁰. Сходную позицию занял другой советский ихтиолог, симпатизировавший лысенкоизму, С. Г. Крыжановский. По мнению Никольского и Крыжановского, каннибализм у рыб «ведет к наиболее полному использованию пищевых запасов и расширяет область обитания вида»⁸¹. В оптимальных условиях

⁷³ Мовчан (1953. С. 90).

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Константинов (1955б); Маслов (1955); Ключарева (1962).

⁷⁶ Динесман (1952); Маслов (1955). Хотя Динесман пришел к выводу, что каннибализм у амфибий — явление вынужденное, происходящее только в неоптимальных условиях, он не отрицал его как таковое. Специально вопрос о внутривидовом антагонизме у животных был позднее рассмотрен Н. П. Наумовым (1958), приведшим многочисленные доказательства его реальности.

⁷⁷ Никольский (1953б, 1955б, 1958, 1968).

⁷⁸ Никольский (1962, 1972).

⁷⁹ Лысенко (1956. С. 13).

⁸⁰ Никольский (1949, 1953, 1962). Вопреки Лысенко, утверждавшему, что перенаселения в природе «нет и не может быть», Никольский приводил факты перенаселения в природных популяциях пресноводных рыб.

⁸¹ Ключарева (1956. С. 285).

он позволяет популяции контролировать свою численность, избегая перенаселения⁸².

Никольский полностью разделял «мичуринское» положение о единстве организма и среды его обитания. Из этого вытекало его убеждение в том, что всякая изменчивость является адекватной среде, не хаотичной, а приспособительной (т. е. закономерной)⁸³. Можно увидеть в этом воплощение выдвинутого Лысенко лозунга «наука — враг случайностей»⁸⁴. Никольский доказывал, что все без исключения признаки организма являются адаптивными; вид лишен «бесполезных» признаков, на существовании которых настаивали многие систематики старой школы⁸⁵. Это также обосновывалось принципом «единства организма и среды». Однако понимание Никольским этого единства во многом расходилось с трактовкой его Лысенко. Последний уподоблял живые существа податливому и послушному сырью, поскольку «путем подстановки нужных условий из <...> организмов можно лепить, создавать новые, нужные нам формы»⁸⁶. Никольский отвергал представление об организме как подобии «глины, из которой факторы среды лепят всё, что ни получится»⁸⁷. В «единстве» организма и среды организму принадлежит ведущая, активная роль⁸⁸. Он даже уличал таких последовательных «мичуринцев», как Дворянкин, с их чистым экогенезом, в серьезных философских грехах — «механицизме» и «махизме»⁸⁹. По Никольскому, правильнее рассматривать отношения организма и среды как частный случай закона единства и борьбы противоположностей⁹⁰.

⁸² Никольский (1949. С. 13–14); Крыжановский (1953. С. 1084–1085).

⁸³ Никольский (1955б, 1962). Советские философы (например, Каганов, 1956) рассматривали принцип «адекватной наследственности» как единственно материалистический, в то время как восходящее к Дарвину представление о неопределенной изменчивости расценивалось как идеализм.

⁸⁴ Вероятнее, однако, что здесь надо усматривать прямое влияние теории номогенеза Л. С. Берга (1922а), учеником которого был Никольский (см. главу 7).

⁸⁵ Обсуждение этого вопроса см. Кирпичников (1944. С. 174–175). Панадаптивизм Никольского находит явные параллели к высказыванию Лысенко о том, что «у волка ноги, шерсть, уши — все служит одному: размножить, увеличить число волков» (цит. по: Нестеров, 1955. С. 27).

⁸⁶ Лысенко (1946. С. 295).

⁸⁷ Никольский (1953а. С. 50). Ср. замечание Л. В. Шумиловой (1956. С. 61) о том, что «[и]сторически сложившаяся наследственность, её консерватизм, не позволяют окружающей среде лепить из организма, как из глины, всё, что ей угодно».

⁸⁸ Никольский (1953а. С. 52). Н. П. Наумов (1958. С. 307) писал о «ведущей роли организмов в диалектическом единстве, образуемом ими со средой», ссылаясь при этом не на законы диамата, а на исследования В. И. Вернадского, А. Н. Виноградова и других биогеохимиков.

⁸⁹ Там же. С. 51.

⁹⁰ Никольский (1955а; 1958).

Этот закон диалектики предполагает наличие «внутренних противоречий», служащих источником развития. Активно обсуждавшийся советскими ихтиологами внутривидовой каннибализм у рыб как раз и является, по мнению Никольского, противоречием такого рода, играющим не разрушительную, а созидательную роль⁹¹. Он обвинял Дарвина (незаслуженно) в «недиалектической» абсолютизации внутривидовой борьбы и чересчур буквально трактовал дарвиновскую метафору «борьбы за существование». По Никольскому, если бы в природе реально шла непрерывная жестокая борьба внутри вида, то «победители», те самые пресловутые «наиболее приспособленные», были бы «столь истощены, что несомненно давали бы захудалое потомство и обеспечили бы не создание нового вида, а вымирание всей популяции»⁹².

Видообразование Никольский понимал как скачкообразный переход из одного морфостатического состояния в другое, как быстрое приобретение видового качества, обусловленное резким изменением отношений организма со средой⁹³. Он проводил аналогию между видообразованием и онтогенезом, поскольку в обоих случаях имеет место адаптивный процесс, «перестройка взаимосвязей организмов и среды»⁹⁴.

Вид обретает «реальность» только в аспекте существования в специфической для себя среде обитания, к которой он приспособлен «на всех стадиях развития» и во всех своих признаках⁹⁵. Исходя из такой логики, изучать вид в отрыве от его жизненных условий, как это делают классические музейные систематики, просто бессмысленно. Специфичная для вида среда является такой же неотъемлемой его характеристикой, как морфологические признаки. С этим соглашался и С. Г. Крыжановский, писавший, что сущность вида не сводится только к его морфологии: «[в]орон отличается от вороны не только карканьем, оперением и размерами, но также тем, что он не таскает яиц и птенцов из гнезд, не подбирает мелочь, а терзает падаль, в поисках которой совершает дальние перелеты, и т. д., и т. п.»⁹⁶.

Ещё один крупный советский ихтиолог того времени, профессор Томского университета Б. Г. Иоганзен, также симпатизировал «мичуринскому» учению и, подобно Никольскому, обсуждал вопросы вида и видообразования на ихтиологическом материале. Касаясь чувствительной

⁹¹ Никольский (1953б. С. 826).

⁹² Там же.

⁹³ Никольский (1953а. С. 54). Представление о градуалистической эволюции «вообще не может быть принято» (Никольский, 1953б. С. 823).

⁹⁴ Никольский (1958. С. 124).

⁹⁵ Никольский (1955а. С. 75).

⁹⁶ Крыжановский (1953. С. 1084).

для ихтиологов проблемы внутривидовой борьбы, он пытался «снять» ее с помощью словесных маневров, утверждая, что «[я]вления, приносящие вред популяции или виду, к внутривидовым отношениям не относятся и имеют другую биологическую природу <...> Борьба, конкуренция, взаимопомощь — антропоморфные понятия <...> Среди внутривидовых отношений <...> подобных явлений нет (или они не характерны)»⁹⁷.

Положение о «единстве организма и среды» Иоганзен рассматривал как «основной закон биологии», провозглашенный Лысенко на «августовской» сессии ВАСХНИЛ. Этот «закон», по его мнению, позволяет планировать научную деятельность и «через управление онтогенезом направленно изменять филогенез»⁹⁸. В отличие от Никольского, Иоганзен отдавал первенство в отношениях организма и среды именно среде, считая, что это открывает невиданные творческие возможности для направленного изменения организмов путем изменения условий их существования. В этом и ряде других важных пунктах Иоганзен следовал ортодоксальному лысенкоизму. Среди прочего он реабилитировал катастрофизм Кювье. По его словам, это была не банальная «выдумка метафизика-идеалиста», а попытка объяснить объективный факт скачкообразной смены фаун и флор на границах геологических эпох⁹⁹. Хотя Иоганзен не доверял сообщениям агробиологов-мичуринцев о «скачкообразном перерождении различных форм преимущественно культурных растений», он все же думал, что видообразование может быть быстрым процессом, для завершения которого нужны лишь «несколько поколений»¹⁰⁰. При этом он не отвергал и классический дарвиновский градуализм, считая, что скорость эволюции — величина переменная и прямо зависит от темпов перестройки среды обитания¹⁰¹. При градуальной модели видообразования вполне возможно появление переходных форм между видами, существование которых отрицал Лысенко. В отличие от него, Иоганзен не отвергал дивергентную эволюцию и не принимал многократное возникновение одного и того же вида. Он указывал, что отрицание дивергенции и признание полифилии ведут к отрицанию филогении органического мира, имеющей, как известно, форму генеалогического древа¹⁰².

Как и Никольский, Иоганзен видел в видообразовании процесс групповой, ибо изменившиеся условия единообразно воздействуют на

⁹⁷ Иоганзен (1963. С. 166).

⁹⁸ Иоганзен (1955. С. 7–8).

⁹⁹ Иоганзен (1956. С. 17).

¹⁰⁰ Там же. С. 12, 18.

¹⁰¹ Там же. С. 18–19, 24–25. См. также Никольский (1962. С. 35); Иоганзен (1963. С. 169).

¹⁰² Там же. С. 31.

все особи в данной популяции. Он стал одним из немногих советских авторов, попытавшихся определить различия в протекании видообразовательного процесса в животном и растительном мире. По Иоганзену, они обусловлены, в том числе, различиями в способе питания растений и животных (авто- и гетеротрофия, соответственно), что прямо сказывается на их метаболизме. Животным свойственны сложные формы поведения, подвижность и способность к миграции, что дает им больше возможностей реагировать на изменения условий существования, чем имеют растения. Животные более разнообразны морфологически и экологически; у них имеется более широкий спектр «требований к среде», характеризующих отдельные виды. Растения демонстрируют большую экофенотипическую пластичность, чем животные, зато последние способны адаптироваться путем изменения поведения, через образование условных рефлексов, из которых «исторически» вырабатываются безусловные рефлексы и инстинкты. Поэтому видообразование у животных идет быстрее и интенсивнее, что выражается в том, что число видов животных во много раз превышает число растительных видов¹⁰³.

В целом же взгляды Б. Г. Иоганзена в рассматриваемые годы следует признать антидарвинистскими. Не отбрасывая прямо учение об естественном отборе, он пришел к выводу, что «приспособление и наследственность» могут обеспечить весь процесс развития, «не нуждаясь в отборе и перенаселенности», к чему, якобы, пришел, в конечном итоге, и сам Дарвин¹⁰⁴. Очевидны и механоламаркистские симпатии автора, который продолжал отстаивать наследование приобретенных признаков вплоть до начала 1990-х гг.¹⁰⁵, сталкиваясь при этом с резкой критикой и обвинением в неольсенкоизме¹⁰⁶. Хотя Б. Г. Иоганзен в работах 1955–1956 гг. критически высказывался о ряде положений НУВ, он считал, что эти замечания не отрицают советский творческий дарвинизм, а лишь укрепляют его основы, освобождая «мичуринское» учение от «наносной шелухи»¹⁰⁷.

¹⁰³ Там же. С. 26–27. В. Б. Дубинин (1953. С. 1096–1097) считал, что ведущую роль в видообразовании у животных играет нервная система, которая контролирует и регулирует «обмен веществ, определяющий видовую специфику данного организма». Однако он признавал, что остается неясным каким образом нервная система способствует зарождению «зачатков нового вида в теле старого». Дубинин, как и Иоганзен, отмечал большое значение подвижности животных. О роли нервной системы в видообразовании см. Сахаров (1952. С. 332–334).

¹⁰⁴ Там же. С. 38.

¹⁰⁵ Иоганзен, Логачев (1986, 1987, 1991).

¹⁰⁶ Например Соколов, Скворцов (1988).

¹⁰⁷ Иоганзен (1956. С. 12, 38). Такой «шелухой» автор считал, в том числе и выявленные ботаниками подделки и подтасовки фактов, приводившихся в доказательство реальности спонтанного «порождения» видов.

Интерес паразитологов к предложенной Лысенко теории видообразования был обусловлен тем, что паразитические животные являются прекрасной моделью для изучения морфологических преобразований вследствие *host-switching*, то есть перехода на нетипичный или новый вид организма-хозяина, что равноценно резкому изменению жизненных условий¹⁰⁸. У особо мелких и малоподвижных паразитов, таких, как чесоточные клещи, аналогичный эффект может вызывать даже изменение их локализации на теле хозяина, что рассматривалось как движущий фактор если не видо-, то хотя бы формообразования¹⁰⁹. В 1950-е гг. советские паразитологи опубликовали ряд работ, описывающих наследственные изменения у паразитов, «под влиянием различных условий обитания <...> с позиций творческого дарвинизма»¹¹⁰.

По проблеме вида и видообразования у паразитических животных неоднократно высказывался акаролог В. Б. Дубинин, работавший в Зоологическом институте АН СССР. Принимая основные положения «творческого дарвинизма», включая реальность НПП, в своих работах он представил ряд паразитологических фактов, доказывающих, по его мнению, правоту теории Лысенко. По его собственным словам, он занялся «пересмотром с позиций творческого дарвинизма видовых критериев и путей эволюции»¹¹¹. Предложенное Дубининым определение вида явно вдохновлено «мичуринским» учением:

Вид есть «скачкообразно возникшая, качественно отграниченная группа особей, близко родственных по происхождению, характеризующаяся определенными ареалами (sic!) и нормой требований к условиям жизни, к которым приспособлены все их экологические, физиологические и морфологические особенности, взаимосвязанное единство которых закреплено в наследственности и проявляется в специфических отправлениях организмов и в их жизненных циклах»¹¹².

Вид, по В. Б. Дубинину, качественно отличается от внутривидовых категорий, таких как подвид, раса и сорт. Последние отражают лишь «эволюционные, количественные изменения индивидуумов, в противоположность революционным, качественным изменениям,

¹⁰⁸ В. Б. Дубинин (1951а, б; 1954); Марков (1954).

¹⁰⁹ В. Б. Дубинин (1951б. С. 104).

¹¹⁰ В. Б. Дубинин (1950. С. 42); Иоффе (1953). Во всех случаях никаких генетических доказательств, что наблюдаемые изменения являются наследственными, не приводилось. Авторы обсуждали такую возможность лишь предположительно.

¹¹¹ В. Б. Дубинин (1951а. С. 6).

¹¹² В. Б. Дубинин (1954. С. 166).

происходящим при образовании нового вида»¹¹³. В этом также нет противоречия с НУВ. Дубинин полностью признавал ведущую роль среды в эволюции организмов, описывая видообразование в следующих выражениях: «длительные влияния измененных условий жизни вынуждают часть популяций вида развить и закрепить новую наследственность путем длящейся изменчивости в направлении усиления новых качеств скачкообразно становящегося вида»¹¹⁴. Однако среда, по представлению Дубинина, действует дифференцированно. Переход паразита на нового хозяина далеко не всегда приводит к появлению нового вида. Нередко в подобных случаях образуется лишь гостальная раса или вариация, несколько отличная фенотипически от предковой формы, но все же сохраняющая «основные свойства и морфологические признаки единого вида»¹¹⁵. Автор не поясняет, почему в одних случаях резкое изменение условий обитания дает новый вид, а в других — лишь внутривидовую форму, не имеющую качественных отличий от исходной. Он указывает лишь, что эти «условия видообразования» должны каким-то образом изменять обмен веществ животного¹¹⁶.

Несмотря на согласие В. Б. Дубинина с основными постулатами «творческого дарвинизма», его понимание видообразования предполагало сложность, продолжительность этого процесса. Не отрицая реальности пресловутых «скачков», он видел в них быстрое, почти спонтанное завершение сравнительно долгого предшествующего этапа развития. Формирование видом широкого ареала, освоение им новых географических сред, приводит к интенсивному расообразованию, а у отдельных популяций ещё и к «расшатыванию» наследственности, т. е. первому шагу видообразования. Многочисленные примеры внутривидовой, в т. ч. географической, изменчивости, приводимые Дубининым, он трактовал именно как проявление данного процесса. Формирование внутривидовых рас и разновидностей связано с приобретением ими «нестойких» признаков, что не приводит сразу к «коренной перестройке наследственной структуры организмов»¹¹⁷. В этом заключается первый этап видообразования.

На втором этапе накопление количественных изменений завершается резким «перерывом постепенности» (взрыв), то есть сменой

¹¹³ В. Б. Дубинин (1951а. С. 9).

¹¹⁴ Там же. С. 24.

¹¹⁵ Там же. С. 16. По мнению автора, это является благом для вида, иначе «наследственная структура их [организмов — М. В.] оказалась бы настолько перегруженной, избыливающей множеством подчас противоречивых приспособлений к временным мелким изменениям среды, что не способствовала бы сохранению целостности вида» (Там же. С. 17). См. также В. Б. Дубинин (1953. С. 1097–1099).

¹¹⁶ В. Б. Дубинин (1953. С. 1101).

¹¹⁷ Там же. С. 1100.

эволюционного периода развития — революционным¹¹⁸. На завершающем этапе, собственно, и происходит становление вида как эколого-географической единицы: идет «консолидация формы и функции соответственно новым экологическим отношениям <...> выработка консервативности наследственных свойств нового вида, приобретение и закрепление общевидовых признаков, рост численности популяции, расширение границ ареала и приобретение ряда присущих виду биологических свойств»¹¹⁹. Именно к первому и третьему этапам видообразования приложима дарвинова схема градуальной эволюции, и именно в такие периоды проявляется «творческая роль естественного отбора»¹²⁰.

В. Б. Дубинин в те годы оказался едва ли не единственным автором, сопровождавшим свои умозрительные схемы видообразования графическими иллюстрациями, некоторые из которых приводятся ниже. Из схемы на рис. 6 явствует, что Дубинин признавал две модели видообразования — одна, идентичная абсолютному сальтационизму Лысенко («революция без эволюции», крайне быстрое формирование новых видов без образования промежуточных форм) и другая, градуалистская, соответствующая описанной выше трехчастной схеме.

Как и многие авторы, разрабатывавшие в те годы видообразовательные схемы, В. Б. Дубинин не располагал генетическими или экспериментальными данными, которые могли бы прямо подтвердить правоту его построений. Свою трехчастную схему он сопровождал рисунками, показывающими *предположительный* ход эволюции в исследуемой им группе (перьевые клещи). Зоологические и палеонтологические материалы давали много фактов, которые соблазнительно было интерпретировать как свидетельства произошедших некогда в прошлом видообразовательных «взрывов». В качестве примера такого взрыва Дубинин приводил возникновение современной однопалой лошади (со ссылкой на классические труды В. О. Ковалевского)¹²¹. Он находил многочисленные случаи такого рода и среди паразитических членистоногих, считая их

¹¹⁸ В. Б. Дубинин (1951а. С. 22–23). «Мы не отрицаем, что при известных условиях новые виды могут возникать через отдельные разновидности старых видов, т. е. не отрицаем, что процесс видообразования может иметь разные пути. Но общей и единой основой этого процесса является смена форм движения, резкая замена эволюционного этапа развития на скачкообразный, революционный» (С. 23).

¹¹⁹ Там же. С. 24.

¹²⁰ В. Б. Дубинин (1953. С. 25). Изложенная автором трехчастная схема видообразования довольно близка схеме, представленной в рассмотренной выше работе А. Ф. Карпевич (1955). Сам Дубинин указывал на сходство предложенной им схемы с построениями К. М. Завадского (1949. С. 52–53), а «философское» основание своей концепции находил в труде Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

¹²¹ В. Б. Дубинин (1953. С. 1105–1106).

первопричиной переход на новый вид хозяина или на новое место локализации на теле старого (рис. 7). Путем взрыва могут возникать не только новые виды, но даже новые роды паразитов¹²².

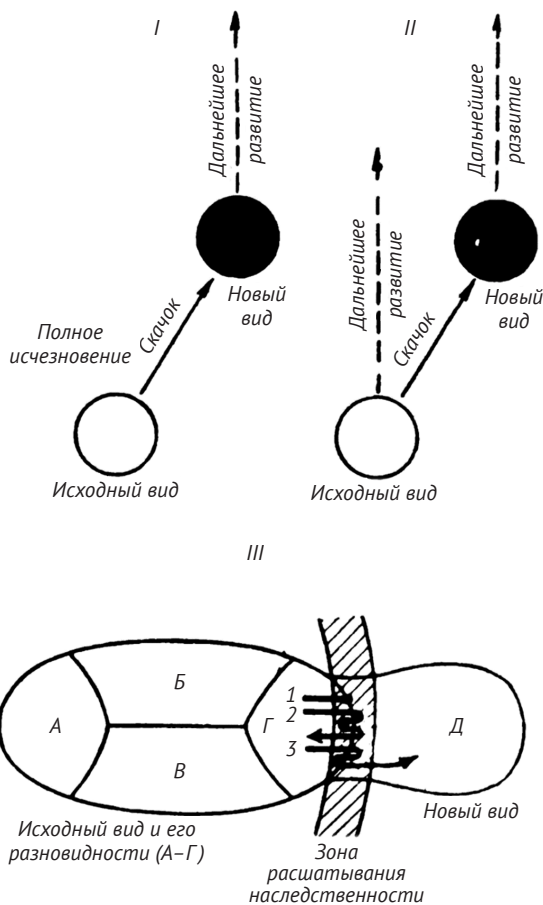

Рис. 6. Три схемы видообразования по В. Б. Дубинину (1954).

I. Скачкообразное (взрыв) превращение исходного вида в новый вид. Предковый вид прекращает свое существование. II. То же, но без исчезновения предкового вида. III. Постепенное образование нового вида (Д) из предкового, представленного четырьмя разновидностями (А-Г). Этот процесс идет через «зону расшатывания наследственности», которая соответствует «резким изменениям условий существования в области распространения разновидности Г»

¹²² В. Б. Дубинин (1954. С. 174, рис. 7).

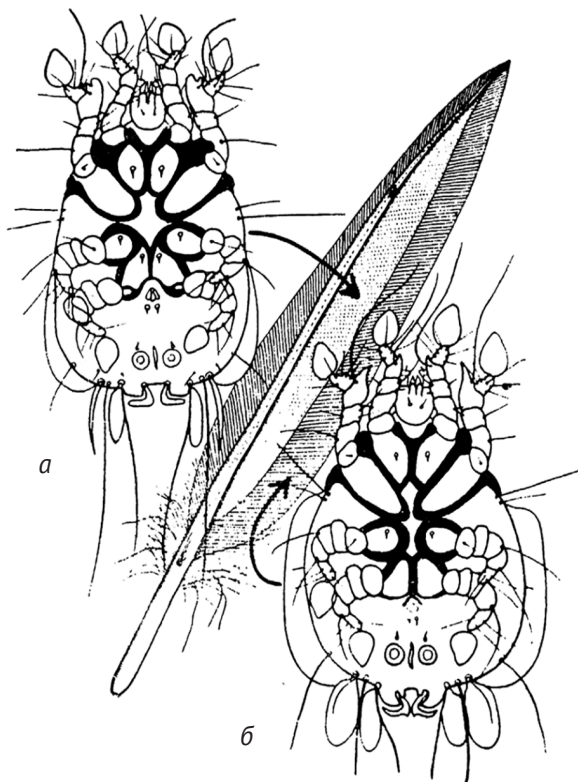

Рис. 7. Пример видообразования «путем взрыва» у перьевых клещей рода *Freyana* (В. Б. Дубинин, 1954).

a. Исходный вид *Freyana largifolia*, живущий между открытыми бородками опахала махового пера. *б.* Производный от него вид *F. anatina*, обитающий между бородками пера в «зоне воздушных коридорчиков»

Дубинин не отрицал внутривидовую борьбу у животных, а, подобно Никольскому, трактовал ее как адаптацию, направленную на благо вида или популяции, а не как «элиминацию наименее приспособленных»¹²³. Им признавался лишь факт борьбы, но не эволюционное, селективное ее значение. Двигателем эволюции выступает исключительно «изменение отношений организмов со средой»¹²⁴. Можно сказать поэтому, что внутривидовая борьба рассматривалась В. Б. Дубининым как механизм стабилизирующего, а не движущего отбора.

¹²³ В. Б. Дубинин (1953. С. 1103–1104).

¹²⁴ Там же. С. 1104.

* * *

Критическая оценка основ НУВ с использованием зоологического материала началась уже в известной нам статье Н. В. Турбина 1952 г. Используя аргументацию, взятую из области иммунологии, Турбин пытался показать, почему в животном мире трудно ожидать видообразования в соответствии с предложенной Лысенко моделью. По его словам, попадающий в тело животного

...живой или мертвый чужеродный белок вызывает защитную реакцию <...> организма, направленную на устранение (рассасывание и ликвидацию) чужеродных белковых тел. <...> Это значит, что если даже допустить возникновение в теле одного вида такого животного «крупинки тела» другого вида, которые могли бы дать начало зачатковой клетке, таковые будут рассасываться, ликвидироваться в силу защитных иммунологических свойств животного организма и не могут послужить началом для воспроизведения потомства с признаками другого вида¹²⁵.

Лысенкоисты отвергли этот аргумент на том основании, что Турбин незнаком с азами иммунологии и «не понимает, что “попадание” в организм чужеродного белка, инфекционного начала, паразита и процесс зарождения нового — это явления совершенно различного порядка»¹²⁶. С точки зрения Жукова-Вережникова с соавторами, иммунная система животных сложилась «главным образом как механизм защиты нового против старого», а не как защита организма от инфекционных заболеваний¹²⁷.

Развернутая критика НУВ со стороны сообщества зоологов началась в первой половине 1954 г. на заседаниях философского семинара Ленинградского университета, посвященных проблеме вида и видообразования (см. главу 4). В нем участвовали несколько зоологов, представлявших ЛГУ и ЗИН АН СССР (А. С. Данилевский, Д. М. Штейнберг, Н. Л. Гербильский и др.). За небольшим исключением (Г. С. Марков), их выступления были полемически заострены по отношению к НУВ. В частности, участники прений указывали, что у животных неизвестны достоверные случаи видообразования, соответствующие предложенной Лысенко модели, что в популяциях животных происходит внутривидовая борьба, что новый вид, во всем многообразии своих свойств и частных адаптаций, не может возникнуть одним скачком.

В том же 1954 г. И. И. Пузанов опубликовал в «Бюллетене МОИП» статью, посвященную критике сальгационизма Лысенко, в которой

¹²⁵ Турбин (1952. С. 811).

¹²⁶ Муромцев (1953а. С. 123). См. также Студнтский (1953а).

¹²⁷ Жуков-Вережников и др. (1955. С. 251).

не только выявил его исторические корни, находя их в донаучных средневековых воззрениях, но и дал развернутую критику нового учения, основанную на данных современной биологии. По его словам, признание «метаморфоза или мгновенной перестройки всего организма, сопровождающегося ликвидацией одних адаптированных органов и мгновенного появления (sic!) других столь же чудесно адаптированных к новым условиям существования, порой даже изменения всего архитектурного плана организма — для современного биолога столь же неприемлемо, как возможность мгновенного создания организма какой-то внешней силой. Немыслимость метаморфоза одних организмов в другие, резко от них отличные, ясна каждому биологу, способному мыслить биохимически»¹²⁸. Видовая специфичность, в том числе морфологическая, определяется сложной структурой белков, требующей для своего изменения длительной и постепенной эволюции. Биохимия не может представить, каким образом при метаморфозе разом и скоординированно изменяется структура множества белковых молекул, из которых состоит организм, и которые определяют специфичность его свойств.

Первая критическая по отношению к НУВ публикация в «Зоологическом журнале» появилась в 1955 г. Её автор, энтомолог А. Г. Шаров, разобрал основные аргументы теории Лысенко, предлагая в качестве альтернативы «классическую» теорию видообразования, основанную на дарвиновском градуализме. По мнению Шарова, новый вид возникает на основе внутривидовой разновидости (морфы), признаки которой в результате «длительной модификации» закрепляются, причем старый и новый виды связаны рядом промежуточных морф с обратимыми признаками¹²⁹. Поэтому быстрое видообразование невозможно; для формирования нового вида нужны тысячелетия¹³⁰.

Целый ряд опубликованных «Зоологическим журналом» статей был направлен против утверждений Г. В. Никольского о мгновенном приспособлении и адекватной (направленной) изменчивости животных. В. В. Алпатов разобрал биометрические доказательства, предъявленные Никольским, уличил его в грубых методологических ошибках и заключил, что «в действительности представления Дарвина о неопределенной изменчивости соответствуют точным фактам и не опровергаются Г. В. Никольским»¹³¹. Интересна статья антрополога Я. Я. Рогинского

¹²⁸ Пузанов (1954. С. 76).

¹²⁹ Шаров (1955. С. 503).

¹³⁰ Там же. С. 498.

¹³¹ Алпатов (1956. С. 375). Ответ на критику Алпатова см. Никольский, Пикулева (1958). Кроме Алпатова, со взглядами Никольского полемизировали Константинов (1956) и Камшилов (1957). Юровицкий (1957) принял сторону Никольского, указывая, что его побудили к этому высказывания Фридриха Энгельса об изменчивости организмов (в «Анти-Дюринге»).

(1957), также вставшего на защиту дарвиновского представления о неопределенной изменчивости. Автор, проанализировав данные по морфологии человека, пришел к выводу, что отвергаемая «мичуридцами» неопределенная изменчивость реальна, и имеет выраженный адаптивный характер, который «вполне объясним с позиций учения Дарвина о происхождении органической целесообразности в результате действия отбора»¹³².

Период 1957–1960 гг. характеризуется постепенным прекращением прямой полемики зоологов с лысенкоистами и возвратом дискуссии о виде и видообразовании у животных к неodarвинистской парадигме. Это нашло отражение в материалах научной сессии биолого-почвенного факультета ЛГУ, организованной как тематическое совещание по вопросу о «дифференциации вида». В них практически не чувствуется влияние НУВ, как нет и обсуждения взглядов Лысенко, а сама проблема вида обсуждается с позиций «классической» эволюционной теории¹³³.

«Мичуринская» биология не была упомянута в «руководящей» статье Е. Н. Павловского в номере «Зоологического журнала», посвященном 40-летию Октябрьской революции¹³⁴. Полностью свободны от влияния НУВ многие статьи по проблеме вида, опубликованные советскими зоологами в конце 1950-х гг.¹³⁵. В этот же период в СССР были изданы монография одного из «архитекторов» эволюционного синтеза Э. Майра и книга о зоологическом виде англичанина А. Кэйна¹³⁶.

1959 год, год двойного юбилея, Ламарка и Дарвина, не вызвал нового витка дискуссий вокруг лысенкоистского понимания вида и видообразования. Юбилейный выпуск «Зоологического журнала» (№ 10 за 1959 г.) не был «промичуринским» по содержанию. Некоторое влияние лысенкоизма можно усмотреть лишь в статье И. М. Полякова о Ламарке, в которой признавалась, в довольно осторожных выражениях, реальность НПП как одного «из важнейших сторон взаимодействия организма и среды», как «мощнейшего импульса к развитию органической природы»¹³⁷.

В то же время советские зоологи продолжали развивать теорию вида, нащупывая новые подступы к решению старой проблемы. Здесь можно упомянуть подход, развивавшийся физиологом Б. П. Ушаковым. Напомню, что Лысенко исповедовал своеобразный «физиологический эссенциализм», приравнивая сущность вида к специфичному для него типу метаболизма. Ушаков, не полемизируя прямо с НУВ, утверждал,

¹³² Рогинский (1957. С. 156).

¹³³ Материалы сессии опубликованы в «Вестнике ЛГУ» (1957, № 21).

¹³⁴ Павловский (1957).

¹³⁵ Рубцов (1957, 1959); Пузанов (1959); Вайнштейн (1960).

¹³⁶ Майр и др. (1956); Кэйн (1959).

¹³⁷ Поляков (1959. С. 1477).

что общепринятый физиологический критерий вида до сих пор не выработан. В поисках его надо обратиться не к расплывчатым натурфилософским рассуждениям о «типах метаболизма», а к строгому экспериментальному методу. Сам Ушаков полагал, что физиологическим критерием вида может послужить точно определяемый и воспроизводимый показатель — видоспецифичная теплоустойчивость клеток животных. Им и его сотрудниками были поставлены эксперименты на представителях различных групп беспозвоночных, с целью оценить применимость этого критерия¹³⁸.

Другая попытка реализовать физиологический (точнее — эколого-физиологический) подход к решению проблемы вида в то же самое время была предпринята экологом С. С. Шварцем¹³⁹. Как я показал в другом месте¹⁴⁰, хотя Шварц в своей монографии высказывал некоторые положения, близкие положениям «мичуринской» биологии, его подход унаследован не от лысенкоистов, а от советской экспериментальной экологии животных (Н. И. Калабухов, В. С. Кирпичников, И. В. Кожанчиков и др.).

* * *

В завершение главы необходимо рассмотреть реакцию сообщества палеонтологов на «советский творческий дарвинизм» и, в частности, на НУВ¹⁴¹. Специфика палеонтологии как науки заключается, с одной стороны, в том, что ей доступны для изучения не целые организмы, а лишь отдельные их части, те, что способны фоссилизироваться. Как правило, это твёрдые, минерализованные структуры — кости, зубы, раковины и т. п. Поэтому генетическая, физиологическая и биохимическая информация, которой располагает исследователь-неонтолог, в случае вымерших форм почти целиком утрачивается. С другой стороны, только палеонтолог способен непосредственно изучать эволюцию видов на больших интервалах времени, наблюдать постепенное преобразование их морфологических признаков, и даже — в случае работы с продолжительным и непрерывным участком палеонтологической летописи — проследивать постепенное «перетекание» одного вида в другой, что

¹³⁸ Ушаков (1959. С. 546). Интересно, что в том же выпуске журнала, что и статья Ушакова, была помещена работа К. М. Сухановой (1959), показавшей, что критерий теплоустойчивости клеток не является видовым для паразитических протистов. У них этот показатель меняется в зависимости от того, в каком виде хозяина они обитают.

¹³⁹ Шварц (1959).

¹⁴⁰ Винарский (2023).

¹⁴¹ В историко-научной литературе этому вопросу посвящена статья Г. Любиной и М. Клавдиевой (Lyubina, Klavdieva, 2020).

естественным образом создает почти неразрешимую проблему объективного проведения границ между ними во времени. Все эти проблемы прекрасно осознавались как самим Дарвином, так и его последователями — палеонтологами-дарвинистами второй половины XIX в¹⁴².

Незадолго до «августовской» сессии была посмертно издана небольшая книга крупнейшего советского палеонтолога А. А. Борисьяка (1872–1944) «Основные проблемы эволюционной палеонтологии», в которой, среди прочего, обсуждался и вопрос о виде¹⁴³. Эта теоретическая работа рассматривалась многими палеонтологами как «научное завещание» выдающегося ученого, и содержащиеся в ней высказывания привлекли к себе большое внимание. Вопреки установке на «полезность», директивно предписанной в те годы советской науке, Борисьяк утверждал самоценность палеонтологии как особой биологической дисциплины, которая должна ставить и решать собственные фундаментальные проблемы, а не становиться «служанкой геологии»¹⁴⁴, поставщиком сведений, необходимых для разведки полезных ископаемых. В отношении палеонтологического вида академик Борисьяк занял довольно скептическую, если не сказать агностическую позицию. Он считал, что проблема вида у ископаемых животных практически не разработана, что в ней, как и в палеонтологической систематике в целом, царит полный произвол¹⁴⁵. Специфика ископаемого материала такова, что при установлении видов вымерших организмов неизбежна высокая степень субъективизма. В отличие от неонтологов, палеонтологи изучают вид в его динамике; вид палеонтолога — это «филогенетический вид», имеющий «временной аспект», поэтому, по мнению Борисьяка, виды в палеонтологии не равноценны и не сопоставимы с видами, представленными в классификации современных животных¹⁴⁶.

Как показало ближайшее будущее, эти утверждения почтенного палеонтолога после «августовской» сессии оказались идеологически неприемлемыми.

Роль застрельщика «мичуринизации» советской палеонтологии взял на себя Л. Ш. Давиташвили (1895–1977) — крупный отечественный специалист по ископаемым беспозвоночным (преимущественно моллюскам), автор выдержавшего несколько изданий учебника «Курс палеонтологии», а также многочисленных работ по теории и истории палеонтологии и эволюционного учения. Давиташвили ещё в 1930-е гг. зарекомендовал себя как ревностный «диалектизатор» и до самого конца

¹⁴² Например, Никитин (1881).

¹⁴³ Борисьяк (1947).

¹⁴⁴ Там же. С. 9.

¹⁴⁵ Там же. С. 16, 64–65.

¹⁴⁶ Там же. С. 64–69.

своей долгой жизни он отстаивал необходимость полного подчинения биологической теории постулатам диалектического материализма¹⁴⁷. В рассматриваемое время Давиташвили был лауреатом Сталинской премии и действительным членом Академии наук Грузинской ССР¹⁴⁸, а с 1950 г. — директором Института палеобиологии АН ГССР.

22 ноября 1949 г. в газете «Правда» было опубликовано его письмо в редакцию, озаглавленное «Крупные ошибки одного института». Оно было выдержано в характерном для той эпохи стиле политического доноса и содержало тяжкие обвинения в адрес Палеонтологического института АН СССР (ПИН) и лично его директора академика Ю. А. Орлова. Институт критиковался за отрыв проводимых им исследований от нужд народного хозяйства, за работу над неактуальной тематикой (например, изучением «светящихся рыб» третичного периода), а также — за идеологические и философские провалы. По мнению Давиташвили, в ПИНе «игнорируются и замалчиваются» «великие принципы советского творческого дарвинизма и мичуринского учения», а его сотрудники, вместо того чтобы обратиться к изучению «общепалеонтологических вопросов», сосредоточились на безыдейном описании видов ископаемых организмов. Давиташвили писал, что институт предал «забвению основные принципы партийности науки <...> нередко попадал в плен к наиболее реакционным “теоретикам” палеонтологии».

Ранее в том же году Давиташвили выпустил очередное издание своего «Курса палеонтологии», где постарался учесть «поставгустовские» реалии и воздать должное «мичуринскому» учению и великому преобразователю природы Т. Д. Лысенко¹⁴⁹. Он призвал палеонтологов участвовать в развитии советского творческого дарвинизма и в очищении эволюционной теории от «ошибок Дарвина»¹⁵⁰. Как это можно реализовать на практике, автор показал в специальной статье с красноречивым названием «Палеобиология и проблема воспитывающего действия среды на природу организмов», увидевшей свет все в том же 1949 г.

¹⁴⁷ Давиташвили (1959, 1966, 1972). С. М. Юзбашьян (1953. С. 121) писал, что Давиташвили был фактически единственным палеонтологом в СССР, деятельно включившимся в борьбу против «идеализма» в палеонтологии, и довольно рано взявшим в идейные союзники Лысенко. Действительно, еще в 1940 г. Давиташвили указывал, что работа Лысенко «по переделке природы растений» является подлинным продолжением дарвинизма и «весьма поучительна для всех биологов (включая сюда и палеонтологов)» (Давиташвили, 1940. С. 224–225).

¹⁴⁸ Любина (2018).

¹⁴⁹ Давиташвили (1949а. С. 17–20, 25–26, 725–727 и др.). Особенности этого издания учебника Давиташвили по сравнению с предыдущими анализирует Г. И. Любина (2018).

¹⁵⁰ Давиташвили (1949а. С. 811).

Подход Давиташвили состоял в том, чтобы заново интерпретировать давно известные палеобиологам факты с позиций «мичуринского» учения. Иными словами, он пытался найти — и находил! — в палеонтологической летописи факты, подтверждающие прямое «воспитывающее» воздействие условий существования на морфологию и эволюцию животных, скачкообразность видообразования, направленную изменчивость. Давиташвили понимал, что при работе с ископаемыми остатками живых организмов любые интерпретации несвободны от субъективизма, да и наши знания об условиях жизни в прошлом весьма фрагментарны. Казалось, это кладет объективный предел «мичуринизации» палеобиологии, однако Давиташвили думал иначе. «[С]оветские люди трудностей не боятся!», — восклицал он¹⁵¹. Изучать воспитывающее действие среды на организмы в геологическом прошлом можно и нужно, но «по определенному плану, в определенной последовательности, на определенных объектах, а не как попало и где попало»¹⁵². Иными словами, следует отыскать в палеонтологической летописи такие объекты и события, которые могут дать подтверждения «мичуринскому» пониманию эволюции. Например, отложения гигантских озерных бассейнов, в которых за миллионы лет накапливались непрерывные толщи осадочных пород, содержащие массы раковин моллюсков, изучение которых позволяет реконструировать процесс эволюции шаг за шагом. Подобного рода последовательности фаун моллюсков были хорошо известны палеонтологам ещё в последней трети XIX в.¹⁵³, но интерпретировались они либо в духе классического дарвинизма, либо с точки зрения недарвиновских ортогенетических теорий. Трактовка, предложенная Давиташвили, была эктогенетической и предполагала направленную групповую изменчивость животных, вызванную единообразным воздействием экологических условий не только на популяции отдельных видов, но и на целые фауны¹⁵⁴. Например, резкие изменения солености вод морских бассейнов оказывали угнетающее воздействие сразу на многие группы населявших их моллюсков, что выражалось в сильном уменьшении размеров тела параллельно во многих семействах. Измельчание моллюсков происходило без всяких переходных форм («промежуточных размеров»),

¹⁵¹ Давиташвили (1949б. С. 139). Еще в 1940 г. он писал, что, хотя «изучение вопросов дарвинизма на палеонтологическом материале — дело нелегкое», это является насущнейшей задачей советской палеонтологии, и «мы имеем решительно все, что нужно для постановки этих работ и успешного их ведения. Эта возможность создана уже давно Великой Октябрьской социалистической революцией» (Давиташвили, 1940. С. 246).

¹⁵² Давиташвили (1949б. С. 140).

¹⁵³ Никитин (1881); Неймайр (1903).

¹⁵⁴ Это было близко воззрениям Г. В. Никольского, рассмотренным выше в этой главе.

в чем Давиташвили видел доказательство быстроты этого процесса (абсолютными датировками эволюционных событий прошлого он не располагал). По его убеждению, сокращение размеров вслед за изменением солености во многих группах моллюсков одновременно можно понять «только при допущении мощного прямого влияния измененных условий жизни на природу организмов»¹⁵⁵. В одной из своих довоенных работ он связывал его с «направленным мутированием», ссылаясь на опыты генетика Йоллоса с дрозофилой¹⁵⁶. Однако в 1949 г. подобное «морганистское» объяснение уже не годилось. Давиташвили считал, что предположение об отборе якобы «беспорядочных случайных уклонений» не согласуется с высоким темпом наблюдающихся морфологических преобразований. По его словам, в подобных случаях имела место «изменчивость в направлении отбора», вызванная не мутированием, а «воспитывающим воздействием условий жизни»¹⁵⁷. Естественный отбор работает с тем «сырьем», которое ему предоставляет определенная изменчивость, усиливая уже существующую тенденцию организмов изменяться в некотором направлении.

Однако советские палеонтологи, признавая на словах необходимость перестройки своей науки на новых, «мичуринских» началах, опубликовали сравнительно мало работ, в которых, подобно статье Давиташвили, давалась бы лысенкоистская интерпретация конкретных палеонтологических данных. Одной из самых последовательных попыток такого рода стала статья специалиста по палеозойским кораллам Т. А. Добролюбовой. Исследовательница полагала, что принципы наследственности, вскрытые «мичуринцами» при изучении культурных растений, могут быть экстраполированы и на ископаемых беспозвоночных. В соответствии с эктогенетической парадигмой она утверждала, что «несомненной причиной» формообразования у кораллов были «внешние условия» (какие именно — пока неизвестно, на этот вопрос должны ответить палеоэкологи)¹⁵⁸. Процесс формо- и видообразования у палеозойских кораллов описывался Добролюбовой в выражениях, близких высказываниям Лысенко о зарождении нового вида в «недрах» старого: «новые структуры возникали внутри старых, образовывали <...> смешанные колонии и, постепенно вытесняя старые, создавали колонии новой структуры, характеризующей новый род и вид или

¹⁵⁵ Давиташвили (1949б. С. 144).

¹⁵⁶ Давиташвили (1936).

¹⁵⁷ Давиташвили (1949б. С. 148).

¹⁵⁸ Добролюбова (1952. С. 109).

только вид»¹⁵⁹. Добролюбова признавала прерывистый характер филогенеза, проявляющийся в том, что в геологической летописи «наряду с отрезками времени, в течение которых фауна почти не изменялась, можно уловить моменты, когда фауна характеризовалась буйной изменчивостью, приводящей к возникновению новых форм»¹⁶⁰.

Статью Добролюбовой можно рассматривать как образцовый пример «мичуринской» палеонтологии. Однако в ней встречались и некоторые отклонения от ортодоксального лысенкоизма. В частности, Добролюбова не утверждала, что видообразование у ископаемых кораллов происходило мгновенно. Хотя темп их эволюции был высок, но для появления новых видов требовались «десятки, чаще сотни, а может быть и тысячи лет»¹⁶¹. Это все же далеко от опытов агробиологов, в которых новый вид возникал, как утверждалось, за считанные поколения или вообще одним скачком. Подобные отклонения от ортодоксии можно найти и у Л. Ш. Давиташвили. Обсуждая проблему вида в своем «Курсе палеонтологии», он отказался от абсолютизации морфологического хиатуса как видового критерия и признал «несостоятельность прежнего понимания термина “вид” как резко очерченной таксономической единицы»¹⁶².

Как и в случае советских ихтиологов, обсуждавшемся выше, эти отходы от правоверного «творческого дарвинизма» легко объяснимы спецификой изучаемых палеонтологами процессов, которые далеко не всегда удавалось беспрепятственно вместить в узкие рамки лысенкоистских схем. «Сопrotивление материала» было столь сильным, что заставляло даже искренне симпатизировавших учению Лысенко

¹⁵⁹ Там же. С. 107. Автор указывала, что для объяснения этих явлений «на помощь приходят исследования мичуринцев», в частности, работа В. С. Дмитриева о «порождении» чечевицей плоскосеменной вики, в которой наблюдалось спонтанное возникновение вида, относящегося к другому роду. Более того, многолетние трудности в классификации вымерших кораллов, оказывается, можно решить, используя данные агробиологов: положение «было бы безысходным, если бы биологи-мичуринцы не открыли очень близкий способ формообразования у культурных растений, именно — появление в колосе одного вида пшеницы зерен другого её вида или даже зерен ржи» (Там же. С. 108). То, что наблюдали мичуринцы на своих опытных делянках, происходило в теплом нижнекаменноугольном море, располагавшемся на месте современного Подмосковья.

¹⁶⁰ Там же. С. 96.

¹⁶¹ Там же. С. 108.

¹⁶² Давиташвили (1949а. С. 724). Напомню, что в рамках НУВ хиатус считался неизбежным следствием скачкообразного возникновения видов (Васильев, 1954. С. 388–389). «Резко очерченной единицей» считали вид сторонники Лысенко, упрекая Дарвина в том, что, отказавшись от признания определенности видовых границ, он сделал вид мнимым, реально не существующим в природе.

биологов вольно или невольно впадать в «ересь», оспаривая отдельные утверждения «народного академика».

* * *

Выступление Л. Ш. Давиташвили в главном печатном органе ВКП(б) имело серьезные последствия. 1 декабря 1949 г. было созвано заседание Президиума АН СССР, на котором директор ПИНа академик Орлов был вынужден признать «ошибки» своего института. Постановление Президиума повторяло все критические выпады из «письма» Давиташвили и обязало ПИН «широко обсудить принятое решение и материалы, опубликованные в печати»¹⁶³.

В последующие годы были предприняты дальнейшие шаги по «мичуризации» палеонтологии¹⁶⁴, что выразилось в публикации ряда программных текстов и проведении особых совещаний, на которых принимались соответствующие постановления.

Уже в 1949 г. в ПИНе было организовано совещание на излюбленную «мичуринцами» тему — «Организм и среда». С докладом «Палеоэкология как прогрессивное мичуринское направление» выступил Р. Ф. Геккер, заявивший, что «ни одна палеонтологическая и биостратиграфическая работа не должна проводиться без анализа взаимоотношений ранее жившего органического мира с биотической и абиотической средой»¹⁶⁵.

В 1951 г. Б. П. Марковский опубликовал программный документ под названием «Преодоление отставания от мичуринской биологии — первоочередная задача советской палеонтологии». Называя советскую палеонтологию отстающей (или догоняющей) в теоретическом отношении, он все же считал, что она уже встала на материалистические позиции, что качественно отличает её и ставит «выше базирующейся на идеалистических воззрениях палеонтологии капиталистических стран»¹⁶⁶. По Марковскому, перестройка палеонтологии на новых началах должна заключаться в том, чтобы перейти к изучению вымерших форм «в динамике [их] возрастной и экологической

¹⁶³ Правда. 1949. 2 дек., № 336 (11443).

¹⁶⁴ Специально этому вопросу был посвящен ряд статей видных советских палеонтологов: Давиташвили (1952); Орлов (1952); Юнгерман, Макридин (1952); Габуня (1953); Козин (1953); Руженцев (1953); Сарычева (1953); Юзбашьян (1953). Все они в разных выражениях призывали устранить теоретическое отставание советской палеобиологии от достижений «мичуринской» биологии.

¹⁶⁵ Камышева-Елпатъевская (1953. С. 84). При этом старейший советский палеонтолог Н. Н. Яковлев, опубликовавший статью на ту же самую тему — взаимоотношения организма и среды — смог обойтись без цитирования работ Лысенко и комплиментов в адрес «мичуринского» учения (Яковлев, 1952).

¹⁶⁶ Марковский (1951. С. 1).

изменчивости»¹⁶⁷. Поскольку некоторые критерии вида, предлагаемые НУВ (нескрещиваемость, отсутствие внутривидового антагонизма), невозможно применить к ископаемому материалу, суждения палеонтологов о границах видов неизбежно основываются на морфологии, что чревато ошибками. Марковский рекомендовал тщательно изучать онтогенез ископаемых видов, чтобы не принимать в качестве видовых отличия, присущие разным стадиям развития (отсылка к теории стадийности Лысенко). Изучение палеоэкологии помогает представить, «какими факторами среды обусловлены те или иные признаки <...> в каком направлении должен изменяться данный признак при изменении среды в определенном направлении»¹⁶⁸. Это были вполне здравые идеи, с которыми могли бы согласиться и палеонтологи, далекие от симпатий к учению Лысенко.

Внимательное чтение материалов дискуссий и совещаний, проводившихся советскими палеонтологами в первой половине 1950-х гг., показывает, что внедрение подобных здравых предложений под маской «мичуринизации» было вполне распространенной практикой. Это позволяло палеонтологам, выражая на словах верность новому учению, развивать актуальные научные направления, уходить от чисто описательного подхода к изучению ископаемых, к которому негативно относился не только Давиташвили, но и некоторые русские палеонтологи конца XIX в.¹⁶⁹

Интересно в этом отношении Палеонтологическое совещание по палеозою, проходившее в Москве 14–17 мая 1951 г. Большинство его участников заявляло о необходимости перестройки своей работы в соответствии с «мичуринской» теорией, в первую очередь путем усиленной «биологизации» палеонтологии. В частности, предлагалось шире использовать сведения об экологии и онтогенезе вымерших организмов, детально изучать их изменчивость, а в систематике уходить от искусственных классификаций, базирующихся на формально выбранных признаках, заменять их филогенетическими системами, строящимися на основе генеалогических связей. Наконец, в рамках «освоения идей

¹⁶⁷ Там же. С. 13.

¹⁶⁸ Марковский (1951. С. 17). О необходимости тщательного изучения морфологической изменчивости ископаемых животных, в том числе и онтогенетической, писал и А. А. Борисяк (1947. С. 71–72).

¹⁶⁹ Так, С. Н. Никитин ещё в 1881 г. критиковал в этом отношении труды известного франко-чешского палеонтолога Й. Барранда: «Описанные Баррандом виды нужно считать тысячами; но описания эти чисто формальные <...> До самых последних его работ мы не находим в них ничего, что указывало бы на прогрессивную жизнь природы, на движение и развитие этой жизни. Фауны возникают и сменяются перед нами в его книгах; но откуда и каким образом — это считается задачей, не разрешимой для человека» (Никитин, 1881. С. 237–238. Курсив автора).

мичуринской биологии» предлагалось создавать «специальные палеонтологические инструкции, руководства и пособия», публиковать региональные атласы ископаемых фаун, «по возможности с включением в эти атласы не только руководящих форм, но и всего комплекса ископаемой фауны»; составлять «специальные палеонтологические определители и т. д.»¹⁷⁰. В соответствии с условиями эпохи, многие авторы старались снабдить свои выступления необходимой риторикой. Например, В. Шиманский говорил, что «можно надеяться, что систематика <...> будет действительной филогенетической систематикой при условии изучения организмов с позиций мичуринской биологии, т. е. изучения их в неразрывной связи с условиями существования»¹⁷¹.

В качестве активного сторонника НУВ на этом совещании выступил специалист по ископаемым головоногим моллюскам В. Е. Руженцев, который солидаризировался почти со всеми утверждениями Лысенко и призвал палеонтологов привести «систематические категории в соответствие с принципами мичуринской биологии»¹⁷². По его мнению, через «перерыв постепенности», т. е. скачкообразно, возникают все без исключения систематические группы, и ранг возникшего таксона определяется лишь «длиной скачка», «глубиной перестройки старой организации»¹⁷³. Руженцев отверг и реальность переходных форм, существование которых не отрицал Давиташвили. Автор выразил уверенность в том, что последовательное применение марксистского метода и укрепление связей с практикой «приведет советскую палеонтологию к такому расцвету, о котором буржуазная наука не может и мечтать»¹⁷⁴.

В 1952 г. журнал «Известия АН СССР, серия биологическая» инициировал дискуссию о теоретических основах и современном состоянии советской палеонтологии. Всего в 1952–1953 гг. в ней приняло участие 18 специалистов; 12 статей были опубликованы на страницах журнала полностью, а 6 — в форме рефератов¹⁷⁵. Участники дискуссии затрагивали самые разные проблемы, но для целей этого исследования достаточно остановиться только на обсуждении ими вопроса о виде.

¹⁷⁰ «Материалы палеонтологического совещания по палеозою» (М.-Л., 1953. С. 83; выступление в прениях В. Г. Камышевой-Елпатьевской).

¹⁷¹ Там же. С. 55. Выступление в прениях по докладу В. Руженцева.

¹⁷² Руженцев (1953. С. 34).

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же. С. 36. Возможно, столь последовательный лысенкоизм Руженцева определялся стремлением очиститься от обвинений, выдвинутых против него Давиташвили в его «письме»-доносе в «Правду». «Грех» Руженцева состоял в сочувствии эволюционным взглядам палеонтолога Хайетта, который был «идеалистом» и, якобы, производил «в основном антинаучную путаницу» (Давиташвили, 1949в; см. также Давиташвили, 1952. С. 23–24).

¹⁷⁵ Lyubina, Klavdieva (2020).

Дискуссия открылась «проблемной» статьей Л. Ш. Давиташвили, которую по её содержанию, а также агрессивности и грубости нападок, можно рассматривать как расширенную версию его «письма» в «Правду» 1949 г.

В своих нападках Давиташвили сосредоточился на взглядах покойного академика Борисяка, а также здравствующих членов его научной школы, начиная с директора ПИНа Ю. А. Орлова. Борисяк, который уже не мог возразить своему критику, обвинялся во множестве прегрешений: в антимарксистской позиции, в преклонении перед иностранными учеными, в замалчивании и даже «гонении» работ советских авторов, «пытающихся разрабатывать вопросы творческого дарвинизма в палеонтологии», в том, что он «выдвигал и распространял многие ненаучные, идеалистические и метафизические положения, подавляющее большинство которых он брал у реакционных ученых Запада»¹⁷⁶. Крайне негативную реакцию у Давиташвили вызвали эйдологические воззрения А. А. Борисяка: выделение «палеонтологического вида» как особой сущности он считал «грубой теоретической ошибкой», одной в ряду многих других, которые допустил покойный академик¹⁷⁷.

Вывод, который делал Давиташвили, звучал как приговор:

Советская палеонтология — отстающий участок нашего естествознания. Она неудовлетворительно обслуживает и геологию, и биологию <...> Мичуринская биология ждет активного участия палеонтологии в изучении ряда важнейших проблем. Многие вопросы мичуринского дарвинизма не могут получить полное и всестороннее освещение на основе изучения только современных организмов. <...> Советские палеонтологи имели полную возможность серьезно взяться за это дело ещё много лет назад; но этому мешали и мешают тяготеющие над данной отраслью советского естествознания учение А. А. Борисяка и монопольное положение его школы¹⁷⁸.

Даже после августовской сессии ВАСХНИЛ, — настаивал автор, — палеонтологи школы Борисяка уклоняются от разработки теоретических проблем палеонтологии на основе советского творческого дарвинизма, «продолжают жить метафизическими и идеалистическими теориями зарубежных реакционных ученых»¹⁷⁹.

К нападкам на Борисяка и его школу присоединились и сторонники Лысенко — Ф. А. Дворянкин и М. Д. Попов. Они высокомерно поучали палеонтологов, что одной из теоретических основ в изучении ископаемых, должна быть «селекция с её воспитанием, гибридизацией и отбором»,

¹⁷⁶ Давиташвили (1952. С. 15–17).

¹⁷⁷ Там же. С. 17.

¹⁷⁸ Там же. С. 28.

¹⁷⁹ Там же. С. 34.

что должно вскрыть реальные механизмы видообразования¹⁸⁰. Только так палеонтологи могут получить «объективную ориентировку <...> подход к анализу своих объектов. <...> Если палеонтология не будет учитывать успехов мичуринской биологии, то как она сможет обслуживать геологию?»¹⁸¹ Стремление Борисяка избавить палеонтологию от этой обслуживающей роли было расценено как идеологическая «диверсия», призыв оторвать науку от нужд практики. Все это подавалось Дворянским и Поповым под видом дружественной критики, как своего рода товарищеская опека биологов над отстающими в теоретическом плане палеонтологами: «Биологи должны вмешиваться в судьбу палеонтологии и критиковать её недостатки. Невмешательство было бы обидой для советских палеонтологов. <...> Палеонтологи ведут счет времени на геологические века. Поэтому можно снисходительно отнестись к их опозданию с обсуждением коренных недостатков своей работы после августовской сессии»¹⁸².

Хотя в ответных статьях Ю. А. Орлов и Т. А. Сарычева отвергли самые серьезные обвинения¹⁸³, они не могли эффективно защитить память своего учителя от упреков в неправильном понимании сущности вида. Орлов был вынужден признать, что только академик Лысенко сумел «блестяще разрешить» проблему вида, что дает палеонтологам основу для корректировки своих взглядов. Что же касается утверждений Борисяка, то он, по мнению Орлова, «неудачно сформулировал свое понятие вида, и А. А. Борисяка можно было понять таким образом, что он различает разные виды — палеонтологический и зоологический, чего на самом деле <...> не было. Об этом свидетельствуют работы по описанию фауны как самого Борисяка, так и всех сотрудников Палеонтологического института»¹⁸⁴. Увы, формулировки Борисяка едва ли можно оценить как неточные или двусмысленные, и попытка Орлова доказать обратное, не была «засчитана» оппонентами¹⁸⁵.

¹⁸⁰ Дворянкин, Попов (1953. С. 113).

¹⁸¹ Там же. С. 116.

¹⁸² Там же. С. 105.

¹⁸³ Орлов (1952); Сарычева (1952); Ю. А. Орлов, следуя принципу, что лучшая защита — это нападение, обвинил Давиташвили в том, что тот до 1948 г. придерживался морганистских взглядов и, ссылаясь сейчас без оговорок и поправок на свои старые работы, от них не отказался. Более того, Давиташвили не только искажает взгляды Борисяка, но опорочивает русскую палеонтологию, преклоняясь при этом перед западными учеными (Орлов, 1952. С. 75, 80–81).

¹⁸⁴ Орлов (1952. С. 76).

¹⁸⁵ Алексеев (1953. С. 101–102); Микулинский (1953. С. 112–113). Это была вынуждена признать и Т. Г. Сарычева (1952. С. 60), энергично защищавшая Борисяка от нападок Давиташвили и Дворянкина.

Многие специалисты, участвовавшие в дискуссии, приняли сторону Давиташвили и повторяли в своих статьях его критические замечания, хотя и в менее напористой и агрессивной тональности¹⁸⁶. Почти каждый из высказавшихся счел своим долгом упрекнуть А. А. Борисяка в неверном понимании сущности вида. Так, Л. К. Габуния счел противопоставление «зоологического» вида — «палеонтологическому» возвратом к состоянию палеонтологии середины XIX в., до работ В. О. Ковалевского¹⁸⁷. С. Р. Микулинский (не палеонтолог, а философ и историк науки) расценил позицию Борисяка как субъективистскую¹⁸⁸. М. С. Зиновьев, ссылаясь на Лысенко, призвал очистить палеонтологическую систематику от «формальных» и «искусственных» видов, поскольку в природе им ничто не соответствует¹⁸⁹.

Для правильной оценки этой полемики следует отметить, что вопрос о соотношении видов ныне живущих и вымерших организмов до сих пор не решен удовлетворительно (и, что вполне возможно, никогда не будет решен). С одной стороны, система животных и растений едина, в неё включаются и вымершие и рецентные таксоны, что подразумевает «единосущность» категории вида во все геологические эпохи. С другой стороны, используемые в наши дни методы классификации, в первую очередь, молекулярно-генетические, неприменимы к большинству вымерших таксонов, и – в отсутствие единых критериев – нельзя не согласиться с Борисяком в том, что систематика вымерших видов неизбежно содержит элемент искусственности, а потому вид палеонтологический не всегда будет равнозначен виду неонтологов.

Поскольку «мичуринцы» видели в палеонтологии важный источник данных, подрепляющих постулаты «творческого дарвинизма», они резко отрицательно отнеслись и к убеждению А. Борисяка, что палеонтология может только *описывать* ход эволюции, но неспособна вскрыть её механизмы. По его мнению, это доступно только зоологу-неонтологу, могущему работать с генетическим материалом и имеющему возможность наблюдать борьбу за существование и делать «логическое заключение» о существовании естественного отбора¹⁹⁰. Алексеев, критикуя этот «палеонтологический агностицизм», объяснял его тем, что покойный академик стоял на позициях вейсманизма-морганизма. Борисяк не только сочувственно ссылался на представления И. И. Шмальгаузена

¹⁸⁶ Алексеев (1953); Габуния (1953); Зиновьев (1953); Козин (1953); Юзбашьян (1953) и др.

¹⁸⁷ Габуния (1953).

¹⁸⁸ Микулинский (1953. С. 113).

¹⁸⁹ Зиновьев (1953. С. 130–131).

¹⁹⁰ Борисяк (1947. С. 13–14).

о мутациях как базисе эволюции, но и отрицал реальность видов в природе и полностью принимал дарвиновский принцип дивергенции¹⁹¹. Это также рассматривалась как серьезная методологическая ошибка.

* * *

С течением времени градус полемики в сообществе палеонтологов ослабевал, и от призывов к тотальной «мичуринизации» этой дисциплины произошел разворот в сторону критической оценки учения Лысенко о виде.

25–28 января 1954 г. в Москве проходило Всесоюзное палеонтологическое совещание, в котором приняли участие около 500 делегатов, представлявших разные регионы и научные учреждения Союза¹⁹². Проблема вида и видообразования оказалась одной из главных тем, обсуждавшихся на этом совещании. Была подвергнута разгромной критике идея о полифилии — многократном возникновении одного и того же вида. Против нее высказался не только активный оппонент Лысенко зоолог И. Пузанов, но и сам Л. Давиташвили, заявивший, что «накопившиеся данные говорят против повторного видообразования и, кроме того, против него говорят и теоретические соображения»¹⁹³. Хотя Давиташвили не отверг модель скачкообразного видообразования, он все же не мог допустить, чтобы «мать рождала детей другого вида», и признал наличие переходных морфологических форм¹⁹⁴. Принятая участниками резолюция была бескомпромиссна по отношению к тем положениям НУВ, что имели прямое отношение к палеонтологии: совещание «отвергло представление о возможности повторного появления видов и принцип полифилии как беспочвенные и несовместимые с советской палеонтологией и биологией, и указало на опасность и вред этих положений, разоружающих нашу теорию и ставящих под удар все достижения нашей практической палеонтологии — биостратиграфию осадочных толщ»¹⁹⁵.

¹⁹¹ Алексеев (1953. С. 102–103).

¹⁹² Lyubina, Klavdieva (2020).

¹⁹³ Ильинская (1954. С. 475).

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Там же. О вреде «мичуринских» представлений о виде для биостратиграфии высказывались в своих статья Н. В. Турбин (1952) и Н. В. Куликов (1953). В защиту полифилии выступили Дворянkin и Попов, называвшие многократно возникающие виды «видами-изотопами» и призывавшие палеонтологов разработать методы, позволяющие отличить «первичное» появление вида от «вторичных» его реинкарнаций, и внести соответствующие правки в стратиграфические схемы (Дворянkin, Попов, 1953).

К середине 1950-х гг. полемика по вопросу вида в палеонтологии приобрела гораздо более взвешенный и конструктивный характер. В качестве примера можно привести статью томского палеонтолога А. Р. Ананьева, в которой были отброшены крайности НУВ с учетом специфики палеонтологических данных, которые могут интерпретироваться с антиградуалистских позиций. Автор признавал, что вид в неонтологии и палеонтологии должен пониматься одинаково, так как речь идет об одной и той же сущности. Это — единственно возможное решение вопроса с точки зрения «марксистского диалектического метода»¹⁹⁶. Однако вид в палеонтологии имеет свои особенности, у него есть временное измерение, недоступное для изучения неонтологами. По мнению Ананьева, именно это и имел в виду академик Борисяк в своем «крамольном» тезисе о различии между видами ископаемых и современных животных. Истинное различие между ними кроется не в материале, а в цели исследования. Только палеонтолог способен изучать всю историю вида, от зарождения до гибели. При этом Ананьев не призывал очистить палеонтологическую систематику от «искусственных» видов. Их использование в палеонтологии не только неизбежно, но и полезно, так как служит геологической практике¹⁹⁷.

Ананьев подчеркивал, что на ископаемом материале невозможно эмпирически доказать постулат НУВ о неоднократном возникновении одного и того же вида. Весь органический мир в геологическом прошлом развивался «только поступательно и повторений не делал», в то время как НУВ предполагает не только полифилию, но и «полный разрыв между видами, нарушающий преемственность» эволюционного развития. Хотя переходные формы объективно представлены в палеонтологической летописи, вполне возможны и «скачки в видообразовании», которые ученые должны уметь «подмечать <...> на палеонтологических документах»¹⁹⁸.

В такой позиции нет ничего удивительного. Идеи катастрофизма, прерывистости эволюционного развития были традиционно популярны среди палеонтологов, в том числе зарубежных, не испытывавших никакого влияния со стороны лысенкоизма¹⁹⁹. Помимо Ананьева, «скачки» в филогении вымерших групп признавали в те годы и другие советские палеонтологи, совсем не склонные к тотальной «мичуринизации» своей дисциплины²⁰⁰.

¹⁹⁶ Ананьев (1956. С. 87).

¹⁹⁷ Ананьев (1956. С. 84, 87).

¹⁹⁸ Там же. С. 92–93.

¹⁹⁹ Колчинский (2002).

²⁰⁰ Раузер-Черноусова (1956); Савельев (1960).

Влияние «мичуринских» дебатов на палеонтологию сказалось, видимо, и в возросшем интересе к экологии вымерших организмов, признании ограниченности чисто описательного подхода к их изучению. Можно привести соответствующие высказывания из монографии Е. А. Ивановой, в которой, без ссылок на труды лысенкоистов, утверждалось следующее:

...современный палеонтолог не может рассматривать ископаемый организм вне среды (биотической и абиотической), вне условий жизни и их изменений во времени. <...> Экологическое изучение — необходимый этап всех палеонтологических исследований. <...> Палеонтолог-филогенетик может установить морфологию формообразования и даже его закономерности, но от него скрыты причины формообразования, причины эволюции, которые могут быть познаны только при знании среды существования организмов, при познании единства организма и среды²⁰¹.

Этап «критической» реакции на НУВ в советской палеонтологии оказался недолгим, и подобно ботаникам, микробиологам и зоологам, уже в конце 1950-х гг. представители этой науки в СССР обсуждали проблему вида и видообразования вне всякой полемики с лысенкоизмом и почти не упоминали взгляды Лысенко на этот вопрос²⁰².

²⁰¹ Иванова (1958. С. 6). Впрочем, автор монографии не была свободна от специфически «мичуринской» терминологии. Помимо «единства организма и среды», она использует выражение «появление нового в недрах старого» (Иванова, 1958. С. 247). Однако наличие в тексте неоднократных ссылок на труды И. И. Шмальгаузена, заклеянных на «августовской» сессии ВАСХНИЛ, делает невозможным его квалификацию как «промичуринского».

²⁰² Громова (1959); Родендорф (1959); Степанов (1959); Савельев (1960).

**«НОВОЕ УЧЕНИЕ О ВИДЕ»
ВО ВНЕНАУЧНЫХ КОНТЕКСТАХ**
(философия, литература, публицистика, педагогика)

Современный читатель может счесть странным, что столь узкоспециальный, «технический» вопрос, как проблема вида и видообразования, в 1950-е гг. обсуждался в Советском Союзе не только на страницах профессиональных биологических изданий, но и в далеких от академического дискурса контекстах. Как писал Ф. А. Дворянкин, дискуссия о виде вызвала «исключительный интерес общественности <...> общественность не относится к вопросу о виде и видообразовании как к вопросу отвлеченно интересному, а ощущает органическую его связь со своими насущными потребностями <...> Литература — зеркало общественного восприятия событий, она показывает, что общество воспринимает биологическую дискуссию [о виде] как одно из важнейших событий современности»¹.

До некоторой степени это напоминает ситуацию в России 1860–1880-х гг., когда дарвинизм оказался в центре дебатов, в которых участвовали ведущие русские публицисты той эпохи (Н. Н. Страхов, Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев, Н. К. Михайловский). В то время споры об эволюционной теории наполняли страницы «толстых» журналов; она очень часто рассматривалась не как нечто, имеющее чисто отвлеченный интерес, а как «новое слово», напрямую касающееся злободневных вопросов политики и общественной жизни. В 1950-е гг. на определенное — очень короткое, впрочем — время проблема вида стала актуальным фактом советской культуры.

Объяснение этому следует, видимо, искать в том, что «советский творческий дарвинизм» был не только и не столько биологическим, сколько идеологическим проектом², порождением советской мифологемы о глобальной борьбе добра и зла, прогресса и реакции, — мифологемы,

¹ Дворянкин (1958а. С. 27–28). В другой своей статье он указывал, что дискуссия о виде «заполнила научно-популярные полемические очерки, перешла на страницы литературно-критических “толстых” журналов и поселилась в романах, повестях и кинофильмах» (Дворянкин, 1958б. С. 179).

² Ср. мнение Э. И. Колчинского (1999. С. 17) о том, что И. Презент в 1932 г. «выбрал» Лысенко как «лидера придуманной им мичуринской биологии». Если это верно, то «мичуринское» учение было не биологической теорией, а её *симулякром*. К слову говоря, очень многие положения будущего «творческого дарвинизма» можно найти в работах Презента начала 1930-х гг. (например, Презент, 1932).

определявшей во многом интеллектуальный ландшафт эпохи позднего сталинизма. Именно поэтому лысенкоизм в наши дни изучается не только историками биологии, но и культурологами, анализирующими «мичуринский» проект в одном ряду с литературой, философией, кинематографом той эпохи³. Во всех этих сферах как в зеркале отразились важнейшие черты идеологии послевоенного сталинизма — автаркия, борьба с «буржуазным» влиянием, возвеличивание достижений советской науки, которая, будучи вооруженной единственно верным мировоззрением, должна по определению быть самой передовой. Заметное влияние на дискуссии оказывала и ведшаяся в то время в СССР борьба с «космополитизмом», непосредственно затронувшая многие области науки⁴. «Мичуринская» биология рассматривалась как одно из важных научных достижений советского строя, и потому её массовая пропаганда стала объектом государственного заказа.

Вопрос о виде — при всей его внешней «академичности» — участниками дискуссии рассматривался в предельно идеологизированном контексте, чему можно привести десятки свидетельств из современных источников. Биология рассматривалась как одно из полей битвы в великой манихейской борьбе Света и Тьмы, разделившей человечество на два идеологически полярных, противоположных друг другу во всем мира:

Борьба двух противоположных лагерей — социализма и империализма, сил прогресса и сил реакции, сторонников мира и поджигателей войны — разделила и науку на два непримиримых лагеря. В биологии, так же, как и в других отраслях знания, это выражено в форме борьбы между материализмом и идеализмом, диалектикой и метафизикой, наукой и мистикой <...> Разгром вейсманистов-морганистов в нашей стране есть ликвидация одного из выражений буржуазной идеологической реакции. Оно стоит в одном ряду с проявлениями её влияния в нашей литературе, музыке, кино и других видах искусства, с космополитической позицией ряда литературных и театральных критиков, с объективизмом и космополитизмом, допущенными в работах по философии и историческим наукам, с проявлениями «физического» идеализма со стороны отдельных физиков в нашей стране⁵.

³ Добренко (2020).

⁴ Сонин (2011).

⁵ Трошин (1951. С. 288). С этим были согласны и многие биологи. Так, крупный зоолог и эмбриолог А. А. Захваткин писал, что борьба идей в биологии есть «выражение борьбы двух миров <...> и никакими силами не отделима от политической борьбы» (Захваткин, 1953. С. 381).

В этой великой битве двух систем не было места полутонам, компромиссам и «переходным формам». От советских ученых требовалось сделать однозначный и окончательный выбор, на чьей стороне они находятся. В августе 1948 г. философ Г. Ф. Александров указывал, что «ЦК нашей партии последовательно, настойчиво ведет линию на разгром, на ликвидацию всех и всяческих проявлений буржуазной идеологии в советском обществе, очищает одну область науки и культуры за другой от пережитков капитализма, ставит их на твердый марксистско-ленинский фундамент, ведет решительную борьбу за чистоту, за партийность советского мировоззрения»⁶. Далее он перечислил «отрасли знания», уже подвергшиеся очистке: «[л]итература, философия, театр, музыка, исторические науки, экономические исследования, биология»⁷. Механизм «разгрома и ликвидации» был очерчен Александровым вполне откровенно:

У нас, в Академии Наук СССР, есть Институт литературы, но вопросы о дальнейшем развитии советской литературы, о пресечении в ней неправильных тенденций и грубых ошибок были поставлены не Институтом литературы Академии Наук, — они были по-боевому выдвинуты и решены Центральным Комитетом нашей партии, и специалисты-литераторы мало чем помогли в этом деле. У нас есть Институт истории искусств, но все коренные вопросы искусства и его теории поставлены не Институтом истории искусств, — они были выдвинуты и решены Центральным Комитетом нашей партии, а сотрудники Академии, специалисты по театру, музыке, драматургии, живописи, не ставили всех этих вопросов. <...> У нас есть Отделение биологических наук с группой больших институтов, но ведь не биологическое Отделение, а Центральный Комитет партии поправил наших биологов и вывел их ныне на верную дорогу. <...> Почему приходится толкать все время наши институты, подталкивать их вперед, вместо того чтобы эти институты сами ставили перед правительством очередные назревшие вопросы развития науки?⁸

На достижение цели очистки советской биологии от «пережитков капитализма» были направлены все имеющиеся в распоряжении власти средства — философия, публицистика, научно-популярная и художественная литература, музейное дело. В дискуссии о виде, помимо профессиональных биологов, активно участвовали философы и литераторы. Можно привести выдержки из статей, написанных биологами,

⁶ Вестник АН СССР. 1948. № 9. С. 143.

⁷ Там же. Уже в 1950 г. к этому списку добавились физиология человека и животных и языкознание. Аналогичные кампании борьбы с «идеализмом» и «пережитками капитализма» имели место в некоторых отраслях физики (Сонин, 2011).

⁸ Вестник АН СССР. 1948. № 9. С. 143–144.

свидетельствующие о нечеткости границ между дискурсами в рассматриваемую эпоху, об их взаимопроницаемости. Например, Н. В. Турбин, полемизируя со сторонниками НУВ, приводит такой литературоведческий довод:

...в истории нашей литературы футуризм в свое время был бесспорно новым явлением по сравнению с традиционным реалистическим направлением отечественной литературы. Однако история показала, что это новое течение оказалось не жизненным и не прогрессивным. Современное направление нашей литературы — социалистический реализм находится в преемственной связи с реализмом Гоголя, Пушкина, Толстого — классиков, которых поносил футуризм, объявляя их устаревшими, и ни в какой связи не находится с футуризмом, отброшенным нашей литературой⁹.

Логоцентрический характер советской науки и культуры определял особую роль философов как носителей истинного знания, имеющих право судить о биологических вопросах, в частности, право определять степень соответствия той или иной частной концепции марксизму-ленинизму как официально признанной метатеории, правильным образом объясняющей все природные и социальные закономерности. Советские биологи признавали, хотя бы на словах, примат философского знания над научным и призывали философов уберечь их от мировоззренческих ошибок. Академик В. Н. Сукачев писал, что мнения философов «оставить без внимания нельзя, так как мы, советские биологи, отвергаем все идеалистические и метафизические концепции и не можем не стоять на строго материалистическо-диалектических позициях. *Никакого сосуществования у нас в Советском Союзе разных в этом направлении точек зрения не может быть.* Мы желаем возможно глубже использовать во всей нашей научной работе метод материалистической диалектики и ждем от философов в этом отношении *большой помощи*»¹⁰. По словам К. М. Завадского, представления советских биологов о виде

⁹ Турбин (1953. С. 57). Автор сравнивает сторонников Лысенко с футуристами, уподобляя их этим радикальным новаторам, претензии которых на новизну, по его мнению, не оправдались. До «исторической сессии ВАСХНИЛ» некоторые советские биологи в качестве «путеводной звезды» ссылались на постановления ЦК 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград» и о драматическом репертуаре. «Эти постановления в полной мере относятся и к нам, работникам науки. Задача наша состоит в том, чтобы, исходя из политики Советского государства, выполняя указания товарища Сталина, поднять советскую науку на новую, высокую ступень. Разрешение этой задачи немыслимо без активной борьбы со всякого рода буржуазными лжетеориями в науке» (Марков, 1948. С. 269).

¹⁰ Сукачев (1956. С. 7. Курсив мой — М. В.).

и видообразовании должны быть «перестроены в соответствии с ленинско-сталинским учением о развитии»¹¹.

Приватные оценки, которые давали биологи деятельности философов, могли быть не столь благостными. В свое время А. А. Любищев отмечал, что советские биологи, равно как и представители других естественных наук, страдают от опеки профессиональных идеологов, или «философских нянюшек», оценивающих теоретические взгляды ученых с точки зрения их соответствия официально признанным (на конкретный момент времени) догмам¹². Ученые не имели права «критиковать идеологические установки до тех пор, пока сверху не будет спущено соответствующее милостивое указание»¹³.

При этом некоторые советские биологи сами с охотой использовали философские доводы, подменяя ими собственно биологическую аргументацию. Это характерно для таких авторов, как Л. Ш. Давиташвили, Г. В. Никольский, С. Г. Крыжановский и, конечно же, сам Т. Д. Лысенко¹⁴. В рассматриваемую эпоху взаимопроникновение биологического и философского дискурсов облегчалось тем, что многие положения «советского творческого дарвинизма», будучи производными от постулатов диамата, легко транслировались на язык этой философской системы. Например, процесс видообразования мог описываться как разрешение «конфликта между старой формой и новым содержанием, состоящем в ломке старой формы и установлении новой формы, которая соответствует новому содержанию»¹⁵.

Таким образом, по отношению к «мичуринской» биологии в целом и НУВ в частности диамат выступал в качестве априорного *предзнания*, интеллектуальной матрицы, в которую встраивались биологические утверждения и обобщения¹⁶. Задача приверженцев НУВ состояла в том, чтобы показать, что их понимание вида и видообразования полностью соответствует догмам марксистской философии и потому является *единственно научным и единственно допустимым для советской биоло-*

¹¹ Завадский (1949. С. 31).

¹² Любищев (1991. С. 177–190, 226–247). По мнению Любищева, философские доводы в научных дискуссиях 1930–1950-х гг. были часто равноценны «политическим доносам» (там же, с. 227).

¹³ Там же, с. 183.

¹⁴ Например, Лысенко (1958). В те годы биологи печатали свои работы в философских журналах и сборниках (Никольский, 1958; Давиташвили, 1959), а философы в свою очередь помещали статьи в биологических журналах (Новинский, 1953; Рубашевский, 1953; Платонов, 1954а; Каганов, 1955, 1956).

¹⁵ Завадский (1949. С. 29). Схожую формулировку дал Платонов (1954б. С. 129).

¹⁶ Ср.: Лысенко предпринял «серьезную попытку приведения понимания процесса видообразования в соответствие с требованиями диалектического материализма» (Каганов, 1955. С. 321).

гии¹⁷. Все альтернативные теории, включая классический дарвинизм, клеймились как идеалистические, метафизические, реакционные, «плоскоэволюционные». Если за ними все же признавался материалистический характер, то обычно делалась оговорка, что материализм этот не подлинно диалектический, а «стихийный», «механистический» или даже «вульгарный»¹⁸.

* * *

Философское «обслуживание» лысенкоизма началось ещё до «августовской» сессии ВАСХНИЛ. Для примера можно сослаться на монографию известного философа науки Б. М. Кедрова «Энгельс и естествознание» (1947 г.). Хотя её автор был вполне благожелательно настроен по отношению к классическому дарвинизму и находил в нем «все основные черты материалистической диалектики», он все-таки указывал, что у Дарвина «теория развития низводилась до уровня односторонней теории эволюции» (т. е. развитие без скачков)¹⁹. Кедров писал и о том, что «[в] утонченных формах ведет борьбу против дарвинизма и диалектического материализма так называемая школа “формальной генетики”»²⁰, цитируя работы Мичурина как практическое доказательство «диалектической связи случайности и необходимости в области живой природы». Мичурин, по его словам, сумел «практически превратить случайность в необходимость», чем «был нанесен сильнейший удар по враждебной диалектическому материализму и дарвинизму так называемой формальной генетике»²¹.

Почти сразу же после оформления НУВ советские философы взяли, как выразился Д. В. Лебедев, «за неблагодарный труд “приспособить” философию диалектического материализма к представлениям Т. Д. Лысенко о виде»²². Такие авторы как В. М. Каганов, В. И. Колодяжный, Г. В. Платонов, А. А. Рубашевский, Д. М. Трошин и др. не только доказывали, что учение Лысенко является полностью соответствующим

¹⁷ С. К. Карапетян (1953. С. 233) утверждал, что преимущество НУВ в том, что его положения «зидятся на неопровержимых фактах, они верны, строго научны и базируются на гранитной основе материалистической диалектики». В том же самом году в Англии Дж. Хаксли писал, что «для современного биолога диалектический материализм, дающий философскую основу марксистскому коммунизму, есть ошибочный пережиток той эпохи, когда принципы эволюции ещё не были поняты правильно» (Huxley, 1953. P. 96).

¹⁸ Завадский (1949. С. 35).

¹⁹ Кедров (1947. С. 34).

²⁰ Там же. С. 36–37.

²¹ Там же. С. 44.

²² Лебедев (1956. С. 269).

диалектическому материализму, истолковывая его содержание в категориях этой философской теории, но и активно включились в полемику о проблеме вида, выступая, среди прочего, с защитой НУВ от критики со стороны Н. В. Турбина и Н. Д. Иванова²³. В содержательном отношении их продукцию следует признать вторичной, мало оригинальной. Философы, принявшие сторону лысенкоизма, прилежно переписывали содержание работ Лысенко, сопоставляли его высказывания с цитатами из «классиков марксизма»²⁴ и, разумеется, не добавляли ничего оригинального к теории вида как таковой²⁵. Их деятельность носила преимущественно апологетический, комментаторский и/или полемический характер. В статьях философов начала 1950-х гг. обычна брань по адресу несогласных с Лысенко и его представлениями о видообразовании, обвинения их в тяжких идеологических грехах. Типичный образец подобного текста дает статья А. А. Рубашевского, из которой я приведу ряд отрывков:

Акад. В. Н. Сукачев, Н. В. Турбин и Н. Д. Иванов занялись ревизией мичуринской материалистической биологии и её марксистских методологических основ. Ради защиты плоского эволюционизма и мальтузианства, содержащихся в теории Дарвина, они ревизуют положения классиков марксизма, вскрывающие недоработки, а также метафизические и идеалистические наслоения в теории Дарвина <...> они вульгаризируют диалектико-материалистическую теорию развития, лежащую в основе мичуринской биологии, причем защита плоского эволюционизма фактически привела Н. Д. Иванова к отрицанию практики целенаправленного преобразования организмов, как основы познания законов развития органического мира, что ведет к ревизии одного из важнейших принципов теории познания диалектического материализма — учения о практике как основе познания в критерии истины. Более того, Н. Д. Иванов сползает в болото субъективного идеализма <...> Выступление указанных авторов является следствием самоуспокоенности мичуринцев и ослабления ими критики остатков вейсманистских взглядов. Следовательно, необходимо усилить критику и разоблачение остатков этих antimичуринских взглядов²⁶.

²³ Новинский (1953); Поляков, Микулинский (1953); Рубашевский (1953).

²⁴ В конце десятилетия философствующий палеонтолог Л. Давиташвили призывал не «поддаваться соблазну действовать методом подбора цитат из основополагающих трудов по марксистско-ленинской философии» (Давиташвили, 1959. С. 159).

²⁵ Такой характер имеет, к примеру, статья Платонова (1954б), в которой автор почти во всех случаях послушно следует высказываниям и трактовкам, взятым из работ Лысенко. Среди немногих исключений — вопрос о перенаселенности в природе (Платонов считал, что Лысенко ошибается, отрицая её реальность).

²⁶ Рубашевский (1953. С. 410–411).

Примечательно, что эта гневная филиппика была напечатана на страницах не философского, а биологического журнала («Журнал общей биологии»).

Большая и довольно схоластическая по духу полемика развернулась вокруг того, считать ли классический дарвинизм соответствующим диалектическому материализму. Претензия Лысенко на ревизию дарвинизма обосновывалась, в том числе, тезисом о противоречии оригинальной дарвиновской теории «единственно верному учению». Признавая выдающийся вклад Дарвина в науку и в освобождение её от религиозных догм, «мичуринцы» находили у английского ученого большое число идеологических ошибок, главной из которых было принятие им «реакционного мальтузианства». Они доказывали, что дарвинизм диамату не соответствует, что эта теория если не «метафизическая», то, в лучшем случае, лишь «стихийно» диалектическая²⁷.

Философы и биологи увлеченно взялись за обсуждение проблемы «скачков», хотя и не всегда различали философское (в парадигме диамата) и биологическое (в смысле Дарвина) понимание о «скачках». Биологам было привычно понимание видообразовательного «скачка» как спонтанной сальтации, подобной «мутациям» де Фриза или Коржинского. В некоторых версиях эволюционного катастрофизма это описывалось как «мгновенное» образование новых видов и даже целых отрядов и классов живых организмов, в соответствии с получившим большую известность афоризмом палеонтолога Шиндевольфа: «первая птица вылетела из яйца рептилии»²⁸. Философы, с опорой на авторитет И. В. Сталина, разъясняли, что термин «скачок» не должен пониматься чересчур буквально²⁹. Видообразование может быть достаточно

²⁷ Например, Крыжановский (1950. С. 405, 410–411); Никольский (1953. С. 48–50); Рубашевский (1953. С. 404); Платонов (1954б. С. 127; 1959. С. 241–243). Сравните с мнением А. А. Парамонова, писавшего в своем учебнике дарвинизма, что «теория Дарвина близка к философии материалистической диалектики и вскрывает объективную диалектику развития органической природы, входя, таким образом, в общую систему марксистско-ленинского учения о развитии. Этот факт сделал учение Дарвина особенно близким советской науке, и в нем надо искать причину того широкого и глубокого развития дарвинизма, которое мы наблюдаем в СССР» (А. А. Парамонов, 1945. С. 428. Курсив мой — М. В.).

²⁸ Цит. по: Корочкин (2002. С. 15).

²⁹ Сталин в своем труде «Марксизм и вопросы языкознания» писал о том, что скачки бывают двоякого вида. Есть «скачок со взрывом», то есть «путем разового уничтожения старого и построения нового», и «скачок без взрыва». Под последним понимался «скачок в форме постепенного элементов нового качества, постепенного отмирания элементов старого качества» (Трошин, 1952. С. 16). Это различие было сделано применительно к развитию языка, но приобрело руководящее значение и для биологов. По мнению Е. Добренко, «выступив против марровского понимания “языковой революции” как некоего “взрыва”, Сталин проявил ясное понимание логики исторического реализма: <...> продуктом взрывов являются руины, а Сталин был реставратором» (Добренко, 2020. С. 53).

длительным процессом, хотя в *качественном* отношении описываться как скалтация: «понятие скачка, согласно марксистско-ленинской философии, связывается прежде всего не с темпом, а с характером развития: изменение качественной стороны предмета <...> независимо от того, быстро или медленно оно происходит, означает скачок, революцию. <...> качественные изменения, при всей их возможной постепенности, остаются скачком, решающим поворотом, чего нельзя сказать о количественных изменениях»³⁰. В пределе это приводило к тому, что понятие «скачка» совершенно утрачивало свой буквальный смысл и качественную определенность, чем стиралась грань между градуализмом и скалтационизмом³¹.

Наиболее напористый и агрессивный характер философская пропаганда НУВ носила в начале 1950-х гг. В 1954 г. журнал «Вопросы философии» инициировал собственную дискуссию о виде и видообразовании, которая велась в более конструктивной тональности³²; грубость и резкость высказываний сторонников Лысенко смягчились, что не преминули отметить оппозиционные лысенкоизму биологи³³. Так, И. И. Новинский, в 1953 г. поносивший В. Н. Сукачева и Н. В. Турбина, в статье 1955 г. уже признавал наличие внутривидовой борьбы и называл взгляды Лысенко на видообразование — «научной гипотезой»³⁴. По оценке Д. В. Лебедева, эта статья отличалась гораздо более спокойным тоном и «отказом от оскорбления оппонентов». Впрочем, о полном

³⁰ Платонов (1954б. С. 130). В. И. Колодяжный (1954. С. 27) пояснял, что «необычные условия жизни» не всегда вызывают моментальное преобразование «видового качества». Сначала они в продолжение некоторого времени действуют исподволь, на уровне «неклеточного живого вещества», причем в разных тканях организма обмен веществ может протекать различно (отсюда и «видовая разнокачественность тканей»). Это и означает зарождение «нового вида в недрах старого». Именно поэтому растение пшеницы может порождать не целое растение ржи, а лишь отдельные зерна ржи, возникающие в типичном пшеничном колосе. Это — скачок, но протекающий не путем «взрыва», а «в форме постепенного превращения, нарастания элементов нового в недрах старого, когда старое и новое на некоторое время сосуществуют». Тему «скачков и взрывов» обсуждали и биологи: В. Б. Дубинин (1953. С. 1105), Н. П. Дубинин (1955. С. 101); Л. В. Шумилова (1956. С. 43–44).

³¹ Приведу цитату из Б. М. Кедрова (1955. С. 160): «...при самом резком качественном различии двух форм между ними имеется переход, заполняемый бесконечным рядом промежуточных звеньев; наличие такого постепенного перехода <...> доказывает, что *вся природа сплошь состоит из скачков*» (курсив мой — М. В.). Автор посвятил особую статью *постепенности* «как особой форме протекания скачка» (Кедров, 1954).

³² См. Платонов (1954б); Вакар (1955); Кедров (1955); Новинский (1955); Презент, Халифман (1955).

³³ Ботанический журнал. 1955. № 2. С. 208; Лебедев (1956).

³⁴ Новинский (1955. С. 162–163). Ф. Дворянкин в 1958 г. аттестовал НУВ как «гипотезу Т. Д. Лысенко о виде и видообразовании», которая обречена оставаться гипотезой до тех пор, «пока не будут получены экспериментально действительно новые виды организмов» (Дворянкин, 1958б. С. 200).

отходе от «мичуринских» тезисов речи не было. Симпатизировавшие Лысенко философы старались смягчить резкость формулировок и снизить категоричность утверждений путем их перетолкования. Тот же Новинский, не отрицая реальность внутривидовой борьбы, трактовал ее подобно Г. В. Никольскому (см. главу 5) как адаптацию на уровне целого (группы). По Новинскому, все проявления внутривидового антагонизма направлены, в итоге, на выживание вида и способствуют лишь его сохранению, но не преобразованию³⁵. Эволюционная роль конкуренции внутри вида по-прежнему отвергалась.

Критически настроенные по отношению к НУВ биологи подчеркивали, что философы, как правило, мало компетентны в вопросах биологии, о которых берутся судить. В редакционной статье «Ботанического журнала» отмечалось, что от философов «требуется серьезное изучение современной биологии, всего её громадного, сложного и противоречивого фактического материала и идейного содержания, полное освобождение от догматизма и начетничества. Без такого глубокого и всестороннего знания биологических проблем усилия философов могут свестись лишь к поверхностным рассуждениям и принести вред»³⁶. Философы «выдавали, а отчасти и теперь выдают <...> представления Т. Д. Лысенко за последнее слово диалектического материализма в биологии, пропагандировали их вместо того, чтобы помочь биологам в их критике»³⁷.

Одним из первых философов, открыто выступивших против лысенкоистской теории видообразования, стал упоминавшийся в начале этого раздела Бонифатий Кедров. Прямым поводом для его выступления была статья И. И. Презента и И. А. Халифмана, в которой в очередной раз клеймились «ошибки» Дарвина: «плоский эволюционизм» и «метафизический» характер его учения³⁸. В своей контркритике Кедров опирался преимущественно на философские аргументы, упрекая Презента и Халифмана в превратном толковании высказываний Маркса и Энгельса, а также в непонимании как азов диалектики, так и идей самого Дарвина. По его словам, при всех словесных реверансах в адрес Ч. Дарвина и его величия как ученого, Презент и Халифман «ведут поход прежде всего против самого существа дарвиновского учения о видообразовании»³⁹. По мнению автора, Дарвин отрицал не скачки в эволюции, как таковые, а только внезапные «скачки в форме взрыва», подобные «катастрофам»

³⁵ Новинский (1955. С. 167–168).

³⁶ Ботанический журнал. 1955. № 2. С. 208. В этой же публикации содержится разбор фактических ошибок, допущенных Г. В. Платоновым (С. 209–210).

³⁷ Там же. С. 209. См. также Лебедев (1956).

³⁸ Презент, Халифман (1955).

³⁹ Кедров (1955. С.150).

в смысле Кювье⁴⁰. Кедров объяснял это тем, что в эпоху Дарвина еще не было «диалектического» понятия о растянутых во времени переходах от количественных к качественным видоизменениям, и почти все натуралисты под «скачками» понимали быстрые, взрывные скачки. Метафизика и «плоскоэволюционность», которые лысенкоисты видели в учении Дарвина — это результат фальсификации дарвинизма «справа», произведенной «буржуазным социологом-постепеновцем» Г. Спенсером, постаравшимся вытравить из него подлинно диалектическое содержание⁴¹. «Классики» же марксизма никогда не считали теорию Дарвина метафизичной. Что же касается «нового учения о виде», вердикт философа был однозначным: теория Лысенко «не есть развитие мичуринских взглядов и <...> не согласуется с положениями марксистской диалектики, а противоречит им, будучи частным случаем общей концепции о мнимой обязательности взрывов и резких скачков»⁴².

Заслуживает упоминания и небольшая дискуссия о факторах изменчивости, имевшая место в 1957–1958 гг. Хотя вопросы вида в ней почти не затрагивались, она имела прямое касательство к некоторым темам, разбиравшимся в главе 5 (взгляды Г. В. Никольского на изменчивость и др.). Дискуссия открылась статьей А. Л. Тахтаджяна «Прямое приспособление или естественный отбор?», напечатанной в номере «Ботанического журнала», посвященном 75-летию со дня смерти Дарвина. Объектом критики Тахтаджяна стало представление об «адекватной изменчивости» и «моментальном приспособлении», развивавшееся в работах Лысенко, Никольского и некоторых других авторов. А. Л. Тахтаджян возражал против наивного отрицания «слепого случая», отстаивая представление о биологической эволюции как о процессе, управляемом не динамическими, а статистическими законами. При этом он критиковал не только «мичуринцев», но и Льва Берга, также отвергавшего дарвиновскую эволюционную модель как основанную, якобы, на факторе случайности⁴³. По словам Тахтаджяна, лысенкоистская догма об «адекватном наследовании так называемых “приобретенных признаков”, если её логически продумать <...> оказывается полнейшим абсурдом». Она «может быть с полным правом отнесена

⁴⁰ Кедров (1955. С. 151). Аналогичным образом рассуждала ботаник Л. В. Шумилова (1956. С. 43–44).

⁴¹ Кедров (1955. С. 151, 154). О своих предыдущих высказываниях, в которых дарвинизм признавался «плоскоэволюционной» теорией (например, Кедров, 1947. С. 34), автор писал теперь, что они «нуждаются в уточнении и исправлении» (Кедров, 1955. С. 155).

⁴² Кедров (1955. С. 163). Полемический по отношению к НУВ характер имела и статья Б. А. Вакара (1955), опубликованная в том же номере «Вопросов философии».

⁴³ Берг вполне принимал и идею прямого приспособления организмов к среде (Берг, 1922а. С. 180).

к разряду предрассудков и, в сущности, граничит с суеверием»⁴⁴. Сам автор стоял на позициях синтетической теории эволюции, считая, что «[э]волюция на основе многочисленных мелких мутаций биологически наиболее понятна», тем более что насыщенность природных популяций такими мутациями является твердо установленным фактом⁴⁵.

На эту статью ответил молодой философ И. Т. Фролов, который в 1960–1970-е гг. станет ведущим в СССР специалистом по методологическим вопросам биологии. Не разделяя всецело представлений лысенкоистов, Фролов занял среднюю позицию в дискуссии, уходя от крайностей двух полярных позиций. По его мнению, дилемма «случайные изменения — детерминируемая средой наследственность» является ложной, поскольку диалектико-материалистическое понимание эволюции допускает обе эти возможности и «гораздо более разносторонне исследует связи между предметами, явлениями, не исчерпываемые одними причинными связями, а опосредованные, в частности, через внутренние отношения, через качество объектов»⁴⁶. Исповедуемый «мичуринцами» детерминизм среды, не включающий «учет случайных тенденций», Фролов квалифицировал как механистический подход к решению проблемы. В то же время его не устраивала и предложенная Тахтаджяном и популяционной генетикой в целом

абсолютизация статистичности эволюционного процесса <...> случайности наследственных изменений, отрицание их качественной детерминированности внешней средой и, в связи с этим, наследования приобретенных признаков. Мы имеем здесь дело, в сущности, с другим направлением критики учения Ч. Дарвина, противоположным тому, которое реализуется Т. Д. Лысенко и его сторонниками. <...> если одно направление отрицает полностью какую бы то ни было статистичность в эволюции, то другое начисто выбрасывает за пределы науки <...> мысль о том, наряду с «неопределенными» существенную (хотя и не главную) роль в эволюции играют также и «определенные» изменения наследственности организмов, результаты «прямого приспособления»⁴⁷.

По мнению Фролова, статистический детерминизм не способен полностью объяснить эволюционный процесс, чего, в пылу полемики с лысенкоистами, не замечают «ультраселекционисты». Чисто статистический подход к изменчивости столь же недиалектичен, как

⁴⁴ Тахтаджян (1957. С. 604).

⁴⁵ Там же. С. 599. И. И. Шмальгаузен (1958. С. 1193) оценил эту статью как «безупречное освещение вопроса о значении статистических закономерностей для понимания эволюции и исчерпывающую критику ламаркизма».

⁴⁶ Фролов (1958. С. 812).

⁴⁷ Там же. С. 804. (Курсив автора).

и механистический детерминизм. Фролов, отрекаясь от «ошибочных сторон концепции Т. Д. Лысенко», взял под защиту сам «мичуринский» принцип «адекватной приспособительной изменчивости», доказывая, что он, в итоге, может оказаться гораздо ближе диалектико-материалистическому детерминизму, чем «ультраселекционизм» с его генетическим редуccionизмом и апологией случайности⁴⁸. Несмотря на это, лысенкоисты обрушились на Фролова, обвинив автора в защите «субъективистских, антиматериалистических и метафизических теорий в биологии»⁴⁹. Впрочем, и представители противоположного лагеря не были удовлетворены его «примиренческой» позицией, о чем свидетельствует рецензия И. И. Шмальгаузена. Похвалив Фролова за то, что тот, в отличие от других философов, не поучает свысока биологов, а ведет дискуссию в конструктивном тоне, от которого они «давно отвыкли», Шмальгаузен полностью отверг его попытки защитить «определенную изменчивость». Ссылаясь на достижения современной генетики и теории информации, он настаивал, что «факты явно не согласуются с представлениями “мичуринцев” и никакие компромиссы здесь помочь не могут»⁵⁰. Согласно трактовке Шмальгаузена, «внешние факторы могут дойти до наследственного аппарата лишь через сложную систему взаимозависимостей в живом организме. Это опосредование и дает возможность лишь вероятностного решения, что и выражается в случайностях мутационного процесса»⁵¹.

Три десятилетия спустя И. Т. Фролов объяснял свою тогдашнюю позицию стремлением дать «нелысенковскую» интерпретацию «мичуринскому» учению⁵², что в условиях резкой поляризации мнений и остроты полемики едва ли могло иметь успех. Несмотря на эти очевидные компромиссы с «мичуринской» биологией, в 1960-е гг. Фролов, наряду с Кедровым, сыграл заметную роль в философской критике основ лысенкоизма⁵³. Однако к концу 1950-х гг. заметно изменились высказывания и тех авторов, что продолжали обосновывать «советский творческий дарвинизм». В 1958–1959 гг. Г. В. Платонов, некогда один из ведущих пропагандистов лысенкоизма среди философов, уже защищал Дарвина от Лысенко, от обвинений в плоском эволюционизме и в «метафизике», признавал возможность градуального видообразования⁵⁴. Больше того, он уже мог критиковать Сталина, написавшего некогда,

⁴⁸ Там же. С. 804–810.

⁴⁹ Фролов (1988. С. 13).

⁵⁰ Шмальгаузен (1958. С. 1195).

⁵¹ Там же. С. 1194–1195.

⁵² Фролов (1988. С. 11).

⁵³ Кедров (1965); Фролов (1968). Обзор советских философских дискуссий вокруг лысенкоизма дает Грэхем (1991. С. 144–162)

⁵⁴ Платонов (1958. С. 34; 1959. С. 225–226).

что «дарвинизм отрицает <...> диалектически понятое развитие». По словам Платонова, Сталин написал это, будучи «молодым, начинающим марксистом», и только в условиях культа личности это высказывание, не отличающееся «большой точностью и ясностью», могло стать основой марксистской оценки дарвинизма⁵⁵. В итоге Платонов согласился с ошельмованным в августе 1948 г. И. И. Шмальгаузенем в том, что Дарвин был «стихийным диалектиком»⁵⁶.

* * *

Советская общественность, в первую очередь интеллигентная, читающая публика, узнавала о ходе дебатов о биологическом виде со страниц общественно-политических газет и «толстых» литературных журналов. Для «публикационной активности» Лысенко в принципе было характерно использование газет как трибуны для пропаганды своих идей и полемики с оппонентами. Немалая часть работ, включенных в его библиографию, представлена статьями и интервью, опубликованными «Правдой», «Известиями», «Литературной газетой», «Социалистическим земледелием» и другими центральными газетами, материалы которых могли перепечатываться в периферийных изданиях. Достаточно напомнить, что центральный текст НУВ — статья «Новое в науке о биологическом виде» — писавшийся как статья для «Большой советской энциклопедии», впервые был опубликован в ноябре 1950 г. газетой «Правда».

Впрочем, послевоенная «дискуссия о виде» на страницах советских газет началась за несколько лет до этого. Поводом послужили высказывания Лысенко об отсутствии внутривидовой борьбы в природе и вытекающей из них попытки ревизии основ классического дарвинизма. Впервые они прозвучали в ноябре 1945 г. в лекции, прочитанной им для работников государственных селекционных станций (см. главу 2), а уже в январе 1946 г. это выступление под названием «Естественный отбор и внутривидовая конкуренция» стал из номера в номер печататься на страницах газеты «Социалистическое земледелие». В июне 1946 г. Лысенко использовал «Правду» для ответа профессору П. М. Жуковскому, раскритиковавшему взгляды Лысенко на внутривидовую конкуренцию

⁵⁵ Платонов (1958. С. 34). Эту и подобные ей оговорки нельзя принимать как полную сдачу позиций. Напротив, в редакционном предисловии к сборнику, где опубликована статья Платонова, говорилось (с. 6), что в биологии «единственно правильным является мичуринское направление, развивающее материалистические основы дарвинизма, тогда как вейсманизм-морганизм в существе своем представляет не что иное, как идеалистическую и метафизическую реакцию на успехи и развитие биологической теории Дарвина — Мичурина»

⁵⁶ См. Шмальгаузен (1946б. С. 148–149).

и назвавшему их «дарвинизмом в кривом зеркале»⁵⁷. Ответ был озаглавлен «Не в свои сани не садись», и его содержание вполне соответствовало названию⁵⁸. Не стесняясь в выражениях, Лысенко обвинил оппонента в извращении своих взглядов, в непонимании «элементарных основ дарвинизма», и даже в «невежестве в биологии»⁵⁹.

В октябре 1947 к дискуссии о внутривидовой борьбе присоединилась «Литературная газета». Газетная полемика шла на фоне дебатов по данной проблеме, проводившихся в МГУ и в Отделении биологических наук АН СССР (см. главу 2). Она открылась интервью с Т. Д. Лысенко, озаглавленном «Почему буржуазная наука восстает против работ советских ученых?» Верный своему стилю, автор излагал сложнейшие научные проблемы доходчивым, порой примитивизирующим слогом, делая их максимально понятными для читателей. Именно в этом интервью появились получившие некоторую известность афоризмы, такие как «заяц зайца не ест» или «[у] волка ноги, шерсть, уши — все служит одному: размножать, увеличивать число волков». Лысенко обосновывал свою позицию не только биологическими, но и идеологическими доводами, например:

...слугам капитализма необходима борьба не со стихией, не с природой; им нужна выдуманная борьба между белоколосой и черноколосой пшеницей, принадлежащими к одному виду. Выдуманной внутривидовой конкуренцией, “извечными законами природы”, они силятся оправдать и классовую борьбу, и угнетение белыми американцами черных негров. Как же они признают отсутствие борьбы внутри вида?⁶⁰

«Августовская» сессия была впереди, и высказывания Трофима Денисовича еще могли критиковаться в печати. В ноябре-декабре 1947 г. «Литературная газета» предоставила возможность высказаться сторонникам разных точек зрения. Наиболее академичным по тону и содержанию оказалось выступление профессоров И. И. Шмальгаузена, А. Н. Формозова, Д. А. Сабинина и С. Д. Юдинцева, подтвердивших свою позицию, высказанную ими на открытом заседании ученого совета биологического факультета МГУ. Они утверждали, что представление о внутривидовой борьбе является краеугольным камнем дарвинизма, без которого концепция естественного отбора «становится фикцией».

⁵⁷ Жуковский (1946).

⁵⁸ Этот же текст Лысенко опубликовал в редактируемом им журнале «Агробиология» (1946. № 3) под чуть менее оскорбительным названием «О “кривом зеркале” и некоторых “дарвинистах”». В более академичном тоне статью Жуковского критиковал Дворянкин (1946) на страницах той же «Агробиологии».

⁵⁹ Правда. 1946. 28 июня, № 152 (10234). С. 5.

⁶⁰ Литературная газета. 1947. 18 окт., № 47 (2362).

Авторы подчеркнули, что оно разделяется огромным большинством биологов, а Т. Д. Лысенко, отрицая борьбу между особями одного вида, «ведет к отходу от дарвинизма и переходу на позиции ламаркизма»⁶¹. Профессора не смогли совсем обойтись без ссылок на «классиков марксизма», но большинство своих доводов черпали все же из биологии. Иной характер имела статья академика ВАСХНИЛ Б. М. Завадовского, также выступившего против утверждений Лысенко. Этот ученый не скупился на цитаты из Маркса, Энгельса и Ленина, как и на идеологически мотивированные аргументы, обвиняя Лысенко не только в антидарвинизме, но и в том, что он и его сторонники, отрицая внутривидовую борьбу, впадают в социологизаторство. По мнению Завадовского, мальтузианство никакого отношения к биологии не имеет, и механическое перенесение его утверждений на природные явления есть тот же социал-дарвинизм, но вывернутый наизнанку. Человеческое общество развивается по «историческим законам классовой борьбы», независимо от того, есть в природе внутривидовая конкуренция или нет⁶².

Своеобразие «третьей линии», которой придерживался Завадовский, состояло в том, что он искал некий средний путь между лысенкоизмом и «порочной линией неodarвинизма — формальной генетикой, которая не отмежевывается от враждебных нам идеологических и метафизических идей»⁶³.

С ответными репликами выступили сразу несколько видных «мичуринцев» — А. А. Авакян, И. И. Глуценко, Ф. А. Дворянкин, Н. В. Турбин и другие. Свою антикритику они строили на фактах (преимущественно из сферы агробологии), подтверждающих, по их мнению, правоту Лысенко, а также — вполне предсказуемо — на стандартных обвинениях «ортодоксальных дарвинистов из МГУ» в мальтузианстве, преклонении перед буржуазной наукой, непонимании взглядов не только Лысенко, но и самого Дарвина⁶⁴. Завадовскому инкриминировалось то, что занятая им «центристская» позиция неприемлема ни в науке, ни в политике, что она непременно «заводит в болото»⁶⁵. Законное право ученого

⁶¹ Шмальгаузен и др. (1947).

⁶² Завадовский (1947).

⁶³ Завадовский (1947). Ещё в начале 1930-х гг. он протестовал против вейсманизма и механоламаркизма как двух крайностей, неправильно решающих вопрос соотношения внутренних и внешних факторов в эволюции (Завадовский, 1932. С. 85–91).

⁶⁴ Авакян и др. (1947); Турбин (1947).

⁶⁵ Столетов (1947). Это центристское «уголье», — продолжал автор, — занятое Завадовским, «людям, творчески развивающим дарвинизм, развивающим его не цитированием и толкованием текстов, а практически <...> определенно не подходит».

выработать свой собственный подход к проблеме, отойти от крайних точек зрения, в условиях той эпохи воспринималось как примиренчество с буржуазной наукой. Поэтому «мичуринцы» продолжали нападать на «полуморганиста» Завадовского и его «третью линию», невзирая на все его критические выпады в адрес органистской генетики⁶⁶.

В последующие годы «Литературная газета» несколько раз помещала материалы, непосредственно относящиеся к проблеме вида. Осенью 1951 г. в ней была опубликована статья Лысенко «Работа О. Б. Лепешинской и превращение видов», в которой он расхваливал учение о «живом веществе» и утверждал, что оно дает возможность понять, как именно происходит образование нового вида из «крупинки», содержащихся в «недрах старого»⁶⁷.

Писатель Геннадий Фиш рекламировал в «Литературной газете» революционный способ полного уничтожения сорняков, предложенный В. С. Дмитриевым на основе положений НУВ (см. главу 4)⁶⁸. «Мичуринские» работы по изучению скачкообразного порождения видов преподносились Фишем как научный подвиг и подлинная революция в биологии. Он рассказывал об экспедиции, отправленной на Кавказ «искать пшеницу, в колосе которой наряду с пшеничными зернами были бы зерна ржи. Это выглядело почти так, как задание найти среди котят тигренка, и полностью противоречило сложившемуся в науке мнению, что для превращения одного вида в другой с помощью естественного отбора требуются тысячелетия...»⁶⁹.

⁶⁶ Полемика продолжилась на «августовской» сессии ВАСХНИЛ. Завадовский ссылался на дискуссию в «Литературной газете» и, повторив критические замечания в адрес Лысенко, потребовал, чтобы его не шельмовали за честное высказывание своих сомнений, а «разъяснили, как увязать “Анти-Дюринга” Энгельса с новыми воззрениями так называемого “творческого дарвинизма”» ([Завадовский], 1948. С. 297). Относительно нападок на себя Завадовский высказался так: «Кому и почему надо было отнести меня к вейсманистам и формальным генетикам? <...> Почему я попал в разряд мальтузианцев? <...> Меня надо было ошельмовать, потому что меня надо превратить в законопослушного поклонника таланта» (Там же. С. 300–301).

⁶⁷ Лысенко (1953. С. 348–351). Оригинал статьи опубликован «Литературной газетой» 13 сентября 1951 г., № 109 (2827). Это был текст выступления Лысенко на заседании ОБН АН СССР, проходившем в мае 1950 г. Непонятно, почему его публикация была отложена более чем на год.

⁶⁸ Фиш (1953). Редакция «Ботанического журнала» (1954. № 2. С. 218) аттестовала Фиша как писателя, специализирующегося «в сочинениях по вопросам сельского хозяйства, в которых он не разбирается».

⁶⁹ Фиш (1953). Это сравнение несколько лет спустя было подхвачено Г. В. Никольским (1962. С. 46) в научно-популярной брошюре о виде. Никольский, который уже не мог безоговорочно повторять утверждения лысенкоистов о «мгновенном» порождении одного вида другим, упрекал их в желании научиться «так гладить кошку, чтобы от нее рождались не котят, а тигрята».

Статья Фиша была напечатана летом 1953 г. Однако уже в следующем году ряд публикаций в советских газетах и журналах, выдержанных в совсем иной тональности, показал, что наступают новые времена. В марте 1954 г. ход дискуссии о виде прокомментировал журнал «Коммунист» — «теоретический и политический орган» ЦК КПСС, авторитет и влияние которого были сопоставимы с «Правдой». В неподписанной передовице под заголовком «Наука и жизнь» редакция взяла под защиту Н. В. Турбина, столкнувшегося с нападками со стороны приверженцев Лысенко. Защита эта была весьма решительной по тону и недвусмысленной по содержанию:

На пути развития научной критики администраторы от науки воздвигают всевозможные препятствия. Иные поклонники научных авторитетов встречают в штыки всякую критику со стороны инакомыслящих. В одном из номеров «Ботанического журнала» была опубликована статья Н. В. Турбина, в которой подверглись критике взгляды Т. Д. Лысенко по вопросу о видообразовании. Эти взгляды тов. Лысенко широко не обсуждались, хотя обсуждение их необходимо. Однако журнал «Успехи современной биологии» и «Журнал общей биологии» опубликовали статьи А. Н. Студитского и Н. И. Нуждина, в которых вместо делового обсуждения вопросов, поднятых тов. Турбиным, ему приклеили ярлыки вейсманиста-морганиста, вульгаризатора марксизма-ленинизма и т. д., и т. п. <...> Подобные приемы трудно расценить иначе, как попытку зажать критику⁷⁰.

В этой же статье резко критиковалась деятельность В. Дмитриева, труды которого годом ранее расхваливал Геннадий Фиш. Утверждалось, что он принес «немало вреда делу развития сельского хозяйства. <...> Провалившись на практической работе, тов. Дмитриев поступил в докторантуру Академии наук и пытался получить ученую степень доктора биологических наук, хотя имел самое отдаленное отношение к биологии». История Дмитриева описывалась «Коммунистом» как случай, когда «в дружную семью советских ученых попадают еще порой люди, не имеющие никакого отношения к науке»⁷¹. Это стало одним из первых публичных (если не считать полемики в малотиражных научных журналах, рассчитанных на узких специалистов) разоблачений лысенкоистов, нацеленным пока ещё не на теоретические основы «мичуринской» биологии, а на деятельность отдельных ее представителей.

История с докторской диссертацией Дмитриева хорошо известна историкам науки⁷² и началась она также с публикации в центральной прессе. 26 марта 1954 г. в «Правде» появилась заметка «Об одной

⁷⁰ Коммунист. 1954. № 5. С. 10.

⁷¹ Там же. С. 12.

⁷² См., к примеру, Сойфер (1993. С. 525–526).

порочной диссертации», написанная в знакомом нам жанре «письма в редакцию». Автор ее, известный ботаник С. С. Станков, заведующий кафедрой геоботаники МГУ, дал убийственный оппонентский отзыв о диссертации Дмитриева, расценив ее как образец «научной бездоказательности и методической несостоятельности»⁷³. Несмотря на отрицательный вердикт официального оппонента, ВАК утвердил присуждение докторской степени Дмитриеву, для чего потребовался прямой нажим со стороны Лысенко. Станков взывал к справедливости, «воплощение которой» он «привык видеть в нашей партии». В примечании к письму редакция «Правды» не только присоединилась к отрицательной оценке диссертации, данной Станковым, но и сообщила читателям, что дело было вновь рассмотрено ВАК и, с учетом неких «дополнительных материалов» об ученом труде Дмитриева, аттестационная комиссия отменила собственное же решение, вынесенное в феврале 1954 г.

История с этой диссертацией имела немалый резонанс. В апреле 1954 г. она попала на страницы «Литературной газеты», опубликовавшей статью «Догмы и жизнь» В. П. Доброхвалова — сотрудника Института философии АН СССР. Он имел биологическое образование и ранее опубликовал монографию о мировоззрении Мичурина. В советской биологической и сельскохозяйственной науке царят догматизм и беспринципность, — таков был вердикт Доброхвалова. Философы не способствуют их преодолению, а, напротив, укрепляют их. «Когда академик Т. Д. Лысенко выступил с новыми взглядами на биологический вид и видообразование, не кто иной как философы объявили эту точку зрения единственно правильной. Но участия в дискуссии о видообразовании философы так и не приняли»⁷⁴.

За год до этого Доброхвалов выступил в журнале «Новый мир» со статьей «О биологическом виде и видообразовании»⁷⁵. Вместе с очерком Г. Фиша «Живые звенья», опубликованном журналом «Звезда»⁷⁶, она стала частью полемики о виде, обращенной к образованным читателям «толстых» литературных журналов.

⁷³ Цитируется по тексту заметки Станкова, перепечатанной В. Н. Сойфером (1993. С. 525). По сведениям Сойфера, распоряжение опубликовать ее в «Правде» дал лично Н. Хрущев.

⁷⁴ Доброхвалов (1954). См. критический отклик И. А. Халифмана (1954) на эту статью.

⁷⁵ Доброхвалов (1953).

⁷⁶ См. «Звезда» (1955. № 10 и 11). Фиш выступил как пропагандист НУВ и, хотя в его тексте не упоминались наиболее одиозные «доказательства», такие как порождение ели сосной или ольхи березой, считал учение Лысенко о виде научно обоснованным. В свое время А. А. Любищев (1991. С. 154–176) дал детальный критический разбор этого произведения, что позволяет мне здесь не останавливаться на его содержании.

Статья Доброхвалова выгодно отличалась от текстов подавляющего большинства советских философов начала 1950-х гг. отсутствием резких формулировок и искренним стремлением разобраться в вопросе, который, при всех симпатиях к «мичуринскому» учению, вовсе не казался ему ясным и положительно решенным. Неизбежные похвалы Трофиму Лысенко и его научным достижениям были довольно умеренными, зато автор постарался изложить разные точки зрения на проблему вида, с особым акцентом на содержание критических статей Турбина и Иванова.

Массовый советский читатель (тираж этого номера журнала составил 130 000 экз.) узнавал из статьи, что великий английский ученый Дарвин во многом ошибался, в частности, он «не понял адекватности каждого изменения соответствующим условиям существования, переоценил значение действия естественного отбора». Это было обусловлено как общим состоянием биологической науки того времени, так и «ограниченностью мировоззрения буржуазного общества»⁷⁷. Далее, в соответствии с привычным для советского читателя нарративом, на сцену являлись «враги материалистической биологии» — вейсманисты-менделисты-морганисты, которые «уродуют и отбрасывают» материалистические принципы учения Дарвина, поднимая на щит ошибочные положения его теории, такие как положение о ненаправленной изменчивости. В качестве несомненного факта («зоологи считают...») Доброхвалов приводил утверждение Яцыны о «порождении» одиночной саранчи — стадной (см. главу 5). Упомянулось и о «выдающихся открытиях Лепешинской»⁷⁸. И все же, вывод, к которому подводил читателей автор, был далеко не однозначным. Доброхвалов заключал, что решать, кто прав в этой дискуссии, «было бы преждевременным шагом». Признавая, что классический дарвинизм для советской биологии неприемлем, он считал, что взгляды Лысенко лишь «проясняют, но отнюдь не решают проблему вида и видообразования», поскольку они не подтверждены достаточным числом фактов и их следует рассматривать «больше в сфере гипотезы, чем в сфере обоснованной теории»⁷⁹. Для 1953 года это было достаточно сильное утверждение, свидетельствующее о самостоятельности мышления автора и его иммунитете ко многим насаждаемым догмам⁸⁰.

⁷⁷ Доброхвалов (1953. С. 206).

⁷⁸ Там же. С. 208.

⁷⁹ Там же. С. 212.

⁸⁰ А. А. Зиновьев (2008. С. 294–295) характеризует В. П. Доброхвалова как лидера неформальной антисталинистской группы в Институте философии, мужественного человека, возглавлявшего «борьбу против сталинистских монстров в течение пяти лет».

Научно-популярная литература той эпохи была рассчитана на ещё более широкую аудиторию, чем «толстые» журналы. В пропаганду НУВ включились как научно-популярные ежемесячники⁸¹, так и издательства, выпускавшие книги советских писателей, в доступной, полубеллетризованной форме доносивших до своих читателей основные идеи «мичуринского» учения, а также в красках излагавших многолетнюю борьбу прогрессивного научного направления с разного рода врагами, среди которых были как дореволюционные реакционеры и «царские чиновники», так и современные «менделисты-морганисты». В то время наиболее известным из писателей, включившихся в эту деятельность, был не раз упомянутый выше Фиш. Кроме него, в начале 1950-х гг. книги, посвященные пропаганде лысенкоизма, выпустили Юрий Долгушин и Вадим Сафонов⁸².

Самой обстоятельной из них была книга Сафонова «Земля в цвету», имевшая подзаголовок: «История развития агробιологической науки и расцвет мичуринского учения в СССР». Опубликованная первым изданием в 1948 г., она сразу же принесла своему создателю Сталинскую премию третьей степени и в дальнейшем переиздавалась шесть раз. «Земля в цвету» была опубликована (видимо, в СССР) на английском, немецком, французском, польском, болгарском, итальянском, чешском и других языках⁸³. Проблеме вида в ней уделено сравнительно мало внимания, зато довольно подробно показана многовековая история идей в биологии, о чем автор мог писать со знанием дела, так как получил образование на биологическом факультете МГУ и ещё в довоенные времена выступал с научно-популярными книгами о происхождении жизни на Земле, генетике и эволюционной теории. Однако история науки о жизни была представлена в лысенкоистской ретроспективе и рисовалась автором как поступательное движение вперед, к высшей точке своего развития, которой является, разумеется, советская агробιология. Это движение было непростым и отнюдь не мирным, поскольку на каждом шагу прогрессивных биологов встречали злонамеренные враги:

Бой закипел вокруг самых основ биологии <...> никогда ещё не велась она с такой непримиримостью и торжеством нового и никогда не вмешивалась в теоретические разногласия практика такого размаха. <...> Вот что

⁸¹ Сизов (1952).

⁸² Из этой троицы (Долгушин, Сафонов, Фиш) только Геннадий Фиш удостоился, пусть и посмертно, специальной монографии, анализирующей его творчество (Жак, 1976). Весьма примечательно, что в этой монографии «промичуринские» тексты Фиша не упоминаются, как будто их и не было.

⁸³ «Бюллетень МОИП, отдел биологический» (1956. № 4. С. 104).

случилось на наших глазах. С гордостью мы сознаем, что нигде, кроме нашей страны, этого не могло произойти. Совершен поворот во всем мировом развитии биологии. <...> Мы же, современники, люди сталинской эпохи, мы видим, как в одной из величайших идейных схваток за всю историю естествознания родилась наука ещё небывалой мощи, как мощь эта дает в руки людям сказочную власть над природой <...> Это советская мичуринская агробиологическая наука. Беспримерны черты её. Это народная наука⁸⁴.

Проблему вида Сафонов затронул лишь при обсуждении «ошибок Дарвина», одной из которых — согласно Лысенко — было признание внутривидовой борьбы⁸⁵. Этот вопрос излагался в книге в полном соответствии с «поставгустовскими» оценками и установками:

Жестокая и всеобщая конкуренция охватывала, в глазах Дарвина, полчища живых существ — в ней выигрывали обладатели случайных преимуществ, а прочие оказывались скинуты со счетов. И конкуренция эта казалась Дарвину похожей на ту конкуренцию <...> которую он видел вокруг себя в буржуазной Англии: сильные хищники лондонского Сити рыскали за новыми рынками и беспощадно давили более слабых, и банкроты сбрасывались с биржевых счетов, а удачливые, «оседлавшие» случай богатели, королевский указ превращал их подчас в лордов; и все вместе — лорды, фабриканты, торговцы — давили земледельца, давили рабочего⁸⁶.

Популяризации НУВ были специально посвящены очерки и брошюры Ю. Долгушина и Г. Фиша⁸⁷. Оба писателя, с непререкаемыми ссылками на «порождение» видов и опыты по «перевоспитанию» культурных растений⁸⁸, доказывали, что только Лысенко и его приверженцы сумели

⁸⁴ Сафонов (1950. С. 5). В качестве параллели приведу отрывок из книги Долгушина (1952. С. 3), насыщенный столь же густой милитаристской фразеологией: «господствующие позиции в биологической науке ещё принадлежали морганистам. Идеи И. В. Мичурина, развитие и обобщенные передовыми биологами нашей страны во главе с академиком Т. Д. Лысенко, широким — народным фронтом вели наступление на эти позиции. Сражения происходили и в научных учреждениях и главным образом на полях страны, где мичуринцы делом, практикой, урожаями доказывали правильность своих идей. Морганисты сопротивлялись упорно доступными им средствами».

⁸⁵ Сафонов (1950. С. 57, 182–183, 188–190).

⁸⁶ Там же. С. 57.

⁸⁷ Фиш (1951); Долгушин (1952).

⁸⁸ Об опытах В. Г. Карапетяна по «переделке» твердой яровой пшеницы в озимую Долгушин (1952. С. 23) писал: «Так впервые в истории биологической науки были проведены наблюдения над появлением нового вида». В своей рецензии на книгу Долгушина «мичуринец» Халифман отмечал, что она «подкупает широтой привлеченного материала, свободной манерой изложения и особенно ценной в работах такого рода непредвзятостью автора в его обобщениях и выводах. Он как бы подслушивает мысли, смущающие читателя, и рассеивает эти сомнения» (Халифман, 1953. С. 275).

разрешить многовековую загадку видообразования. Она «разрешилась лишь недавно, на протяжении последних лет. Решили ее советские биологи-мичуринцы — последователи того направления в биологии, которое руководствуется в своих исследованиях единственно правильными положениями диалектического материализма. <...> Открытие Т. Д. Лысенко разоблачило тайну видообразования. Вековое заблуждение о постепенной, медленной эволюции видов живой природы рухнуло»⁸⁹.

Оба автора доходчиво растолковывали читателю основные положения НУВ, причем в качестве персонажей в их произведениях действовали реальные «мичуринцы» (Лысенко, Презент, Карапетян), которые в непринужденной беседе, будто в диалогах Платона, решали сложнейшие проблемы биологии. Особенно живо это выглядело под пером Геннадия Фиша:

— А откуда вы взяли, что должны быть промежуточные виды? — спросил Лысенко.

— Так учит Дарвин...

— Вот в этом-то он и ошибался. Сам он не мог найти переходные промежуточные формы между многими видами. Больше того, даже в раскопках палеонтологи не находили этих переходных форм между лошастью и ослом, волком и лисицей. <...> И не найдут! — уверенно сказал он, — потому что эти промежуточные формы существовали только в воображении Дарвина. Существой они в природе, — поверьте, следы их давно были бы найдены. Признавая эти несуществующие промежуточные виды, мы вслед за Дарвином будем видеть в развитии одну только линейную эволюцию, одни только количественные изменения. Там же, где произошли качественные, он уверяет нас, что никакой революции, никакого скачка не произошло и не может быть. А вот Сталин сорок лет назад говорил об этом⁹⁰.

И ещё одна не менее красочная выдержка из того же текста:

Лысенко насмешливо покачал головой: <...>

— Ошибка Дарвина в том, что он видел только эволюционную сторону развития и не признавал революционную. Кто из нас не помнит слова товарища Сталина об этом? Ты, наверное, не раз сам цитировал их?

— Замечательные слова! — отозвался Презент, в волнении вскакивая со стула⁹¹.

Вывод, к которому Фиш подводил своего читателя, был выдержан в самых пафосных тонах и четко давал понять, кому именно страна

⁸⁹ Долгушин (1952. С. 9, 25).

⁹⁰ Фиш (1951. С. 29).

⁹¹ Там же. С. 36.

обязана революционным прорывом в теории вида. «Все замечательные открытия и достижения мичуринской науки, её упорная и принципиальная борьба за победу материалистического мировоззрения, и блестящее развитие учений Мичурина и Вильямса, сливающихся в едином потоке материалистической биологии, и новое, диалектическое решение центрального вопроса теоретической биологии — вопроса о видообразовании — все это озарено руководящими идеями товарища Сталина»⁹².

Разговор о произведениях Фиша будет неполон, если не упомянуть про его пьесу «Народный академик», написанную в соавторстве с В. Овечкиным. Она появилась в 1953 г. в том же номере «Нового мира», что и статья о виде философа Доброхвалова. Её протагонистом является не Трофим Лысенко, как можно подумать из названия, а некий «самородок» — простой колхозник-полевод, занимающийся опытнической работой и в финале пьесы попадающий в число кандидатов на выборы в академики ВАСХНИЛ (скорее всего, прототипом героя был Терентий Мальцев). Лысенко в пьесе, впрочем, тоже упомянут, как благословивший «народного академика» на его подвижническую деятельность. Главный герой располагает домашней библиотекой «в пять тысяч томов», где и «Мичурин, и Дарвин, и Маркс»⁹³. Возможно, пьеса была задумана как развернутая иллюстрация к цитируемым в ней словам «товарища Сталина о том, что новые пути в науке прокладывают иногда простые люди, практики, не имеющие ученых степеней»⁹⁴. Она же соответствовала утопическим мечтаниям Н. И. Нуждина, говорившего, что в СССР «подлинная» наука «выходит из тишины научных кабинетов на широкие просторы нашей Родины, в гущу самого народа. Экспериментатором становится рабочий, колхозник, которые нередко указывают новые пути науке, самостоятельно решают научные вопросы. Наука становится народной, массовой»⁹⁵.

Все рассмотренные выше литературные произведения в содержательном отношении были совершенно несамостоятельны, целиком завися от одобренных партией доктрин и оценок. Пропагандировалась и продвигалась лишь одна, не подлежащая дискуссиям, точка зрения. Несогласные с Лысенко изображались в виде реакционеров и / или злопыхателей, способных лишь на козни и клевету, и своим ничтожеством оттеняли достоинства положительных персонажей:

Лысенко остановился, оглядел зал и громко, отчетливо, подчеркивая каждое слово, сказал:

— Превращение одного вида в другой происходит скачкообразно.

⁹² Фиш (1951. С. 49).

⁹³ Овечкин, Фиш (1953. С. 26).

⁹⁴ Там же. С. 27.

⁹⁵ Вестник АН СССР. 1948. № 9. С. 159.

<...> Два известных морганиста, спускаясь по лестнице, обменивались впечатлениями:

— Слышали про скачок? — сказал один из них. — Обыкновенные мутации, полсотни лет назад открытые де-Фризом, он выдает за новинку⁹⁶.

Общий итог деятельности Геннадия Фиша и других писателей-популяризаторов подвел в 1954 г. В. П. Доброхвалов: «Борьбе с догматизмом в науке могли бы помочь и наши писатели. К сожалению, пока они занимаются только популяризацией достижений авторитетов. Дело это, конечно, хорошее, если, разумеется, популяризация не способствует насаждению догматизма, как это получается, например, иногда в некоторых работах Г. Фиша»⁹⁷.

Книги Долгушина, Сафонова и Фиша давно и крепко забыты. Однако лысенкоизм оказался запечатлен как минимум в одном литературном произведении, создававшемся на самом излете «мичуринской» эпохи, но популярном и до сих пор. Речь идет о повести «Понедельник начинается в субботу» братьев Стругацких, персонаж которой, профессор Амвросий Выбегалло, изъясняется характерным слогом, маркирующим поток сознания поднаторевшего в «мичуринской» риторике красная:

...здесь мы имеем процесс... здесь у нас все в движении! Покой у нас, как и полагается быть, относителен, движение у нас абсолютно. Вот так. Теперь оно смогло и диалектически переходит к счастью. К довольству, то есть. Видите, оно глаза закрыло. Наслаждается. Ему хорошо. <...> Потребности должны идти у нас как вглубь, так ивширь. Это, значить, будет единственно верный процесс. <...> Мы имеем перед собою конкретную модель непрерывно возрастающих материальных потребностей. И только поверхностному наблюдателю может казаться, что пароксизмы довольства якобы прекратились. На самом деле они диалектически перешли в новое качество. Они, товарищи, распространились на сам процесс удовлетворения потребностей⁹⁸.

Несложно подобрать для этого издевательского пародийного текста параллели из «серьезных» работ реальных лысенкоистов, в языке которых термины «потребность» и «новое качество» часто использовались при описании видообразовательного процесса. Так, И. Презент

⁹⁶ Фиш (1951. С. 40).

⁹⁷ Доброхвалов (1954).

⁹⁸ Стругацкий, Стругацкий (2007. С. 144, 147). Несмотря на то, что повесть создавалась в те годы, когда влияние Лысенко значительно ослабло, возможности подлинно свободной критики «мичуринской» биологии были еще ограничены. В 1963 г. была по приказу сверху распущена редколлегия литературного журнала «Нева», провинившаяся публикацией «неправильной» статьи Ж. Медведева и В. Кирпичникова «Перспективы советской генетики».

и И. Халифман утверждали, что изменения обмена веществ становятся для организмов нормой существования и «отливаются в форму их потребностей», а преобразование видовых признаков зависит от «изменения потребностей в условиях, характерных для определенного этапа развития организма, и от особенностей удовлетворения этих потребностей»⁹⁹. О приобретении при видообразовании «нового качества» всеми стадиями развития, начиная с яйцеклетки, писал ихтиолог и эмбриолог С. Крыжановский¹⁰⁰.

* * *

«Новое учение о виде» требовалось донести до всех советских людей, даже тех, кто не читал «толстые» журналы и не следил за новинками научно-популярной литературы. Начать следовало со средней школы, которая охватывала подавляющее большинство детей и юношества в стране. Одним из итогов «августовской» сессии стала серьезная переработка программы по биологии средней школы и подготовка новых учебников, в которых были отражены достижения «советского творческого дарвинизма». В начале 1950-х гг. всерьез звучал призыв удалить эволюционное учение Дарвина из советской школы, чтобы школьники изучали исключительно «новую теорию видообразования»¹⁰¹. Журнал «Естествознание в школе» быстро превратился в орган по пропаганде НУВ, дававший учителям средней школы методические указания, каким образом они должны теперь преподавать основы эволюционной теории.

Один из методистов рекомендовал дать школьникам самостоятельно, в течение четырех уроков (!), ознакомиться со статьей Лысенко «Новое в науке о биологическом виде», что предполагало «подчеркивание или выписывание трудных для понимания мест, слов, предложений»¹⁰². Взгляды Лысенко на страницах журнала подавались как окончательное и не подлежащее ревизии решение проблемы вида, а критические выступления Турбина, Иванова и других авторов оценивались как «антимарксистская вылазка против мичуринского учения». В качестве «консультантов» журнала, отвечавших на письма учителей, привлекались видные «мичуринцы» — Ф. А. Дворянкин, Н. И. Фейгинсон и даже В. С. Дмитриев (до скандала с его докторской степенью). В. И. Полянский писал: «Статьи и выступления Т. Д. Лысенко, ещё не прошедшие

⁹⁹ Презент, Халифман (1955. С. 25, 28).

¹⁰⁰ Крыжановский (1950. С. 402).

¹⁰¹ Турбин (1954а. С. 31).

¹⁰² Цит. по: В. И. Полянский (1956б. С. 1047).

научной апробации, немедленно перепечатываются в журнале. <...> Далее следуют многократные “перепевы” статей с добавлением ряда эпитетов: “наш знаменитый ученый”, “замечательные открытия” и т. п. <...> скажет что-нибудь Т. Д. Лысенко — и уже печатаются “методические разработки”, как лучше передать школьникам его мысли!»¹⁰³

О содержании школьного учебника по предмету «Основы дарвинизма», изучавшемуся в 9 классе десятилетней школы, свидетельствуют рецензии, помещенные в «Ботаническом журнале»¹⁰⁴. Материал о виде и видообразовании подавался в нем с ортодоксальных лысенкоистских позиций, а изложению взглядов самого Дарвина отводилось только 25 страниц — примерно 1/8 общего объема учебника. НУВ рассматривалось как окончательное решение проблемы вида, а в качестве доказательств приводились известные утверждения о порождении овса овсюгом, ржи пшеницей и т. д. Рецензент А. Ефейкин охарактеризовал это не только как «пропаганду извращений основ дарвинизма» в школе, но и как «извращение <...> марксистской критики мальтузианства»¹⁰⁵.

Параллельно с переработкой школьных программ усиливалась тенденция к «агрономизации» и «политехнизации» преподавания зоологии и ботаники в школах и вузах, стремление свести его исключительно к изучению культурных растений и домашних животных, против чего решительно выступали некоторые советские биологи¹⁰⁶. Это было не только реализацией официальной установки на «полезность» науки и практическую направленность среднего и высшего образования, но и естественным следствием того, что агробиологическая практика была признана «мичуринцами» фундаментом биологической теории. Были соответствующим образом пересмотрены программы университетов

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Ефейкин (1954); Пузанов (1956).

¹⁰⁵ Ефейкин (1954. С. 122).

¹⁰⁶ Кузякин (1954); Бахтеев (1958). По Бахтееву (1958. С. 146), изучение ботаники в советской школе «превращено в преподавание основ сельского хозяйства с некоторыми элементами ботаники». Преподают «не основы ботаники как теоретической базы сельского хозяйства, а главным образом и, прежде всего, прикладные вопросы растениеводства и агротехники». Кузякин (1954. С. 14–16; курсив автора) отмечал, что политехнизация «предполагает обучение основам наук. А в данном случае имеет место лишь подмена одних наук, биологических — ботаники и зоологии, суррогатами других наук, сельскохозяйственных — полеводства и животноводства. <...> Разве можно механически подменить многообразные стороны биологии растений и животных, не вошедших в культуру, только биологией культурных растений и домашних животных? <...> Сведение системы биологических наук к одной агробиологии напоминает мне пришивание пальто к пуговице, смешение общего с деталью».

и сельскохозяйственных вузов. Уже в октябре 1948 г. Министерство высшего образования СССР утвердило обновленную программу курса дарвинизма, составленную И. Презентом. Однако три года спустя она была признана устаревшей и отставшей «от поступательного хода развития биологической науки»¹⁰⁷. Критике подвергся и новый её вариант, подготовленный под руководством Презента кафедрами дарвинизма ЛГУ и МГУ¹⁰⁸. В. Б. Веселовский считал, что нужно создать с чистого листа совершенно новую программу, «а не включать мичуринскую биологию в виде небольшого раздела в курсе домичуринского (объяснительного) дарвинизма»¹⁰⁹. Переработка затронула преподавание не только дарвинизма, генетики и родственных им биологических дисциплин, но и таких курсов, как общая эмбриология¹¹⁰. Новые представления о виде и видообразовании, равно как и прочие инновации Лысенко, нашли отражение в вузовских учебниках, опубликованных после «августовской» сессии¹¹¹. В итоге, как позднее констатировал К. М. Завадский, преподавание дарвинизма в СССР выродилось в «чудовищную мешанину из обрывков агрономических знаний и мнений отдельных ученых, часто ошибочных или не имеющих отношения к эволюционному учению»¹¹².

Для взрослых, завершивших учебу граждан существовали и другие формы приобщения к содержанию НУВ. Вместе с другими «мичуринскими» доктринами, включая «учение о живом веществе» Лепешинской, оно было положено в основу статей 2-го издания «Большой советской энциклопедии» (БСЭ), первый том которого был выпущен в 1949 г. Помимо статьи Лысенко «Вид», это характеризует статьи «Борьба за существование» (автор — В. А. Алексеев), «Дарвинизм» (автор — Н. И. Фейгинсон), «Мичуринское учение» (автор — Т. Д. Лысенко) и другие. Как и в журнале «Естествознание в школе», теории Лысенко излагались в БСЭ безальтернативно, как нечто надежно установленное и окончательно

¹⁰⁷ Веселовский (1951. С. 78).

¹⁰⁸ Презент (1950).

¹⁰⁹ Веселовский (1951. С. 78).

¹¹⁰ Представление об этой переработке дает конспект лекций крупного советского энтомолога и эмбриолога А. А. Захваткина, опубликованный в посмертно изданном сборнике его работ. В новом варианте своего курса общей эмбриологии, подготовленном в 1949 или 1950 г., автор расставил все акценты в соответствии с решениями «августовской» сессии, предложил «мичуринскую трактовку онтогенеза и его эволюции», учел положения теории «живого вещества» Лепешинской и насытил лекции материалом, взятым из растениеводства и зоотехнии (Захваткин, 1953. С. 379–416).

¹¹¹ Давиташвили (1949а); Никольский (1950); Воробьев (1953).

¹¹² Завадский (1965. С. 736).

решающее вопрос. По словам В. Л. Рыжкова, опубликовавшего критическую рецензию на биологические статьи этой энциклопедии, «БСЭ обязана была дать освещение проблемы вида, а не предоставить трибуну одной из возможных или, скорее, невозможных точек зрения по этому вопросу»¹¹³.

Такая же безальтернативность и безапелляционность была свойственна и научно-популярным лекциям о «мичуринской» биологии, читавшимся по всей стране под эгидой Всесоюзного общества «Знание». Лекторы, следуя официально утвержденным программам и «методическим указаниям», сообщали слушателям не только теоретические положения «творческого дарвинизма» и их эмпирические подтверждения, но и характерные для эпохи общие места и нарративы о «второй родине», которую дарвинизм обрел в России (СССР), об «ошибках Дарвина», успешно преодоленных усилиями прогрессивных отечественных биологов, от братьев Ковалевских до Лысенко¹¹⁴.

Подверглись реконструкции экспозиции публичных музеев. Например, в 1951 г. в ленинградском Ботаническом музее открылась особая выставка, посвященная «мичуринскому» учению и преобразованию природы СССР. Один из разделов экспозиции был специально отведен теме «управления процессом видообразования». В другой части экспонировались материалы, иллюстрирующие «открытие акад. Т. Д. Лысенко отсутствия внутривидовой борьбы»¹¹⁵.

Таким образом, с августа 1948 г. и до 1954 г. рядовой житель Советского Союза, если он не имел доступа к специальным научным изданиям, таким, как «Ботанический журнал», или достаточной квалификации, чтобы разобраться в их содержании, мог получать информацию о спорах вокруг проблемы вида исключительно из «достоверных», тщательно отфильтрованных источников. Публикации, содержавшие хотя бы упоминания о наличии альтернативных точек зрения, были крайне редки. Статья В. Доброхвалова в «Новом мире» представляла собой явное исключение на общем фоне. Дискуссии были уделом узких специалистов; широкая публика могла даже не догадываться о том, что в самом научном сообществе нет единства мнений, и идет напряженная борьба между противниками и сторонниками академика Лысенко.

¹¹³ Рыжков (1956. С. 1041).

¹¹⁴ Стенограмма лекции, прочитанной Гуревым (1951), является типичным образцом этого жанра.

¹¹⁵ Грушвицкий, Иванова (1952. С. 41).

В предыдущих главах я упоминал, что одним из приемов борьбы с лысенкоизмом было обращение к «историческому» Мичурину, подлинным взглядам великого практика плодоводства, очищенным от привнесенных сторонниками Лысенко интерпретаций и искажений. Факты из истории биологии помогали развенчать как претензии «мичуринцев» на славное наследство, так и защитить от фальсификаций учение Ч. Дарвина¹¹⁶. Иногда такие поиски уводили в довольно отдаленное прошлое. К примеру, С. Липшиц взял в союзники А. Т. Болотова, русского агронома XVIII в., как авторитетного противника идеи о спонтанном «порождении» культурных растений¹¹⁷.

Однако и сторонники «мичуринской» биологии понимали значение историко-научных исследований, которые должны были «укоренить» их взгляды в предшествующем развитии биологии и поместить их в традицию «передовой русской науки», которая, согласно официально одобренному нарративу, всегда боролась с идеализмом, метафизикой, «поповщиной» и тем самым вела прямо к «советскому творческому дарвинизму» образца августа 1948 г.

В то время в системе академических институтов уже существовало учреждение, специализировавшееся на этой тематике — Институт истории естествознания АН СССР (ИИЕ; с 1953 г. — Институт истории естествознания и техники; ныне Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН). На расширенном заседании Президиума АН СССР в конце августа 1948 г. особо отмечалось, что ИИЕ не занимался ни «научной разработкой соответствующих методологических проблем, ни вопросами истории идейной борьбы в биологической науке». Его руководство и сотрудники оказались «в хвосте событий», непонятно было, какое направление в биологии они поддерживали, а «какое бичевали и помогали ликвидировать»¹¹⁸.

О важности истории науки для государственной идеологии и научной политики говорит и проведение 5–11 января 1949 г. в Ленинграде специальной сессии, посвященной истории отечественной науки. Ее задачей было «обсудить и выяснить общую методологию, главные линии и направления исследований по истории отечественной науки»¹¹⁹.

На сессии поднимались проблемы изучения истории разных научных дисциплин. Непосредственное отношение к «мичуринской»

¹¹⁶ Например, Бельговский (1956); Завадский (1956); Зеликман (1957).

¹¹⁷ Липшиц (1956).

¹¹⁸ Вестник АН СССР. 1948. № 9. С. 14.

¹¹⁹ Вестник АН СССР. 1949. № 2. С. 7.

биологии имели выступления Х. С. Коштыянца (в то время — директора ИИЕ) и И. Е. Глущенко. Академик Коштыянец выступил с докладом «Некоторые задачи разработки истории отечественного естествознания». Он определил главную цель советских историков науки — «раскрытие основных идейных традиций естественных наук в нашей стране, показ борьбы лучших отечественных естествоиспытателей за строго научное представление о явлениях природы как неотделимой части борьбы двух непримиримых философских лагерей — материализма и идеализма»¹²⁰. Это было общее направление исследований, а в качестве конкретной задачи Коштыянец обозначил

детальное исследование истории борьбы с вейсманизмом-морганизмом в тесной связи с историей идеологической борьбы в целом. Прямой и резкой критике работ Менделя и Вейсмана и вытекающих из них лженаучных реакционных выводов были посвящены труды многих отечественных ученых уже в конце прошлого и в начале нашего века. Углубленная работа по изучению этих трудов должна вскрыть передовые идеологические традиции естествознания в нашей стране и его неизмеримое преимущество перед естествознанием, развивавшимся в Европе и Америке, показать исторические корни тех непримиримых противоречий буржуазной и советской биологии, свидетелями которых мы являемся¹²¹.

«Мичуринец» Глущенко сетовал на то, что ИИЕ до сих пор не издал работы К. А. Тимирязева в серии «Научное наследство», а ведь «дать такие тома сегодня советскому читателю-биологу — это означало бы внести большую лепту в дело дальнейшего развития мичуринской биологической науки, истоками которой являются материалистические основы учения Дарвина, учения Тимирязева»¹²². Сразу после Глущенко выступил историк химии Н. А. Фигуровский (с 1953 г. — заместитель директора ИИЕ по научной части), который признал, что ИИЕ «ещё не выполняет полностью тех важных задач, которые стоят перед ним как перед основным академическим учреждением по истории науки»¹²³. Подобные же претензии предъявлялись в 1948–1949 гг.

¹²⁰ Вестник АН СССР. 1949. № 2. С. 102. Десятилетием спустя на страницах того же журнала Н. А. Фигуровский (1959. С. 28–29) утверждал, что история естествознания «является одним из важнейших участков идеологического фронта науки <...> советские историки науки должны воспитывать своими трудами чувство гордости за успехи страны социализма, содействовать делу мира».

¹²¹ Вестник АН СССР. 1949. № 2. С. 103.

¹²² Там же. С. 114.

¹²³ Там же. С. 120.

не только ИИЕ, но и Институту философии и даже Палеонтологическому институту¹²⁴.

Таким образом, определился новый государственный заказ — «бичевать и ликвидировать» буржуазное идеологическое влияние в биологии, и на протяжении 1949–1953 гг. в его выполнении участвовало несколько сотрудников ИИЕ, среди которых оказались как сторонники лысенкоизма (Л. Ш. Давиташвили, И. А. Поляков), так и ученые, которых трудно заподозрить в искренних симпатиях к «мичуринскому» учению (Б. Е. Райков, С. Л. Соболев).

Наиболее типичной темой работ в новом направлении стал поиск предшественников лысенкоизма среди ученых прошлого (почти исключительно русских), которые находились — по официальной версии — на «правильной стороне истории» (материалисты, дарвинисты, сторонники левых взглядов, такие как Тимирязев). Тем самым решалась задача с уже известным ответом, содержащемся в цитированной выше речи Коштоянца: «[б]иологи нашей страны <...> вели неотступную и непримиримую борьбу против тех течений в области биологии, которые, начиная с конца XIX века, под названием неodarвинизма пытались заменить материалистическое учение Дарвина идеалистическим, реакционным вейсманизмом-морганизмом»¹²⁵. Тем самым историко-научным исследованиям предписывалась не поисковая или проблемная, а апологетическая и пропагандистская функция — подбирать исторические факты, которые подтверждали бы предзаданную концепцию.

Л. Ш. Давиташвили старался показать, что взгляды многих выдающихся русских биологов XIX в. могут квалифицироваться как вполне «мичуринские», если не по букве, то по духу. Так, о Карле Рулье (1814–1858), профессоре Московского университета, авторе оригинальных идей, предвосхитивших некоторые концепции современной экологии, Давиташвили писал, что приводимые этим «зоологом-мыслителем» случаи изменения природы организмов могут быть вполне объяснены лишь на основе мичуринского дарвинизма¹²⁶. Как сторонников идеи наследования приобретенных признаков (НПП) он называл также выдающихся палеонтологов Х. Пандера и В. Ковалевского. Последнего, при всем уважении к этому «отцу эволюционной палеонтологии»,

¹²⁴ В постановлении Президиума АН СССР, опубликованном по «следам» критики деятельности ПИНа в «Правде», читаем: «[и]нститут не отстаивает приоритета отечественной науки в эволюционной палеонтологии и не занимается серьезной разработкой вопросов истории отечественной науки» [Правда. 1949. 2 дек., № 336 (11443)].

¹²⁵ Вестник АН СССР. 1949. № 2. С. 103.

¹²⁶ Давиташвили (1953. С. 57).

Давиташвили все-таки упрекал за то, что у него не было «четкого понимания реальности вида и скачкообразности видообразования»¹²⁷. В качестве «одного из предшественников советского творческого дарвинизма» им рассматривался Николай Андрусов (1861–1924), крупнейший русский палеонтолог рубежа XIX–XX вв., знаток кайнозойских моллюсков Черноморско-Каспийского бассейна. Приведя пространные выдержки из его сочинений, Давиташвили сделал вывод о «твердой уверенности [Андрусова] в воспитывающем действии среды на организм». Автор считал, что найти объяснение многим, описанным в монографиях Андрусова фактам, «стало возможным лишь <...> после исторических завоеваний мичуринской биологии»¹²⁸.

Во второй половине позапрошлого века и вплоть до 1930-х гг. НПП рассматривалось многими биологами как вполне респектабельная научная гипотеза, а не как антидарвинистская «ересь» (этот механизм эволюции признавал и сам Дарвин, не приписывая ему, однако, центрального значения). Поэтому историки науки могли без сильных натяжек утверждать, что очень многие «передовые» русские биологи до революции были сторонниками механоламаркизма (= «воспитывающего действия среды на организмы») ¹²⁹. В их сочинениях можно было почерпнуть немало цитат, подтверждающих это.

Столь же несложно было отыскать среди русских биологов прошлого и противников менделизма-вейсманизма. Хорошо известно, что длительное время ранние генетические теории рассматривались в качестве гипотез, подвергаясь справедливой критике с различных позиций, и лишь со временем, в изрядно преобразованном виде, они были использованы при создании синтетической теории эволюции. Высказывания, направленные против законов Менделя (или их абсолютизации), содержатся в трудах многих русских эволюционистов дореволюционной эпохи (Тимирязев, Мензбир, Холодковский), не говоря уже о такой сакральной фигуре как Мичурин. Все эти авторы были поэтому причислены к лику предтеч лысенкоизма¹³⁰.

¹²⁷ Там же. С. 66. Ср. с утверждением Завадского (1949. С. 48), что Ковалевский и Северцов «не могли даже вместить добытый ими материал в излюбленную Дарвином концепцию “природа не делает скачков”».

¹²⁸ Там же. С. 83–84.

¹²⁹ Завадский (1949); Давиташвили (1953); Райков (1953). Так, Б. Е. Райков обсуждал известные работы русского зоолога В. И. Шманкевича о модифицирующем действии среды на морских беспозвоночных в контексте борьбы «против того течения в зоологии, которое выросло в реакционное учение Вейсмана» (Райков, 1953. С. 245).

¹³⁰ Белкин (1949); И. А. Поляков (1949); Давиташвили (1953); Новиков (1953).

Однако наиболее усердными и последовательными в перетолковывании взглядов ученых прошлого оказались не профессиональные историки науки, а философствующие биологи, осмыслявшие в «мичуринской» ретроспективе историческое развитие своих дисциплин. Характерны в данном отношении статьи двух эмбриологов, С. Г. Крыжановского и Л. В. Полежаева¹³¹. Не сходясь друг с другом по многим теоретическим вопросам, в трактовке истории эмбриологии оба автора проявили заметное единодушие. В их изложении вся история «домичуринской» эмбриологии представляла сплошной цепью ошибок, философских провалов и слепых блужданий в «метафизическом тумане». Переоценке подверглась деятельность не только «буржуазных» ученых, но и тех, кого привычно относили к «прогрессивному» направлению в отечественной биологии. Полежаев не только клеймил черными словами реакционную «механику развития Ру», но упрекал в ошибках крупнейшего русского эволюциониста А. Н. Северцова¹³², о трудах которого почтительно отзывались многие «мичуринцы»¹³³. Крыжановский порицал даже таких образцовых героев советской истории науки как Илья Мечников и Александр Ковалевский, которые, «не зная диалектического материализма, лишь интуитивно следовали принципу единства противоположностей <...> Поэтому им не удалось увлечь эмбриологию за собой»¹³⁴. По мнению Крыжановского, только в советский период, под воздействием марксистско-ленинской философии и запросов народного хозяйства, началось возрождение эмбриологии. Столь откровенный исторический нигилизм оказался неприемлем даже для приверженцев Лысенко, один из которых, философ Новинский, писал, что «[д]ля тов. Крыжановского в прошлом была лишь одна основная линия в биологии: метафизика и идеализм»¹³⁵.

Не менее важной — особенно в контексте проводившейся в те годы кампании против «космополитизма» — была защита «приоритетов» русских ученых-биологов, которым, справедливо или нет, приписывались многие выдающиеся открытия¹³⁶. Считалось, что открытия эти замалчивались зарубежными учеными, а некоторые якобы были «украдены» ими. В школьных учебниках писалось даже, что «колыбелью

¹³¹ Крыжановский (1950); Полежаев (1950).

¹³² Полежаев (1950. С. 418–419).

¹³³ Презент (1947. С. 8–9); Белкин (1949. С. 56–58); Опарин (1951. С. 17–18).

¹³⁴ Крыжановский (1950. С. 383).

¹³⁵ Новинский (1951. С. 177).

¹³⁶ Например: И. М. Поляков (1950); Логинова (1951). История борьбы с «космополитизмом» в советской науке описана на документальном материале А. С. Сониным (2011).

научной биологии» является Россия¹³⁷. Это сделало актуальной задачей поиск «предшественников» Дарвина и примеров естественнонаучного материализма среди русских врачей и натуралистов XVIII–XIX вв. Помимо отдельных статей¹³⁸, данной теме была посвящена четырехтомная монография Б. Е. Райкова (1951–1959). Справедливости ради следует сказать, что интерес Бориса Евгеньевича к этой проблеме не был конъюнктурным. Ещё в феврале 1920 г., когда ни о Лысенко, ни о «космополитизме» ещё никто не слышивал, он прочитал в Вольной философской ассоциации в Петрограде доклад «Русские эволюционисты до Дарвина»¹³⁹. В послевоенном СССР ему удалось выпустить капитальный четырехтомник и ряд научно-популярных книг об этом вопросе.

Рассмотрим предисловие ко второму тому монографии, опубликованному в 1951 г. В нем Б. Е. Райкову, еще в начале 1930-х гг. пострадавшему от «диалектизаторской» ретивости Презента, а после августа 1948 г. изгнанному из Ленинградского педагогического института им. Герцена, пришлось признать, что русские ученые негативно относились к «мальтузианству» Дарвина, отрицали вейсмановскую идею «наследственного вещества» и «с полной определенностью» утверждали НПП. Райков делал вывод, что «современное нам мичуринское учение о влиянии внешней среды на формирование наследственных признаков животных и растений имеет глубокие корни в прошлом русской науки и органически связано с её прогрессом, продолжая развивать преемственно её богатое содержание»¹⁴⁰. Фактически это означало историко-научное обоснование «почвенности» лысенкоизма, его национально-русского, патриотического характера¹⁴¹.

¹³⁷ И. И. Пузанов, приводящий это утверждение, комментирует далее: «Работы Гарвея относятся к XVII в., Спалланцани — к середине XVIII в., когда у нас еще не было и зачатков экспериментальной биологии. Роль Ламарка и Дарвина в развитии эволюционного учения, конечно, значительнее роли их русских предшественников. Эти факты нельзя игнорировать...» (Пузанов, 1956. С. 1044).

¹³⁸ Например, Соболев (1953).

¹³⁹ Белоус (2005. С. 27). Конспект доклада сохранился в фонде Б. Е. Райкова в СПбФ АРАН. Ф. 893. Оп. 1. Д. 159. Л. 1–5 об.

¹⁴⁰ Райков (1951. С. 6–7).

¹⁴¹ Типичный образец этого патриотического нарратива дает статья И. М. Полякова (1950. С. 317–318). Обсуждая исследования русских натуралистов XVIII–XIX вв., он писал, что «наших ученых окрылял высокий патриотизм, стремление своими трудами ответить на насущные потребности горячо любимой родины, развить русскую науку». Поляков изображал русских биологов как «создававших отечественную науку, боровшихся со слепым преклонением перед иностранщиной». Но, поскольку наша наука все же не отгораживалась от зарубежной, «передовые идеи Дарвина упали в Россию на подготовленную почву, и не случайно Россия стала второй родиной дарвинизма».

Однако можно не сомневаться, что эти дифирамбы были полностью обусловлены идеологическим климатом, в котором книга готовилась к печати. В предисловии к четвертому тому (1959 г.) Райков пишет об «естественном отборе ненаправленных изменений» как об «истинной сущности дарвинизма»¹⁴² (вразрез с трактовкой, предложенной творцами «советского творческого дарвинизма»), не упоминает ни «мичуринскую» биологию, ни концепцию НПП. Даже первый том монографии, представлявший собой второе издание книги, вышедшей в 1947 г. под заглавием «Очерки по истории эволюционной идеи в России до Дарвина», не подвергся существенной правке. Нужно заметить, что первое издание этой книги после августа 1948 г. было изъято из университетских библиотек как сочинение, «зараженное морганизмом-вейсманизмом»¹⁴³. Это распоряжение не было пересмотрено даже после того, как в ноябре 1949 г. ИИЕ засвидетельствовал, что в монографии «нет никаких следов вейсманизма-морганизма и менделизма»¹⁴⁴.

Готовя переиздание книги, автору удалось «малой кровью» провести ее в печать, внося лишь одно упоминание о Мичурине и Лысенко. А именно, обсуждая взгляды Афанасия Каверзнева, автора натурфилософской диссертации «Философическое рассуждение о перерождении животных» (1775 г.), Райков заметил: «[т]аким образом, мы встречаем у Каверзнева в элементарной форме мысль, что питание играло и играет большую роль в видообразовании. Это — идея, вполне созвучная нашей современной биологической науке. Известно, например, что И. В. Мичурин придавал огромное значение питанию при воспитании семян. <...> Развивая эти положения, Т. Д. Лысенко придал им широкое обобщенное значение...»¹⁴⁵. В первом издании этой книги данный текст отсутствовал.

Одним из итогов лысенкоистского переосмысления истории биологии стала новая периодизация развития эволюционного учения. В программе курса дарвинизма, составленной в 1950 г. под руководством И. Презента, была предложена следующая четырехчастная схема¹⁴⁶:

1. Метафизический период в истории биологии
2. Учение Дарвина об органической эволюции
3. Развитие дарвинизма трудами русских ученых
4. Творческий (мичуринский) дарвинизм.

¹⁴² Райков (1959. С. 5).

¹⁴³ Фонд Б. Е. Райкова. СПбФ АРАН. Ф. 893. Оп. 2. Д. 11. Л. 3.

¹⁴⁴ Там же. Л. 4.

¹⁴⁵ Райков (1952. С. 245).

¹⁴⁶ Презент (1950).

Обращает на себя внимание полное игнорирование зарубежной эволюционной мысли в последарвиновский период, словно бы эстафета эволюционизма, минуя посредников и «конкурентов», целиком перешла из викторианской Англии в романовскую Россию, а затем в Советский Союз, где дарвиновское учение было переработано и поднято на новую, недоступную его буржуазно ограниченному создателю, высоту. Претензии на новизну и окончательность решения «вечных» биологических проблем, таких как проблема вида, соединялись у «мичуринцев» со стремлением вписаться во многовековую исследовательскую традицию, обрести своих интеллектуальных предков среди выдающихся биологов прошлого, в первую очередь российских¹⁴⁷. Это ставит вопрос о степени оригинальности «мичуринского» учения и конкретно «нового учения о виде», разбору которого посвящена заключительная глава этого исследования.

¹⁴⁷ Презент (1947); Белкин (1949); Никольский (1962. С. 30–32). Последний считал, что «материалистическая идея о развитии органического мира в связи с условиями жизни» развита уже в трудах Ломоносова (Никольский, 1962. С. 39). Из зарубежных авторов особо отмечались теории малоизвестного французского биолога конца XIX в. Пьера Тремо, о которых с похвалой отзывались Маркс и Энгельс (Презент, Халифман, 1955. С. 19–23).

НАСКОЛЬКО ОРИГИНАЛЬНО «НОВОЕ УЧЕНИЕ О ВИДЕ»?

В 1951 г. В. Б. Веселовский на страницах журнала «Селекция и семеноводство» предложил новый подход к преподаванию курса дарвинизма советским студентам. Он рекомендовал начать с того, чтобы «наметить общее направление эволюции, поставив перед слушателями ряд основных вопросов — “загадок” природы, разгадку которых начал Ч. Дарвин, а окончательный ответ дают советские биологи (И. В. Мичурин, И. П. Павлов, В. Р. Вильямс, Т. Д. Лысенко, О. Б. Лепешинская, Г. Бошьян и др.). Это сразу создаст у студентов живой интерес к дисциплине и организует их внимание»¹. Итак, «советский творческий дарвинизм» представлялся этому автору (и далеко не ему одному) наивысшей и, как почти открыто подразумевалось, завершающей фазой развития эволюционной биологии, дающей решение всем теоретическим проблемам, в том числе и проблеме вида. Нередко это описывалось как подлинный переворот в науке о жизни. Философ Трошин утверждал, что

Мичурин и Лысенко, обобщив и критически переработав все достижения биологии за сотни лет ее развития, обобщив практику социалистического земледелия, сделали ряд важнейших открытий и теоретических выводов, разработали методы образования новых организмов и видов. Освоив все передовое и действительно научное, они создали новую науку о жизни, подняв тем самым биологическую науку на высшую ступень, превратив биологию из науки объясняющей — в творческую, революционную науку².

Ф Энгельс писал в «Анти-Дюринге», что эволюционная теория (дарвинизм) «ещё очень молода, и поэтому нет сомнения, что дальнейшие исследования приведут к очень значительному видоизменению <...> строго дарвинистских представлений о ходе развития видов»³.

¹ Веселовский (1951. С. 80. Курсив мой — М. В.). Сравните с высказыванием Дворянкина (1953а. С. 31): «Все узловые вопросы последарвиновской биологии были решены Мичуриным экспериментально и логическим путем».

² Трошин (1952. С. 29). Можно вспомнить и приводимое мной в главе 3 утверждение Лысенко: «как различать многие близкие виды до сих пор никто в науке не знал и не мог бы знать, если бы на помощь биологии не пришел материализм, развитый марксизмом-ленинизмом. Поэтому-то теперь мы, мичуринцы, и знаем отличительные черты биологических видов» (Лысенко, 1956. С. 21).

³ Цит. по: Соколов (1934. С. 174).

Лысенкоисты с удовольствием цитировали это пророчество, прямо указывая или подразумевая, что оно сбылось в СССР — «стране наибольшей свободы для развития науки»⁴.

Однако критики лысенкоизма, как современники, так и историки науки наших дней, скептически относились к претензиям на революционность и оригинальность нового учения. Э. И. Колчинский, к примеру, охарактеризовал его как «причудливую смесь механоламаркизма, телеологии и сальтационизма»⁵. Гораздо ранее, в неопубликованной при жизни работе, А. А. Любищев утверждал, что «действительно новым» в «новом учении» является признание конвергентного происхождения таксонов и обратимость эволюции (многократное возникновение одного и того же вида)⁶. А все остальное взято из трудов других авторов.

Кто же прав?

Ответ можно дать только рассматривая основные положения «мичуринской» биологии на фоне и в связи с развитием генетики и эволюционной биологии XX в., что может выявить явные и скрытые параллели и влияния, причем в отношении не только отечественных, но и зарубежных теоретиков. Эта задача несколько осложняется тем, что как сам Лысенко, так и сторонники его доктрины редко называли своих непосредственных идейных предшественников, за исключением очень узкого круга великих имен⁷. Однако компаративный анализ позволяет провести соответствия между постулатами «творческого дарвинизма» и взглядами других авторов, даже тех, которых лысенкоисты опасались упоминать в виду их идеологической неприемлемости. Ниже я не буду касаться концепций «мичуринской» генетики и агробиологии и сосредоточусь почти исключительно на положениях

⁴ Дворянкин (1953а. С. 26, 31). За двадцать лет до этого философ П. Н. Валескалн еще считал это делом будущего. По его словам, «Маркс и марксистско-ленинская теория стоят неизмеримо выше Дарвина и дарвинизма, в первую очередь потому, что дарвинизм не получил должного дальнейшего развития, возвращаясь в учениях ряда эпигонов вспять, в то время как марксизм в лице Ленина и ленинизма получил мощное развитие. Только будучи перестроенным на основах марксистско-ленинской теории <...> дарвинизм возвысится до действительной теории развития органического мира» (Валескалн, 1932. С. 19. Курсив мой — М. В.).

⁵ Колчинский (1999. С. 18). Это близко к формулировке К. М. Завадского (1968. С. 139), назвавшего лысенкоизм «эклетицистическим сочетанием ламаркизма, мутационизма и телеологии». И. Т. Фролов (1968. С. 177) указывал на буквальное совпадение ряда формулировок «мичуринской» теории с положениями, высказанными Г. Спенсером в его «Принципах биологии» (1864–1867).

⁶ Любищев (1991. С. 165).

⁷ В текстах самого Лысенко редко упоминаются имена его «духовных отцов», за исключением, конечно, Климента Тимирязева, Ивана Мичурина и «классиков марксизма».

«нового учения о виде». Для этой цели необходимо в кратчайшей форме изложить содержание НУВ, которое, по моему мнению, сводится к следующему:

- Биологическая эволюция, включая видообразование, адекватно описывается общими законами развития, установленными диалектическим материализмом. Природа есть «подтверждение диалектики» (Ф. Энгельс). В соответствии с законом перехода количества в качество, видообразование идет с «перерывом постепенности» (В. Ленин), а саму эволюцию можно представить как серию скачкообразных переходов от одного качественно обособленного состояния к другому;
- Видовое «качество» определяется спецификой обмена веществ, скоррелированного с условиями внешней среды. При изменении последней изменяется и метаболизм, что приводит к формированию нового «качества». Перестройки метаболизма предшествуют преобразованиям видовой морфологии и экологии, поэтому виды, установленные на основе исключительно морфологических признаков, часто оказываются «условными», лишенными объективной реальности;
- Внешняя среда выступает ведущим фактором видообразования. В соответствии с законом «единства организма и среды», изменчивость организмов является не случайной (неопределенной по Дарвину), а закономерной и полностью приспособительной. Приобретенный «адекватный ответ» организма на изменения среды может передаваться по наследству, чем обеспечивается «мгновенная адаптация» без всякого участия естественного отбора. «Случайность» в эволюции не играет никакой роли, это не созидающий, а разрушающий фактор;
- Поскольку «видовое качество» полностью коррелирует с жизненными условиями, при возникновении определенной констелляции факторов возможно многократное появление одного и того же вида, причем в группах близкородственных организмов такие «порождения» могут быть реципрокными (овес порождает овсюг, и наоборот);
- Новое «видовое качество» приобретает скачкообразно и сохраняется до тех пор, пока существует породившая его констелляция средовых факторов. Поэтому в промежутке между двумя «скачками» эволюция, по сути, останавливается (или идет «ферментативно», выражаясь в накоплении малых, не проявляющихся вовне изменений, что исподволь подготавливает переход к новому качеству);
- Вопреки Дарвину, в природных популяциях отсутствует (или крайне редко встречается) перенаселение и вызванная им борьба

- между особями одного вида. Отношения между ними подобны отношениям между органами одного тела, обеспечивающим его выживание и гармоничное функционирование. Все видовые признаки являются приспособительными и способствуют «увеличению численности индивидуумов данного вида» (Т. Лысенко);
- Скачкообразность эволюции предполагает очень быстрое, в пределе в масштабе одного поколения, формирование новых видов (или повторное возникновение уже существовавших), поэтому невозможны переходные формы между видами, в том числе — гибридного происхождения. Виды изолированы физиологически, и носители разных видовых «качеств» скрещиваться не могут;
 - Поскольку эволюция (и ее частный аспект — видообразование) является закономерным и предсказуемым процессом, используя закон «единства организма и среды» можно научиться им управлять, в том числе планомерно создавать новые формы и виды организмов с заранее заданными свойствами.

* * *

Ряд концепций, вошедших в состав НУВ, настолько стары, что их корни уходят далеко в додарвиновскую эпоху, и ни о какой оригинальности Лысенко в данном случае не может идти и речи. «Народный академик» разделял представление о наследовании приобретенных признаков (НПП), которое в XX в. привычно ассоциировалось с именем Ламарка, но на самом деле возникло гораздо раньше, чем теория французского эволюциониста. Его можно найти уже у древнегреческих врачей гиппократовой школы и возможно даже у Эмпедокла, так что к моменту публикации «Философии зоологии» в 1809 г. эта идея была очень стара, казалась чем-то самоочевидным, и Ламарк не претендовал на приоритет в её открытии⁸.

Столь же почтенный возраст имеет и идея об обратимости эволюции, которая в учении Лысенко обрела форму утверждения о возможности неоднократного «порождения» уже известных видов. Критики лысенкоизма не раз отмечали его средневековое происхождение⁹. В 1958 г.

⁸ Zirkle (1946); Бляхер (1971); Burkhardt (2013).

⁹ Баранов (1953); Пузанов (1954); Турбин (1954а). Многократное возникновение одного и то же вида противоречит эволюционной закономерности, известной как «закон Долло». С. И. Огнёв в особой работе, посвященной данному вопросу, признавал неабсолютность закона Долло, допуская, что в эволюции могут происходить «филогенетические реверсии». Но это не имеет никакого отношения к «порождениям» видов в смысле Лысенко, поскольку «обычно затрагивает только малое количество признаков», а сам акт видообразования является необратимым (Огнёв, 1945. С. 15).

в советском сборнике, посвященном памяти Карла Линнея, была опубликована выдержка из диссертации его петербургского ученика Богислава Горнборга «О перерождении хлебных злаков» (*De Transmutatione Frumentarum*):

Древние верили <...> что семена Костра или Ячменя на плодоносных почвах могут производить Рожь. Это мнение утверждали до тех пор, пока растения и их цветки рассматривали издали и беглым взглядом; после же того, как Мальпиги и Турнефор, пользуясь вооруженным глазом, изучили, описали и изобразили части цветков даже самые мельчайшие с их различиями <...> это мнение изменилось. Ибо сказанные Злаки различаются между собой, как Овца, Олень и Верблюд, у которых ни одна часть по внешности и размерам так же не сходны <...> *Кто может представить себе, что Козел произошел от Зайца, а Олень от Верблюда, только тот один может согласиться, что Рожь из Овса или Ячменя появляется*¹⁰.

Хотя в сборнике не было прямой полемики с лысенкоизмом, современный читатель-профессионал не мог не увидеть в этой, приведенной без комментариев, цитате полемический выпад против «мичуринского» представления о видообразовании. Заключительная фраза этой цитаты была дана также и в латинском оригинале, видимо, для пушей убедительности.

Интересно, что в стремлении защитить идею многократного «порождения» видов, лысенкоисты воскресили ещё одно средневековое представление — о самопроизвольном возникновении жизни из неживого вещества (абиогенез). Как известно, ещё в XIX в. Луи Пастер своими опытами опроверг возможность абиогенеза в современных условиях, и с тех пор это представление стало общепринятым. Однако «мичуринец» Калиниченко утверждал, что Пастер опроверг лишь «неверно поставленные опыты Пуше», но не саму принципиальную возможность «самозарождения живых тел»¹¹.

«Мичуринское» представление о единстве организма и среды, которое иногда возводилось сторонниками лысенкоизма в ранг «основного биологического закона»¹², является не более оригинальным, чем НПП. В. В. Алпатов считал, что этот «закон» был взят «мичуринцами» из сочинений Шеллинга, «немецкого философа-идеалиста начала

¹⁰ Бобров (1958. С. 120–121. Курсив мой — М. В.). В последнем параграфе диссертации Горнборг заключал: «Итак с полной серьезностью утверждаю, [что] Овес никогда не превращается в Рожь; и не обнаруживалось когда-нибудь перерождения хлебных злаков» (Там же. С. 121).

¹¹ Калиниченко (1953. С. 278). Ф. А. Пуше — ученый оппонент Пастера, пытавшийся экспериментально доказать реальность абиогенеза.

¹² Иоганзен (1955, 1956).

XIX века»¹³, С. С. Хохлов находил его корни в учении Г. Спенсера и его последователей, которые считали себя материалистами, но «на деле попадали в идеалистические тупики»¹⁴, в то время как А. А. Любищев возводил его к теории катастроф Кювье. Хотя Любищев был убежденным антидарвинистом, в этом вопросе он счел возможным присоединиться к мнению Дарвина, который «безупречно и безоговорочно» опроверг «единство организма и среды», указав на резкие различия фаун в областях земного шара с примерно одинаковым климатом (например, в тропиках)¹⁵.

Однако, судя по всему, подлинные истоки постулата об единстве организма и среды следует искать в еще более ранних эпохах. Они восходят к представлениям натуралистов Нового времени о естественной гармонии, о полной приспособленности живых организмов к условиям их существования, о том, что каждый вид животных и растений занимает уготованное ему место в «экономии природы», и все вместе они образуют упорядоченную и сбалансированную систему. Такие представления можно найти уже на рубеже XVII и XVIII вв. у Джона Рэя, писавшего о «точном соответствии частей тела животных к природе каждого из них и образу жизни (manner of living)»¹⁶. Идея «экономии природы» составляла органическую часть мировоззрения Линнея¹⁷.

Поскольку эта гармония в ту эпоху не могла мыслиться иначе, как предустановленная Творцом, многочисленные факты, говорящие об удивительной приспособленности организмов к условиям обитания, легли в основу так называемой «естественной теологии». Её сторонники, самым известным из которых был английский епископ Уильям Пэйли (1743–1805), использовали примеры биологической адаптации как доказательство мудрости и благодати Создателя, совершенства сотворенного им мира¹⁸. Влияния Пэйли не избежал в молодости и Ч. Дарвин, лишь постепенно освободившийся от телеологического взгляда на природу и показавший возможность объяснить процесс эволюции без ссылок на предустановленную гармонию¹⁹.

Конечно, лысенкоисты не могли выражаться в креационистских терминах, но их представления о «мгновенной адаптации» подразумевают

¹³ Алпатов (1968. С. 7).

¹⁴ Хохлов (1955. С. 672).

¹⁵ Любищев (1991. С. 162).

¹⁶ Burkhardt (2013. P. 795).

¹⁷ Müller-Wille (2012).

¹⁸ Вероятно, здесь не обошлось и без влияния философии Лейбница, с ее представлением о том, что мы живем в «лучшем из миров».

¹⁹ По мнению Д. Ауэрэма, предшественником Дарвина в этом вопросе был Ж. Кювье, чье учение о «переворотах» на поверхности Земли прямо противоречило представлению совершенной гармонии в природе (Outram, 1984. P. 156).

действие некоей «силы», «темной телеологии среды»²⁰, заставляющей живые существа видоизменяться в полном соответствии с условиями их существования. По выражению К. М. Завадского, для НУВ характерна «абсолютизация гармонии через отрицание внутривидовой конкуренции и перенаселенности»²¹. Такие представления довольно легко сочетаются с креационизмом, и уже в 1955 г. Ю. М. Оленов указал на имплицитную связь между концепцией «единства организма и среды» и теологией. По его словам, представление о полной приспособленности организмов «выгодно только фидеистам», и поэтому лысенкоизм нельзя использовать в антирелигиозной пропаганде²². Оно не объясняет наличие множества вымерших видов и рудиментарных органов. Последние «все-таки существуют несмотря на то, что нашлись биологи, отрицающие их существование»²³.

Однако о единстве организма и среды рассуждали не только богословы и не только «мичуринцы», но также и авторы, которых никак нельзя отнести к деятелям «творческого дарвинизма». Ещё Иоганн-Вольфганг Гете за полтора года до Лысенко писал, что «каждое живое существо невысказимо без окружающих его условий»²⁴, и для большинства биологов XX в. эта мысль представляется почти трюизмом. Пожалуй, наиболее совершенное выражение она получила в биогеохимии В. И. Вернадского (на труды которого Лысенко не ссылался), считавшего, что «[ж]ивое однородное вещество геохимиков и вид биолога тождественны, но выражены различно»²⁵. Из крупных советских биологов — современников Лысенко концепцию единства организма и среды разделяли Б. М. Завадовский²⁶, И. И. Шмальгаузен²⁷

²⁰ «Темная телеология среды», которая «якобы создает признаки и органы, нужные в данный момент в данном месте» (Завадский, Берман, 1966. С. 13). По мнению авторов, это утверждение является не диалектическим, а механистическим, и эволюция в принципе не может быть сведена к «противоречиям организма и среды», поскольку в основе своей это — надорганизменный, популяционный процесс (Там же. С. 20). Об этом писали и другие авторы, например, Е. Н. Синская (1942. С. 349–350).

²¹ Завадский (1965. С. 736).

²² Оленов (1955. С. 109, 116).

²³ Там же. С. 110.

²⁴ Цит. по: Канаев (1966. С. 174).

²⁵ Вернадский (1928. Стлб. 231).

²⁶ Завадовский (1932. С. 85, 100).

²⁷ «Единство организма и среды с ее условиями существования выражается прежде всего в характерной для живых существ взаимозависимости, которую называют обменом веществ. <...> Признание единства организма и среды (с ее условиями существования), лежащее в основе мировоззрения биологов-материалистов, в том числе и мичуринцев, представляет утверждение совершенно несомненного факта. Для нас это аксиома, основа во всех наших исследованиях» (Шмальгаузен, 1990. С. 22–23).

и В. А. Догель²⁸. Генетик Н. П. Дубинин в 1932 г., когда еще были живы в памяти жаркие дискуссии между дарвинистами и механоламаркистами, писал, что «...недооценка роли среды как могучего фактора эволюции и фактора, определяющего существующие виды как динамические системы, была бы глубочайшей ошибкой»²⁹. Из числа советских систематиков той эпохи, включая «музейных», никто не стал бы отрицать, что в строении организмов отражены условия их обитания³⁰.

Но, в отличие от «мичуриnceв» все перечисленные выше авторы не абсолютизировали взаимосвязь организма и среды, считая, что она носит не механистически-прямой, а опосредованный характер, поскольку видоизменения морфологии происходят под воздействием естественного отбора, а не путем быстрых и наследуемых модификаций. Подвергалось критике и чересчур прямолинейное понимание «единства», характерное для многих работ, написанных лысенкистами. Так, Л. В. Шумилова полагала, что организм и среду нельзя считать полностью едиными, поскольку это «самостоятельные системы, находящиеся во взаимодействии, но развивающиеся каждая по своим законам»³¹. Попытки некоторых авторов в 1980-е гг. воскресить «закон единства организма и среды»³² были восприняты сообществом советских биологов неприязненно и квалифицировались как рецидив лысенкоизма³³.

²⁸ Догель (1954. С. 334) писал о «теснейшей связи морфологической эволюции с окружающей организм внешней средой». «Положение о единстве организма и среды» рассматривается им как основной принцип павловского учения, «принцип, которым проникнута русская сравнительная анатомия» (Там же. С. 341).

²⁹ Н. П. Дубинин (1932. С. 143).

³⁰ Вот слова териолога Н. А. Бобринского (1944. С. 29): «как известно, всякая особь есть результат развития её наследственных зачатков в определенных условиях среды». Другой териолог-систематик, В. Г. Гептнер вполне определенно высказывался о теснейшей связи организмов и видов со средой и о том, что без учета фактора среды эволюционные построения получают «черты почти полной абстракции» (Гептнер, 1947. С. 10).

³¹ Шумилова (1956. С. 61). Ср. высказывание Шмальгаузена: «Признание единства организма и среды с ее условиями существования недостаточно для понимания органического мира, так как в этой формуле не имеется источника направленного движения, связанного с новообразованием и прогрессивным развитием организмов. <...> Неверной в своей основе является и методологическая позиция Т. Д. Лысенко. Ничего общего с диалектическим материализмом эти взгляды не имеют. Материалистическая диалектика считает, что движущие силы любой развивающейся системы заключаются во внутренних противоречиях, а не во внешней среде» (Шмальгаузен, 1990. С. 43–44).

³² Иоганзен, Логачев (1986, 1991).

³³ Соколов, Скворцов (1988).

Сальтационизм, т. е. концепция, рассматривающая биологическую эволюцию, как очень быстрый, скачкообразный процесс, не только сделался важным компонентом «мичуринского» учения о виде, но и превратился в нечто вроде его «визитной карточки». Последующие поколения, едва ли читавшие труды «народного академика», накрепко связали его имя с рассказами о порождении кукушек пеночками и сосны — елью. У многих биологов и не только биологов лысенкоизм до сих пор ассоциируется в первую очередь с этими наивными фантазиями. В то же время несложно показать, что сальтационизм — наряду с наследованием приобретенных признаков — был одним из наименее оригинальных положений лысенкоизма.

Сальтационные теории весьма древни и время от времени входили в моду у биологов, приобретая в отдельные эпохи значительную популярность³⁴. Идее скачкообразной эволюции симпатизировали за рубежом многие выдающиеся палеонтологи (Э. Зюсс, Л. Долло, О. Шиндewolf) и генетики (У. Бэтсон, Р. Гольдшмидт, Г. де Фриз). Первые — ввиду прерывистости палеонтологической летописи, с которой они работают, вторые — под впечатлением от мутагенеза, способного «мгновенно» создавать формы, резко уклоняющиеся от родительских. Однако в середине XX в., вслед за триумфом синтетической теории эволюции (СТЭ), представление о сальтациях стало рассматриваться как маргинальная научная «ересь». Как известно, СТЭ складывалась как объединение положений популяционной генетики и учения об естественном отборе. Эволюция в рамках данной теории рассматривалась в терминах изменения частот аллелей в популяциях, то есть как процесс накопления «элементарных эволюционных явлений», приводящий в течение долгого времени к новациям макроэволюционного масштаба³⁵. Это представление идеально соответствовало классическому дарвиновскому градуализму, и даже в 1980-е гг., когда уже были известны и системные реорганизации генома, и макромутации, и гомеобоксные гены, сторонники СТЭ считали, что «изменения сальтационного характера в эволюционной истории представляют собой довольно редкое явление по сравнению с типично градационными изменениями», а также, что последовательный

³⁴ Колчинский (2002); Корочкин (2002).

³⁵ «Элементарным эволюционным явлением мы называем более или менее долгосрочное изменение генотипического состава отдельной популяции в пределах вида. <...> вряд ли на основании всей суммы наших современных знаний может быть найдено более элементарное эволюционное явление <...> нельзя себе представить эволюционный процесс не связанным с изменением генотипического состава популяции» (Тимофеев-Ресовский, 1958. С. 320. Курсив автора).

сальтационизм равнозначен «принципиальному отходу от дарвинизма»³⁶. В нашей стране такому взгляду способствовало и то, что сама идея скачкообразной эволюции была изрядно дискредитирована лысенкоистами³⁷.

Однако, если рассмотреть историю сальтационизма в СССР, можно увидеть, что он никогда не исчезал полностью, и даже в годы максимального влияния СТЭ находил своих сторонников среди отечественных биологов. Сальтационизм в нашей науке существовал до Лысенко, пережил закат «мичуринской» биологии и получил «второе рождение» в дискуссиях 1970–1980-х гг.³⁸

В 1920-е гг. концепции скачка в эволюции развивались в трудах палеонтолога Д. Н. Соболева³⁹, а также ботаника М. Г. Попова — исследователя флоры Центральной Азии, писавшего о возможности возникновения растительных видов «внезапно, как отзвук глубоких внутренних изменений структуры видов в связи с исключительной экологической обстановкой», к которой они приспособлялись⁴⁰.

Эволюционные скачки импонировали и «диалектизаторам» биологии, постоянно проводившим параллели между теориями Дарвина и Маркса (при обязательном признании превосходства последнего). Помимо того, что сальтации соответствовали «перерывам постепенности» в ходе развития, о которых писал Ленин, многим была симпатична аналогия между эволюционными скачками и социальными революциями. «Чистый» градуализм был сомнителен в идеологическом отношении⁴¹.

К августу 1948 г. сальтационизм в советской биологии если и не был мейнстримом, то разделялся рядом видных специалистов в разных

³⁶ Татаринов (1987. С. 147). В свое время Н. П. Дубинин критиковал сальтационную теорию Гольдшмидта за «идеализм» и считал, что она построена «на базе неправильно понимаемой им хромосомной теории» (Н. П. Дубинин, 1955. С. 100–101).

³⁷ Воронцов (1988. С. 89).

³⁸ Позднесоветский сальтационизм представлен работами А. Б. Ивановского (1976), Л. И. Корочкина и А. Б. Ивановского (1983), А. Л. Тахтаджяна (1983), Н. Н. Воронцова (1988), В. Н. Стегния (1993) и др. Будучи основан на представлении о мутагенезе, он не имеет ничего общего с «мичуринской» биологией и не связан с ней прямой интеллектуальной преемственностью. Показательно, что именно Л. И. Корочкин одним из первых (в 2003 г.) выступил с предупреждением об опасности реабилитации лысенковщины (Колчинский, 2017, 2018). Современные дискуссии о скачкообразной эволюции: Theißen (2009); Makhrov (2017); Katsnelson et al. (2018).

³⁹ Характеристику его взглядов дает Э. И. Колчинский (2002. С. 302–316).

⁴⁰ Цит. по: Васильченко (1954. С. 858).

⁴¹ Ср. «[Н]ашлись в дальнейшем “социологи”, которые перенесли» дарвиновский градуализм «в общество, переделав его в “*historia non facit saltus*” (история не делает скачков)». Теории социального градуализма, отрицающие значение революций, есть «типичные теории социал-фашистов, проповедующих перед рабочими массами о вреде революции, мнимом постепенном эволюционном переходе к социализму» (Валескалл, 1932. С. 16–17). Поэтому мутационизм де Фриза был подхвачен в свое время Г. В. Плехановым, увидевшим в мутациях растений аналог «скачков»-революций в обществе (Шмидт, 1947).

областях науки о жизни. Советские студенты-биологи, учившиеся по учебнику дарвинизма А. А. Парамонова, могли узнать из него, что «каждый новый вид возникал в системе предшествующего вида и, оставаясь в ходе своего образования связанным с последним непрерывным рядом поколений, является в то же время качественным скачком — перерывом в постепенном развитии»⁴². О скачках в эволюции писали такие авторитетные исследователи как И. И. Шмальгаузен⁴³, Е. Н. Синская⁴⁴, Н. П. Дубинин⁴⁵, А. Л. Тахтаджян⁴⁶. Их признавали советские палеонтологи, включая В. Руженцева, А. Борисьяка и В. Громову (специалиста по ископаемым лошадям)⁴⁷. Однако обсуждаемые этими авторами скачки в большинстве случаев не были идентичны скачкам, признаваемым НУВ. Например, Вера Громова писала, что «превращение видов [в геологическом прошлом] происходило как быстрым “скачкообразным” путем, так и более медленным, постепенным — в зависимости от смены жизненных условий». Но речь в её статье идет о «скачках» в геологическом времени, представлявших собой такое изменение, которое «не могло быть внезапным <...> и может быть разложено на отдельные этапы, так что вопрос о границе между видами одной эволюционной линии сохраняет свою трудность»⁴⁸.

Можно предположить, что когда указанные выше авторы вели речь о скачках, они имели в виду преимущественно скачок как философское понятие, т. е. как обретение нового «качества», которое может быть растянуто во времени. Это не идентично скачку «биологическому», обычно понимавшемуся как мгновенное становление нового признака или даже вида (пеночка => кукушка и т. п.).

За год до «августовской сессии» эмбриолог Г. А. Шмидт опубликовал статью, специально посвященную скачкам в филогенезе, где, независимо от Лысенко, развил масштабную концепцию сальтационной эволюции, в которой движущим фактором развития служат не мутации,

⁴² А. А. Парамонов (1945. С. 126–127).

⁴³ Шмальгаузен (1946б. С. 155).

⁴⁴ Синская (1942. С. 327, 337; 1948. С. 7–31).

⁴⁵ Н. П. Дубинин (1932, 1955). Дубинин не отрицал скачки, но выступал против их абсолютизации. Он считал, что скачки «с одной стороны, завершают длительный путь развития, обуславливая отделение нового вида от других, а с другой, характеризуют явления неопределенной изменчивости, служащей исходным материалом для естественного отбора. <...> признание непрерывного движения при процессах преобразования вида не отрицает, а наоборот, предполагает наличие скачков, перерывов постепенности» (Н. П. Дубинин, 1955. С. 99–101).

⁴⁶ Тахтаджян (1947). См. также более позднюю работу этого автора (Тахтаджян, 1983) и статью ботаника В. А. Поддубной-Арнольди (1951).

⁴⁷ Руженцев (1940. С. 100); Борисьяк (1947. С. 60); Громова (1959).

⁴⁸ Громова (1959. С. 11).

а трансформация экологических отношений⁴⁹. В работе Шмидта нет ссылок на труды Лысенко, он не отрицал внутривидовую борьбу и опирался на работы «формальных генетиков». Возможно поэтому сторонники Лысенко никогда не цитировали эту статью, хотя между взглядами Шмидта и основными положениями НУВ есть много общего. Вероятное, это не простое совпадение, а независимое отражение идей, обсуждавшихся в советском биологическом сообществе.

Еще более разительную параллель с НУВ представляет концепция скачкообразного видообразования, разработанная в те же самые годы териологом А. П. Кузьякиным, известным специалистом по рукокрылым. Изложенная впервые в тезисной форме незадолго перед войной⁵⁰, она в наиболее полном виде была представлена лишь в 1958 г. Суть теории Кузьякина, представлявшей собой один из самых прямолинейных вариантов сальтационизма, довольно проста. Детально сравнив морфологические и экологические особенности нескольких пар близкородственных видов летучих мышей, он пришел к убеждению, что самка «одного вида родит детеныша (или детенышей) другого вида, морфологически близкого, но качественно отличного, физиологически несовместимого»⁵¹. Между новым и старым видами сразу же возникает репродуктивная изоляция, и переходных форм между ними не бывает. Конкретный механизм сальтаций оставался Кузьякину неизвестным, в чем он откровенно признавался, утверждая, что скачок — это лишь видимая форма, выход наружу «предшествовавшего накопления скрытых количественных изменений, биохимическая суть которых остается пока не расшифрованной». В попытке дать хоть какое-то объяснение Кузьякин, как и Лысенко, ограничивался очень расплывчатыми формулировками, подобными этой: «составные части материальной субстанции вида-родоначальника так перегруппировываются, что <...> потомок по сравнению с родоначальником <...> полностью, коренным образом, качественно становится иным, *новым видом*»⁵². По содержательности это мало чем отличается от знаменитых лысенковских «крупинок».

⁴⁹ По Шмидту, новый вид «возникает в результате перехода популяции к неиспользованному источнику существования, устанавливая новые и нередко резко отличные от прежних экологические отношения» (Шмидт, 1947. С. 99). Такой переход «не может быть иным, как только скачкообразным» (Там же. С. 97). Автор приводил конкретные — на его взгляд — примеры «скачкообразного изменения эволюционного процесса», взятые из эволюционной истории немертин, рыбных пиявок, а также беззубых китов.

⁵⁰ Кузьякин (1940).

⁵¹ Кузьякин (1958. С. 94).

⁵² Там же. Курсив автора.

Несмотря на близость во многих отношениях к НУВ, генезис теории Кузякина до сих пор остается неясным. Согласно одному из его биографов, Кузякин считал эту теорию своим самым существенным вкладом в науку и развивал ее совершенно независимо от Лысенко, который увидел в этом покушение на свой приоритет. Попытка публичной дискуссии между ними закончилась изгнанием Кузякина из МГУ в январе 1952 г.⁵³ Однако по сведениям И. С. Даревского, после «августовской» сессии Кузякин стремился использовать авторитет Лысенко, указывая своим критикам, что теперь перед его воззрениями «открылась широчайшая дорога <...> Теперь я могу их публиковать где угодно без долготетних поклонов перед редакциями. Мне в этом поможет и наш новый декан факультета⁵⁴ и Отдел науки Центрального Комитета Партии»⁵⁵.

Так или иначе, теория Кузякина не только не нашла сочувствия у советских зоологов, но и не удостоилась ничего подобного той оживленной дискуссии, которую вызвали взгляды Лысенко на вид и видообразование.

Споры об эволюционных «скачках» и «плоском эволюционизме» на страницах советских философских журналов завершились в 1985 г. следующим выводом: «Учение Дарвина о постепенном характере видообразования не является односторонним, метафизически сводящим развитие к абсолютно непрерывному процессу. В эволюции ведущую роль играют мелкие скачки, которые, однако, будучи связанными друг с другом, создают впечатление непрерывного ряда⁵⁶. Отсюда ясно, что Дарвин не был сторонником вульгарного эволюционизма, как это часто инкриминировалось ему идейными противниками»⁵⁷.

* * *

Вопрос о реальности филогенетических скачков имел прямое отношение к проблеме неравномерности темпов эволюции, широко обсуждавшейся биологами XX в., как в СССР, так и за рубежом.

⁵³ Мазин (2018). Это как будто бы подтверждает и сам Кузякин (1970), особо подчеркивавший независимость своей концепции от той, что «была высказана на августовской сессии ВАСХНИЛ», и сокрушавшийся, что «правильная идея оказалась скомпрометированной» лысенковскими фантазиями о порождении пёночкой кукушки.

⁵⁴ Т. е. И. Презент.

⁵⁵ Даревский (1997. С. 125).

⁵⁶ Ср. высказывание Е. Н. Синской: «Уже каждое ничтожное наследственное изменение в известном смысле — скачок»; эволюция есть «единство скачков и постепенных переходов» (Синская, 1942. С. 337).

⁵⁷ Георгиевский, Колчинский (1985. С. 37).

В главах 4 и 5 показано, что многие советские авторы, стремившиеся «творчески» отнестись к усвоению идей Лысенко, не абсолютизировали свойственный этому автору «скачкизм», а разрабатывали идею о непостоянстве скорости эволюции, объясняя ее чаще всего различиями в темпах перестройки среды обитания. Большую популярность получила трехчастная схема видообразования, предполагавшая наличие длительного периода замедленной эволюции (если не полного стазиса), разделяющего два видообразовательных скачка. Ее можно найти в работах 1940–1950-х гг., опубликованных ботаниками⁵⁸, зоологами⁵⁹, эмбриологами⁶⁰, палеонтологами⁶¹, физиологами⁶². Эта идея совершенно не нова. Фактически, ее суть выразил спустя несколько лет после возникновения дарвинизма австрийский геолог Э. Зюсс, писавший, что «...время, в течение которого новый вид образуется (по крайней мере, как правило) очень коротко по сравнению со временем, в течение которого он существует с постоянными признаками»⁶³. О том, что биологическая эволюция идет «толчками» или «пароксизмами», когда время от времени в природе пробуждается некая «творческая сила» и начинается интенсивное видообразование, писали Гуго де Фриз, а за ним и Л. С. Берг. Русский палеонтолог Д. Н. Соболев, один из самых последовательных отечественных сальтационистов, полагал, что в ходе филогенеза какой-либо группы сменяются эволюционные и революционные фазы (Соболев именовал их «полуциклами»). В полуцикле эволюции группа развивается медленно, а в полуцикле революции она претерпевает быстрые и резкие преобразования. Эти фазы сменяются строго периодически, закономерно, образуя единый «биогенетический цикл»⁶⁴. Представления Соболева имеют прямые соответствия в работах лысенкоистов и сочувствующих им советских биологов, которые, однако, на работы этого автора никогда не ссылались. Скорее всего, это следует объяснять не прямым заимствованием, а тем, что идея о периодической смене скорости эволюции была весьма распространенной

⁵⁸ И. С. Виноградов (1947); Толмачев (1953, 1959); Васильченко (1954).

⁵⁹ В. Б. Дубинин (1953, 1954); Никольский (1953б); Карпевич (1955); и др. См. главу 5.

⁶⁰ Шмидт (1947).

⁶¹ Добролюбова (1952).

⁶² Ушаков (1959). По мнению автора, большинство природных видов «находится в относительно стабильном состоянии», и поэтому вид надо рассматривать не столько как «стадию поступательного движения, сколько как временную задержку» (Ушаков, 1959. С. 557). Для обоснования своей концепции автор ссылаясь на авторитет Дарвина и Мечникова, а не Мичурина и Лысенко.

⁶³ Цит. по: Руженцев (1953. С. 28). Можно найти некоторую аналогию этому воззрению в теории катастроф Кювье.

⁶⁴ Соболев (1927. С. 34–38).

и, к тому же, хорошо соответствовала представлениям диалектического материализма о развитии⁶⁵.

В 1972 г. эта схема была «переоткрыта» американскими палеонтологами С. Гулдом и Н. Эддреджем под названием концепции «прерывистого равновесия» (*punctuated equilibrium*, или пунктуализм). Суть ее в изложении самих авторов состоит в том, что «эволюция сконцентрирована в очень быстрых видообразовательных событиях (геологически мгновенных, хотя и относительно непрерывных в экологическом времени). Большинство видов в течение их геологической истории или не изменяются сколько-нибудь заметно, или очень умеренно и ненаправленно флюктуируют морфологически»⁶⁶. В то время, когда господствовало представление об эволюции как абсолютно градуальном процессе, «прерывистое равновесие» многими (включая и самих авторов концепции) воспринималось как ревизия, или даже полное опровержение дарвинизма в его современной форме (т. е. СТЭ)⁶⁷.

Однако не составляет никакого труда найти формулировки, подобные приведенной выше, в работах советских сторонников Лысенко, на которые Гулд и Эддредж никогда не ссылались и едва ли знали об их существовании. Достаточно привести выдержки из одной только статьи Г. В. Никольского «О некоторых вопросах проблемы вида»:

Мне представляется, что диалектико-материалистическая теория развития органического мира отвечает [на вопрос о сущности эволюции] <...> следующим образом. Историческое развитие органического мира идет скачкообразно, медленные количественные изменения сменяются быстрыми качественными изменениями — бурным формообразованием и вымиранием старых видов. <...> процесс формообразования продолжается всего несколько поколений, а период относительной стабильности вида часто охватывает миллионы поколений. <...> Нам представляется, что как в свете диалектико-материалистической теории, так и исходя из имеющихся фактов представление Дарвина о постепенном ходе исторического развития не может быть принято⁶⁸.

Означает ли такая текстуальная близость, что сторонников Лысенко следует рассматривать в качестве первооткрывателей или «провозвестников» современного пунктуализма? Думаю, что ответ должен быть отрицательным. Во-первых, как показано выше, сама идея прерывистой эволюции далеко не нова и восходит к дарвиновским временам (Э. Зюсс

⁶⁵ Никольский (1953б. С. 821).

⁶⁶ Gould, Eldredge (1977. P. 115).

⁶⁷ Обзоры дебатов вокруг *punctuated equilibrium*: Gould, Eldredge (1977); Татаринов (1987); Орлов (1988); Gould (2007).

⁶⁸ Никольский (1953б. С. 821, 823).

высказал ее еще в 1863 г.). Поэтому и «мичуринцы», и Гулд и Элдредж могли независимо унаследовать и развивать одну и ту же интеллектуальную традицию. Во-вторым, общим источником вдохновения для всех них был диалектический материализм, которому советские биологи следовали как единственно приемлемой в их стране идеологии, а Гулд — как человек, знакомый с детства с марксистскими идеями и в течение жизни придерживавшийся левых убеждений⁶⁹. С точки зрения диамата, любое развитие есть сочетание эволюционных и революционных стадий⁷⁰. В защиту своей концепции Гулд и Элдредж ссылались не только на Маркса и Энгельса, но и на некий неназванный ими «официальный советский учебник марксизма-ленинизма», в котором отыскивали философское обоснование для биологического пунктуализма⁷¹.

Вероятно, неумирающая популярность сальтационистских идей, в том числе и концепций, подобных «прерывистому равновесию», связана с постоянными попытками решить «вечный» вопрос систематики, о том, как согласовать в рамках единой классификации противоречие «между дискретностью видов и непрерывностью процесса эволюции»⁷². Лысенкоистское решение не было ни новым, ни оригинальным, но находилось в русле поисков, ведшихся учеными, принадлежавшими к самым разным научным школам и интеллектуальным традициям.

* * *

Если отмеченную выше параллель между некоторыми воззрениями лысенкоистов и естественной теологией XVIII–XIX вв. нужно считать весьма отдаленной, то существовали и более близкие аналогии между НУВ и другими, неприемлемыми в СССР по идеологическим соображениям, биологическими теориями. Нельзя утверждать наверняка, что во

⁶⁹ Ruse (1999. P. 144–145). Другой пример того же рода, приводимый Рьюзом (P. 167) — это выдающийся генетик Р. Левонтин, пытавшийся совместить свои биологические взгляды с законами диалектического материализма.

⁷⁰ Георгиевский, Колчинский (1985). Ср. «Последовательный, не трусливый дарвинизм, подобно марксизму, представляет собой диалектическое учение, которое говорит, что бытие — это единый эволюционно-революционный процесс развития» (Гурев, 1924. С. 232).

⁷¹ Gould, Eldredge (1977. P. 146). Позднее Гулд напишет об этом: «мы процитировали глупую пропагандистскую защиту пунктуалистских изменений, взятую из официального советского пособия по марксизму-ленинизму, чтобы подчеркнуть потенциальное использование в политических целях любых общих теорий развития (change)» (Gould, 2007. P. 347–348). Замечу, что, по мнению Ю. М. Оленова (1955. С. 109), идея эволюционного стазиса, которую разделял Гулд, противоречит диамату, учащему о том, что в природе постоянно происходит «становление и уничтожение».

⁷² Гриценко и др. (1983. С. 35).

всех подобных случаях имело место прямое заимствование, но концептуальное сходство несомненно, даже если оно усиленно отрицалось или замалчивалось «мичуринцами».

К примеру, обнаруживается ряд соответствий, вплоть до прямых текстуальных совпадений, между «советским творческим дарвинизмом» и антидарвинистской теорией номогенеза, обнародованной Львом Бергом в начале 1920-х гг. (табл. 4) На них указывали критики лысенкоизма в середине 1950-х гг.⁷³, и не без умысла, поскольку номогенез Берга считался в СССР идеалистической, ведущей к фидеизму, а значит — враждебной пролетариату концепцией⁷⁴. Сравнение с ним было отнюдь не комплиментом.

По крайней мере часть из этих концептуальных соответствий могла быть унаследована Бергом и «мичуринцами» из общих источников. Так, для антидарвинистской полемики второй половины XIX — начала XX вв. весьма характерна интерпретация теории естественного отбора, как основанной на хаосе чистой случайности, проявляющейся в виде неопределенной изменчивости. Так думал великий русский биолог К. Э. фон Бэр, в целом симпатизировавший трансформизму в биологии, но отвергший дарвинизм за то, что в нем отсутствует телеологическое начало и преувеличивается роль случая⁷⁵. Помимо Берга, энергично отвергавшего роль случайности в эволюции, об этом писали и такие одиозные для советского времени авторы, как славянофил и историк-ософ Н. Я. Данилевский, философ-идеалист Н. Н. Страхов, а в начале XX века — зоолог А. Тихомиров, издавший целую серию брошюр, направленных против дарвинизма, который он критиковал с ортодоксально христианских позиций. «Может ли христианин, верующий в Бога Промыслителя и Устроителя вселенной», — писал он, — «не отказываясь от этой веры, признать истинность мирозерцания, допускающее идею случайного возникновения целесообразности в природе? Может ли истинный христианин отстаивать с Дарвином нелепую мысль о том, что <...> из потомства созданного Творцом зачатка жизни, путем случайно

⁷³ Баранов (1953. С. 683); Тахтаджян (1957. С. 600). Позднее на эти концептуальные параллели указывали И. Т. Фролов (1988. С. 200) и Э. И. Колчинский (2014. С. 78).

⁷⁴ Завадовский (1932. С. 86). Ср.: «Будучи неспособными возвыситься до действительной постановки вопроса, многие последарвиновские эволюционисты в вопросе о причинах развития договариваются до боженьки. Особенно, конечно, в этом отношении изощрается ряд церковников, желающих примирить дарвинизм с религией; но от этих церковников иногда не отстают и “ученые” вроде проф. Берга» (Валескалн, 1932. С. 20).

⁷⁵ Отрицал роль случая и Ламарк, согласно которому эволюция происходит в соответствии с «законом градации», то есть, в конечном счете, predeterminedно, номогенетически.

сложившихся обстоятельств, произошел — с человеком во главе — весь мир живых существ, так дивно и для нашего ограниченного ума прямо непостижимо приспособленных к условиям своего существования?»⁷⁶

Однако практически во всех случаях концептуальное сходство лысенкоизма и номогенеза является, используя термин эволюционной биологии, конвергентным, а не унаследованным. Оно определяется логикой развития ряда исходных теоретических положений. При этом Лысенко и его сторонники не воспринимали номогенетиков как своих единомышленников. Вот почему, как отмечает Э. И. Колчинский, «в борьбе с лысенкоизмом вместе были дарвинист В. Н. Сукачев и антидарвинист А. А. Любищев, а лысенкоисты били одновременно номогенетика Л. С. Берга и дарвиниста Н. К. Кольцова»⁷⁷. Л. С. Берг признавал мутационное возникновение новых таксонов, с чем «мичуринцы» не могли бы согласиться⁷⁸. Для них, убежденных и последовательных эктоцентристов, чуждым было и центральное положение теории Берга — о некоей *внутренней* закономерности, направляющей ход эволюции, о существовании так называемых «автономических причин», определяющих развитие живых организмов совершенно независимо от влияния среды⁷⁹. Что же до А. А. Любищева, то его номогенетические убеждения сложились ещё в начале его научной карьеры и были высказаны им печатно в 1920-е гг., за много лет до возникновения «мичуринской» биологии.

⁷⁶ Тихомиров (1911. С. 8). Впрочем, против господства «случая» высказывался и «революционный демократ» Дмитрий Писарев, на авторитет которого Лысенко мог бы безбоязненно сослаться. По Писареву (2003. С. 12), «[с]лучая в природе нет, потому что все совершается по законам и всякое действие имеет свою причину; когда мы не знаем закона и когда мы не видим причин, тогда мы произносим слово “случай”». Правда, в отличие от Тихомирова Писарев считал, что дарвинизм есть не торжество случая, а его «устранение» (там же).

⁷⁷ Колчинский (2014. С. 78–79). В частной переписке А. А. Любищева встречаются высказывания, очень близкие «мичуринской» риторике: “[дарвинизм] постулирует примат внутривидовой борьбы за существование, как непреложного закона совершенствования и потому оправдывает капиталистический строй <...> Грубейшая ошибка морганистов делать вывод о монополии мутаций в эволюции <...> Взгляд, объемлющий, по возможности, всю совокупность биологических фактов, в особенности палеонтологических, неизбежно приводит к выводу о необходимости принять наследование приобретенных свойств» (выдержки из письма Б. С. Кузину, 09.11.1949. СПбФ АРАН. Ф. 1033. Оп. 3. Д. 37. Лл. 1–12об). При этом Любищев выступал как последовательный критик лысенкоизма (Любищев, 1991, 2006). На сходство некоторых позиций лысенкоизма и той версии номогенеза, которую развивал Любищев, указывал Л. Л. Халфин (1979. С. 203).

⁷⁸ Ещё менее приемлемыми для них были утверждения, подобные следующему: «Жизнь в процессах размножения осуществляет некий метафизический принцип Добра» (Берг, 1922б. С. 99).

⁷⁹ Берг (1922а. С. 102).

**Положения эволюционной концепции Льва Берга
и соответствующие им утверждения «мичуринской» биологии**

Номогенез Л. С. Берга	«Мичуринское» учение
«В вопросах эволюции дальнейшее движение вперед возможно лишь в том случае, если мы отбросим ложное учение о борьбе за существование и отборе как факторах прогресса» (Берг, 1922а. С. IV)	Отрицание внутривидовой борьбы и творческой роли естественного отбора; признание имманентно присущей всем организмам способности «адекватно», т. е. вполне целесообразно реагировать на условия их существования
«Целесообразность есть основное, далее неразложимое свойство живого, – такое же, как раздражимость, сократимость, способность к питанию, усвоению, размножению. <...> Без целесообразности вообще невысказано ничто живое» (Берг, 1922а. С. 6)*. «...если вообще живое обладает способностью реагировать на раздражения целесообразно, к чему весь естественный отбор? Ведь тогда и получается сразу то, что нужно» (Там же. С. 8).	
«Принятие <...> [принципа] приспособления к внешним условиям есть скрытое принятие наличия изначальной целесообразности, присущей живому. А тогда теория отбора делается совершенно излишней» (Берг, 1922а. С. 11)	Концепции определенной наследственности и прямого приспособления
«Всякий прогресс осуществляется скачками <...> Рождение и смерть особей, видов, идей – есть процесс катастрофический. Появлению на свет всех этих категорий предшествует длинный скрытый период развития, протекающий на основе некоторых законов, а потом сразу наступает скачок, saltus, выражающийся в появлении их на свет...» (Берг, 1922а. С. 267).	Скачкообразность эволюции, наличие этапа скрытых «ферментативных» изменений, предшествующего скачку
«Географический ландшафт воздействует на организмы <i>принудительно</i> , заставляя все особи варьировать в <i>определённом направлении</i> , насколько это допускает организация вида. Здесь не место случайностям: следствия наступают с такой же фатальной необходимостью, как реакции в химии или явления в физике. Раз географические условия тождественны или схожи, получаются тождественные или сходные результаты» (Берг, 1922а. С. 180–181)	«Групповая» изменчивость под действием среды. Отрицание роли случайности в эволюционном процессе
Любое живое существо «живет для выполнения некоей цели. Эта цель есть благо того вида, к коему принадлежит данная особь. И прежде, и яснее всего эта цель осуществляется в процессах размножения и в заботе о потомстве» (Берг, 1922б. С. 94).	«Единый закон жизни вида» Т. Д. Лысенко (1956. С. 13): все, что есть у организма, «любой орган, любой физиологический процесс, любая повадка, любая взаимосвязь индивидуумов» все служит «увеличению численности индивидуумов данного вида».

Таблица 4 (окончание)

Номогенез Л. С. Берга	«Мичуринское» учение
<p>«Очевидно, тот способ образования новых форм, какой предполагал Дарвин, а именно – путем расхождения (дивергенции) признаков, этот способ на самом деле в природе не осуществляется в таком масштабе, какой рисовался Дарвину. <...> Далее, полифилетизм говорит нам об отсутствии переходных форм между отдельными группами. <...> Все это, и конвергентность, и отсутствие переходов, свидетельствует в пользу взгляда, что эволюция идет <i>путем преобразования громадных масс особей в новые формы</i>» (Берг, 1922а. С. 246. Курсив автора – М. В.).</p>	<p>Отрицание дарвиновского принципа дивергенции и переходных форм между видами</p>

* Эта идея разделялась сторонниками механоламаркизма (Завадовский, 1932. С. 89).

Не менее одиозным биологическим учением с точки зрения советских идеологов был и витализм — распространенное в первой трети прошлого века течение научной и философской мысли, считавшее, что целесообразность в природе «есть результат деятельности особой жизненной силы, проявляющей себя лишь в организмах и отличной от всех сил, с которыми имеют дело физика и химия»⁸⁰. Популярность витализма на Западе рассматривалась в СССР как один из главных симптомов «кризиса» буржуазного естествознания, его отказ от последовательного материализма и уход к «мистике» и «поповщине». Н. И. Бухарин, характеризуя в 1932 г. состояние дел в «буржуазной науке», констатировал: «[в] области биологии свирепствует *витализм* всех видов и оттенков, быстро перерастая в откровенную теологическую апологетику»⁸¹.

Как современники⁸², так и потомки⁸³ видели в популярности витализма — и в целом «философии жизни» (А. Бергсон и другие мыслители) — реакцию против откровенной механистичности дарвиновской теории в её классической форме, против попыток редуцировать все содержание жизненных процессов к «физике и химии». В какой-то мере это была попытка части биологов отстоять автономию своей науки, отвергнув физикалистскую идею о том, что органическая жизнь принципиально мало чем отличается от существования неживых тел.

⁸⁰ Определение Л. С. Берга (1922а. С. 4).

⁸¹ Бухарин (1932. С. 59). См. в том же сборнике статью Б. М. Завадовского (1932. С. 92).

⁸² Риккерт (1998. С. 272–278).

⁸³ «В контексте общей антипозитивистской атмосферы, характерной для первой четверти XX века, концепция Дарвина легко отождествлялась с механичностью позитивистского мышления второй половины минувшего века и даже с индустриально-коммерческим духом "викторианской" эпохи» (Гаспаров, 1994. С. 189–190).

Виталисты считали, что жизнь не просто пытается пассивно выжить, приспособиться и пр., но стремится «к большему росту, более пышному, мощному и жизненному развитию. Тем самым она стоит в резкой противоположности к механическому движению, знающему только пассивное перемещение в пространстве. Основной принцип живой жизни выражается в стремлении распространяться и активности»⁸⁴.

В «мичуринской» биологии этому представлению соответствует введенное Лысенко понятие «жизненности», широко обсуждавшееся его сторонниками⁸⁵. Как было свойственно «мичуринцам», предложенные ими дефиниции этого понятия не отличались ясностью формулировок. Насколько можно судить из текстов самого Лысенко, жизненность понималась им количественно, как непрерывно изменяющаяся в ходе онтогенеза величина, служащая интегральным показателем интенсивности жизнедеятельности организма, «мерой жизнеспособности»⁸⁶. Больше того, жизненность это и есть сама «жизнь, жизненный процесс»⁸⁷. Хотя Лысенко решительно отмежевывался от виталистов, называя предложенное ими объяснение жизненных процессов идеалистическим и «совершенно неправильным»⁸⁸, из его сочинений трудно понять, в чем лежит принципиальная разница между его представлениями и классическим витализмом⁸⁹. Может быть, в том, что если виталисты считали происхождение постулируемой ими «жизненной силы» непознаваемым, то Лысенко претендовал на материалистическое её объяснение? Он отыскал её источник в диалектическом противоречии (конкретно — в акте оплодотворения), которое творит жизненность *ex nihilo*, почти как физический вакуум создает виртуальные частицы. «Оплодотворение создает жизненность, жизненный импульс», — писал Лысенко⁹⁰.

⁸⁴ Риккерт (1998. С. 273).

⁸⁵ Милованов (1952); Кушнир и др. (1953).

⁸⁶ Лысенко (1953. С. 301).

⁸⁷ Там же. Конкретизировать понятие «жизненность» можно словами В. К. Милованова, согласно которому высокая жизненность есть «сильно выраженная внутренняя необходимость, с которой организм уподобляет себе (ассимилирует) условия жизни <...> Высокожизненное животное быстрее растет, начиная уже с момента оплодотворения. Быстрее растущая зигота дает более крупный плод к моменту рождения» (Милованов, 1952. С. 105).

⁸⁸ Лысенко (1953. С. 302).

⁸⁹ Показательно, что сторонник лысенкоизма Г. В. Никольский (1962. С. 33), подобно «классическим» виталистам, критиковал идею о том, что все биологические явления могут быть сведены к «химии и тем самым, в конце концов, к физике».

⁹⁰ Лысенко (1953. С. 13). В другом месте он утверждал, что после оплодотворения «возникает, усиливается внутренняя жизненная энергия, свойство к видоизменению и превращению» (Там же. С. 220). Это выражение звучит вполне виталистически. При этом остается непонятным, каким образом применить концепцию жизненности к организмам, размножающимся бесполом путем, т. е. без оплодотворения.

Критики не преминули подчеркнуть близость между понятием «жизненности» и взглядами виталистов. В. Л. Рыжков считал, что концепция жизненности Лысенко носит чисто натурфилософский характер и не прибавляет «ничего существенного» к биологической теории, а напротив, скорее вносит путаницу. Ее автор, обеспокоенный тем, что его взгляды могут признать витализмом, не смог отмежеваться от них иначе как «чисто словесным способом, не входя в критику виталистических представлений»⁹¹. Рыжков пришел к выводу, что Лысенко не поспешил «на домыслы собственного производства, желая натурфилософией прикрыть все зияющие пробелы в фактических сведениях»⁹².

Таким образом, анализ «мичуринских» теоретических представлений о путях и механизмах эволюционного процесса не выявил ни одного пункта, в котором они были бы подлинно оригинальны, не имея соответствий во взглядах других авторов, в том числе относящихся к додарвиновской биологии⁹³. Более того, налицо явная зависимость лысенкоистской теории скачкообразной эволюции от диалектического материализма, постулировавшего, что любое развитие обязательно является прерывистым процессом, в котором периодически происходит переход количества эволюционных изменений в новое эволюционное качество.

Отсутствие подлинной новизны в содержании лысенкоизма относится и к практической стороне дела. Столь важное для «мичуринской» риторики подчеркивание перспектив «управления» эволюцией на основе «нового учения», перехода от описания процессов развития к подлинному эволюционному творчеству, можно найти у многих советских биологов, включая тех самых «формальных генетиков», на которых так агрессивно нападал Лысенко. В 1929 г. Н. И. Вавилов писал: «Мы ставим перед собой совершенно <...> утилитарную задачу овладеть

⁹¹ Рыжков (1956. С. 1040). См. также статью Л. И. Липаевой (1956), критиковавшей концепцию жизненности с чисто биологических позиций.

⁹² Рыжков (1956. С. 1040). Виталистической, с точки зрения советских критиков, например, Б. М. Завадовского (1932. С. 89), является и принятая «мичуринцами» концепция об имманентно присущей живому способности целесообразно реагировать на внешние раздражения.

⁹³ Например, предложенное Лысенко новое определение понятия «наследственность» (см. главу 3) близко представлениям Л. Бербанка, который на рубеже XIX–XX вв. утверждал, что наследственность сводится к «сумме влияний всего, что окружало все предшествовавшие поколения организмов» (цит. по: Павлов, 1953а. С. 384). Утверждение о том, будто «зачатки новых организмов рождаются организмом, его телом», а не половыми клетками, что является «абсолютно верным и общеизвестным положением» (Лысенко, 1948: С. 17), фактически воскрешает теорию пангенеза, с помощью которой Дарвин пытался (не зная законов наследственности) объяснить передачу признаков от родительских особей к потомкам.

этапами формообразования, строительным материалом для того, чтобы на основе его разворачивать *творческую работу биолога по созданию видов и форм по произволу*» (курсив мой — М. В.)⁹⁴. В учебниках эволюционной теории 1940-х гг. направляемой в интересах практики эволюции были посвящены особые главы⁹⁵.

Не был специфически «мичуринским» и призыв к «овладению» природой с целью преодоления ее «стихийности». Его вполне определенно выразил в 1932 г. Н. П. Дубинин: «Все основные процессы и состояния в системе вида должны явиться предметом и теоретического и экспериментального анализа. Как активные строители должны мы подойти к проблеме вида и овладеть ею»⁹⁶. Этот утопический пафос «овладения» и «переделки» природы был свойствен многим крупным советским естествоиспытателям того времени, от Н. И. Вавилова до В. И. Вернадского⁹⁷, но совершенно чужд Ч. Дарвину, хотя его теории в проектах утопистов отводилось важное место. Обращаясь к студентам сельскохозяйственных вузов, академик В. Л. Комаров писал:

Товарищи, вы желаете овладеть природой, вы желаете управлять ее явлениями. Вы желаете поднять сельское хозяйство страны строящегося социализма, что для этого надо? Надо понять живую природу, природу животных и растений. Поняли — овладели. А для того, чтобы понять природу, необходимо изучить Дарвина, именно не прочесть только, а изучить⁹⁸.

Тема управления эволюцией присутствовала в литературе вплоть до самых последних лет существования СССР⁹⁹. Нелишне заметить, что пафос эволюционного творчества роднил советских биологов 1920–1950-х гг. с их зарубежными коллегами — сторонниками евгеники,

⁹⁴ Цит. по: Н. П. Дубинин (1932. С. 134). Приоритет в постановке проблемы управления эволюцией в советской биологии принадлежит, по-видимому, ботанику Б. М. Козо-Полянскому, обсуждавшему эту идею еще в 1922 г. Не раз писал об этом и В. И. Вернадский, который, впрочем, относил подобную возможность к отдаленному будущему (Колчинский, 1999. С. 134).

⁹⁵ А. А. Парамонов (1945. С. 387–411); Шмальгаузен (1946б. С. 238–242). По Парамонову, суть управления эволюцией состоит в превращении «всех факторов эволюции <...> в рычаги плановой и хозяйственно-целенаправленной трансформации живых форм, отвечающей текущим потребностям и производственным отношениям социалистической общественной формации» (А. А. Парамонов, 1945. С. 388).

⁹⁶ Н. П. Дубинин (1932. С. 146).

⁹⁷ Он весьма хорошо выражен, например, в ноосферной концепции В. И. Вернадского. См. Кутырев (1990); Колчинский (1999. С. 133–134).

⁹⁸ Комаров (1937. С. 6).

⁹⁹ Георгиевский, Колчинский (1985).

целенаправленного «улучшения» человеческого рода путем научно обоснованной репродуктивной политики¹⁰⁰.

Степень несамостоятельности, отличавшей точку зрения Лысенко на видообразование, подытожил в 1955 г. философ Бонифатий Кедров:

Она в методологическом отношении однотипна с рядом других аналогичных концепций в естествознании, общественных науках и философии, которые сводят всякий скачок к взрыву, к резкому разрыву развития, к отрицанию связи и перехода, а значит, и преемственности между старым и новым качеством в процессе развития. <...> Вот почему «новое» в учении о виде с философской (но, разумеется, не с биологической) точки зрения имеет нечто общее с концепцией внезапных «революций» и «взрывов» в других областях знания, которая также претендовала на то, чтобы быть «новой»¹⁰¹.

* * *

Однако, не находя подлинной новизны в лысенкоистском учении об эволюции, возможно, следует искать ее в воззрениях Лысенко на сущность биологического вида и критерии, ее определяющие? Поиски единого и универсального определения категории вида велись в течение полутора веков после Линнея, продолжались современными Лысенко биологами¹⁰² и не окончены и по сей день.

«Мичуринцы» полагали, что им впервые в истории биологии удалось найти окончательную и убедительную формулировку, благодаря которой будут решены все практические проблемы видовой систематики, опиравшейся до них исключительно на субъективистски интерпретируемые морфологические признаки, не имеющие ничего общего с подлинной сущностью вида. Это соответствует общему для мировой систематики XX в. тренду на «биологизацию» проблемы вида, уход от формализма и односторонности, присущих традиционной «музейной» таксономии. И. Я. Павлинов, именующий это научное направление «биосистематикой», датирует его зарождение началом XX в. и называет среди его представителей, целый ряд известных имен, от Дж. Хаксли до Э. Майра¹⁰³. Для него был характерен интерес к биологическим и экологическим особенностям видов, в том числе популяционным, стремление к использованию экспериментального

¹⁰⁰ Например, у Дж. Хаксли. В одной из своих работ, опубликованной в 1923 г., он утверждал, что люди становятся «попечителями эволюционного процесса» (цит. по Галл, 2004. С. 112).

¹⁰¹ Кедров (1955. С. 158).

¹⁰² Например, Пеннет (1930), Малиновский (1947).

¹⁰³ Павлинов (2023. С. 171–172).

метода, поиск неморфологических критериев видового ранга. Среди советских авторов, писавших о том, что «реальный» вид имеет определенное экологическое (или эколого-географическое) измерение и не сводится к «музейному» виду классической систематики, был не только эколог Д. Н. Кашкаров, но и такой представитель традиционной школы таксономии, как С. И. Огнёв¹⁰⁴. На этом же настаивали и генетики, по-своему решавшие проблему вида¹⁰⁵. Е. Н. Синская, критикуя редуccionистский подход к пониманию вида, развивавшийся в трудах Ф. Добржанского и других генетиков, писала, что в нем «вид оторван от среды, ничто <...> не указывает на роль отбора в процессе видообразования»¹⁰⁶. Она противопоставляла этому подходу понимание вида как эколого-географической системы.

Поэтому, когда «мичуринец» Ф. А. Дворянкин говорил, что «морфологическая систематика не только не может быть единственным судьей в вопросе об определении вида»¹⁰⁷, он повторял лишь давно известное общее место.

Вид, с точки зрения Лысенко, представляет особое физиологическое состояние, или «качество», идентичное специфическому типу метаболизма. В природе ему соответствует совокупность особей, репродуктивно изолированная от других совокупностей того же ранга. Критерий нескрещиваемости (физиологической изоляции) восходит ко второй половине XVIII в., к трудам Ж. Бюффона, и широко использовался в XIX–XX вв. Современные биологи чаще всего ассоциируют его с «биологической концепцией вида» Майра¹⁰⁸, однако еще в креационистской таксономии середины XIX столетия господствовало убеждение, что «Бог воспрещает помесям размножаться» что это — «закон природы, созданный и установленный Господом», из-за чего бесплодие межвидовых гибридов считалось самым надежным критерием вида¹⁰⁹.

Поиски специфического для вида «качества», основанного не на морфологии, а на более надежных признаках, например, физиологических или биохимических, велись в советской биологии и вне рамок «мичуринской» исследовательской программы. Большой интерес представляют работы А. В. Благовещенского в области эволюционной биохимии растений. Этот автор, по-видимому совершенно независимо

¹⁰⁴ Кашкаров (1939); Огнёв (1944).

¹⁰⁵ Вавилов (1931).

¹⁰⁶ Синская (1942. С. 353). Определения вида, дававшиеся генетиками в 1930-е гг., обсуждаются в главе 1.

¹⁰⁷ Дворянкин (1958а. С. 30).

¹⁰⁸ Майр (1947, 1968); Завадский (1968); Грищенко и др. (1983).

¹⁰⁹ Ellegård (1990. P. 207–208).

от Лысенко, утверждал, что сущность вида идентична специфическому для него типу обмена веществ. Поскольку он определяется белками, то выявление уникального для вида набора протеинов может служить для построения объективной системы растений, а также для выяснения их филогенеза¹¹⁰. Более того, по утверждению П. А. Баранова, физиологические свойства растений эволюционируют быстрее, чем признаки их морфологии, что в философских терминах описывалось как «отставание формы от содержания»¹¹¹. Поэтому в согласии с Лысенко, вполне возможно существование «физиологических» видов, имеющих различное «видовое качество», но идентифицируемых только на основе критерия нескрещиваемости.

Ещё один объективный критерий вида, предложенный Лысенко, основывался на принципиальном различии между видами и внутривидовыми формами (разновидностями)¹¹². Лысенко отрицал, что разновидности имеют эволюционное значение (т. е. являются, по Дарвину, «зарождающимися видами»), а также возможность борьбы между разновидностями одного вида: подлинный антагонизм характеризует исключительно межвидовые отношения. Этот критерий — отсутствие внутривидовой борьбы — сторонники Лысенко считали очень надежным и тратили много сил на полемику с авторами, защищавшими восходящие к Дарвину представления о напряженном соперничестве между особями одного вида.

По моему мнению, постулат об отсутствии внутривидовой борьбы, провозглашенный Лысенко, и является тем новым и оригинальным, что отличало НУВ от других теорий вида своего времени. Однако и в этом случае подлинно новой является лишь категоричность, с которой Лысенко отвергал внутривидовую борьбу и любую эволюционную роль,

¹¹⁰ Благовещенский (1939, 1950). М. М. Ильин в те же самые годы призывал перестроить филогенетику растений, которая должна перестать быть чисто морфологической, и развивать «филогенетическую физиологию и биохимию». По Ильину, построение филогении на чисто морфологической основе является метафизикой и идеализмом, поскольку не учитывает, что организм эволюционирует «в целом, в единстве взаимосвязей содержания и формы, т. е. к единству типа обмена веществ и связанных с ней биохимических процессов и морфы» (Ильин, 1951а. С. 130–134).

¹¹¹ Баранов (1953. С. 685–686). См. также Ильин (1951а).

¹¹² Можно указать на параллелизм (очевидно внешний) между НУВ и взглядами генетика-мутациониста Р. Гольдшмидта, считавшего, что образование разновидностей (подвидов) связано с количественными преобразованиями генома, а для появления нового вида требуется качественный переход-скачок, в основе которого лежат макромутации (см. Галл, 2004. С. 161). Конечно, едва ли Лысенко мог знать работы Гольдшмидта, опубликованные перед Второй мировой войной, а если и знал, то не мог бы согласиться с его представлениями о мутагенном видообразовании.

которая могла быть ей приписана. Борьба эта, по мнению Дарвина, является результатом перенаселения в природных популяциях. С «мичуринской» точки зрения такого перенаселения в естественных условиях не бывает. Такая позиция обусловлена была не только и не столько биологическими наблюдениями и опытами над культурными растениями, но и той резкой антипатией к мальтузианству (основанному на представлении о перенаселении), которую испытывали «классики марксизма». Если перенаселения нет, то нет и борьбы, и мальтузианский аргумент, ошибочно усвоенный Дарвином, становится не нужен. Такая логика отражает искаженное представление о теории естественного отбора, как основанной, якобы, на «ожесточенной борьбе между особями одного и того же вида, приводящей к постепенному отбору и выживанию наиболее приспособленных». Эти слова, принадлежащие Г. В. Никольскому¹¹³, с удовольствием повторили бы многие критики Дарвина XIX–XX вв., далекие от биологии и естественнонаучного материализма. В русской философской мысли издавна существовала традиция отрицательного отношения к псевдодарвиновскому представлению о природе как вечной войне «всех против всех»¹¹⁴, и Лысенко, если бы мог и хотел, сумел бы найти в прошлом немало своих предшественников.

Среди интеллектуалов дореволюционной России, критически отнесшихся к дарвиновской метафоре «борьбы за существование», были люди совершенно разных философских и политических убеждений. Всем им одинаково претило восприятие эволюции как торжества грубой физической силы и вечной схватки за место под солнцем. По словам церковного историка А. П. Лебедева, Дарвин «старается объяснить всё развитие мира органического <...> действием так называемого у него начала “борьбы за существование”. Организмы постоянно борются между собой и в этой борьбе, которая разнообразна до бесконечности, незаметно усовершенствуются <...> Борьба эта, как борьба не на живот, а на смерть, требует, конечно, бесчисленных жертв. Переживают ее только более сильные организмы, остальные гложут и помирают, не доживя века. Теория в общем не чужда чувства кровожадности». «Мир есть бойня,» — продолжал он, — «вот основное понятие Дарвиновой теории: он был бойней, бойня есть и бойней будет! Дарвинова теория есть какой-то призыв к кулачной расправе!»¹¹⁵ Лебедев выводил из этого заключение

¹¹³ Никольский (1953б. С. 821).

¹¹⁴ Американский историк биологии Д. Тодес (Todes, 1989) называет это «Дарвин без Мальтуса».

¹¹⁵ Лебедев (1878. С. 1, 3).

о несовместимости дарвинизма с «религиозными и нравственными симпатиями» человека, чувством его достоинства и христианскими убеждениями¹¹⁶.

Н. Я. Данилевский, пожалуй, самый последовательный критик дарвинизма в России в XIX в., хотя и не отрицал сам факт внутривидовой борьбы, но считал ее эволюционное значение ничтожным, поскольку ситуация перенаселения в природе возникает лишь очень локально и никогда не продолжается долго. Поэтому внутривидовая борьба «может происходить только урывками, то там, то здесь, то для одних, то для других существ, то в одно, то в другое время, так что происходит не всеобщая и непрерывная война, а только частные временные и местные войны, которые прерываются частыми промежутками мира»¹¹⁷.

На другом идеологическом полюсе находился атеист и радикальный демократ Николай Чернышевский, столь же неприязненно¹¹⁸ отнесшийся к борьбе за существование и осуждавший Дарвина за следование теории Мальтуса: «[ч]то постыдятся оказать в извинение своих злых шалостей невежественные мальчики, то придумал и возвестил миру человек умный, человек очень добрый <...> вот до какого помрачения памяти и рассудка может доводить ученое фантазерство, развивающее ошибочную догадку о значении непонятых чужих слов!»¹¹⁹ Чернышевский полагал, что любая борьба есть зло, дезорганизация, и потому не может в принципе быть фактором прогресса.

В попытках как-то «реформировать» классический дарвинизм некоторые русские авторы, из которых можно упомянуть К. Ф. Кесслера и П. А. Кропоткина, выдвигали на первый план не борьбу, а взаимопомощь между организмами, которую они считали подлинным двигателем эволюционного прогресса¹²⁰.

Принципиальное отличие теории Лысенко от взглядов процитированных выше авторов состоит в том, что он последовательно проводил разницу между межвидовым и внутривидовым антагонизмом,

¹¹⁶ Там же. С. 1. Ещё один активный русский антидарвинист, А. Тихомиров, также не уставал подчеркивать, что учение об естественном отборе «подразумевает, конечно, особо ожесточенную борьбу за жизнь между видами, наиболее друг другу близкими и в результате этой борьбы — вытеснение одних другими» (Тихомиров, 1907. С. 28).

¹¹⁷ Данилевский (1885. С. 461).

¹¹⁸ В отличие от другого современного ему представителя радикального лагеря, Дмитрия Писарева.

¹¹⁹ Чернышевский (1951. С. 769).

¹²⁰ Todes (1989).

отрицая лишь последний, а также выдвигал оригинальный тезис о том, что отношения особей внутри вида не являются ни борьбой, ни взаимной помощью. Их специфику он пытался объяснить с помощью метафоры, уподобляя особей одного вида — органам в составе тела, гармонично взаимодействующих между собой ради блага единого целого, которому они принадлежат (т. е. организма)¹²¹.

Из современников Лысенко, высказывавших сходные мысли, можно назвать фитосоколога В. В. Ревердатто, считавшего, что внутривидовая борьба вследствие перенаселения хотя и реальна, но эволюционного значения не имеет, так как порождает только модификационную (т. е. обратимую) изменчивость. Как только перенаселение прекращается, все возвращается в исходное состояние¹²². Хотя Ревердатто также можно отнести к отрицателям борьбы за существование, он отвергал — в отличие от Лысенко — антагонизм между видами, а не внутри вида. По его убеждению, хотя потенциально близкородственные («экологически равноценные») виды должны вступать в конкуренцию между собой, они чрезвычайно редко сосуществуют в одной экосистеме, так что межвидовая борьба практически никогда не происходит и фактором прогрессивной эволюции не является¹²³.

Обращаясь к трудам самого Ч. Дарвина, можно понять, что сам он не абсолютизировал значение борьбы. Хотя в «Происхождении видов» имеются фразы, как будто свидетельствующие против этого¹²⁴, Дарвин разъяснял, что антропоморфное представление о борьбе как о беспощадной схватке за ресурсы или насилии сильного над слабым, крайне однобоко. Борьба, в том числе и внутривидовая, может идти практически незаметно, в виде мирного соревнования, не имеющего ничего общего с «бойней» и «кулачной расправой», о которых писал Лебедев. Дарвин употреблял выражение «struggle for existence» в очень широком и метафорическом смысле, «включая сюда зависимость одного существа от другого, а также <...> успех в оставлении потомства»¹²⁵. Пустынное растение, целиком зависящее от влажности, «ведет борьбу за жизнь против засухи»¹²⁶, а не с особями своего вида, что очень далеко

¹²¹ Лысенко (1956. С. 10, 14).

¹²² Ревердатто (1935. С. 29–30).

¹²³ Там же. С. 19–21, 26.

¹²⁴ «Лик природы представляется нам радостным, мы часто видим избыток пищи; мы не видим или забываем, что птицы, которые беззаботно распевают вокруг нас, по большей части питаются насекомыми и семенами и, таким образом, постоянно истребляют жизнь; мы забываем, как эти певцы или их яйца и птенцы в свою очередь пожираются хищными птицами и зверями» (Дарвин, 2001. С. 66).

¹²⁵ Там же. С. 67.

¹²⁶ Там же.

от картины, которую изображали пристрастные критики дарвинизма. На страницах «Происхождения видов» Дарвин утешал читателей и себя самого, утверждая, что в природе борьба за существование идет не постоянно, а с перерывами, и что при этом «не испытывается никакого страха, что смерть обыкновенно разит быстро и что сильные, здоровые и счастливые выживают и множатся»¹²⁷.

Иными словами, даже то новое и оригинальное, что нам удалось обнаружить в «новом учении о виде», оказалось основанным на пристрастной и односторонней интерпретации дарвинизма, — теории, которую Лысенко и его сторонники стремились очистить от «ошибок» и «творчески развить».

¹²⁷ Там же. С. 76. Б. М. Завадовский (1932. С. 81) счел это высказывание «совершеннейшим диссонансом и прямой уступкой мешански-обывательским сантиментальным настроениям», завершающим «блестящий анализ» явления борьбы за существование.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Новое учение о виде», каким оно было представлено в статьях и выступлениях Т. Д. Лысенко 1948–1952 гг., стало не только кульминацией развития «мичуринской» биологии, но и началом её неизбежного конца. «Советский творческий дарвинизм» оказался недолговечен, и первый шаг в его преодолении положила именно «дискуссия о виде», развернувшаяся, начиная с конца 1952 г., на страницах «Ботанического журнала», «Бюллетеня МОИП, отдел биологический» и «Вестника ЛГУ». Натурфилософские, а зачастую и просто фантастические положения, выдвигавшиеся защитниками НУВ, оказались прекрасной мишенью для критиков, которые, к тому же, были свободны от стигматизирующей клички «менделистов-морганистов» и имели больше возможностей для высказывания своего мнения, чем «формальные генетики», лишённые права голоса после «августовской» сессии¹²⁸. НУВ оказалось самым уязвимым звеном во всей громоздкой концептуальной конструкции «мичуринской» биологии, и с ним было, по существу, покончено уже в 1956–1957 гг. Хотя сторонники Лысенко продолжали отстаивать свои взгляды на вид и видообразование вплоть до начала 1970-х гг.¹²⁹, их выступления уже не вызвали полемических ответов из противоположного лагеря. Уже с середины 1950-х гг. вопросы вида и видообразования обсуждались в контексте современной генетики и синтетической теории эволюции, без упоминания «нового учения о виде»¹³⁰. Концептуальная нищета НУВ была выяснена, и дискутировать стало не о чем.

Эта нищета особенно рельефно проявляется при сопоставлении «мичуринской» теории вида с теми многообразными и разноплановыми эйдологическими дискуссиями, краткий обзор которых дан в первой главе. После августа 1948 г. всё это многообразие на несколько лет было заморожено и заменено в приказном порядке «одноточной» теорией

¹²⁸ Последним — перед долгим перерывом (примерно до 1956 г.) — антилысенковским выступлением классических генетиков, опубликованным в СССР, стали речи, произнесенные А. Р. Жебраком, И. А. Рапопортом, В. С. Немчиновым и некоторыми другими на «августовской» сессии ВАСХНИЛ. Все они были воспроизведены массовым тиражом в составе стенограммы ее заседаний.

¹²⁹ Никольский (1962, 1968, 1972); Иоганзен (1963).

¹³⁰ Тахтаджян (1955); В. И. Полянский (1959); Оленов (1961); и др.

Лысенко, объявленной единственно верным и полностью отвечающим духу диалектического материализма решением проблемы вида. Как я постарался показать в этой книге, НУВ содержало ряд здравых суждений, которые могло бы принять большинство, если не все биологи, независимо от их отношения к лысенкоизму. Однако эти здравые идеи тонули в потоке риторики и натурфилософских рассуждений, к тому же они обычно доводились «мичуринцами» до абсурда, как это произошло с абсолютизацией роли «пищи» как фактора видообразования или с отрицанием внутривидовой конкуренции. Пагубное действие имело и стремление Лысенко и его сторонников разделаться со своими научными оппонентами, обвиняя их в страшных идеологических грехах — «метафизике», «идеализме», непонимании высказываний «классиков марксизма» по вопросам биологии (даже тех из них, что были высказаны в приватной корреспонденции, без расчета на обнародование).

С другой стороны, наличие в НУВ этих здравых идей давало возможность некоторым крупным биологам искренне, без намека на конъюнктурность, принять «мичуринскую» теорию за основу своих эволюционных воззрений, позволяя себе при этом не соглашаться с отдельными её постулатами или предпринимать попытки их ревизии¹³¹. Всецело разделяя установку «партии и правительства» на поддержку и продвижение «советского творческого дарвинизма», эти ученые старались развить и собственные представления о видообразовании, не выходя при этом из рамок НУВ.

Говоря о научной составляющей НУВ, можно вспомнить расхожее выражение, применяемое к трудам не очень даровитых ученых: «все, что в его (её) сочинении оригинально, то не верно; всё, что верно — не оригинально». Это относится к положениям, взятым Лысенко в готовом виде (скачкообразное видообразование, наследование приобретенных признаков), а также к его новациям вроде очень нетривиальной трактовки понятия «наследственность». Сшитая, как лоскутное одеяло, из разнородных компонентов и подкрепленная идеологически верными цитатами и торжественно провозглашенными «законами»¹³², конструкция под названием «новое учение о виде», была откровенно нежизнеспособной и не выдержала даже первого критического натиска, проводившегося, что не следует забывать, в подцензурных условиях. Как многократно отмечали историки лысенкоизма, как отечественные, так и иностранные, только беспрецедентная политическая

¹³¹ См., например, Ильин (1953б); Никольский (1955); Иоганзен (1955, 1956).

¹³² «Единый закон жизни вида», «закон единства организма и среды его обитания» и т. п. порождения «мичуринского» номоцентризма.

и административная поддержка могла дать подобной теории шанс на существование (и то всего лишь на считанные годы).

В истории формирования НУВ очевидна и роль социального заказа¹³³. Как следует из представленных в этой книге материалов по истории «советского творческого дарвинизма», лысенкоистские представления о видообразовании сложились в немалой степени как произвольная экстраполяция на эволюционный процесс результатов опытов по селекции культурных растений, демиургический характер которых открыто декларировался Лысенко и его сторонниками. «Мичуринцы» всерьез претендовали на планомерное, рассчитанное «управление эволюцией», что в практическом отношении изображалось ими как создание новых сортов (и даже видов!) растений с заранее заданными свойствами. В частности, довоенный социальный заказ, принятый к исполнению Лысенко и другими «агробиологами», состоял в том, чтобы «путем подстановки нужных условий из <...> организмов можно [было] лепить, создавать новые, нужные нам формы»¹³⁴. В 1940 г. Лысенко назвал этот проект «реальной фантазией», воплотить которую в жизнь возможно «только на основе учения Энгельса о диалектике природы»¹³⁵.

Критики лысенкоизма 1960-х гг. не скупилась на отрицательные оценки как самой «мичуринской» биологии, так и развивавшихся в её рамках представлений о виде и видообразовании. К. М. Завадский охарактеризовал взгляды Лысенко как очередную разновидность псевдодарвинизма, А. Л. Зеликман — как «механический эктогенез», Б. Е. Райков как «воинствующий антидарвинизм»¹³⁶, а А. А. Любищев как «доведенный до крайности механоламаркизм»¹³⁷. От безоговорочной поддержки всех положений лысенкоизма отказались даже самые верные его сторонники¹³⁸. Однако антидарвинистская сущность «советского творческого дарвинизма» сама по себе едва ли могла обусловить ту негативную репутацию, которую лысенкоизм (и как система научных взглядов, и как институционализированное направление в советской биологии) завоевал как у современников описываемых событий,

¹³³ В докладе на «августовской» сессии ВАСХНИЛ Лысенко назвал свое учение выполнением «заказа советского народа о вооружении совхозов и колхозов передовой научной теорией» (Лысенко, 1948. С. 522). Сравните с его более поздним высказыванием: «[р]азработка теории видообразования крайне необходима для решения многих важных практических задач колхозно-совхозного производства» (Лысенко, 1952. С. 27). М. А. Ольшанский (1950. С. 28) называл «мичуринское» учение «продуктом колхозно-совхозного сельского хозяйства».

¹³⁴ Лысенко, 1946. С. 295.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Райков (1958).

¹³⁷ Завадский (1968. С. 137–139); Зеликман (1965. С. 171); Любищев (1991. С. 124). См. также Артемьев (1970. С. 47).

¹³⁸ Например, Платонов (1959); Давиташвили (1966. С. 192–195).

так и у позднейших историков науки. Сами по себе научные «ереси» и даже ошибки не только не предосудительны, но даже необходимы для движения науки вперед. Не являются лженаучными и антидарвинистские взгляды. Оппонентов и противников дарвиновской теории в прошлом было много, в том числе и среди российских ученых, имена которых произносятся сейчас с большим уважением (С. И. Коржинский, Л. С. Берг). Повторю важную для меня мысль, уже высказанную в предисловии к этой книге. Лысенкоизм, как и составная его часть — «новое учение о виде», «плох» не сам по себе, а в первую очередь тем, что был путем административного нажима и принуждения объявлен единственно верным и единственно приемлемым для советской науки, безальтернативным и обязательным для всех биологов. Взгляды научных оппонентов Лысенко были на самом высоком уровне (ВАСХНИЛ, Президиум АН СССР) объявлены вредными и подлежащими безусловному искоренению в Советском Союзе. Однако, как показали материалы советской «дискуссии о виде» середины 1950-х гг., и как показывают сопоставления, собранные в главе 7, представления Лысенко о виде и видообразовании никак не могли претендовать на последнее слово науки по данному вопросу и тем более на подлинное и творческое (без кавычек) развитие дарвинизма. По моему глубокому убеждению, для нормального существования науки вредны не только попытки догматизации любых научных теорий, но и попытки решать научные споры логоцентрически (то есть со ссылкой на вненаучный авторитет, религиозный или философский), не говоря уже об использовании административного ресурса. К сожалению, нельзя сказать, что в нашей стране исчезла социальная база для повторения чего-то подобного истории лысенкоизма.

Вряд ли, конечно, можно ожидать реального воскрешения взглядов Т. Д. Лысенко на наследственность и эволюцию и их принудительное насаждение в научном сообществе. Апологетические публикации последних лет, в том числе вышедшие из-под пера авторитетных биологов старшего поколения¹³⁹, выражают скорее ностальгию по утраченной стране, «где так вольно дышит человек», чем реальную программу реставрации «мичуринской» биологии. Однако с распадом СССР биология в России и странах бывшего Союза столкнулась с вызовом религиозного фундаментализма, от которого была ранее надежно ограждена барьерами «научного» атеизма. Попытки ревизии основ биологической картины мира могут быть предприняты именно в этом направлении, и тогда вполне пригодятся испытанные в 1940–1950-е гг. методы борьбы с инакомыслящими. Если не в академической среде, то в средней и даже

¹³⁹ Животовский (2014); Шаталкин (2015, 2016).

высшей школе (как это происходит в США, где во многих штатах очень сильно фундаменталистское лобби, призывающее прямо запретить преподавание эволюционной теории в школах)¹⁴⁰.

Поэтому изучение истории лысенкоизма, чему уже посвящены сотни книг и статей, остается актуальной задачей. Конечно, популярный лет 30 назад способ ее изложения как «политики, опрокинутой в прошлое», ведет к свехупрощениям и черно-белому восприятию сложной событийной картины, к мифологизации истории в манихейском духе как противостояния «героев» и «злодеев» научного сообщества¹⁴¹. Среди советских биологов, примкнувших к Лысенко, были не только невежественные карьеристы и приспособленцы, но и крупные ученые, составившие себе имя в науке задолго до августа 1948 г. Каждый из них смог найти созвучные ему утверждения в том эклектичной конструкции, что именовалась «мичуринской» биологией. Нечто подобное происходило и в других областях знания. Для сравнения приведу выдержку из книги, посвященной советскому сообществу историков 1930–1950-х гг.: «Из убеждения в том, что сталинизм — это лишь террор, проистекает вполне предсказуемая картина событий: власть давит, беспощадно, безжалостно, и историк оказывается жертвой. <...> Но сталинизм в исторической науке — это не только давление сверху, но и постепенное, добровольное — со стороны большинства историков — включение в свой жизненный мир цитат из трудов Сталина. Это — добровольное стремление ученых постичь историческую истину во всей ее полноте. <...> Историки находились под прессингом, но одновременно сталинизм подпитывался кипучей энергией историков»¹⁴².

Условия взаимодействия между властью и наукой в рассматриваемый период были далеки от нормальных. Государственная власть не только выступала как единственный заказчик научных исследований, но считала своей прерогативой вмешиваться в теоретические дебаты, силой собственного авторитета определяя победителей и побежденных. Однако, как показывает история НУВ, тотальный прессинг «сверху» мог натолкнуться на серьезное сопротивление со стороны ученых, пусть даже в пределах тех ограничительных рамок, что существовали в данный период. Избранная тактика оказалась весьма эффективной. «Новое учение о виде» было отвергнуто большинством советских биологов, многие из которых, вероятно, были вполне лояльны советскому строю и не воспринимали себя как «фрондеров» или «диссидентов». Учение Лысенко о виде критиковалось в первую очередь как научная теория, что помогло быстро выявить его несостоятельность и открыло путь

¹⁴⁰ См., к примеру, Колчинский (2014. С. 252–254, 680–684).

¹⁴¹ Колчинский (2013. С. 108).

¹⁴² Юрганов (2019. С. 674).

к постепенному восстановлению позиций классической, «немичуринской» генетики в Советском Союзе.

Если же говорить о том, как соотносятся положения НУВ с современными представлениями о виде и видообразовании, то ответ будет весьма короток. Никакого влияния этой теории на мышление и исследовательские подходы практикующих систематиков и эволюционистов в наши дни не обнаруживается. Большинство нынешних биологов едва ли определенно представляют себе теоретическое содержание лысенкоизма, а «новое учение о виде» если и известно им, то лишь в форме анекдотов о «порождении» кукушки пеночкой и пшеницы — рожью. На мой взгляд, это вполне заслуженное забвение.

БЛАГОДАРНОСТИ

Я признателен рецензентам этой монографии — д. б. н. И. Н. Болотову (Архангельск) и д. б. н. М. Б. Конашеву (Санкт-Петербург). Отдельные части и положения книги обсуждались с М. Б. Конашевым, к. б. н. А. И. Ермолаевым (Санкт-Петербург), д. б. н. И. Я. Павлиновым (Москва), к. б. н. В. А. Артамоновой (Москва) и к. б. н. А. А. Махровым (Москва), высказавшим немало интересных соображений и ценных для меня замечаний. Хочу сказать спасибо Е. А. Анненковой, сотруднику Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, за помощь в работе с архивными документами. Особые слова благодарности — коллективам петербургских библиотек, без труда которых было бы невозможно провести данное исследование. Это библиотеки Зоологического института РАН, Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Санкт-Петербургского государственного университета, а также Российская национальная библиотека.

Приложение

ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩНОСТИ БИОЛОГИЧЕСКОГО ВИДА, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ СОВЕТСКИМИ АВТОРАМИ В 1930–1950-х гг.

(РАНЖИРОВАНЫ В ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ ПОРЯДКЕ)

Л. С. Берг

Вид есть «совокупность особей, всегда отличающихся одним или несколькими признаками от близкой совокупности особей, обладающая определенным (сплошным или разорванным) ареалом» (Л. С. Берг, 1932. С. 39).

В. Л. Комаров

Вид есть «совокупность поколений, происходящих от общего предка, и под влиянием среды и борьбы за существование обособленных отбором от остального мира живых существ; вместе с тем вид есть определенный этап в процессе эволюции» (Комаров, 1940; цит. по Комаров, 1945. С. 373).

И. А. Рубцов

«Под видом разумеют наименьшую, биологически и морфологически изолированную, развивающуюся генетически независимо от других форм, качественно отличную совокупность организмов отдельной филогенетической ветви, возникшую в процессе дивергенции путем естественного отбора и потому приспособленную к конкретным условиям существования. Вид характеризуется комплексом мелких, передающихся по наследству признаков, не только количественных, но и качественных — морфологических, цитологических и эколого-географических и отделен от смежных видов хиатусом; как правило, он в природе не скрещивается со смежными видами или дает неплодотворное потомство, обладает независимым географическим ареалом <...> и определенной индивидуальной и географической изменчивостью, которая укладывается в известную систему более мелких, часто соподчиненных таксономических единиц (подвидов, экотипов)» (Рубцов, 1941. С. 198–199).

Е. Н. Синская

«Следующее определение вида претендует на полноту (никто ещё не дал исчерпывающего определения вида), но, по нашему мнению, дает

хороший критерий для разграничения видов. Вид — это такая стадия эволюционного процесса, когда совокупность родственных популяций, происходящих из одного источника, образует в процессе приспособления к ареалу системы экотипов и геоэкотипов, не налегающих друг на друга пространственно и не служащих на большей части ареала продолжением экотипов другой видовой системы» (Синская, 1942. С. 354).

С. Я. Парамонов

Вид — это «биологический факт, это исторически сложившаяся, естественная совокупность родственных организмов, ведущая замкнутое от других подобных комплексов существование. Морфологически это комплекс особей, обладающих некоторыми только им свойственными наследственными признаками, причем между данным комплексом и близкими нет переходных индивидов <...> (хотя в случае искусственной или естественной гибридизации такие особи и могут встречаться); физиологически это комплекс особей, могущих свободно скрещиваться друг с другом, давать одинаково с родительским поколением плодущее и морфологически сходное и однородное потомство <...> Кроме морфологических и физиологических особенностей эти комплексы несут ещё ряд особенностей в образе жизни (в самом широком смысле этого слова), географическом распространении и т. д.» (С. Я. Парамонов, 1943. С. 11–12)¹.

«Вид — это *совокупность* различных по объему и различных по протяжению во времени и распространению в пространстве *цепей поколений* родственных организмов, получивших в результате исторического процесса взаимодействия организма и среды известное количество только им свойственных (наследственных и ненаследственных) морфологических, физиологических, биохимических, экологических и биогеографических признаков, которые отличают и отграничивают данную совокупность от ей родственных.

Эта совокупность, будучи сложным, но в то же время и единым биологическим целым, изменяющимся беспрестанно <...> по разным сторонам своей сущности, и в различных темпах во времени и пространстве, является обособившейся частью материнской совокупности, рано или поздно исчезающей <...>

Обособление и окончательная самостоятельность дочерних совокупностей определяются степенью замкнутости в произведении себе подобных или поколений, не похожих на родительские, но возвращающихся рано или поздно к родительской форме. Морфологически

¹ В этой статье содержится также обзор определений вида, предложенных отечественными и зарубежными авторами, ботаниками и зоологами, от Кювье до Комарова (Парамонов, 1943. С. 13–15).

обособление выражается в отсутствии переходных форм между обособившимся дочерними совокупностями, с одной стороны, и материнской с другой, физиологически в нескрещиваемости, бесплодии или слабой плодовитости, либо, наконец, в неоднородности и нежизненности представителей дочерних и материнской совокупностей при их скрещивании; у организмов, размножающихся бесполом путем, обособление выражается в том, что физиологические и биохимические отличия дочерних совокупностей постоянно удерживаются» (С. Я. Парамонов, 1943. С. 16–17. Курсив автора).

Р. Л. Берг

«Видом называем эволюционирующую систему, слагающие части которой объединены не только общностью эволюционного пути, но и единством геохимической функции в биосфере. От всех других видов данный вид отличается своим только ему присущим путем эволюции» (Р. Л. Берг, 1944. Цит. по Р. Л. Берг, 1993. С. 230).

Н. А. Бобринский

«Вид есть совокупность особей, отличия между которыми не превышают отличий, встречающихся среди родных братьев и сестер; или, что чаще, вид есть комплекс таких совокупностей, совокупностей морфологически близких, замещающих друг друга географически и обычно связанных друг с другом полным рядом особей промежуточного характера» (Бобринский, 1944. С. 25).

С. И. Огнёв

Вид есть «система, или комплекс, обладающий качественными, относительно стойкими морфологическими особенностями, которые обычно не дают переходных градаций к смежному виду или видам, т. е. между видами имеется в большинстве случаев разрыв (*hiatus*). В потомстве вида невозможно повторение таких особей, которые были бы тождественны с особями других видов. Для большинства видов характерны психо-физиологическая изоляция и ареал, который в некоторых случаях может перекрываться и переплетаться с ареалом другого или других близких видов» (Огнёв, 1944. С. 14).

Л. Н. Делоне

«Вид — совокупность рас общего происхождения, возникшая в историческом процессе эволюции и обособившаяся от ближайших совокупностей того же ранга в результате вымирания промежуточных звеньев; занявшая на некотором историческом промежутке времени определенный ареал распространения, в пределах которого связана с той или иной средой обитания; обладающая специфическим комплексом общих для

всех членов совокупности морфофизиологических признаков и свойств при наличии более или менее резкого разнообразия в отдельных чертах, характеризующих различные расы и подвиды (зачинающиеся виды), возникшие и продолжающие возникать в пределах данной совокупности в силу непрерывно продолжающегося процесса эволюции» (Делоне, 1945. С. 115).

А. А. Парамонов

«Видом называется происшедшая путем размножения от себе подобных и, следовательно, естественно сложившаяся совокупность форм, обладающих, как правило, *общими им всем* (по крайней мере в пределах одного и того же возраста и пола) морфо-физиологическими признаками и приспособленных к существованию в пределах определенного *ареала* распространения и известных *местообитаний* в нем; в пределах этого ареала и местообитаний особи одного вида *свободно между собой скрещиваются* и дают *плодовитое потомство*, воспроизводящее по законам *преемственности* те же общие, т. е. видовые признаки; этот процесс воспроизведения видовых признаков всегда, однако *индивидуализирован*, вследствие чего постепенно возрастает *неоднородность населения вида*, который в конечном счете дифференцируется на различные *внутривидовые группы*, в том числе на местные расы или подвиды — *основу вновь зачинающихся видов*» (А. А. Парамонов, 1945. С. 9. Курсив автора).

Б. М. Житков

Вид — это «совокупность особей, похожих одна на другую так, как дети одних родителей. Особи одного вида нормально размножаются и дают плодовитое потомство. Случаев скрещивания особей различных видов мало, при этом потомства не получается вовсе или оно не плодовитое» (Житков, 1946. С. 6).

М. А. Розанова

«Вид это движущаяся и изменяющаяся популяция в некотором отрезке времени, имеющая общее происхождение и характеризующаяся определенными морфолого-физиологическими и экологическими признаками и географическим ареалом, отделенная от другой подобной популяции прерывистостью в серии биотипов» (Розанова, 1946. С. 182).

И. И. Шмальгаузен

«[В]иды имеют объективное существование как определенно характеризующие группы, явно отграниченные от других групп, состоящие из особей, связанных между собой тесным родством, морфологическим и физиологическим сходством, свободно между собой скрещивающихся,

занимающих определенный ареал распространения и определенную экологическую нишу» (Шмальгаузен, 1946б. С. 285).

В. В. Алпатов

«Вид — это систематическое понятие или категория. К данному виду относятся особи, которые резко отличаются от особей, относящихся к ближайшему виду, они свободно скрещиваются между собой, обладают сходством строения и отправления своих органов и заселяют определенный ареал <...> и характеризуются своей собственной экологической нишей» (Алпатов, 1948. С. 27).

В. Ф. Купревич

Вид есть «совокупность особей ряда поколений общего происхождения, приуроченных к определенным субстратам и территориям и характеризующихся обособленным морфологическим, функциональным или биологическим единством, проявляющимся в определенных жизненных условиях и относительно стабилизированным в границах естественной индивидуальной или групповой изменчивости» (Купревич, 1949. С. 31).

Л. И. Хозацкий

Вид «есть возникшая в результате естественного отбора путем скачка в монофилетическом развитии общность организмов, относительно устойчивая во времени и географически обособленная. Представители каждого вида характеризуются определенной нормой требований к условиям жизни и приспособительными к этим условиям морфологическими, физиологическими и экологическими признаками, взаимосвязанное единство которых закреплено в наследственности и проявляется в специфическом жизненном цикле» (Хозацкий, 1949. С. 4).

Т. Д. Лысенко

Вид — это «особенное качественно определенное состояние живых форм материи. Существенной характерной чертой видов растений, животных и микроорганизмов являются определенные внутривидовые отношения между индивидуумами», которые «качественно отличны от взаимоотношений между индивидуумами разных видов. Поэтому качественное отличие внутривидовых взаимоотношений от межвидовых взаимоотношений является одним из важнейших критериев для различения видовых форм от разновидностей» (Лысенко, 1950; цит. по Лысенко, 1953. С. 319. Курсив автора).

С. А. Северцов

«...вид представляет собой не только свободно размножающуюся половым или бесполом путем популяцию или совокупность популяций,

заселяющих определенный ареал; это именно сообщество, в котором особи, различные по полу и возрасту, связаны между собой особыми внутривидовыми отношениями и составляют некоторое целостное единство. Вид в целом представляет особую жизненную форму и занимает особую экологическую нишу. Он отлично от других видов реагирует на воздействие внешних условий и отлично от других видов воздействует на среду» (С. А. Северцов, 1951. С. 44–45).

С. Г. Крыжановский

«Вид — длительно существующее качество, в которое переходит количество организующих его особей. Качество вида выражается в специфическом взаимодействии со средой и в специфических внутренних противоречиях, в процессе развития которых возникают преходящие внутренне необходимые антагонистические противоречия (не имеющие ничего общего с дарвиновской конкуренцией)» (Крыжановский, 1953. С. 1094).

Н. В. Павлов

«Совокупность особей морфологически и качественно схожих, физиологически относительно несовместимых с другими близкими особями, связанных между собой специфическими внутривидовыми отношениями, существующих в определенных условиях обитания и обладающих географическим ареалом — называется видом. Кроме того, вид есть определенный этап в процессе эволюции природы» (Павлов, 1953б. С. 65).

П. Н. Тальман

«Вид — это исторически сложившееся объективное, динамичное, направляемое в развитии окружающей средой филогенеза качественное состояние живой материи, представленной в онтогенезе взаимосвязанными друг с другом и обусловленными средой в целом индивидуумами, со свойственным им многообразием противоположностей, проявляющихся в единстве формы и содержания» (Тальман, 1953. С. 560).

К. М. Завадский

«По нашим представлениям вид является качественно-специфическим способом осуществления жизни, включающим в себя следующие десять существенных сторон, взаимосвязанных между собою:

1. *Организация* (морфологический и биохимический критерии). Вид — особый неповторимый способ организации живого вещества, проявляющийся в единстве типа обмена веществ, строения и образа жизни его особей.

2. *Численность*. Вид — всегда множество особей. Уровень численности особей — черта качественной характеристики вида.

3. *Воспроизводство*. Вид — племенная общность, способная к воспроизводству путем размножения внутри себя (физиологический критерий). Уровень плодовитости вида — черта его качественной характеристики.

4. *Дискретность*. Вид — отдельность, относительно замкнутая и обособленная в процессе развития от других, родственных групп.

5. *Пространство*. Вид — географическая определенность; ареал вида входит обязательной чертой в его качественную характеристику.

6. *Ниша жизни*. Вид занимает особое место в круговороте веществ и выступает необходимым и специфически-определенным звеном во взаимосвязях живого с живым.

7. *Историчность*. Вид возникает, развивается, существует, непрерывно изменяясь, и исчезает, вымирая или порождая новые виды в процессе исторического развития.

8. *Устойчивость*. Вид существует в течение некоторого геологического времени, не теряя своей качественной определенности.

9. *Многообразие*. Вид включает в себя многообразие форм (биологические типы, популяции, расы, экологические типы, подвиды и т. п.).

10. *Целостность*. Вид не является простой совокупностью (суммой) особей или системой подчиненных единиц, но представляет собою взаимосвязанное целое» (Завадский, 1954. С. 5–6).

В. Б. Дубинин

Вид «есть скачкообразно возникшая, качественно отграниченная группа особей, близко родственных по происхождению, характеризующаяся определенными ареалами (sic!) и нормой требований к условиям жизни, к которым приспособлены все их экологические, физиологические и морфологические особенности, взаимосвязанное единство которых закреплено в наследственности и проявляется в специфических отправлениях организмов и в их жизненных циклах» (В. Б. Дубинин, 1954. С. 166).

А. В. Рюмин

«Вид — это группа сходных особей и поколений, связанных общностью и преемственностью жизни и воспроизводящая себя путем порождения потомства. Характеризуется вид исторически выработанной жизнедеятельностью предшествующих поколений, определенным типом организации (строением, способностями и жизненными потребностями), способом добывания средств жизни, использованием в окружающей природе определенных средств и условий жизни, местом обитания, отношением к другим видам и условиям природы,

исторически определенным местом в жизненной системе и выполнением в круговороте жизни определенной роли» (Рюмин, 1954. С. 68).

Б. Г. Иоганзен

«Вид — реально существующая в природе совокупность организмов характерного строения и внешнего облика, исторически развившаяся от общих предков; соответствующая условиям жизни в пределах свойственного ей ареала и поддерживаемая в своих признаках определенным типом обмена веществ; дающая в ряде поколений сходное потомство, в котором, в меру разнообразия условий жизни, одновременно проявляется консерватизм наследственности и внутривидовая изменчивость; качественно обособленная от других видов отсутствием переходов среди живых представителей, при их возможном сохранении в ископаемом состоянии; превращающаяся в другой вид, в зависимости от характера изменений условий жизни, медленно и постепенно или быстро и резко» (Иоганзен, 1956. С. 19).

В. И. Полянский

«Вид — основная таксономическая единица и, будучи совокупностью особей, связанных единством происхождения, представляет собой определенную целостность в морфологическом, физиологическом, экологическом и географическом отношениях» (В. И. Полянский, 1956. С. 60).

Л. И. Хозацкий

«Вид есть создаваемая естественным отбором, относительно постоянная и географически определенная общность размножающихся организмов единого происхождения. Представители каждого вида характеризуются своей нормой требований к условиям жизни и приспособленными к данным условиям морфологическими, физиологическими и экологическими особенностями» (Хозацкий, 1957. С. 155).

Ф. А. Дворянкин

«[Б]иологический вид необходимо рассматривать как особое, связанное с историей формирования в определенной среде, физиологическое состояние живого вещества, определяющее собой тип строения существ и тип их поведения, обуславливающее возможности развития не только сходных, но и различных форм существования вида» (Дворянкин, 1958б. С. 195).

А. П. Кузякин

«Вид представляет собой сложную подвижную в своей основе систему, четко отграниченную как во времени, так и в пространстве,

связанную в своем генезисе с другим видом (предшественником), а в своем развитии — с ареалом и определенной средой (как биотической, так и абиотической)» (Кузякин, 1958. С. 77).

Н. В. Тимофеев-Ресовский

«Все живые организмы реально представлены на нашей планете *видами*, т. е. дискретными морфофизиологическими группами индивидов и географо-экологических форм, обладающих общими признаками и определенным ареалом распространения, потенциально способных скрещиваться друг с другом и перемешиваться, но в природных условиях полностью или почти полностью биологически изолированных от других таких же групп» (Тимофеев-Ресовский, 1958. С. 319).

С. С. Шварц

«Вид есть совокупность особей, характеризующаяся специфической морфо-физиологической реакцией на внешние условия и обладающая, в силу этого, морфологической определенностью, сохраняющейся в процессе приспособления отдельных популяций вида к различным условиям существования. Из этой характеристики и вытекают его главнейшие биологические свойства, определяющие специфику вида как основной систематической категории.

1. Специфические общевидовые приспособления, направленные на поддержание его численности и жизненности его отдельных популяций.
2. Наличие диагностического перерыва (хиатуса) между близкими видами.
3. Самостоятельный ареал.
4. Ограниченная плодовитость и приспособляемость межвидовых гибридов.
5. Возможность приспособления отдельных популяций вида к различным условиям существования при сохранении основных свойств вида.
6. Параллелизм индивидуальной и географической изменчивости внутри вида» (Шварц, 1959. С. 111).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авакян А. А., Долгушин Д., Беленький Н., Глуценко И., Дворянkin Ф. За дарвинизм творческий, против мальтузианства // Литературная газета. 29 ноября 1947. № 59 (2374). С. 4.
- Авотин-Павлов К. Я. Порождение ели сосной // Агробиология. 1952. № 5. С. 30–35.
- Александров В. Я. К вопросу о превращении растительной клетки в животную и обратно // Ботанический журнал. 1955. Т. 40, № 2. С. 244–250.
- Александров В. Я. Трудные годы советской биологии: Записки современника. СПб: Наука, 1993. 262 с.
- Алексеев В. А. Советский творческий дарвинизм и палеонтология // Известия АН СССР, отдел биологический. 1953. № 3. С. 93–111.
- Алексеев В. А. Основы дарвинизма (историческое и теоретическое введение). М.: Изд-во МГУ, 1964. 440 с.
- Алпатов В. В. Изменчивость и низшие систематические категории. К систематике муравьев // Русский зоологический журнал. 1924. Т. 4, № 1–2. С. 227–240.
- Алпатов В. В. Породы медоносной пчелы и их использование в сельском хозяйстве. М.: МОИП, 1948. 183 с.
- Алпатов В. В. Передача потомству приобретенных признаков на примере насекомых // Успехи современной биологии. 1950. Т. 30, № 2. С. 222–233.
- Алпатов В. В. По поводу статьи Г. В. Никольского «Об изменчивости организмов» // Зоологический журнал. 1956. Т. 35, № 3. С. 373–375.
- Алпатов В. В. Предисловие к русскому переводу // Одум Э. Экология. М.: Просвещение, 1968. С. 7–8.
- Алпатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм. М.: Едиториал УРСС, 2004. 284 с.
- Алтухов Ю. П. Популяционная генетика рыб. М.: Пищевая промышленность, 1974. 248 с.
- Алфераки С. Н. Автобиография натуралиста-охотника. СПб.: Издание журнала «Природа и охота», 1909. 142 с.
- Ананьев А. Р. Вопросы видообразования в палеонтологии // Дискуссия по проблеме вида и видообразования. Ученые записки ТГУ, вып. 27. Томск: Изд-во ТГУ, 1956. С. 81–94.
- Андронов Н. М. О практическом значении понятия вида в лесоводстве в свете учения акад. Т. Д. Лысенко // Лесное хозяйство. 1951. № 8. С. 18–20.
- Арнольди Л. В. Вопросы наследственности и формообразования в работах И. В. Мичурина и их развитие в советской биологии // Зоологический журнал. 1956. Т. 35, № 4. С. 481–491.
- Артемов Г. В. Эволюционная теория, Дарвин и Ламарк // Природа. 1970. № 5. С. 39–47.

- Артюшенко З. Т., Замятнин Б. Н., Соколов С. Я.* Ольхообразная ветка березы // Ботанический журнал. 1953. Т. 38, № 3. С. 414–418.
- Астауров Б. Л.* Проблемы общей биологии и генетики. М.: Наука, 1979. 294 с.
- Бабков В. В.* Московская школа эволюционной генетики. М.: Наука, 1985. 216 с.
- Бабков В. В.* Заря генетики человека. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 800 с.
- Баранов П. А.* О видообразовании // Ботанический журнал. 1953. Т. 38, № 5. С. 669–695.
- Баранов П. А., Лебедев Д. В.* Дискуссия о значении полиплоидии и Гериберт Нильсон // Ботанический журнал. 1955. Т. 40, № 4. С. 548–552.
- Бахтеев Ф. Х.* О состоянии преподавания ботаники в средней школе // Ботанический журнал. 1958. Т. 43, № 1. С. 146–153.
- Бей-Биенко Г. Я., Мищенко Л. Л.* Саранчевые фауны СССР и сопредельных стран. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 2. С. 380–668.
- Белкин Р. И.* Творцы основных направлений советской биологической науки // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1949. Т. 54, № 6. С. 27–68.
- Белоус В. Г.* ВОЛЬФИЛА [Петроградская Вольная Философская Ассоциация]: 1919–1924. Книга II: Хроника, портреты. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2005. 800 с.
- Бельговский М. Л.* Фальсификация науки под флагом мичуринского учения // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1956. Т. 61, № 2. С. 100–106.
- Бельговский М. Л.* Наследование устойчивости насекомых к инсектицидам // Зоологический журнал. 1957. Т. 37, № 7. С. 1024–1038.
- Берг Л. С.* О виде и его подразделениях // Биологический журнал. 1910. Т. 1. № 3. С. 110–116.
- Берг Л. С.* Рыбы пресных вод Российской империи. М., 1916. xxvii+563 с.
- Берг Л. С.* Номогенез, или Эволюция на основе закономерностей // Труды Географического института. Пг.: Госиздат, 1922а. Т. 1. С. 1–306.
- Берг Л. С.* Наука, ее содержание, смысл и классификация. Пг.: Время, 1922б. 138 с.
- Берг Л. С.* О таксономических единицах у рыб // Рыбное хозяйство СССР. 1932. № 8–9. С. 39–40.
- Берг Р. Л.* Вид как эволюционирующая система // Рефераты научно-исследовательских работ учреждений АН СССР за 1941–1943 гг. Отделение биологических наук. М.: АН СССР, 1944. С. 184.
- Берг Р. Л.* Генетика и эволюция: Избранные труды. Новосибирск: Наука, 1993. 282 с.
- Берман З. И., Завадский К. М., Зеликман А. Л., Парамонов А. А., Полянский Ю. И.* Современные проблемы эволюционной теории. Л.: Наука, 1967. 490 с.
- Бианки В. Л.* Вид и подчиненные ему таксономические формы // Русский зоологический журнал. 1916. Т. 1. С. 287–297.
- Билецкий Е. Е., Шангин-Березовский Г. Н.* О характере качественных изменений в живой природе // Философские вопросы естествознания. М.: Изд-во МГУ, 1958. Вып. 1. С. 228–253.
- Благовещенский А. В.* Биохимическая эволюция растений в связи с изменением количества ферментов // Успехи современной биологии. 1939. Т. 11, № 2. С. 320–339.

- Бляхер Л. Я. Проблема наследования приобретенных признаков. М.: Наука, 1971. 184 с.
- Бобко Е. В. К вопросу о методике изучения образования новых видов // Ботанический журнал. 1953. Т. 38, № 3. С. 401–406.
- Бобринский Н. А. Основные сведения по систематике // Бобринский Н. А., Кузнецов Б. А., Кузякин А. П. Определитель млекопитающих СССР. М.: Советская наука, 1944. С. 11–30.
- Бобров Е. Г. Российские ученики и корреспонденты Карла Линнея // Карл Линней (к 250-летию со дня рождения): сборник статей. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 113–154.
- Богданов П. Л. Опыт применения лучей Рентгена при селекции тополей // Ботанический журнал. 1948. № 4. С. 438–440.
- Борисяк А. А. Основные проблемы эволюционной палеонтологии. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 80 с.
- Боркин Л. Я. Карл Линней как зоолог // Труды Зоологического института РАН. 2009. Прил. 1. С. 9–78.
- Бочанцев В. П., Липшиц С. Ю. К вопросу об объеме вида у высших растений // Ботанический журнал. 1955. Т. 40, № 4. С. 542–547.
- Бошняк Г. М. О природе вирусов и микробов. М.: Медгиз, 1949. 148 с.
- Браславская Е. Н. Деление как источник возникновения новых рас и видов микроорганизмов // Известия АН Армянской ССР, серия биология и сельскохозяйственные науки. 1952. Т. 5, № 11. С. 15–32.
- Бухарин Н. И. Дарвинизм и марксизм // Учение Дарвина и марксизм-ленинизм: (К 50-летию со дня смерти Дарвина): Сборник статей под ред. П. И. Валескална, Б. П. Токина. М.: Партиздат, 1932. С. 34–61.
- Быков Б. А. Геоботаника. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1953. 458 с.
- Быховский Б. Е., Попов В. В. Академик Евгений Никанорович Павловский (к 50-летию научной и общественной деятельности) // Зоологический журнал. 1959. Т. 38, № 3. С. 313–319.
- Бяллович Ю. П. К вопросу внутривидовых и межвидовых отношений // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1953. Т. 58, № 2. С. 76–92.
- Вавилов Н. И. Центры происхождения культурных растений // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. 1926. Т. 16, № 2. С. 1–138.
- Вавилов Н. И. Линнеевский вид как система // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. 1931. Т. 26, № 3. С. 109–134.
- Вайнштейн Б. А. О критериях таксономических категорий // Зоологический журнал. 1960. Т. 39, № 12. С. 1774–1778.
- Вакар Б. А. К вопросу о виде, внутривидовых отношениях и видообразовании // Вопросы философии. 1955. № 6. С. 167–171.
- Валескалн П. Н. Учение Дарвина в оценке Маркса, Энгельса и Ленина // Учение Дарвина и марксизм-ленинизм: (К 50-летию со дня смерти Дарвина): Сборник статей под ред. П. И. Валескална, Б. П. Токина. М.: Партиздат, 1932. С. 12–20.
- Василевская В. К. [Выступление на философском семинаре ЛГУ по проблеме вида] // Вестник ЛГУ. 1954. № 10. С. 65–66.

- Василенко А. Г.* О направленной изменчивости антагонистических свойств // Микробиология. 1952. Т. 21, № 6. С. 672–676.
- Васильев В. Н.* Вид как явление географическое // Ботанический журнал. 1954. Т. 39, № 3. С. 380–393.
- Васильченко И. Т.* К проблеме вида в свете мичуринской биологии // Комаровские чтения. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Вып. 2. 27 с.
- Васильченко И. Т.* К вопросу о скорости процесса видообразования // Ботанический журнал. 1954. Т. 39, № 6. С. 852–866.
- Васильченко И. Т.* Экспериментальная систематика и основные направления её развития // Ботанический журнал. 1960. Т. 45, № 11. С. 1585–1599.
- Васнецов В. В.* Экологические корреляции // Зоологический журнал. 1938. Т. 17, № 4. С. 561–585.
- Васнецов В. В.* Рост рыб как адаптация // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1947. Т. 52, № 1. С. 23–34.
- Васнецов В. В.* О морфологии // Зоологический журнал. 1953. Т. 32, № 6. С. 1046–1051.
- Верещагин Г. Ю.* Происхождение и история Байкала, его фауны и флоры // Труды Байкальской лимнологической станции АН СССР. 1940. Т. 10. С. 73–240.
- Вернадский В. И.* Эволюция видов и живое вещество // Природа. 1928. № 3. Стлб. 227–250.
- Вершковский В. Н.* О географическом распространении и топографическом распределении вида // Успехи современной биологии. 1951. Т. 32, № 3. С. 393–411.
- Веселовский В. Б.* О программе курса дарвинизма (в порядке обсуждения) // Селекция и семеноводство. 1951. № 3. С. 78–80.
- Винарский М. В.* Проблема изменчивости в классической и неклассической систематике // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5, № 2. С. 7–27.
- Винарский М. В.* Судьба категории подвида в зоологической систематике. 1. История // Журнал общей биологии. 2015. Т. 76, № 1. С. 3–14.
- Винарский М. В.* Интуитивизм в биологической систематике: из прошлого в будущее // Философия науки. 2019. № 2(81). С. 135–151.
- Винарский М. В.* Утопические проекты в отечественной зоологической систематике 1920-х гг.: Е. С. Смирнов и В. Н. Беклемишев // Историко-биологические исследования. 2020. Т. 12, № 2. С. 25–43.
- Винарский М. В.* Лысенко vs. Шварц: две концепции физиологического видообразования // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2023. М.: ИИЕТ РАН, 2023. С. 286–288.
- Виноградов А. П.* Химический элементарный состав морских организмов в связи с вопросами их систематики и морфологии // Природа. 1931. № 3. Стлб. 230–254.
- Виноградов Б. С.* К вопросу о морфологической дивергенции близких форм млекопитающих // Труды ЗИН АН СССР. 1946. Т. 8, № 1. С. 89–104.
- Виноградов И. С.* Новый принцип систематики покрытосеменных // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1947. Т. 52, № 5. С. 65–79.

- Виноградов М. П., Виноградова Т. С. О критике Н. В. Турбиным и Н. Д. Ивановым новых представлений о видообразовании // Ботанический журнал. 1953. Т. 38, № 2. С. 234–245.
- Владимиров В. И. О виде и видообразовании у животных // Зоологический журнал. 1954. Т. 33, № 4. С. 755–768.
- Владимирова М. С., Смирнов Е. С. Внутривидовая и межвидовая конкуренция *Musca domestica* phorma *groenlandica* Zeit. // Медицинская паразитология и паразитарные болезни. 1938. Т. 7, № 5. С. 755–777.
- Внутривидовая борьба у животных и растений. М.: Изд-во МГУ, 1948. 48 с.
- Воробьев А. И. Основы мичуринской генетики. М.: Советская наука, 1953. 204 с.
- Воронцов Н. Н. Значение изучения хромосомных наборов для систематики млекопитающих // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1958. Т. 63, № 2. С. 5–35.
- Воронцов Н. Н. Постепенное или внезапное видообразование: «или — или» или «и — и»? // Дарвинизм: История и современность. Л.: Наука, 1988. С. 87–103.
- Габуня Л. К. О некоторых вопросах советской палеонтологии // Известия АН СССР, отдел биологический. 1953. № 3. С. 112–128.
- Гаврилов Г. Б. О размножении байкальского моллюска *Baicalia herderiana* Ldh. и других // Зоологический журнал. 1953. Т. 32, № 5. С. 840–843.
- Гайсинович А. Е. Зарождение и развитие генетики. М.: Наука, 1988. 422 с.
- Галл Я. М. Становление эволюционной теории Чарлза Дарвина. СПб: Наука, 1993. 141 с.
- Галл Я. М. Джулиан Сорелл Хаксли. 1887–1975. СПб: Наука, 2004. 294 с.
- Галл Я. М., Гаузе Г. Ф. Экспериментальное изучение борьбы за существование // Микулинский С. Р., Полянский Ю. И. (ред.). Развитие эволюционной теории в СССР (1917–1970-е гг.). Л.: Наука, 1983. С. 203–221.
- Гамалея Н. Ф. К вопросу об изменчивости микробов // Агробиология. 1946. № 3. С. 115–118.
- Гаспаров Б. М. Ламарк, Шеллинг, Марр (стихотворение «Ламарк» в контексте «переломной эпохи» // Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: Очерки русской литературы XX века. М.: Наука; Восточная литература, 1994. С. 187–212.
- Гаузе Г. Ф. Некоторые вопросы систематики актиномицетов // Микробиология. 1955. Т. 24, № 1. С. 103–113.
- Георгиевский А. Б., Колчинский Э. И. Дарвинизм и диалектический материализм // Философские науки. 1985. № 1. С. 36–43.
- Гептнер В. Г. Проблема вида в современной зоологии // Майр Э. Систематика и происхождение видов с точки зрения зоолога. М.: Гос. изд-во иностранной литературы, 1947. С. 5–22.
- Гептнер В. Г. Столетие дарвинизма и книга Э. Майра // Майр Э. Зоологический вид и эволюция. М.: Мир, 1968. С. 5–13.
- Гиляров М. С. О наследственном изменении инстинкта у насекомых // Агробиология. 1949. № 5. С. 141–142.
- Гиляров М. С. Половой процесс и жизненность у инфузорий в свете мичуринской биологии // Успехи современной биологии. 1952. Т. 34, № 1. С. 47–51.

- Гиляров М. С. Вид, популяция и биоценоз // Зоологический журнал. 1954. Т. 33, № 4. С. 769–778.
- Гинецинская Т. А. Биофак Ленинградского университета после сессии ВАСХНИЛ // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991. Вып. 1. С. 114–125.
- Гладков Н. А. О виде в зоологии // Зоологический журнал. 1953. Т. 32, № 5. С. 809–819.
- Глуценко И. Е. Победа мичуринской биологии // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1948. Т. 53, № 5. С. 9–28.
- Гнеденко Б. В. Теория вероятностей и познание реального мира // Успехи математических наук. 1950. Т. 5, № 1. С. 3–23.
- Голуб В. Б. «Перековка» академика Келлера // Историко-биологические исследования. 2023. Т. 15, № 2. С. 55–77.
- Голубовский М. Б. Призрак Лысенко и его современная реинкарнация // Историко-биологические исследования. 2015. Т. 7, № 2. С. 115–130.
- Горин А. П., Шрайбер Л. Я. Трофим Денисович Лысенко. М.: ТСХА, 1958. 48 с.
- Горшков И. С. За мичуринские традиции в науке // Ботанический журнал. 1955. Т. 40, № 5. С. 680–692.
- Грант В. Эволюция организмов. М.: Мир, 1980. 408 с.
- Грегор Дж. В. Экотип // Успехи современной биологии. 1945. Т. 19, № 3. С. 381–389.
- Грищенко В. В., Креславский А. Г., Михеев А. В., Северцов А. С., Соломатин В. М. Концепции вида и симпатрическое видообразование. М.: Изд-во МГУ, 1983. 192 с.
- Громова В. К вопросу о виде в палеонтологии // Палеонтологический журнал. 1959. № 1. С. 6–14.
- Гроссгейм А. А. Основные задачи ботанической науки в свете мичуринского учения // Ботанический журнал. 1949. Т. 34, № 3. С. 233–244.
- Грушевицкий И. В. Об изучении реликтов. Вопрос о реликтах в свете мичуринской биологии // Ботанический журнал. 1951. Т. 36, № 6. С. 622–639.
- Грушевицкий И. В., Иванова А. И. За пропаганду мичуринской науки // Ботанический журнал. 1952. Т. 37, № 1. С. 32–44.
- Гулд С. Дж., Левонтин Р. Ч. Пазухи собора святого Марка и парадигма Панглосса: критика адапционистской программы // Философия. Наука. Гуманитарное знание. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. С. 162–191.
- Гурев Г. А. Дарвинизм и марксизм (популярные очерки). Гомель: Гомельский рабочий, 1924. 261 с.
- Гурев Г. А. Как дарвинизм был освобожден от мальтузианских ошибок. М.: Общество «Знание», 1951. 32 с.
- Давиташвили Л. Ш. К изучению закономерностей изменения величины тела в филогенетических ветвях // Проблемы палеонтологии. Вып. 1. 1936. С. 179–198.
- Давиташвили Л. Ш. Развитие идей и методов в палеонтологии после Дарвина. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 263 с.
- Давиташвили Л. Ш. Курс палеонтологии. М.-Л.: Госгеолыздат, 1949а. 836 с.
- Давиташвили Л. Ш. Палеобиология и проблема воспитывающего действия среды на природу организмов // Вестник МГУ. Серия физики, математики, естественных наук. 1949б. № 10. С. 139–148.

- Давиташвили Л. Ш. Крупные ошибки одного института // Правда. 1949в. 22 ноября. № 326 (11433). С. 2.
- Давиташвили Л. Ш. О нынешнем состоянии советской палеонтологии и перспективах её развития // Известия АН, серия биологическая. 1952. № 2. С. 6–35.
- Давиташвили Л. Ш. Идея наследования приобретенных организмами признаков в русской палеонтологии (до 1917 г.) // Труды Института истории естествознания. М., 1953. Т. 5. С. 51–92.
- Давиташвили Л. Ш. В. И. Ленин и кризис в эволюционном учении // Вопросы философии. 1959. № 5. С. 159–174.
- Давиташвили Л. Ш. Современное состояние эволюционного учения на Западе. М.: Наука, 1966. 242 с.
- Давиташвили Л. Ш. Учение об эволюционном прогрессе (теория ароморфоза). Тбилиси: Мецниереба, 1972. 324 с.
- Данилевский Н. Я. Дарвинизм: критическое исследование. СПб.: М. Е. Комаров, 1885. Т. 1. Ч. 1. 519 с.
- Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора. 2-е издание, дополненное. СПб.: Наука, 2001. 568 с.
- Даревский И. С. История несостоявшейся эволюционной теории // Природа. 1997. № 8. С. 121–128.
- Дворянкин Ф. А. Закономерна ли внутривидовая конкуренция? // Агробиология. 1946. № 4. С. 146–159.
- Дворянкин Ф. А. Проблема повторяемости в органическом развитии // Селекция и семеноводство. 1950. № 3. С. 60–66.
- Дворянкин Ф. А. Теория происхождения видов и отбор // Вопросы мичуринской биологии. М.: Учпедгиз, 1953а. Вып. 3. С. 5–53.
- Дворянкин Ф. А. За дарвинизм в теории видообразования // Селекция и семеноводство. 1953б. № 2. С. 68–76.
- Дворянкин Ф. А. Дарвинизм и учение о виде // Успехи современной биологии. 1953в. Т. 35, № 2. С. 291–299.
- Дворянкин Ф. А. В защиту мичуринской теории онтогенеза // Успехи современной биологии. 1955. Т. 39, № 1. С. 110–125.
- Дворянкин Ф. А. Вопросы вида и видообразования в современной биологии // Достижения биологической науки. М.: Сельхозгиз, 1958а. С. 27–32.
- Дворянкин Ф. А. Проблема вида и видообразования в современной биологии // Философские вопросы естествознания. I. Философско-теоретические вопросы мичуринского учения. М.: Изд-во МГУ, 1958б. С. 178–227.
- Дворянкин Ф. А., Попов М. Д. За дарвинизм в палеонтологии // Известия АН СССР, серия биологическая. 1953. № 1. С. 105–118.
- Делоне Л. Н. Опыт определения основных категорий систематики, селекции и генетики // Записки Харьковского сельскохозяйственного института. 1945. Т. 4. С. 25–36.
- Дементьев Г. П. Концепция целостности организма и некоторые задачи систематики (Материалы к проблеме «Животное и ландшафт») // Зоологический журнал. 1946. Т. 25, № 6. С. 481–494.

- Дементьев Г. П.* Замечания о виде и некоторых сторонах видообразования в зоологии // Зоологический журнал. 1954. Т. 33, № 4. С. 525–536.
- Дербенева-Ухова В. П., Линева В. А.* Приобретение устойчивости к ДДТ у комнатной мухи // Медицинская паразитология и паразитарные болезни. 1951. № 4. С. 335–339.
- Динесман Л. Г.* О каннибализме амфибий // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1952. Т. 52, № 6. С. 42–45.
- Дмитриев В. С.* К вопросу о происхождении культурных растений, не встречающихся в дикой природе // Агробиология. 1951. № 1. С. 187–204.
- Дмитриев В. С.* Развитие учения Дарвина о происхождении видов в работах академика Т. Д. Лысенко // Известия АН СССР, серия биологическая. 1952. № 3. С. 30–49.
- Дмитриев В. С.* О первоисточниках происхождения некоторых видов сорных растений (к вопросу о полной ликвидации засорения полей) // Журнал общей биологии. 1953а. Т. 14, № 1. С. 41–65.
- Дмитриев В. С.* О некоторых необычных дискуссиях // Селекция и семеноводство. 1953б. № 2. С. 49–68.
- Дмитриев Г. В.* О возникновении и наследовании приобретенных в онтогенезе пищевых реакций у насекомых // Агробиология. 1951. № 4. С. 39–48.
- Добренко Е.* Поздний сталинизм: Эстетика политики. М.: Новое литературное обозрение, 2020. Т. 1. 712 с.
- Доброхвалов В.* О биологическом виде и видообразовании // Новый мир. 1953. № 10. С. 200–213.
- Доброхвалов В.* Догмы и жизнь: письмо товарищу // Литературная газета. 1954. 20 апреля 1954. № 47 (3231). С. 2.
- Догель В. А.* Общая протистология. М.: Советская наука, 1951. 604 с.
- Догель В. А.* Олигомеризация гомологичных органов как один из главных путей эволюции животных. Л.: Изд-во ЛГУ, 1954. 368 с.
- Долгушин Ю.* В недрах живой природы. М.: Госкультпросветиздат, 1952. 96 с.
- Дохман Г. И.* Рецензия на кн. Б. А. Быков. Геоботаника. Изд. Академии наук Казахской ССР, Алма-Ата, 1953, стр. 1–458 // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1954. Т. 59, № 4. С. 83–94.
- Дубинин В. Б.* Наблюдения над изменчивостью наследственности у чесоточных клещей, обитающих на различных млекопитающих // Зоологический журнал. 1950. Т. 29, № 1. С. 41–51.
- Дубинин В. Б.* О видовых критериях у паразитических животных // Паразитологический сборник. 1951а. Т. 13. С. 5–28.
- Дубинин В. Б.* Перьевые клещи. Analgesoidea. Часть 1. Введение в их изучение // Фауна СССР. Паукообразные. Т. VI, вып. 5. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951б. 364 с.
- Дубинин В. Б.* Понятие о виде в биологии // Зоологический журнал. 1953. Т. 32, № 6. С. 1095–1109.
- Дубинин В. Б.* Понятие о виде у паразитических животных // Труды проблемных и тематических совещаний ЗИН АН СССР. 1954. Вып. 4. С. 163–185.
- Дубинин Н. П.* О некоторых основных проблемах генетики // Биологический журнал. 1932. Т. 1, № 1–2. С. 112–146.

- Дубинин Н. П. Генетика и «Происхождение видов» Чарлза Дарвина // Журнал общей биологии. 1940. Т. 1, № 1. С. 37–74.
- Дубинин Н. П. Об ошибках в вопросе происхождения видов // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1955. Т. 60, № 1. С. 97–107.
- Дубинин Н. П. 1957. О радиационной селекции растений // Ботанический журнал. Т. 42, № 1. С. 3–19.
- Дубинин Н. П., Ромашов Д. Д. Генетическое строение вида и его эволюция. 1. Генетико-автоматические процессы и проблема экогенотипов // Биологический журнал. 1932. Т. 1, № 5–6. С. 52–95.
- Дубинин Н. П., Соколов Н. Н. Хромосомные мутации и система вида // Журнал общей биологии. 1940. Т. 1, № 4. С. 543–564.
- Дубинин Н. П., Соколов Н. Н., Тиняков Г. Г. Внутривидовая хромосомная изменчивость // Биологический журнал. 1937. Т. 6, № 5–6. С. 1007–1054.
- Дубовский Н. В. Значение естественного отбора в создании локальных форм и дальнейшей дивергенции у Ostracoda // Журнал общей биологии. 1941. Т. 2, № 2. С. 169–192.
- Елин В. Л. Изменчивость микробов. М.: Медгиз, 1954. 212 с.
- Ермолаев А. И. Кривое зеркало, или Как не удалась попытка написать портрет Т. Д. Лысенко // Политическая концептология. 2015. № 1. С. 264–271.
- Ермолаев А. И. Вавиловские чтения и Вавиловский семинар как арена борьбы с неолысенкоизмом // Историко-биологические исследования. 2016. Т. 8, № 1. С. 148–155.
- Ермолаев А. И. Генетик Василий Николаевич Слепков: документальные штрихи к портрету // Историко-биологические исследования. 2019. Т. 11, № 3. С. 30–67.
- Есаков В. Д. (сост.). Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС. 1922–1991. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1. 591 с.
- Ефейкин А. К. Пропаганда извращений основ дарвинизма в средней школе // Ботанический журнал. 1954. Т. 39, № 1. С. 122–125.
- Жадин В. И. Исследование по экологии и изменчивости *Vivipara fasciata* Müll. // Монографии Волжской биологической станции. Саратов, 1928. Т. 3. 94 с.
- Жадин В. И. Сем. Unionidae // Фауна СССР. Моллюски. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 4, вып. 1. С. 1–170.
- Жадин В. И. Современное состояние и задачи гидробиологии в свете учения Вильямса — Мичурина — Лысенко // Зоологический журнал. 1949. Т. 28, № 3. С. 197–212.
- Жак Л. П. Геннадий Фиш: Очерк жизни и творчества. М.: Советский писатель, 1976. 288 с.
- Животовский Л. А. Неизвестный Лысенко. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2014. 120 с.
- Жинкин Л. Н., Михайлов В. К. «Новая клеточная теория» и её фактическое обоснование // Успехи современной биологии. 1955. Т. 39, № 2. С. 228–244.
- Житков Б. М. Систематика как наука и как прикладное знание // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1946. Т. 51, № 3. С. 5–13.

- Жуков-Вережников Н. Н., Майский И. Н., Калиниченко Л. А.* Ещё к вопросу о виде и видообразовании в микробиологии (к дискуссии по вопросу видообразования) // Успехи современной биологии. 1955. Т. 39, № 2. С. 245–252.
- Жуковский П. М.* Дарвинизм в кривом зеркале // Селекция и семеноводство. 1946. № 1–2. С. 71–79.
- Жуматов Х. Ж.* К вопросу о фильтрующихся формах микроорганизмов и их взаимосвязи с вирусом // Микробиология. 1953. Т. 22, № 5. С. 580–585.
- Завадовский Б. М.* Дарвин и эволюционная теория // Учение Дарвина и марксизм-ленинизм: (К 50-летию со дня смерти Дарвина): Сборник статей под ред. П. И. Валескална, Б. П. Токина. М.: Партиздат, 1932. С. 73–101.
- Завадовский Б.* Под флагом «новаторства» // Литературная газета. 1947. 10 декабря. № 62 (2237). С. 4.
- [Завадовский Б. М.] Речь Б. М. Завадовского* // О положении в биологической науке. Стенографический отчет сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. 31 июля — 7 августа 1948 г. М.: ОГИЗ–Сельхозгиз, 1948. С. 281–302.
- Завадский К. М.* Критика эволюционизма и трансформизма в свете ленинско-сталинского учения о развитии // Вестник ЛГУ. 1949. № 12. С. 28–53.
- Завадский К. М.* Значение идей О. Б. Лепешинской для проблемы развития растений // Вестник ЛГУ. 1951а. № 11. С. 23–35.
- Завадский К. М.* О внутриклеточном возникновении меристемных клеток и путях формирования побегов-новообразований у бегонии // Доклады АН СССР. 1951б. Т. 79, № 1. С. 153–156.
- Завадский К. М.* О прогрессивном значении взглядов В. Л. Комарова на реальность и целостность вида // Вестник ЛГУ. 1952. № 4. С. 3–25.
- Завадский К. М.* О некоторых вопросах теории вида и видообразования // Вестник ЛГУ. 1954. № 10. С. 3–15.
- Завадский К. М.* Научное наследие И. В. Мичурина и некоторые задачи биологии // Ботанический журнал. 1956. Т. 41, № 1. С. 3–22.
- Завадский К. М.* Перенаселение и его роль в эволюции // Ботанический журнал. 1957а. Т. 42, № 3. С. 426–449.
- Завадский К. М.* Предмет и задачи дарвинизма // Ботанический журнал. 1957б. Т. 42, № 4. С. 583–595.
- Завадский К. М.* Теория эволюции и её преподавание // Журнал общей биологии. 1965. Т. 26, № 6. С. 731–743.
- Завадский К. М.* Вид и видообразование. Л.: Наука, 1968. 410 с.
- Завадский К. М., Берман З. И.* Об одной распространенной форме антидарвинизма // Вестник ЛГУ. 1966. № 9. С. 5–22.
- Завадский К. М., Колчинский Э. И., Ермоленко М. Т.* Главные этапы развития эволюционной теории // *Микулинский С. Р., Полянский Ю. И.* (ред.). Развитие эволюционной теории в СССР (1917–1970-е гг.). Л.: Наука, 1983. С. 8–43.
- Завадский К. М., Хахина Л. Н.* Структура вида у растений и её значение для эволюции // *Микулинский С. Р., Полянский Ю. И.* (ред.). Развитие эволюционной теории в СССР (1917–1970-е гг.). Л.: Наука, 1983. С. 306–323.
- Захаров-Гезехус И. А.* В защиту генетики. М.: Ваш формат, 2016. 42 с.

- Захваткин А. А. Сборник научных работ. М.: Изд-во МГУ, 1953. 418 с.
- Зеликман А. Л. К вопросу о взглядах Ч. Дарвина на роль «скачков» в историческом развитии организмов // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1957. Т. 62, № 1. С. 89–96.
- Зеликман А. Л. Антидарвинизм под маской дарвинизма // Генетика. 1965. № 2. С. 171–174.
- Зильбер Л. А. О природе вирусов и их происхождении // Микробиология. 1953. Т. 22, № 1. С. 81–94.
- Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. М.: Астрель, 2008. 605 с.
- Зиновьев М. С. К вопросу о положении в советской палеонтологии // Известия АН СССР, серия биологическая. 1953. № 1. С. 126–134.
- Иванов Н. Д. О новом учении Т. Д. Лысенко о виде // Ботанический журнал. 1952а. Т. 37, № 6. С. 819–842.
- Иванов Н. Д. Отбор и взаимоотношения организмов // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1952б. Т. 57, № 6. С. 5–13.
- Иванов Н. Д. Как А. Н. Студитский воюет с неodarвинизмом // Успехи современной биологии. 1954а. Т. 37, № 3. С. 366–377.
- Иванов Н. Д. К вопросу образования новых форм в природе и культуре // Ботанический журнал. 1954б. Т. 39, № 1. С. 90–100.
- Иванов Н. Д. [Рецензия на:] Ф. А. Дворянкин. «Происхождение видов» Ч. Дарвина и современная теория видообразования // Ботанический журнал. 1955. Т. 40, № 1. С. 126–133.
- Иванова Е. А. Развитие фауны в связи с условиями существования // Труды Палеонтологического института АН СССР. 1958. Т. 69. С. 1–303.
- Ивановский А. Б. Палеонтология и теория эволюции. Новосибирск: Наука, 1976. 79 с.
- Ильин М. М. Основные принципиальные положения к построению новой системы растений // Ботанический журнал. 1951а. Т. 36, № 2. С. 129–145.
- Ильин М. М. Против идеализма в филогении растений // Ботанический журнал. 1951б. Т. 36, № 6. С. 565–574.
- Ильин М. М. Филогенез покрытосеменных с позиций мичуринской биологии // Ботанический журнал. 1953а. Т. 38, № 1. С. 97–118.
- Ильин М. М. Процесс видообразования у покрытосеменных растений // Ботанический журнал. 1953б. Т. 38, № 2. С. 215–231.
- Ильинская И. А. О проблеме вида и видообразования на Всесоюзном Палеонтологическом совещании // Ботанический журнал. 1954. Т. 39. № 3. С. 475.
- Имшенецкий А. А. Селекция микроорганизмов // Вестник АН СССР. 1949. № 6. С. 47–54.
- Имшенецкий А. А. [Рецензия на:] В. Л. Елин. Изменчивость микробов. Медгиз, М., 1954 // Микробиология. 1955. Т. 24, № 1. С. 113–117.
- Имшенецкий А. А. Задачи селекции микроорганизмов // Вестник АН СССР. 1959. № 10. С. 32–38.
- Инге-Вечтомов С. Г. Книга, после которой хочется вымыть руки. Рец. на кн. П. Ф. Кононкова «Два мира — две идеологии» (2014) // Историко-биологические исследования. 2015. Т. 7, № 2. С. 109–112.

- Иоганзен Б. Г. Среда, факторы и условия жизни (в порядке обсуждения) // Труды ТГУ. 1955. Т. 131. С. 7–24.
- Иоганзен Б. Г. О соответствии видовой формы животных условиям жизни // Дискуссия по проблеме вида и видообразования. Ученые записки ТГУ, вып. 27. Томск: Изд-во ТГУ, 1956. С. 7–40.
- Иоганзен Б. Г. Проблемы внутривидовых отношений организмов // Журнал общей биологии. 1963. Т. 24, № 3. С. 161–171.
- Иоганзен Б. Г., Логачев Е. Д. Основной биологический закон Рулье-Сеченова. Кемерово: Б. и., 1986. 24 с.
- Иоганзен Б. Г., Логачев Е. Д. Основная дискуссионная биологическая проблема XX века (О наследовании приобретаемых свойств). Кемерово: Б. и., 1987. 34 с.
- Иоганзен Б. Г., Логачев Е. Д. Организм и среда: К 130-летию открытия основного биологического закона Рулье-Сеченова. Кемерово: Б. и., 1991. 76 с.
- Иоганзен Б. Г., Логачев Е. Д., Мухамедиев А. М. О проблеме вида (к 300-летию определения вида) // Узбекский биологический журнал. 1987. № 1. С. 50–53.
- Иофф И. Г. Новые случаи видообразования у блох при перемене хозяина // Доклады АН СССР. 1953. Т. 89, № 1. С. 189–192.
- Исаев С. И., Меркурьева Е. К., Строганова Н. С., Фейгинсон Н. И. О критике нового в науке с позиций старого (По поводу статей Н. В. Турбина и Н. Д. Иванова) // Известия АН СССР, серия биологическая. 1953. № 2. С. 34–48.
- Исаченко Б. Л. 1947. Микробиология на новом этапе // Микробиология. 1947. Т. 16, № 5. С. 361–374.
- Казанов В. М. Литература по эволюционной теории // Правда. 1937. 12 апреля. № 101 (7067). С. 3.
- Казанов В. М. Некоторые философско-теоретические вопросы мичуринского учения // Журнал общей биологии. 1955. Т. 16, № 5. С. 321–332.
- Казанов В. М. Учение И. М. Сеченова и теория органической эволюции // Известия АН СССР, серия биологическая. 1956. № 2. С. 39–49.
- Калабухов Н. И. Эколого-физиологические особенности животных и условия среды. Ч. 1. Дивергенция некоторых эколого-физиологических признаков близких форм млекопитающих. Харьков: Изд-во ХГУ, 1950. 268 с.
- Калабухов Н. И. Эколого-физиологические особенности географических «форм существования вида» и близких видов животных // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1954. Т. 59, № 1. С. 9–22.
- Калина Г. П. Изменчивость патогенных микроорганизмов. Киев: Госмедиздат УССР, 1949. 156 с.
- Калина Г. П. Вегетативная гибридизация и направленная изменчивость бактерий. Киев: Госмедиздат УССР, 1952. 304 с.
- Калина Г. П. Стадийное развитие микробов — объективная реальность // Микробиология. 1953. Т. 22, № 1. С. 95–107.
- Калина Г. П. Развитие микробных клеток из доклеточного вещества. Киев: Госмедиздат УССР, 1954. 473 с.
- Калина Г. П., Фихман Б. А. Образование кристаллов в культурах бактерий // Микробиология. 1952. Т. 21, № 5. С. 528–539.

- Калиниченко Л. А. Некоторые проблемы современной биологии в свете работ О. Б. Лепешинской // Вопросы мичуринской биологии. М.: Учпедгиз, 1953. Вып. 3. С. 259–286.
- Камшилов М. М. Изменчивость и естественный отбор // Зоологический журнал. 1957. Т. 35, № 2. С. 174–182.
- Камышев Н. С. Проблема вида и видообразования с ботанико-географической точки зрения // Ботанический журнал. 1954. Т. 39, № 2. С. 228–235.
- Камышева-Елпатьевская В. Г. О некоторых задачах советской палеонтологии // Известия АН СССР, серия биологическая. 1953. № 3. С. 82–92.
- Канаев И. И. Очерки из истории проблемы морфологического типа от Дарвина до наших дней. М.-Л.: Наука, 1966. 210 с.
- Карапетян В. К. О видообразовании у растений // Труды Института генетики АН СССР. 1952. № 19. С. 16–37.
- Карапетян С. К. Порождение лещины грабом // Агробиология. 1952. № 5. С. 23–29.
- Карапетян С. К. Новое в науке о биологическом виде — творческое развитие дарвинизма // Журнал общей биологии. 1953. Т. 14, № 3. С. 229–232.
- Карпевич А. Ф. Некоторые данные о формообразовании у двустворчатых моллюсков // Зоологический журнал. 1955. Т. 34, № 1. С. 46–67.
- Кашкаров Д. Н. Адаптивна ли эволюция и что такое видовые признаки? // Зоологический журнал. 1939. Т. 18. С. 612–630.
- Кедров Б. М. Энгельс и естествознание. М.: Госполитиздат, 1947. 480 с.
- Кедров Б. М. Постепенность как одна из форм перехода от старого качества к новому качеству // Вопросы философии. 1954. № 2. С. 50–70.
- Кедров Б. М. Об отношении марксизма к дарвинизму в связи с проблемой видообразования // Вопросы философии. 1955. № 6. С. 149–166.
- Кедров Б. М. Пути познания истины. Раздумья о путях естествознания // Новый мир. 1965. № 1. С. 213–235.
- Келлер Б. А. Основы эволюции растений. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 212 с.
- Кирпичников В. С. Экспериментальная систематика сазана (*Cyprinus carpio* L.) // Известия АН СССР, серия биологическая. 1943. № 4. С. 189–218.
- Кирпичников В. С. Приспособительный характер внутривидовой систематической изменчивости. I. Об адаптивном значении мутаций // Журнал общей биологии. 1944. Т. 5, № 3. С. 172–192.
- Кислюк М. М. Получение растений мягкой пшеницы (*Triticum vulgare*) из ветвистой пшеницы вида тургидум (*Tr. turgidum*) // Ботанический журнал. 1954. Т. 39, № 4. С. 545–548.
- Клейн Б. И. Понятие о виде в общей и медицинской микробиологии // Микробиология. 1945. Т. 14, № 1. С. 35–40.
- Ключарева О. А. О некоторых вопросах внутривидовых отношений у рыб // Зоологический журнал. 1956. Т. 35, № 2. С. 275–289.
- Ковалев Н. В. К вопросу о выделении видов // Ботанический журнал. 1956. Т. 41, № 6. С. 855–857.
- Кожанчиков И. В. Об условиях возникновения биологических форм у *Gastroidea viridula* Deg. (Coleoptera, Chrysomelidae) // Труды ЗИН АН СССР. 1941. Т. 6, № 4. С. 16–32.

- Кожанчиков И. В. Биологические формы ивового листоеда (*Lochmaea capreae* L.) // Труды ЗИН АН СССР. 1946. Т. 8, № 1. С. 7–42.
- Кожанчиков И. В. Внутривидовые биологические формы у животных // Природа. 1948а. № 3. С. 36–42.
- Кожанчиков И. В. Биологическая специфика видов насекомых // Успехи современной биологии. 1948б. Т. 25, № 2. С. 251–263.
- Кожевников Г. А. Материалы по естественной истории пчелы (*Apis mellifera* L.). 2. О полиморфизме у пчелы и других насекомых // Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1905. Т. 99, № 2. С. 1–176.
- Кожевников Г. А. Изменчивость организмов // Итоги науки в теории и практике. М.: Т-во Мир, 1912. Т. 6. С. 470–508.
- Козин Я. Д. О положении в советской палеонтологии // Известия АН СССР, серия биологическая. 1953. № 2. С. 99–108.
- Козо-Полянский Б. М. Аутэкологическое учение Б. А. Келлера // Ботанический журнал. 1948. Т. 33, № 6. С. 545–558.
- Козо-Полянский Б. М. Значение различных методов в систематике растений, преимущественно Anthophyta (К оценке «новой» систематики) // Проблемы ботаники. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Вып. 1. С. 28–69.
- Козо-Полянский Б. М. Вопросы нового учения о виде // Ботанический журнал. 1953. Т. 38, № 6. С. 830–845.
- Козо-Полянский Б. М. Об отношении «нового в науке о биологическом виде» к учению Дарвина // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1954. Т. 59, № 3. С. 85–88.
- Козо-Полянский Б. М. И. В. Мичурин и филогения растений // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1956. Т. 51, № 1. С. 5–12.
- Колодяжный В. И. Философские вопросы теории видообразования и вида // Вестник ЛГУ. 1954. № 10. С. 17–29.
- Колчинский Э. И. В поисках советского «союза» философии и биологии (дискуссии и репрессии в 20-х — начале 30-х гг.). СПб: Дмитрий Буланин, 1999. 273 с.
- Колчинский Э. И. Неокатастрофизм и селекционизм: Вечная дилемма или возможность синтеза? СПб: Наука, 2002. 554 с.
- Колчинский Э. И. Кирилл Михайлович Завадский. 1910–1977. СПб: Нестор-История, 2013. 320 с.
- Колчинский Э. И. Единство эволюционной теории в разделенном мире XX века. СПб: Нестор-История, 2014. 824 с.
- Колчинский Э. И. Предисловие выпускающего редактора // Историко-биологические исследования. 2015а. Т. 7, № 2. С. 7–9.
- Колчинский Э. И. Советские юбилеи Ч. Дарвина и лысенкоизм // Историко-биологические исследования. 2015б. Т. 7, № 2. С. 10–52.
- Колчинский Э. И. Т. Д. Лысенко как проект наркомзема Я. А. Яковлева // Историко-биологические исследования. 2015в. Т. 7, № 2. С. 81–99.
- Колчинский Э. И. «В бой идут одни старики», или О перспективах возрождения лысенкоизма в России // Вопросы истории естествознания и техники. 2017. Т. 38, № 2. С. 365–384.

- Колчинский Э. И. Н. И. Вавилов и Т. Д. Лысенко в пространстве историко-научных дискуссий // Природа. 2018. № 1. С. 3–14.
- Колчинский Э. И., Конашев М. Б. ЦК, «Ботанический журнал» и другие. Архивные документы о борьбе с лысенковщиной // На переломе. Отечественная наука в конце XIX — XX веке: источники, исследования, историография. СПб: Нестор-история, 2005. Вып. 3. С. 37–58.
- Комаров В. Л. Флора полуострова Камчатки. I. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. 339 с.
- Комаров В. Л. Предисловие // Тимирязев К. А. Чарлз Дарвин и его учение. М.: Сельхозгиз, 1937. С. 3–6.
- Комаров В. Л. Учение о виде у растений // Комаров В. Л. Избранные сочинения. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1945. Т. 1. С. 132–374. (первое отдельное издание — 1940 г.)
- Константинов К. Г. Книга, перегруженная ошибками // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1955а. Т. 60, № 4. С. 101–111.
- Константинов К. Г. О поедании животными особей своего вида // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1955б. Т. 60, № 5. С. 121–123.
- Константинов К. Г. 1956. Направленная изменчивость или естественный отбор? // Зоологический журнал. 1956. Т. 35, № 7. С. 972–977.
- Коржинский С. И. Флора востока европейской России в её систематических и географических отношениях // Известия Императорского Томского университета. 1893. Т. 5. С. 71–299.
- Корочкин Л. А. Онтогенез, эволюция и гены // Природа. 2002. № 7. С. 10–19.
- Корочкин Л. А., Ивановский А. Б. Скачки в эволюции // Химия и жизнь. 1983. № 10. С. 40–47.
- Косец Н. И. Доказана ли возможность непосредственного порождения лещины грабом и ели сосной // Ботанический журнал. 1953. Т. 38, № 5. С. 696–707.
- Косиков К. В. Наследование приобретенных признаков у микроорганизмов // Против реакционного менделизма-морганизма. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 230–271.
- Красильников Н. А. Понятие о виде у бактерий // Микробиология. 1947. Т. 16, № 5. С. 380–393.
- Красильников Н. А. Внутри- и межвидовые антагонистические отношения у микроорганизмов // Успехи современной биологии. 1951а. Т. 31, № 3. С. 346–351.
- Красильников Н. А. Существует ли внутривидовой антагонизм у микробов? // Природа. 1951б. № 7. С. 59–61.
- Кременцов Н. Л. Принцип конкурентного исключения // На переломе: Советская биология в 20–30-х годах. СПб, 1997. Вып. 1. С. 107–164.
- Кременцов Н. Л. Научный интернационализм — идеологии, покровители и сети: 7-й Международный генетический конгресс // На переломе. Отечественная наука в конце XIX — XX веке. СПб: Нестор-история, 2005. Вып. 3. С. 255–298.
- Крестовникова В. А. К учению о стадиях развития микроорганизмов. М.: Медгиз, 1950. 36 с.
- Крестовникова В. А., Журбина В. И., Измайлова Н. Б. К вопросу о природе бактериофага // Микробиология. 1952. Т. 21. № 6. С. 721–734.

- Кривиский А. С. Передача природы микробов // Природа. 1952. № 2. С. 66–73.
- Крыжановский С. Г. Теоретические основы эмбриологии // Успехи современной биологии. 1950. Т. 30, № 3. С. 382–413.
- Крыжановский С. Г. О видообразовании // Зоологический журнал. 1953. Т. 32, № 6. С. 1084–1094.
- Кудрявцев В. И. О непрерывной селекции микроорганизмов из производства // Микробиология. 1951а. Т. 20, № 2. С. 155–167.
- Кудрявцев В. И. К проблеме вида у микроорганизмов // Труды Института генетики АН СССР. 1951б. Т. 1. С. 86–107.
- Кудрявцев В. И. Систематика дрожжей. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. 427 с.
- Кузнецов Б. Г. Естествознание сталинской эпохи // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1949. Т. 54, № 6. С. 5–26.
- Кузякин А. П. К теории вида и видообразования // II научная студенческая конференция МГУ, 26–28 апреля 1940 г. М.: Изд-во МГУ, 1940. С. 14–16.
- Кузякин А. П. Задачи зоологов и зоогеографов в связи с решением Сентябрьского пленума ЦК КПСС // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1954. Т. 59, № 3. С. 3–16.
- Кузякин А. П. К теории вида и видообразования (Близкие виды рукокрылых в аспекте их исторического развития) // Ученые записки МОПИ им. Н. К. Крупской. 1958. Вып. 65. С. 21–98.
- Кузякин А. П. К теории вида и видообразования // Материалы IV научной конференции зоологов педагогических институтов. Горький, 1970. С. 18–19.
- Кулик С. А. Образование видов у грибов *Fusarium* в искусственных условиях // Агробиология. 1950. № 6. С. 28–36.
- Куликов М. В. «Новое в науке о биологическом виде» акад. Т. Д. Лысенко и биостратиграфия // Ботанический журнал. 1953. Т. 38, № 3. С. 389–400.
- Куликов М. В. О некоторых вопросах советской палеонтологии // Вестник ЛГУ. 1954. № 4. С. 143–152.
- Купревич В. Ф. О задачах и возможных путях экспериментального изучения растений в естественных условиях // Ботанический журнал. 1947. Т. 32, № 5. С. 185–193.
- Купревич В. Ф. Проблема вида у гетеротрофных и автотрофных растений // Комаровские чтения. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Вып. 1. 48 с.
- Купревич В. Ф., Григорьев Ю. С., Низковская Е. К. Водный режим некоторых видов рода *Cousinia* Памиро-Алая // Ботанический журнал. 1949. Т. 34, № 1. С. 16–33.
- Курсанов А. Л. Понятие о виде у низших растений // Микробиология. 1945. Т. 14, № 4. С. 210–214.
- Кутырев В. А. Утопическое и реальное в учении о ноосфере // Природа. 1990. № 11. С. 3–10.
- Кушнер Х. Ф., Фейгинсон И. И., Плющ Л. Н. Учение о жизненности в мичуринской биологии // Журнал общей биологии. 1953. Т. 14, № 3. С. 198–214.
- Кэйн А. Вид и его эволюция. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 244 с.

- Кювье Ж. О переворотах на поверхности земного шара. М.: Биомедгиз, 1937. 368 с.
- Лавренко Е. М. Об изучении процесса видообразования в природе // Ботанический журнал. 1953. Т. 38, № 6. С. 846–852.
- Лачининский А. В., Федотова А. А., Сергеев М. Г. От идеи фазовой изменчивости к пониманию полифенизма, стадного поведения и популяционной динамики стадных саранчовых. К 100-летию теории фаз Б. П. Уварова // Евразийский энтомологический журнал. 2023. Т. 22, № 3. С. 119–134.
- Лебедев А. П. Попытка Дарвина помирить свою теорию с религиозно-нравственным чувством христианина (К характеристике англичан). М.: Университетская типография, 1878. 6 с.
- Лебедев Д. В. Несколькo замечаний по поводу статьи И. И. Новинского «О философских основах биологической теории вида» // Ботанический журнал. 1956. Т. 41, № 2. С. 267–271.
- Ленин В. И. О значении воинствующего материализма // Под знаменем марксизма. 1922. № 3. С. 5–12.
- Лепешинская О. Б. Недоброкачественная критика Н. В. Турбина и Н. Д. Иванова работы Т. Д. Лысенко о виде // Ботанический журнал. 1953. Т. 38, № 3. С. 386–388.
- Липаева Л. И. По поводу взглядов Т. Д. Лысенко на «жизненность» растительных и животных организмов // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1956. Т. 61, № 4. С. 67–73.
- Липшиц С. Ю. Ботанико-библиографические заметки. 2. Забытая работа А. Т. Болотова и А. Красносельского о перерождении растений // Ботанический журнал. 1956. Т. 41, № 1. С. 115–120.
- Логинова Л. Г. О первых работах по приспособлению организмов // Микробиология. 1951. Т. 20, № 4. С. 380–382.
- Лойцянская М. С. Изменчивость уксуснокислых бактерий // Микробиология. 1953. Т. 22, № 5. С. 511–516.
- Лукин Е. И. Дарвинизм и географические закономерности в изменении организмов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 312 с.
- Лукин Е. И. Закономерности географических изменений организмов // Микулинский С. Р., Полянский Ю. И. (ред.). Развитие эволюционной теории в СССР (1917–1970-е гг.). Л.: Наука, 1983. С. 175–189.
- Лысенко Т. Д. Агробиология: Работы по вопросам генетики, селекции и семеноводства. М.: Сельхозгиз, 1946. 408 с.
- Лысенко Т. Д. Доклад академика Т. Д. Лысенко о положении в биологической науке; Заключительное слово академика Т. Д. Лысенко // О положении в биологической науке. Стенографический отчет сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. 31 июля — 7 августа 1948 г. М.: ОГИЗ–Сельхозгиз, 1948. С. 7–41, 512–522.
- Лысенко Т. Д. Вид // Большая советская энциклопедия. 2-е издание. М.: Большая советская энциклопедия, 1951. Т. 8. С. 14–19.
- Лысенко Т. Д. О задачах Всесоюзной ордена Ленина Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина по выполнению решений XIX съезда

- партии в области развития сельского хозяйства СССР // *Агробиология*. 1952. № 6. С. 17–56.
- Лысенко Т. Д.* Избранные сочинения. М.: Московский рабочий, 1953. 550 с.
- Лысенко Т. Д.* Мичуринское учение // *Большая советская энциклопедия*. 2-е изд. М.: Большая советская энциклопедия, 1954. Т. 27. С. 630–635.
- Лысенко Т. Д.* О биологическом виде и видообразовании // *Агробиология*. 1956. № 4. С. 3–30.
- Лысенко Т. Д.* За материализм в биологии // *Вопросы философии*. 1958. № 2. С. 102–111.
- Любарский Г. Ю.* Изменение представлений о типологическом универсуме в западноевропейской науке // *Журнал общей биологии*. 1991. Т. 52, № 3. С. 319–333.
- Любарский Г. Ю.* Происхождение иерархии: история таксономического ранга. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2018. 659 с.
- Любина Г. И.* Учебники палеонтологии Л. Ш. Давиташвили: от торжества прагматизма к триумфу «творческого дарвинизма» 1930–1950-е гг // *Годичная научная конференция ИИЕТ РАН*. Москва: Янус-К, 2018. С. 140–144.
- Любич Ф. П.* Разноплodie у растений и его значение в процессах видообразования // *Бюллетень МОИП, отдел биологический*. 1948. Т. 53, № 6. С. 67–79.
- Любичев А. А.* В защиту науки: Статьи и письма, 1953–1972. Л.: Наука, 1991. 205 с.
- Любичев А. А.* О монополии Т. Д. Лысенко в биологии. М.: Памятники исторической мысли, 2006. 520 с.
- Мазин Л. Н.* Жизнь Александра Петровича Кузякина и его вклад в биологическую и географическую науки // *Александр Петрович Кузякин. Биография, научное наследие и воспоминания о нем*. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2018. С. 8–47.
- Мазур Л. Н.* Советская наука как социальный проект: Особенности и этапы конструирования (1917–1950-е гг.) // *Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки*. 2021. Т. 23, № 4. С. 117–138.
- Майр Э.* Систематика и происхождение видов с точки зрения зоолога. М.: Госизд-во иностранной литературы, 1947. 504 с.
- Майр Э.* Зоологический вид и эволюция. М.: Мир, 1968. 598 с.
- Майр Э.* Популяции, виды и эволюция. М.: Мир, 1974. 460 с.
- Майр Э., Линсли Э., Юзингер Р.* Методы и принципы зоологической систематики. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. 352 с.
- Майстров Л. Е.* Борьба материализма с идеализмом в теории вероятностей // *Философские вопросы естествознания*. М.: Изд-во МГУ, 1959. Ч. 2. С. 102–133.
- Максимов Н. А.* Важнейшие проблемы физиологии растений и перспективы её развития в СССР // *Ботанический журнал*. 1947. Т. 32, № 1. С. 3–15.
- Малиновский А. А.* Роль хромосомных инверсий в эволюции вида // *Журнал общей биологии*. 1940. Т. 1, № 4. С. 565–596.
- Малиновский А. А.* Вид как эволюционное целое // *Рефераты научно-исследовательских работ учреждений АН СССР за 1945 г. Отделение биологических наук*. М.: АН СССР, 1947. С. 286–287.

- Мантейфель П. А. Внутривидовые и межвидовые отношения у животных // Вопросы мичуринской биологии. М.: Учпедгиз, 1953. Вып. 3. С. 73–87.
- Марков Г. С. Против антидарвинистических теорий в паразитологии // Успехи современной биологии. 1948. Т. 25, № 2. С. 269–288.
- Марков Г. С. Об одной эклектической теории в паразитологии // Журнал общей биологии. 1953. Т. 14. С. 247–251.
- Марков Г. С. [Выступление на философском семинаре ЛГУ по проблеме вида] // Вестник ЛГУ. 1954. № 10. С. 47–49.
- Марковский Б. П. Преодоление отставания от мичуринской биологии — первоочередная задача советской палеонтологии (тезисы доклада). Л.: ВСЕГЕИ, 1951. 18 с.
- Маслов А. В. О развитии и внутривидовых взаимоотношениях у личинок комаров группы *Theobaldia* // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1955. Т. 50, № 2. С. 9–23.
- Медведев Ж. А. Взлет и падение Лысенко. М.: Книга, 1993. 348 с.
- Медников Б. М. Мифы современной эволюционной теории // Дарвинизм: История и современность. Л.: Наука, 1988. С. 189–195.
- Микулинский С. Р., Полянский Ю. И. (ред.). Развитие эволюционной теории в СССР (1917–1970-е гг.). Л.: Наука, 1983. 613 с.
- Милованов В. К. Оплодотворение, жизненность и пол сельскохозяйственных животных // Журнал общей биологии. 1952. Т. 13, № 2. С. 105–121.
- Михайлов К. Г. Материалы по истории Зоологического музея МГУ (1917–1978). М.: Товарищество научных изданий КМК, 2002. 59 с.
- Михайлова Л. В. О превращении кочанной капусты в брюкву // Агробиология. 1950. № 4. С. 38–44.
- Михайлова Л. В. Порождение рапса кочанной капустой // Агробиология. 1952а. № 5. С. 23–26.
- Михайлова Л. В. К вопросу о видообразовании у растений // Растение и среда. М.: Изд-во АН СССР, 1952б. Вып. 3. С. 213–227.
- Михайлова Л. В. Старый факт по видообразованию в новом освещении // Ботанический журнал. 1953. Т. 38, № 2. С. 232–233.
- Мовчан А. А. О внутривидовых отношениях у рыб // Агробиология. 1953 № 3. С. 81–90.
- [Муромцев С. Н.] Речь С. Н. Муромцева // О положении в биологической науке. Стенографический отчет сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. 31 июля — 7 августа 1948 г. М.: ОГИЗ–Сельхозгиз, 1948. С. 277–281.
- Муромцев С. Н. К проблеме видообразования у микробов // Агробиология. 1952. № 2. С. 88–108.
- Муромцев С. Н. Изменчивость микроорганизмов и проблемы иммунитета. М.: Сельхозиздат, 1953а. 260 с.
- Муромцев С. Н. Жизненный цикл у бактерий // Журнал общей биологии. 1953б. Т. 14, № 4. С. 296–312.
- Муромцев С. Н. О видообразовании у микробов // Журнал общей биологии. 1954. Т. 15, № 2. С. 144–156.

- Навашин М. С. Кариотипическая изменчивость и её значение // Успехи современной биологии. 1934. Т. 3, № 1. С. 3–26.
- Навашин М. С. Хромосомы и видообразование // Ботанический журнал. 1957. Т. 42, № 11. С. 1615–1634.
- Насонов Н. В. Географическое распространение диких баранов Старого Света. Пг.: Российская Государственная Академическая Типография, 1924. 255 с.
- Неймайр М. История Земли. СПб: Просвещение, 1903. Т. 2. 848 с.
- Нестеров В. Г. Видообразование и внутривидовые отношения растений // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. 1955. № 1 (8). С. 25–52.
- Никитин С. Дарвинизм и вопрос о виде в палеонтологии // Мысль. 1881. № 8. С. 144–170.
- Никольский Г. В. О закономерностях внутривидовых отношений у пресноводных рыб // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1949. Т. 54, № 1. С. 3–15.
- Никольский Г. В. Частная ихтиология. М.: Советская наука, 1950. 436 с.
- Никольский Г. В. О некоторых общих вопросах биологии // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1953а. Т. 58, № 2. С. 48–56.
- Никольский Г. В. О некоторых вопросах проблемы вида // Зоологический журнал. 1953б. Т. 32, № 5. С. 820–827.
- Никольский Г. В. О содержании, теоретических основах и основных задачах экологии животных // Зоологический журнал. 1955а. Т. 34, № 1. С. 68–79.
- Никольский Г. В. Об изменчивости организмов // Зоологический журнал. 1955б. Т. 34, № 4. С. 723–733.
- Никольский Г. В. О диалектике взаимоотношений организма и среды // Философские вопросы естествознания. М.: Изд-во МГУ, 1958. Вып. 1. С. 112–126.
- Никольский Г. В. Вид и видообразование. М.: Знание, 1962. 48 с.
- Никольский Г. В. О проблеме вида и видообразования. М.: Знание, 1972. 48 с.
- Никольский Г. В. Об относительной стабильности вида и некоторых вопросах таксономии // Зоологический журнал. 1968. Т. 47, № 6. С. 860–874.
- Никольский Г. В., Пикулева В. А. О приспособительном значении амплитуды изменчивости видовых признаков и свойств организмов // Зоологический журнал. 1958. Т. 37, № 7. С. 972–987.
- Новиков П. А. Борьба против вейсманизма-менделизма-морганизма в отечественной зоологии // Труды Института истории естествознания. М., 1953. Т. 5. С. 93–144.
- Новинский И. И. О недостатках в освещении некоторых вопросов в биологии // Вопросы философии. 1951. № 6. С. 160–178.
- Новинский И. И. Против защиты вейсманизма // Журнал общей биологии. 1953. Т. 14, № 3. С. 238–246.
- Новинский И. И. О философских основах биологической теории вида // Вопросы философии. 1955. № 4. С. 160–177.
- Нуждин Н. И. Дарвин и мичуринская биология // Известия АН СССР, серия биологическая. 1952. № 3. С. 6–29.
- Нуждин Н. И. Рецидив вейсманизма под флагом защиты дарвинизма // Журнал общей биологии. 1953а. Т. 14, № 1. С. 3–22.
- Нуждин Н. И. Банкротство буржуазной лженауки // Природа. 1953б. № 3. С. 63–71.

- Нуждин Н. И. Взгляды Дарвина и Мичурина на роль среды в изменчивости организмов // Известия АН СССР, серия биологическая. 1956. № 2. С. 18–28.
- Овечкин В., Фиш Г. Народный академик // Новый мир. 1953. № 10. С. 3–42.
- Огнёв С. И. Проблемы систематики. I. Значение морфологии для систематических исследований // Зоологический журнал. 1942. Т. 21, № 6. С. 266–281.
- Огнёв С. И. Проблемы систематики. II. Вопрос о виде в свете новейших данных // Зоологический журнал. 1944. Т. 23, № 1. С. 1–15.
- Огнёв С. И. Обратим ли процесс эволюции? // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1945. Т. 50, № 1/2. С. 3–16.
- Огнёв С. И. Вид, низшие категории вида, насущные задачи систематики // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1947. Т. 52, № 1. С. 3–21.
- Оленов Ю. М. О дискуссионных статьях по проблеме видообразования, опубликованных в «Зоологическом журнале» // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1955. Т. 60, № 1. С. 109–116.
- Оленов Ю. М. Некоторые проблемы эволюционной генетики и дарвинизма. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1961. 164 с.
- Ольшанский М. А. Творческая роль отбора в свете мичуринского учения // Агробиология. 1950. № 4. С. 21–37.
- Опарин А. И. Значение гениальных работ товарища И. В. Сталина по вопросам языкознания для творческого развития советской биологии // Известия АН СССР, серия биологическая. 1951. № 6. С. 3–22.
- Опарин А. И. Задачи Отделения биологических наук АН СССР в свете решений XIX съезда КПСС и гениальных идей нового труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» // Известия АН СССР, серия биологическая. 1953. № 2. С. 14–33.
- Орлов В. А. К проблеме видообразующей изменчивости микроорганизмов // Журнал микробиологии, эпидемиологии, иммунологии. 1954. № 10. С. 31–37.
- Орлов С. А. Формирование теории «прерывистого равновесия» // Дарвинизм: История и современность. Л.: Наука, 1988. С. 158–168.
- Остроумов А. А. К вариационной статистике каспийских дидакнид // Труды Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. 1912. Т. 44, № 4. С. 3–28.
- Павлинов И. Я. Проблема вида в биологии: истоки и современность. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2023. 216 с.
- Павлов Н. В. О видообразовании путем порождений // Ботанический журнал. 1953а. Т. 38, № 3. С. 378–385.
- Павлов Н. В. К критике новых понятий о виде // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1953б. Т. 58, № 3. С. 51–65.
- Павловский Е. Н. Мичуринская биология и задачи зоологических исследований // Зоологический журнал. 1948. Т. 27, № 6. С. 465–468.
- Павловский Е. Н. Ближайшие задачи энтомологии в свете мичуринской биологии // Энтомологическое обозрение. 1949. Т. 30, № 3–4. С. 181–184.
- Павловский Е. Н. О необходимости развития систематики // Зоологический журнал. 1952. Т. 31, № 2. С. 169–175.

- Павловский Е. Н.* О наследовании приобретенных признаков по данным экспериментальных работ над изменением признаков шерстного покрова у кроликов // Труды АН Таджикской ССР. 1955. Т. 31. С. 41–58.
- Павловский Е. Н.* Состояние советской зоологии к сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции // Зоологический журнал. 1957. Т. 36, № 11. С. 1603–1608.
- Парамонов А. А.* Курс дарвинизма. М.: Советская наука, 1945. 432 с.
- Парамонов А. А.* Основные предпосылки возникновения дарвинизма (Предисловие редактора) // Некрасов А. Д. Чарлз Дарвин. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 5–21.
- Парамонов С. Я.* Современная зоологическая систематика, её теоретические и практические задачи // Зоологический журнал. 1939. Т. 18, № 1. С. 7–26.
- Парамонов С. Я.* Что такое вид в биологии // Советская ботаника. 1943. № 2. С. 3–18.
- Пеннет Р. К.* Менделизм. М.-Л.: Госиздат, 1930. 240 с.
- Петров Д. Ф.* К вопросу о происхождении видов // Ботанический журнал. 1953. Т. 38, № 6. С. 853–861.
- Пилипенко Н. В.* Наука — враг случайностей // Вопросы философии. 1953. № 3. С. 20–33.
- Пилипенко Ф. С.* Видо- и формообразование эвкалиптов // Агробиология. 1950. № 4. С. 45–59.
- Пилипенко Ф. С.* О возникновении новых видов и форм эвкалиптов // Бюллетень Главного ботанического сада АН СССР. 1951. № 9. С. 62–79.
- Писарев Д. И.* Полное собрание сочинений и писем в двенадцати томах. М.: Наука, 2003. Т. 6. 620 с.
- Платонов Г. В. В. И. Ленин и развитие биологической науки // Журнал общей биологии. 1954а. Т. 15, № 1. С. 3–17.*
- Платонов Г. В.* Некоторые философские вопросы дискуссии о виде и видообразовании // Вопросы философии. 1954б. № 6. С. 116–132.
- Платонов Г. В.* Мичуринское учение и дарвинизм // Философские вопросы естествознания. М.: Изд-во МГУ, 1958. Вып. 1. С. 7–65.
- Платонов Г. В.* Дарвин, дарвинизм и философия. М.: Госполитиздат, 1959. 432 с.
- Плотников А. А.* К вопросу о взаимоотношениях растений в посевах // Ботанический журнал. 1949. Т. 34, № 6. С. 631–634.
- Поддубная-Арнольди В. А.* Значение эмбриологических исследований высших растений для систематики // Успехи современной биологии. 1951. Т. 32, № 3. С. 352–392.
- Поздняков А. А.* Что такое ламаркизм? // Lethaea Rossica. 2022. Т. 25. С. 48–75.
- Полежаев Л. В.* Задачи экспериментальной морфологии // Успехи современной биологии. 1950. Т. 30, № 3. С. 414–437.
- Полищук В. К.* О наследовании признака устойчивости к болезням пшеницы, измененной из яровой в озимую // Селекция и семеноводство. 1968. № 3. С. 8–12.
- Поляков И. А., Микулинский С. Р.* Разоблачать враждебные марксизму концепции // Вопросы философии. 1953. № 2. С. 230–234.

- Поляков И. М. 150 лет закона Найта-Дарвина и приоритет русской науки // Успехи современной биологии. 1950. Т. 29, № 2. С. 301–321.
- Поляков И. М. Учение Ламарка о градации в животном мире (К 150-летию выхода в свет «Философии зоологии» // Зоологический журнал. 1959. Т. 38, № 10. С. 1471–1480.
- Полянский В. И. О некоторых проблемах филогенетической систематики в свете дарвинизма // Журнал общей биологии. 1942. Т. 3, № 1–2. С. 63–80.
- Полянский В. И. О виде у низших водорослей // Комаровские чтения. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956а. Вып. 9. 74 с.
- Полянский В. И. Освещение проблемы вида и видообразования в журнале «Естественнознание в школе» // Ботанический журнал. 1956б. Т. 41, № 7. С. 1046–1050.
- Полянский В. И. О целостности вида и её эволюции // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1959. Т. 64, № 4. С. 5–13.
- Правдин Л. Ф., Некрасов В. А. Самопрививки хвойных древесных пород // Ботанический журнал. 1953. Т. 38, № 6. С. 874–878.
- Презент И. И. Теория Дарвина в свете диалектического материализма. Л.: Лен-медиздат, 1932. 32 с.
- Презент И. И. Советский творческий дарвинизм // Агробиология. 1947. № 6. С. 3–29.
- Презент И. И. Письмо в редакцию и проект программы // Селекция и семеноводство. 1950. № 6. С. 72–79.
- Презент И. И., Халифман И. А. Некоторые вопросы теории биологического вида и видообразования // Агробиология. 1955. № 6. С. 15–30. (То же: «Вопросы философии». 1955. № 5. С. 157–168).
- Прохоров М. И. К изучению направленной изменчивости бактерий // Агробиология. 1950. № 6. С. 37–41.
- Пузанов И. И. Сальгационизм и метаморфозы // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1954. Т. 59, № 4. С. 67–79.
- Пузанов И. И. М. И. Мельников, А. А. Шабанов, В. М. Корсунская. Основы дарвинизма. Учебное пособие для средней школы. Изд. 6-е. М.: Учпедгиз, 1955 [Рецензия] // Ботанический журнал. 1956. Т. 41, № 7. С. 1042–1046.
- Пузанов И. И. Биологический вид и его подразделения // Труды объединенной научной сессии Молдавского филиала АН СССР. Кишинев, 1959. Вып. 2. С. 275–287.
- Пузанов И. И. Что такое ламаркизм? // Вопросы эволюционной морфологии и биоценологии. Казань: Изд-во Казанского университета, 1970. С. 113–124.
- Райков Б. Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 2. 588 с.
- Райков Б. Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. 471 с.
- Райков Б. Е. В. И. Шманкевич и его работы о влиянии среды на организм // Труды Института истории естествознания и техники АН СССР. 1953. Т. 5. С. 245–271.
- Райков Б. Е. Современный воинствующий антидарвинизм. Л., 1958. Рукопись. СПБФ АРАН. Ф. 893. Оп. 1. Д. 168. 14 лл.

- Райков Б. Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 4. 678 с.
- Раузер-Черноусова Д. М. Низшие таксономические единицы в систематике фораминифер // Вопросы микропалеонтологии. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Вып. 1. С. 5–22.
- Реведратто В. В. Введение в фитоценологию. Томск: Изд-во ТГУ, 1935. Ч. 1. 98 с.
- Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. 413 с.
- Розинский Я. Я. Об устойчивости характерного для вида типа пропорций тела (к вопросу о приспособительной роли проявления «неопределенной изменчивости») // Зоологический журнал. 1957. Т. 36, № 2. С. 151–157.
- Родендорф Б. Б. Вопросы палеозоологической систематики // Палеонтологический журнал. 1959. № 3. С. 15–26.
- Розанова М. А. Экспериментально-генетический метод в систематике // Журнал Русского ботанического общества. 1928а. Т. 13, № 3–4. С. 245–270.
- Розанова М. А. О низших таксономических единицах // Журнал Русского ботанического общества. 1928б. Т. 13, № 3–4. С. 323–342.
- Розанова М. А. О биологической изоляции и «скрытых» видах // Ботанический журнал. 1940. Т. 25, № 4–5. С. 304–308.
- Розанова М. А. Экспериментальные основы систематики растений. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 256 с.
- Розанова М. А. Вид как экологическая проблема // Успехи современной биологии. 1947. Т. 23, № 1. С. 69–86.
- Розенталь М. М. Диалектический материализм // Большая советская энциклопедия. 2-е издание. М.: Большая советская энциклопедия, 1952. Т. 14. С. 277–296.
- Ромашов Д. Д., Ильина Е. Д. Об aberrативной изменчивости в популяциях пушных зверей // Журнал общей биологии. 1943. Т. 4, № 5. С. 286–312.
- Ростова Н. С. Исследование факторов эволюции в генэкологии растений и эволюционной экологии животных // Микулинский С. Р., Полянский Ю. И. (ред.). Развитие эволюционной теории в СССР (1917–1970-е гг.). Л.: Наука, 1983. С. 189–202.
- Рубашевский А. А. Против идеалистической ревизии мичуринской материалистической биологии // Журнал общей биологии. 1953. Т. 14, № 5. С. 394–411.
- Рубцов И. А. Теория круга форм // Труды ЗИН АН СССР. 1941. Т. 6, № 4. С. 191–206.
- Рубцов И. А. О критериях вида у мошек (семейство Simuliidae, Diptera) // Зоологический журнал. 1957. Т. 36, № 6. С. 801–819.
- Рубцов И. А. О критериях вида у некоторых насекомых // Зоологический журнал. 1959. Т. 38, № 5. С. 657–672.
- Рубцова З. М. Критерии вида // Микулинский С. Р., Полянский Ю. И. (ред.). Развитие эволюционной теории в СССР (1917–1970-е гг.). Л.: Наука, 1983. С. 296–306.
- Руженцев В. Е. Опыт естественной систематики некоторых верхнепалеозойских аммонитов // Труды Палеонтологического института АН СССР. 1940. Т. 11, № 3. С. 1–134.

- Руженцев В. Е.* Основные вопросы палеонтологической систематики в свете мичуринской биологии // *Материалы палеонтологического совещания по палеозою. М.-Л., 1953. С. 5–36.*
- Рухьян А. А.* Об описанном С. К. Карапетяном случае порождения лещины грабом // *Ботанический журнал. 1953. Т. 38, № 6. С. 885–891.*
- Рыжков В. Л.* Систематика вирусов и её значение для народного хозяйства // *Ботанический журнал. 1954. Т. 39, № 6. С. 797–808.*
- Рыжков В. Л.* Вопросы общей биологии в «Большой советской энциклопедии» // *Ботанический журнал. 1956. Т. 41, № 7. С. 1038–1042.*
- Рюмин А. В.* [Выступление на философском семинаре ЛГУ по проблеме вида] // *Вестник ЛГУ. 1954. № 10. С. 66–68.*
- Савельев А. А.* Внутривидовые подразделения и некоторые вопросы видообразования // *Палеонтологический сборник. 1960. № 2. С. 11–38.*
- Савич-Любичка Л. И., Смирнова З. Н.* Понятие о виде в бриологии // *Проблема вида в ботанике. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Вып. 1. С. 102–129.*
- Самохвалова Г. В.* Получение наследственных изменений у тлей при перемене кормовых растений // *Журнал общей биологии. 1951. Т. 12, № 3. С. 176–191.*
- Сарычева Т. Г.* К вопросу о современном состоянии советской палеонтологии // *Известия АН СССР, серия биологическая. 1952. № 4. С. 43–62.*
- Сарычева Т. Г.* Очередные задачи палеонтологии в деле помощи практике // *Материалы палеонтологического совещания по палеозою. М.-Л., 1953. С. 58–70.*
- Сафонов В.* *Земля в цвету. М.: Молодая гвардия, 1950. 350 с.*
- Сахаров П. П.* Наследование приобретенных признаков у животных // *Зоологический журнал. 1949. Т. 28, № 1. С. 7–38.*
- Сахаров П. П.* *Наследование приобретенных свойств. М.: Советская биология, 1952. 336 с.*
- Сверкунов В. К.* О перерождении культурного овса в овсюг // *Агробиология. 1950. № 1. С. 128–130.*
- Свешникова И. Н.* Новый метод в изучении эволюции вида // *Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1947. Т. 52, № 3. С. 75–82.*
- Северцов А. Н.* *Морфологические закономерности эволюции. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 610 с.*
- Северцов А. С.* *Введение в теорию эволюции. М.: Изд-во МГУ, 1981. 316 с.*
- Северцов С. А.* Дарвинизм и экология // *Зоологический журнал. 1937. Т. 16, № 4. С. 591–614*
- Северцов С. А.* Динамика населения и приспособительная эволюция животных. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 316 с.
- Северцов С. А.* О конгруэнциях и понятии целостности вида // *Северцов С. А. Проблемы экологии животных: Неопубликованные работы. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Вып. 1. С. 30–57.*
- Семёнов-Тян-Шанский А. П.* Таксономические границы вида и его подразделений: опыт точной категоризации низших систематических единиц // *Записки Академии наук по Физико-математическому отделению. 1910. Т. 25, № 1. С. 1–29.*

- Семёнова-Тян-Шанская А. П. Восстановление растительности на степных залежах в связи с вопросом о «порождении» видов // Ботанический журнал. 1953. Т. 38, № 6. С. 862–873.
- Сергеев Л. И. Теория стадийного развития — основной закон физиологии растений // Успехи современной биологии. 1950. Т. 30, № 3. С. 357–371.
- Сергиевский С. О. Структура вида у животных и её значение для эволюции // Микулинский С. Р., Полянский Ю. И. (ред.). Развитие эволюционной теории в СССР (1917–1970-е гг.). Л.: Наука, 1983. С. 323–347.
- Серебровский П. В. Критика «теории» кругов форм (кризис систематики в орнитологии) // Труды ЗИН АН СССР. 1941. Т. 6, № 4. С. 158–190.
- Сизов И. А. Новое в виде и видообразовании // Наука и жизнь. 1951. № 11. С. 12–14.
- Синская Е. Н. Учение об экотипах в свете филогенеза высших растений // Успехи современной биологии. 1938. Т. 9, № 1. С. 1–15.
- Синская Е. Н. Проблема вида в современной ботанической литературе // Успехи современной биологии. 1942. Т. 15, № 3. С. 326–359.
- Синская Е. Н. Динамика вида. М.-Л.: Сельхозгиз, 1948. 528 с.
- Синская Е. Н. К пересмотру основ филогенетической систематики растений // Селекция и семеноводство. 1949. № 9. С. 20–28.
- Синюхин А. М. О возникновении нового организма в недрах старого // Известия АН СССР, серия биологическая. 1953. № 2. С. 16–38.
- Скабичевский А. П. Проблема возникновения жизни на Земле и теория акад. А. И. Опарина // Вопросы философии. 1953. № 2. С. 150–155.
- Скворцов А. К. В. Л. Комаров и проблема вида // Комаровские чтения. 1972. Вып. 24. С. 48–81.
- Слепков В. Н. Наследственность и отбор у человека // Под знаменем марксизма. 1925а. № 4. С. 102–122.
- Слепков В. Н. Биология человека // Под знаменем марксизма. 1925б. № 10–11. С. 115–142.
- Смирнов Е. С. О строении систематических категорий // Русский зоологический журнал. 1923. Т. 3, № 3–4. С. 358–391.
- Смирнов Е. С. Новые данные о наследственном влиянии среды и современный лamarкизм // Вестник Коммунистической академии. 1928. Т. 25, № 1. С. 183–215.
- [Смирнов Е. С.] Речь Е. С. Смирнова // Против механистического материализма и меньшевистствующего идеализма. М.-Л.: Медгиз, 1931. С. 41–43.
- Смирнов Е. С. Конструкция вида с таксономической точки зрения // Зоологический журнал. 1938. Т. 17, № 3. С. 387–418.
- Смирнов Е. С. О наследовании приобретаемых свойств у животных // Вопросы мичуринской биологии. М.: Учпедгиз, 1953. Вып. 3. С. 141–180.
- Смирнов Е. С. Наследование приобретенных свойств в процессе адаптации // Журнал общей биологии. 1957. Т. 18, № 6. С. 464–475.
- Смирнов Е. С. Философия зоологии Ж. Ламарка (1809–1959) // Научные доклады высшей школы. Биология. 1959. № 3. С. 16–25.
- Смирнов Е. С. Наследование приобретенной ритмики размножения у *Neomysis costiflaxus* Brant (Aphidiidae) // Журнал общей биологии. 1961. Т. 22, № 2. С. 164–178.

- Смирнов Е. С., Вермель Ю. М., Кузин Б. С. Очерки по теории эволюции. М.: Красная новь, 1924. 203 с.
- Смирнов Е. С., Келейникова С. И. Изменения жизненности и наследование приобретенных признаков у *Neotyzus circumflexus* Buckt. (Aphididae) // Зоологический журнал. 1950. Т. 29, № 1. С. 52–68.
- Смирнов Е. С., Леонов Н. Д. Преформация или эпигенезис? (к вопросу о наследовании приобретенных признаков) // Преформизм или эпигенезис? Вологда: Северный печатник, 1926. С. 1–24.
- Смирнов Е. С., Чувахина З. Ф. Наследование приобретаемых свойств и проблема возникновения вредителей // Вестник МГУ, серия физико-математических и естественных наук. 1953. № 5. С. 17–26.
- Смирнов Л. А. Естественная яровизация и широтные миграции растений // Ботанический журнал. 1948. Т. 33, № 6. С. 559–570.
- Смирнов Л. А. К вопросу об интересном случае самопрививки ели на сосне в окрестностях Риги // Ботанический журнал. 1953. Т. 38, № 3. С. 418–421.
- Соболев Д. Н. Земля и жизнь. II. Эволюция и революции в истории органического мира. Киев: Типография Книгоспилки, 1927. 38 с.
- Соболь С. Л. Возникновение и развитие материалистической традиции в русской эволюционной мысли XVIII и первой половины XIX века // Труды Института истории естествознания. 1953. Т. 5. С. 11–50.
- Созинов И. В. К вопросу об институционализации лженаучного учения О. Б. Лепешинской: события 1943–1963 гг. // Историко-биологические исследования. 2023. Т. 15, № 2. С. 78–100.
- Сойфер В. Н. Власть и наука: История разгрома генетики в СССР. М.: Лазурь, 1993. 706 с.
- Сойфер В. Н. Красная биология: Псевдонаука в СССР. М.: Флинта, 1998. 261 с.
- Соколов Б. М. Вопросы морфологии в трудах Маркса, Энгельса, Ленина. Пермь: Пермский государственный медицинский институт, [1934]. 232 с.
- Соколов В. Е., Скворцов А. К. Молчать, действительно, нельзя // Природа. 1988. № 6. С. 96–99.
- Сонин А. С. Борьба с космополитизмом в советской науке. М.: Наука, 2011. 664 с.
- Старобогатов Я. И. Практические приемы систематики и вопрос о критерии вида // Зоологический журнал. 1968. Т. 47, № 6. С. 875–886.
- Стегний В. Н. Архитектоника генома, системные мутации и эволюция. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. 111 с.
- Степанов Д. Л. Политипическая концепция вида в палеонтологической палеонтологический журнал. 1959. № 3. С. 3–14.
- Стругацкий А., Стругацкий Б. Понедельник начинается в субботу. М.-СПб.: Эксмо; Terra Fantastica, 2007. 736 с.
- Студитский А. Н. За творческую разработку проблемы видообразования // Успехи современной биологии. 1953а. Т. 35, № 1. С. 1–26.
- Студитский А. Н. Типы новообразования клеток из живого вещества в процессах гистогенеза и регенерации (Проблемы новой клеточной теории) // Журнал общей биологии. 1953б. Т. 14, № 3. С. 177–197.

- Студитский А. Н. К дискуссии о видообразовании // Успехи современной биологии. 1954. Т. 38, № 2. С. 243–249.
- Студитский А. Н. Научное наследие Ламарка // Успехи современной биологии. 1955. Т. 39, № 1. С. 3–17.
- Сукачев В. Н. Проблема борьбы за существование в биоценологии // Вестник ЛГУ. 1946. № 2. С. 27–39.
- Сукачев В. Н. О некоторых теоретических положениях программы работ комплексной научной экспедиции АН СССР по полезному разведению на 1950 г. // Ботанический журнал. 1950. Т. 35, № 1. С. 10–18.
- Сукачев В. Н. О внутривидовых и межвидовых взаимоотношениях среди растений // Ботанический журнал. 1953а. Т. 38, № 1. С. 57–96.
- Сукачев В. Н. О внутривидовой конкуренции и о биогеоценологии (некоторые замечания к статьям Н. И. Нуждина и В. С. Дмитриева) // Журнал общей биологии. 1953б. Т. 14, № 4. С. 320–326.
- Сукачев В. Н. О внутривидовых отношениях в растительном мире // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1956. Т. 61, № 2. С. 5–20.
- Суханова К. М. Температурные адаптации у паразитических простейших // Цитология. 1959. Т. 1, № 5. С. 587–600.
- Сухов К. С. О природе вирусов // Микробиология. 1953а. Т. 22, № 3. С. 316–324.
- Сухов К. С. Видообразование у вирусов // Известия АН СССР, серия биологическая. 1953б. № 3. С. 3–15.
- Сухов К. С. Изменчивость и видообразование у вирусов // Труды Института генетики АН СССР. 1954. № 21. С. 20–40.
- Сухов К. С., Косиков К. В. [Рецензия на:] Труды Института микробиологии АН СССР // Микробиология. 1952. Т. 21, № 6. С. 754–759.
- Сушкин П. П. Подвид (*subspecies*) и племя (*natio*) // Орнитологический вестник. 1916. № 4. С. 203–208.
- Талиев Д. Н. Серологические реакции в новых областях зоологических дисциплин // Природа. 1938. № 7–8. С. 136–138.
- Талиев Д. Н. Опыт применения реакции преципитации к познанию и происхождения и истории байкальской фауны // Труды Байкальской лимнологической станции АН СССР. 1940. Т. 10. С. 241–356.
- Талиев Д. Н. Серологический анализ рас байкальского омуля [*Coregonus autumnalis migratorius* (Georgi)] // Труды Зоологического института АН СССР. 1941. Т. 6, вып. 4. С. 68–91.
- Тальман П. Н. К вопросу о виде и видообразовании // Ботанический журнал. 1953. Т. 38, № 4. С. 556–569.
- Тарбинский С. П. Прыгающие прямокрылые насекомые Азербайджанской ССР. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 246 с.
- Татарinov Л. П. Очерки по теории эволюции. М.: Наука, 1987. 251 с.
- Тахтаджян А. Л. О принципах, методах и символах филогенетических построений в ботанике // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1947. Т. 52, № 5. С. 95–120.
- Тахтаджян А. Л. Некоторые вопросы теории вида в систематике современных и ископаемых растений // Ботанический журнал. 1955. Т. 40, № 6. С. 789–796.

- Тахтаджян А. Л. Прямое приспособление или естественный отбор? (О статистических законах биологии) // Ботанический журнал. 1957. Т. 42, № 4. С. 596–609.
- Тахтаджян А. Л. Биосистематика: прошлое, настоящее, будущее // Ботанический журнал. 1970. Т. 55, № 3. С. 331–345.
- Тахтаджян А. Л. Макроэволюционные процессы в истории растительного мира // Ботанический журнал. 1983. Т. 68, № 12. С. 1593–1603.
- Тимофеев-Ресовский Н. В. Микроэволюция. Элементарные явления, материал и факторы микроэволюционного процесса // Ботанический журнал. 1958. Т. 43, № 3. С. 317–336.
- Тимофеев-Ресовский Н. В. К теории вида // Труды Института биологии УФАН. 1965. Вып. 44. С. 11–25.
- Тимофеев-Ресовский Н. В., Воронцов Н. Н., Яблоков А. В. Краткий очерк теории эволюции. М.: Наука, 1969. 301 с.
- Тимофеев-Ресовский Н. В., Яблоков А. В., Глотов Н. В. Очерк учения о популяции. М.: Наука, 1973. 277 с.
- Тихомиров А. А. Вина науки (Спинозизм и дарвинизм). М.: Типография Штаба Московского военного округа, 1907. 46 с.
- Тихомиров А. А. Самообман в науке и искусстве (Ч. Дарвин и гр. Л. Толстой). М.: Типография Штаба Московского военного округа, 1911. 37 с.
- Тихомиров Б. А. К биологии растений Крайнего Севера // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1950. Т. 54, № 4. С. 68–75.
- [Токин Б. П.] Речь и заключительное слово Б. П. Токина // Против механистического материализма и меньшевистствующего идеализма. М.-Л.: Медгиз, 1931. С. 8–34, 78–85.
- Толмачев А. И. О некоторых вопросах теории видообразования // Ботанический журнал. 1953. Т. 38, № 4. С. 530–555.
- Толмачев А. И. К столетию «Происхождения видов» Ч. Дарвина // Ботанический журнал. 1959. Т. 44, № 11. С. 1525–1537.
- Топчиев А. В. Вейсманистская реакция на службе расизма // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1948. Т. 53, № 6. С. 3–11.
- Трошин Д. М. Диалектико-материалистическая теория развития организмов // Философские проблемы современной биологии. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 288–317.
- Трошин Д. М. Значение труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» для биологической науки. М.: Госкультпросветиздат, 1952. 52 с.
- Трухинова А. Т. [Рецензия на статью:] В. В. Скрипчинский. Превращение озимых злаков в яровые и яровых в озимые в свете учения Ч. Дарвина. Бот. журн., 1955, 1 // Ботанический журнал. 1957. Т. 42, № 2. С. 313–321.
- Турбин Н. Мое мнение о теоретических взглядах акад. Т. Д. Лысенко // Литературная газета. 1947. 10 декабря. № 62 (2237). С. 4.
- Турбин Н. В. Дарвинизм и новое учение о виде // Ботанический журнал. 1952. Т. 37, № 6. С. 798–818.
- Турбин Н. В. О некоторых спорных вопросах видообразования // Вестник ЛГУ. 1953. № 7. С. 49–65.

- Турбин Н. В. За дарвинизм в теории видообразования // Вестник ЛГУ. 1954а. № 10. С. 31–42.
- Турбин Н. В. Когда нечего сказать по существу (ответ Н. И. Нуждину) // Журнал общей биологии. 1954б. Т. 15, № 3. С. 233–240.
- Турбин Н. В. О своеобразных приемах доказательства новой теории видообразования (ответ тов. А. Н. Студитскому) // Успехи современной биологии. 1954в. Т. 37, № 3. С. 361–365.
- Турбин Н. В., Хабарова А. Н. К методике вегетативной гибридизации // Ботанический журнал. 1949. Т. 34, № 6. С. 559–568.
- Ушаков Б. П. Физиология клетки и проблема вида в зоологии // Цитология. 1959. Т. 1, № 5. С. 541–565.
- Федоров В. К. О наследовании изменений в высшей нервной деятельности животных // Известия АН СССР, серия биологическая. 1953. № 5. С. 3–15.
- Федотов Д. М. О проблеме вида в палеонтологии и зоологии // Палеонтологическое обозрение. 1940. Вып. 2. С. 3–9.
- Федотов Д. М. Критический разбор основных и некоторых частных обобщений А. Н. Северцова и задачи современной морфологии животных // Зоологический журнал. 1955. Т. 34, № 1. С. 216–232.
- Фейнсон Н. И. О дискретности и разнокачественности наследственности // Достижения биологической науки. М.: Сельхозгиз, 1958. С. 32–35.
- Фейцаренко А. И. Получение пшеничных растений из ячменных зерен // Агробиология. 1952. № 4. С. 121–122.
- Фигуровский Н. А. Задачи исследований по истории науки // Вестник АН СССР. 1959. № 11. С. 28–32.
- Филин В. Р., Кожевникова А. Д. Воспоминания С. Ю. Липшица о Николае Ивановиче Вавилове и гербарии Московского государственного университета // Историко-биологические исследования. 2023. Т. 15, № 1. С. 129–148.
- Филипченко Ю. А. Биологические виды хермесов и их статистическое различие // Русский зоологический журнал. 1916. Т. 1. С. 261–285.
- Филипченко Ю. А. Эволюционная идея в биологии. М.: Наука, 1977. 228 с.
- Фиш Г. Превращение видов // Фиш Г. Мы обновляем землю. М.: Советский писатель, 1951. С. 7–52.
- Фиш Г. Худую траву — из поля вон! // Литературная газета. 1953. 4 июня. № 66(3095). С. 2.
- Фролов И. Т. О диалектико-материалистическом детерминизме в биологии // Ботанический журнал. 1958. Т. 43, № 6. С. 799–813.
- Фролов И. Т. Генетика и диалектика. М.: Наука, 1968. 360 с.
- Фролов И. Т. Философия и история генетики: поиски и дискуссии. М.: Наука, 1988. 414 с.
- Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб: А-Cad, 1994. 408 с.
- Халифман И. А. Проблема видообразования // Новый мир. 1953. № 8. С. 274–276.
- Халифман И. А. Догмы и жизнь: по поводу одного абзаца в одноименной статье в «Литературной газете» // Агробиология. 1954. № 3. С. 153–157.

- Халфин Л. Л. Дарвинизм, номогенез, международная стратиграфическая шкала (МСШ) // Методологические и философские проблемы геологии. Новосибирск: Наука, 1979. С. 198–221.
- Харланд С. К. Генетическая концепция вида // Успехи современной биологии. 1937. Т. 6, № 3. С. 512–543.
- Хейсин Е. М. Поведение взрослых *Ixodes persulcatus* R. Sch. в зависимости от температуры и влажности окружающей среды // Зоологический журнал. 1953. Т. 32, № 1. С. 77–87.
- Хозацкий Л. И. Определение вида в свете советского творческого дарвинизма // Тезисы докладов 6-й научной сессии ЛГУ. Л., 1949. 4 с
- Хозацкий Л. И. Структура вида и пути её дифференциации // Вестник ЛГУ, серия биологическая. 1957. № 21 (4). С. 155–159.
- Холодковский Н. А. О биологических видах // Известия Императорской Академии наук. Серия VI. 1910. Т. 4, № 10. С. 751–771.
- Хохлов С. С. «Новое в науке о биологическом виде» и практика сельского хозяйства // Ботанический журнал. 1954. Т. 39, № 3. С. 357–379.
- Хохлов С. С. Проблема видообразования в трудах И. В. Мичурина // Ботанический журнал. 1955. Т. 40, № 5. С. 667–679.
- Циттель К. Основы палеонтологии (палеозоология). Ч. 1. Беспозвоночные. Ленинград-Москва-Грозный-Новосибирск: Государственное научно-техническое горно-геолого-нефтяное издательство, 1934. 1056 с.
- Чернов С. А. Проблема вида // Труды ЗИН АН СССР. 1941. Т. 6, № 4. С. 5–15.
- Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 10: Статьи и рецензии 1862–1889 гг. М.: Гослитиздат, 1951. 1095 с.
- Чиркова Е. И. Вегетативная гибридизация и превращение видов // Агробиология. 1954. 1. С. 83–86.
- Шапиро Н. И. Мутационный процесс как адаптивный признак вида // Зоологический журнал. 1938. Т. 17, № 4. С. 592–601.
- Шаров А. Г. О путях и закономерностях видообразования // Зоологический журнал. 1955. Т. 34, № 3. С. 491–505.
- Шаталкин А. И. Реляционные концепции наследственности и борьба вокруг них в XX столетии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2015. 433 с.
- Шаталкин А. И. Политические мифы о советских биологах. О. Б. Лепешинская, Г. М. Бошнян, конформисты, ламаркисты и другие. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. 472 с.
- Шаталкин А. И., Михайлов К. Г. Евгений Сергеевич Смирнов — энтомолог, теоретик биологии и мыслитель // Russian Entomological Journal. 2024. V. 33, № 1. С. 139–145.
- Шварц С. С. К вопросу о специфике вида у позвоночных животных // Зоологический журнал. 1954. Т. 33, № 3. С. 507–524.
- Шварц С. С. Некоторые вопросы проблемы вида у наземных позвоночных // Труды Института биологии Уральского филиала АН СССР. 1959. Вып. 11. С. 3–130.
- Шварц С. С. Вид, подвид и порода // Труды Московского общества испытателей природы. 1972. Т. 48. С. 8–18.

- Шелковников С. С. К вопросу о «мальтузианстве» в биологии // Бюллетень МОИП, отдел биологический. 1954. Т. 59, № 3. С. 89–108.
- Шишкин Б. К. К вопросу о видообразовании // Ботанический журнал. 1954. Т. 39, № 2. С. 224–232.
- Шмальгаузен И. И. Факторы эволюции (теория стабилизирующего отбора). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946а. 396 с.
- Шмальгаузен И. И. Проблемы дарвинизма. М.: Советская наука, 1946б. 528 с.
- Шмальгаузен И. И. О детерминизме и статистических законах в учении о наследственности // Ботанический журнал. 1958. Т. 43, № 8. С. 1192–1195.
- Шмальгаузен И. И. Вопросы дарвинизма: неопубликованные работы. М.: Наука, 1990. 160 с.
- Шмальгаузен [А.] И., Формозов А., Сабинин Д., Юдинцев С. Наши возражения академику Т. Д. Лысенко // Литературная газета. 29 ноября 1947. № 59 (2374). С. 4.
- Шмидт Г. А. К проблеме скачка в эволюции // Журнал общей биологии. 1947. Т. 8, № 2. С. 83–100.
- Шумилова Л. В. О видообразовании у растений по Ч. Дарвину и Т. Д. Лысенко // Дискуссия по проблеме вида и видообразования. Ученые записки ТГУ, вып. 27. Томск: Изд-во ТГУ, 1956. С. 41–80.
- Щепотьев А. С. Биохимические основы эволюции // Новые идеи в биологии. Вып. 5. Биохимия. СПб: Образование, 1914. С. 1–58.
- Эвери О. Т., Мак-Леод К. М., Мак-Карти М. Исследования химической природы вещества, вызывающего превращение одного типа пневмококков в другой // Агробиология. 1946. № 3. С. 119–135.
- Энгельс Ф. Диалектика природы. М.: Госполитиздат, 1952. 328 с.
- Эрлих П., Холм Р. Процесс эволюции. М.: Мир, 1966. 330 с.
- Юзбашьян С. М. О регрессивных явлениях у пещерных Atyidae // Зоологический журнал. 1951. Т. 30, № 6. С. 499–512.
- Юзбашьян С. М. К дискуссии о советской палеонтологии // Известия АН СССР, серия биологическая. 1953. № 1. С. 119–125.
- Юзепчук С. В. Проблема вида в свете учения Дарвина // Советская ботаника. 1939. № 6–7. С. 12–34.
- Юзепчук С. В. Комаровская концепция вида, её историческое развитие и отражение во «Флоре СССР» // Проблема вида в ботанике. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Вып. 1. С. 130–204.
- Юнгерман А. Е., Макридин В. П. К вопросу о нынешнем состоянии советской палеонтологии и перспективах её развития // Известия АН СССР, серия биологическая. 1952. № 6. С. 111–118.
- Юрганов А. Л. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2019. 765 с.
- Юровицкий Ю. Г. К вопросу об изменчивости организмов // Зоологический журнал. 1957. Т. 36, № 6. С. 831–839.
- Юсуфов А. Г. Фундаментальные открытия советского агробиолога? // Историко-биологические исследования. 2015. Т. 7, № 2. С. 112–114.
- Яковлев Н. Н. Организм и среда (на палеонтологическом материале) // Журнал общей биологии. 1952. Т. 13, № 2. С. 143–152.

- Ярошенко П. Д. Основы учения о растительном покрове. М.: Географгиз, 1953. 352 с.
- Яцына Л. Т. Помнить о насущных запросах социалистического земледелия // Селекция и семеноводство. 1950. № 3. С. 76–79.
- Яцына Л. Т. О превращении видов у саранчи // Селекция и семеноводство. 1951. № 4. С. 27–31.
- Adams M. B. The founding of population genetics: contributions of the Chetverikov School, 1924–1934 // Journal of the History of Biology. 1968. V. 1, № 2. P. 163–178.
- Alpatov V. V. Die Definition der untersten systematischen Kategorien von Standpunkte des Studiums des Variabilität der Ameisen und der Crustaceen // Zoologischer Anzeiger. 1924. Bd. 60, № 5/6. S. 161–168.
- Arber A. Herbals, their origin and evolution. A chapter in the history of botany, 1470–1670. Cambridge: At the University Press, 1953. 326 p.
- Avery O. T, MacLeod C. M., McCarty M. Studies on the nature of the substance inducing transformation of pneumococcal types. Induction of transformation by a desoxyribonucleic acid fraction isolated from *Pneumococcus* Type III // Journal of Experimental Medicine. 1944. V. 79. P. 137–158.
- Bailey L. H. The modern systematist // Science. New series. 1917. V. 46, № 1200. P. 623–629.
- Bowler P. J. The Eclipse of Darwinism: Anti-Darwinian evolution theories in the decades around 1900. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1983. 291 p.
- Bowler P. J. Evolution: The history of an idea. Berkeley etc: University of California Press, 2009. 464 p.
- Burkhardt R. W. Lamarck, evolution, and the inheritance of acquired characters // Genetics. 2013. V. 194. P. 793–805.
- Cain A. J. Zoological classification // Aslib Proceedings. 1962. Vol. 14. P. 226–230.
- Cholodkovsky N. Zur Frage über die biologischen Arten // Biologisches Centralblatt. 1908. Bd. 28, № 24. S. 769–782.
- Cook R. C. Lysenko's Marxist genetics: Science or religion? // Journal of Heredity. 1949. V. 49. P. 169–202.
- Deichmann U. Early responses to Avery et al.'s paper on DNA as hereditary material // Historical Studies in the Physical and Biological Sciences. 2004. V. 34, № 2. P. 207–232.
- Dobzhansky T. A critique of the species concept in biology // Philosophy of Science. 1935. V. 2, № 3. 344–355.
- Ellegård A. Darwin and the general reader. Chicago-London: The Chicago University Press, 1990. 394 p.
- Frolowa S. L., Astaurov B. L. Die Chromosomengarnitur als systematisches Merkmal (Eine vergleichende Untersuchung der russischen und amerikanischen *Drosophila obscura* Fall.) // Zeitschrift für Zellforschung und mikroskopische Anatomie. 1929. Bd. 10, № 1. S. 201–213.
- Gaissinovitch A. E. The origins of Soviet genetics and the struggle with Lamarckism, 1922–1929 // Journal of the History of Biology. 1980. V. 13. P. 1–51.

- Gould S. J. Punctuated equilibrium. Cambridge (MA)-London: The Belknap Press, 2007. 396 p.
- Gould S. J., Eldredge N. Punctuated equilibria: the tempo and mode of evolution reconsidered // *Paleobiology*. 1977. V. 3. P. 115–151.
- Graham L. Lysenko's ghost: Epigenetics and Russia. Cambridge etc: Harvard University Press, 2016. 209 p.
- Harrison J. W. H. Experiments on the egg-laying instincts of the sawfly, *Pontania salicis* Christ, and their bearing on the inheritance of acquired characters, with some remarks on a new principle in evolution // *Proceedings of the Royal Society. Series B*. 1927. V. 101. P. 115–126.
- Hey J. Regarding the confusion between the population concept and Mayr's "population thinking" // *The Quarterly Review of Biology*. 2011. V. 86, № 4. P. 253–264.
- Huxley J. Introductory: Towards the New Systematics // Huxley J. (ed.) *The New Systematics*. Oxford: Clarendon Press, 1940. P. 1–46.
- Huxley J. *Evolution in Action*. New York: Harper & brothers, 1953. 182 p.
- Katsnelson M. I., Wolf Y. I., Koonin E. V. On the feasibility of saltational evolution // *Proceedings of the National Academy of Sciences U. S. A.* 2018. V. 116, № 42. P. 21068–21075.
- Kitcher P. *Species* // *Philosophy of Science*. 1984. V. 51. № 2. P. 308–333.
- Kolchinsky E. Current attempts at exonerating 'Lysenkoism' and their causes // *de Jong-Lambert W., Krementsov N. (Eds.). Lysenko controversy as a global phenomenon*. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. Vol. 2. Genetics and Agriculture in the Soviet Union and Beyond. P. 207–236.
- Kouprianov A. V. The "Soviet Creative Darwinism" (1930s–1950s): From the selective reading of Darwin's works to the transmutation of species // *Историко-биологические исследования*. 2011. Т. 3, № 3. С. 8–31.
- Lyubina G. I., Klavdieva M. M. The reaction of Soviet palaeontologists to the August 1948 Session of VASKhNIL (journal discussion in 1952/1953) // *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 2020. V. 579, № 012165. DOI: 10.1088/1755-1315/579/1/012165
- Makhrov A. A. A narrowing of the phenotypic diversity range after large rearrangements of the karyotype in Salmonidae: The relationship between saltational genome rearrangements and gradual adaptive evolution // *Genes*. 2017. V. 8, № 297. <https://doi.org/10.3390/genes8110297>
- Mayr E. Illiger and the biological species concept // *Journal of the History of Biology*. 1968. V. 1, № 2. P. 163–178.
- Mayr E. *The growth of biological thought*. Cambridge (MA): The Belknap Press, 1982. 974 p.
- Müller-Wille S. The Economy of Nature in Classical Natural History // *Историко-биологические исследования*. 2012. Т. 4, № 4. С. 38–49.
- Nussbaum J. Zur Beurteilung und Geschichte des Neolamarckismus // *Biologische Zentralblatt*. 1910. Bd. 30. S. 599–611.
- Nutting C. C. The perplexities of a systematist // *Science. New series*. 1903. V. 17, № 419. P. 63–72.

- Outram D.* Georges Cuvier: vocation, science and authority in post revolutionary France. Manchester: Manchester University Press, 1984. 299 p.
- Pavlinov I. Ya.* The species problem: A conceptual history. Boca Raton: CRC Press, 2023. 262 p.
- Plate L.* Selektionsprinzip und Probleme der Artbildung: Ein Handbuch des Darwinismus. 4. Auflage. Leipzig: W. Engelmann, 1913. 650 S.
- Prokofieva A. A.* Vergleichend-karyologische Studien von elf Arten der Familie Corixidae (Hemiptera, Heteroptera) // Zeitschrift für Zellforschung und mikroskopische Anatomie. 1933. Bd. 19, № 1. S. 1–27.
- Regan C. T.* Organic evolution // Report of the British Association for the Advancement of Science for 1925. 1926. P. 75–86.
- Richards R. A.* The species problem: A philosophical analysis. Cambridge etc: Cambridge University Press, 2010. 236 p.
- Rothschild W., Jordan K.* A revision of the American Papilios // Novitates Zoologicae. 1906. V. 13, № 3. P. 411–752.
- Ruse M.* Mystery of mysteries: is evolution a social construction? Cambridge (MA)-London: Harvard University Press, 1999. 296 p.
- Simpson G. G.* The species concept // Evolution. 1951. V. 5, № 4. P. 285–298.
- Smirnov E. S.* Probleme der exakten Systematik und Wege zu ihrer Lösung // Zoologischer Anzeiger. 1924. Bd. 61. S. 1–14.
- Smirnov E. S.* The theory of type and the natural system // Zeitschrift für induktive Abstammungs- und Vererbungslehre. 1925. Bd. 37. S. 28–66.
- Smirnoff E. S.* Über die Phylogenese der Kongregationen // Biologia Generalis. 1926. Bd. 2. S. 240–267.
- Smythe A. B., Forgrave K., Patti A.* et al. Untangling the ecology, taxonomy, and evolution of *Chaetogaster limnaei* (Oligochaeta: Naididae) species complex // Journal of Parasitology. 2015. V. 101, № 3. P. 320–326.
- Stein G. H. W.* Ökotypen beim Maulwurf, *Talpa europaea* L. (Mammalia) // Mitteilungen aus dem Museum für Naturkunde in Berlin. 1959. Bd. 35, № 1. S. 3–43.
- Stevens P. F.* The development of biological systematics. New York: Columbia University Press, 1994. 616 p.
- Theißen G.* Saltational evolution: hopeful monsters are here to stay // Theory in Biosciences. 2009. V. 128. P. 43–51.
- Todes D.* Darwin without Malthus: the struggle for existence in Russian evolutionary thought. New York etc.: Oxford University Press, 1989. 221 p.
- Turesson G.* The species and the variety as ecological units // Hereditas. 1922a. Vol. 3. № 1. P. 100–113.
- Turesson G.* The genotypical response of the plant species to the habitat // Hereditas. 1922b. Vol. 3. № 3. P. 211–350.
- Uvarov B. P.* A revision of the genus *Locusta* (*Pachytylus* Fish.), with a new theory as to the periodicity and migration of locusts // Bulletin of Entomological Research. 1921. V. 12. P. 135–163.
- Uvarov B. P., Zolotarevsky B. N.* Phases of locusts and their interrelations // Bulletin of Entomological Research. 1929. V. 20. P. 261–265.

- Valentine D. H.* The units of the experimental taxonomy // *Acta Biotheoretica*. 1949. Vol. 9. № 1–2. P. 75–88.
- Vernon K.* Desperately seeking status: Evolutionary systematics and the taxonomists' search for respectability 1940–60 // *British Journal of History of Science*. 1993. V. 26, № 2. P. 207–227.
- Vinarski M. V.* Pattern without process: Eugen Smirnov and the earliest project of numerical taxonomy (1923–1938) // *Journal of the History of Biology*. 2022. V. 55, № 3. P. 559–583.
- Wiley E. O.* The evolutionary species concept reconsidered // *Systematic Zoology*. 1978. V. 27. P. 17–26.
- Wilkins J. S.* *Species: A history of the idea*. Berkeley etc.: University of California Press, 2009a. 203 p.
- Wilkins J. S.* *Defining species: A sourcebook from Antiquity to today*. New York: Peter Lang, 2009b. 224 p.
- Zachos F. E.* *Species concepts in biology: Historical development, theoretical foundations, and practical relevance*. Cham: Springer, 2016. 220 p.
- Zirkle C.* The early history of the idea of the inheritance of acquired characters and of pangenesis // *Transactions of the American Philosophical Society*. 1946. V. 35. P. 91–151.

Научное издание

Максим Викторович Винарский

**«НОВОЕ УЧЕНИЕ О ВИДЕ»
ТРОФИМА ЛЫСЕНКО**

Тексты и контексты

*В оформлении обложки использована карикатура
из журнала «Крокодил» № 30, 30 октября 1948 г.*

Технический редактор *А. Б. Левкина*
Дизайн обложки *Е. А. Бескорцева*
Оригинал-макет *Л. А. Харитонов*

Подписано в печать 16.09.2024. Формат 60×90^{1/16}.
Усл. печ. л. 19. Тираж 300 экз. Печать цифровая.
Заказ № 203.

Отпечатано в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.
Тел. (812) 766-05-66. E-mail: book@renomespb.ru
ВКонтакте: http://vk.com/renome_spb
www.renomespб.ru

В монографии рассматриваются генезис, идейно-философские истоки и теоретическое содержание «нового учения о виде», предложенного Т. Д. Лысенко в 1948–1952 гг. Анализируются круг первоисточников, этапы становления, а также критической рецепции этой концепции сообществом советских биологов.

Особое место уделено дискуссиям о виде и видообразовании, протекавшим в 1950-е гг. во внеаучных контекстах (философский, публицистический, литературно-художественный). Отдельная глава посвящена оценке взглядов Т. Д. Лысенко на вид и видообразование с точки зрения биологии наших дней.

В целом, «новое учение о виде» можно оценить как мало оригинальный и эклектичный набор концептов, многие из которых не выдержали проверку временем. Никакого влияния на современную биологию это учение не оказывает.

ISBN 978-5-00125-967-1

9 785001 259671 >